

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIV

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

М. И. Артамонов

Редакционная коллегия:

**Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятин, Т. Н. Книпович,
В. А. Миханкова (ответственный секретарь), А. П. Окладников,
А. Ю. Якубовский**

СТАТЪИ

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

	Стр.
А. П. Окладников. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири	7
О. А. Артамонова - Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период	20
В. П. Шолов. О расселении меотских племен	102
Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах	124
Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.	139
Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги	170
Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги	187
Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания	217
А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества. V. Армянские монастыри XIII в. Хоракерт и Мшканк	245

Материалы

Л. Н. Соловьев. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии	265
А. Я. Брюсов. «Сетчатая» Керамика	287

А. П. ОКЛАДНИКОВ

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ У НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Среди памятников неолитического искусства Восточной Сибири первое место по праву принадлежит изображениям лося — сохатого, с которыми связаны были сложные мифологические представления и, в первую очередь, космогонические идеи, о чем мне уже не раз приходилось писать.¹

Однако наряду с ними здесь изредка встречаются также изображения и других животных, в том числе медведя. Одно из них — замечательное по тщательности работы изображение головы медведя на каменном «песте», найденном вблизи Братска в долине р. Оки (рис. 1).²

Голова медведя, очень искусно изображенная на этом изделии, заменяет рукоять, но сам по себе пест, несомненно, не был обыкновенным пестом в нашем смысле этого слова. Слишком необычны, с этой стороны, его пропорции: он очень длинный и тонкий, в отличие от обыкновенных пестов, коротких и массивных. Кроме того, вся поверхность его отшлифована с необычной для изделий такого рода тщательностью, а на нижнем конце не заметно следов какой-нибудь грубой работы. Судя по всему, братский пест служил каким-то другим целям, вероятнее всего, связанным с культом медведя, на что прямо указывает украшающая его скульптурная голова медведя.

Она является в своем роде таким же исключительным шедевром, как и лоси из Базаихи. Древний скульптор мастерски преодолел в ней сопротивление грубого камня и дал удивительный по реалистической силе образ лесного зверя, хозяина тайги. Как и в изображениях лосей, он передал только самое главное, наиболее существенное: большую голову с характерно выпуклым медвежьим лбом, длинную и тупую переднюю часть морды с косо поставленными ноздрями, длинную пасть, круглые маленькие уши и крутой выгиб нижних челюстей. Глаза никак

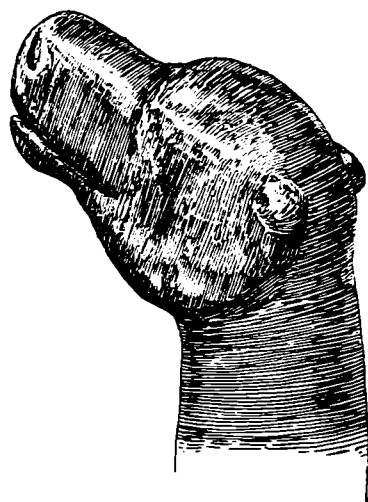

Рис. 1. Изображение медведя. Братск.

¹ А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1948. — Он же. О возникновении письменности в Якутии. Сб. «Древняя письменность якутов», Якутск, 1945. — Он же. История Якутии. т. I. Якутск, 1949 г.

² Хранится в Иркутском музее.

не выделены, не обозначены ни ямками, ни бугорками. Но в этом и нет никакой нужды, потому что они как бы невольно сами собой ощущаются там, где им должно быть. И было бы даже хуже, если бы мастер посадил там выпуклые бугорки или сделал ямки. Образ медведя только утратил бы свою законченность и цельность общего впечатления монументального спокойствия и сдержанной силы.

Не столь изящные по отделке песты с изображением головы медведя известны и из других пунктов на территории Прибайкалья.

Любопытно, что очень сходные с байкальскими каменные песты, украшенные на верхнем конце реалистически выполненными головами медведя, встречаются и в Северной Америке. В Британской Колумбии они изображали духа-хранителя, тотема (guardian spirit). Кроме того, заслуживает быть особо отмеченной превосходно сделанная полная фигура медведя, обнаруженная Я. Н. Ходукиным на Илиме, в культурном слое одной из наиболее богатых находками стоянок у д. Березовской.¹ Березовская фигурка — небольшого размера (длина ее не более 5 см). Она вырезана из оленьего рога. Медведь изображен в ней, скорее всего, в сидячей позе, с вытянутыми задними ногами, в то время как передние его ноги отсутствуют (рис. 2.)

Сидячая поза обычна для скульптурных изображений медведя и в современной этнографической скульптуре Севера, в том числе у амурских племен, где их обстоятельно изучил С. В. Иванов² (рис. 2, внизу справа).

На Амуре, как отметил еще Л. Шренк, «первое место между животными, идолы которых гиляки делают из дерева, принадлежит медведю».³ То же можно, отчасти, сказать и о гольдах.⁴

Существенно при этом, что современные изображения резко отличаются от древних, реалистических, своей схематичностью. «Медведи, — пишет С. В. Иванов, — изображаются в большинстве случаев или стоящими или сидящими. Те и другие лишены движения, имеют условные позы и упрощенные формы. Отдельные части тела иногда вовсе отсутствуют».

На писаницах Прибайкалья бесспорное изображение медведя известно только в одном случае — на рисунке у д. Свирской на левом берегу Ангары. По реалистичности этот уникальный рисунок может быть отчасти сопоставлен с серовскими изображениями лосей. Древний рисовальщик проявил в нем такую же острую наблюдательность и умение передать отличительные черты животного самыми скупыми средствами, как и древние скульпторы сибирского неолита, хотя его задача была еще труднее. Он должен был передать образ зверя не в полнокровной объемной форме, где мог располагать самыми различными пластическими средствами, а в строго силуэтной манере, одним сплошным и однотонным пятном краски. И, тем не менее, цель была достигнута. Медведь Свирской писаницы по-своему столь же реалистичен, как и скульптурные изображения. Он даже превосходит их в том отношении, что древнему мастеру удалось показать животное в определенной жизненной позе, в динамике ожесточенной борьбы за жизнь. В этом отношении Свирская писаница еще более резко отличается от современных

¹ Я. Н. Ходукин. Материалы к археологии реки Илима. Изв. ВСОРГО, т. LIII, 1926, стр. 117.

² С. В. Иванов. Медведь в искусстве народностей Амура. Сб. памяти В. Г. Богораза, Л., 1937.

³ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. III. 1903, стр. 114.

⁴ И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, табл. XXII, 51; XXV, 64.

этнографических изображений, чем скульптурные фигуры неолитического времени, по своей позе близкие к современным. Медведь представлен здесь в борьбе с антропоморфным существом, имеющим рогатую голову. В то время, как это существо, вооруженное рогатиной, нападает на зверя, последний сидит в обычной медвежьей позе, такой же как на резной фигурке с Илима, схватившись лапами за направленное в него копьё. Расплывчатое пятно темнокрасной выцветшей краски, выступающее на теплом желтоватом фоне скалы, соответствует неуклюжим

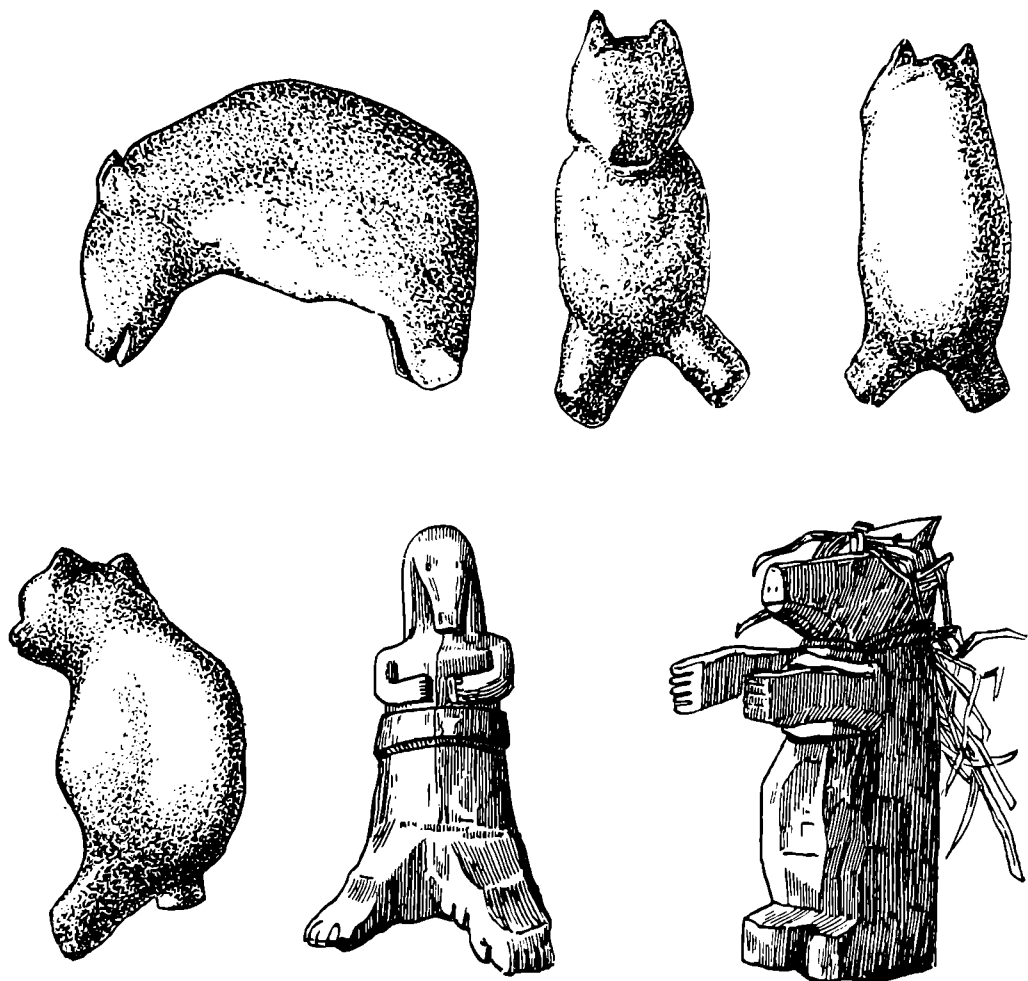

Рис. 2.

Вверху и первый слева внизу — фигурки медведя с р. Илима (неолит); справа внизу — деревянные фигурки медведя (Амур, нанайцы).

формам грузного медвежьего тела; мастером легко схвачены также общие профильные очертания морды зверя и его торчащие круглые уши.¹

Отмеченные образцы изображений лося и медведя в древнем искусстве народов Сибири дают право вспомнить о словах одного из лучших знатоков культуры северо-восточных племен Сибири, В. И. Иохельсона, который писал, что центральными персонажами звериного эпоса и мифологии здесь являются две фигуры — лось и медведь.

Хотя изображения медведя до сих пор остаются еще очень немногочисленными, они особенно ценны именно тем, что дают возможность констатировать для столь отдаленного времени, как неолит, отчетливые признаки этого широко распространенного в недавнем этногра-

¹ А. П. Окладников. Писаницы около пос. Свирского на Ангаре. КСИИМК, вып. XIV, 1946.

фическом прошлом культа медведя и полнее охарактеризовать мировоззрение древнейших племен Сибири. Правда, мы не можем полностью, прямо и определенно восстановить мысли и представления людей неолитического времени, да и никто и никогда этого сделать не может. Но мы вправе сказать другое: ясно, что в неолите Сибири уже существовал культ медведя, к которому так или иначе должны восходить религиозные представления и идеи, лежащие в основе медвежьего культа у народов Сибири. Отправляясь от них, можно ретроспективным путем обнаружить хотя бы основные элементы идей и представлений, вызвавших в свое время к жизни неолитические изображения медведя.

Самое яркое выражение медвежьего культа у народов Сибири, да и не только Сибири, но и Америки и северной части Восточной Европы, представляет медвежий праздник; с ним связаны многочисленные и сложные обряды, а также богатая мифология.

Как известно, главными моментами медвежьего праздника являются ритуальная борьба с медведем, умерщвление его и похороны.¹

Те же самые моменты имеют место в культе и тогда, когда не бывает настоящего, заранее подготовленного медвежьего праздника, подобного айнскому или хантскому, по случаю добычи любого медведя охотниками.

Именно борьба с медведем и умерщвление его является, как мы видим, сюжетом Свирской писаницы. Следы медвежьих похорон должны быть кости медведя на илимских стоянках, найденные при раскопках, произведенных Г. Ф. Дебецом в 1929 г. Можно не сомневаться, что такие похороны костей медведя, сопровождаемые определенной обрядностью, уже существовали в неолите Сибири, начиная с серовской стадии, если не ранее. Обрядность медвежьего праздника в принципе является, однако, лишь усложненным и далеко зашедшим в своем развитии вариантом охотничьих обрядов, сопровождающих убиение зверей, особенно же наиболее важных и чтимых животных, начиная с лося.

Оставляя, поэтому, в стороне весь большой и сложный комплекс вопросов, связанных с медвежьим праздником, остановимся на других, менее изученных вопросах, относящихся к культу медведя у народов Сибири и к идейному содержанию древнейших из известных нам сейчас неолитических изображений медведя в Прибайкалье. Сидячая фигура медведя с Илима замечательна в этом плане тем, что она чрезвычайно близка к многочисленным в этнографическом материале фигуркам медведя, которые употреблялись в шаманском культе, как изображения различных шаманских духов, судя по обстоятельствам, то полезных то вредных.² С. В. Иванов условно классифицирует их следующим образом: «а) духи — хозяева мест и хозяева медведей, способствующие успешной охоте и рыболовству; б) духи — покровители и помощники шамана; в) духи болезней», но, как пишет сам автор этой классификации, такое распределение духов по категориям имеет условный характер, ибо духи-хозяева медведей оказываются в то же время духами болезней или играют большую роль в шаманстве, покровители промыслов — помогают при болезнях, и т. д.

Еще важнее то обстоятельство, что сама по себе роль медведя в шаманстве объясняется рядом более общих идей и представлений, вытекающих из общего строя первобытной идеологии и из первобытного мировоззрения в целом.

¹ См. новейшую сводку о медвежьем празднике: Б. А. Васильев. Медвежий праздник. СЭ, вып. 4, 1948, стр. 78—104.

² С. В. Иванов, ук. соч., стр. 5.

Первая и основная такая идея — о происхождении определенных родов или племен от зооморфного предка, медведя, в одних случаях предка по женской линии, в других — по мужской.

В гольдской легенде, записанной Л. Я. Штернбергом, рассказывается, например, как женщина прижила с медведем детей, во всем похожих на человека. Когда дети выросли, мать сказала им, что она снова уходит к медведю, и предупредила их, чтобы они три года не стреляли в медведя: «Смотрите, три года не стреляйте, а то он меня убьет». Дети не послушались матери и на третий год нарушили запрет: «начали вскрывать — женский нагрудник увидели».¹

Во всяком случае даже и там, где в культе медведя нет как будто прямых указаний на его тотемические корни и на связь с эпохой материнского рода, следы такой связи все-таки обнаруживаются при более пристальном изучении. Таково, например, обыкновение охотников инсценировать после убийства медведя половой акт с тушей медведя, независимо от того, какого пола добытое животное.

«Это делается для того, чтобы доставить удовольствие медведю и расположить его к себе, так как, по воззрениям долган, медведь раньше был женщиной».² Маньси называли медведя «лесной» или «горной женщиной».³ Такие же воззрения были широко распространены и у других народов Сибири.

Нет никакого сомнения в том, что аналогичные идеи и обряды должны были существовать у неолитических племен тайги. Но все это еще не имеет каких-либо специфических черт, характерных только для медведя. Тем более важно отметить некоторые другие факты, позволяющие раскрыть не общие, а именно специфические черты медвежьего культа у народов Сибири. Отправным пунктом нашего анализа здесь может служить тот крайне любопытный факт, что отсутствие на писаницах рисунка медведя вовсе не может означать, что образ медведя в них вообще отсутствует.

На одном шаманском коврике из коллекции А. И. Масляникова, например, в центре изображены фигуры лося, дикого оленя и стоящая среди них в виде человека фигура медведя. Остальное поле усеяно фигурами лосей, диких оленей, исполненных черной краской, а в качестве духа-хозяина в каждом углу по одной стоящей фигуре медведя (рис. 3).⁴ Медведь, следовательно, изображается здесь не в своем собственном образе зверя, а в виде человекоподобного существа. Если стоять на аргументированной нами конкретными фактами точке зрения о связи писаниц с мифами, культами и космическими воззрениями лесных племен, то нетрудно, далее, убедиться в том, что культ лося и культ медведя в них должны быть неотделимы друг от друга, и в том, что изображение его в человеческом облике вполне закономерно и имеет глубокие корни в идеологии охотничьего населения сибирской тайги.

Известно, какое важное место в мифологии народов Севера принадлежит сюжету космической охоты на лося. Тем интереснее, что по этнографическим данным у тех же эвенков в самой тесной связи с ним находится и образ медведя.

¹ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 502—503. — Ср. аналогичные ульчские легенды: А. М. Золотарева. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, стр. 177—186.

² А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган. Сб. памяти В. Г. Богораза. Л., 1937, стр. 202. — N. Durenkova. Bear worship among the Turkish Tribes of Siberia, XXIII Intern. Congress of Americanists. Нью-Йорк, стр. 437

³ Б. А. Васильев, ук. соч., стр. 81.

⁴ Колл. Гос. Музея этнографии (Ленинград), № 1757-8. Этими сведениями я обязан А. Ф. Анисимову.

Согласно наблюдениям Е. И. Титова, во время медвежьего праздника кондогирских эвенков Прибайкалья они поступают следующим образом: «Убрав череп освежеванного медведя так, чтобы он совсем походил на голову живого, кладут его на лабаз вместе с кусочками от различных частей туши (сердца, „проходной кишки“ — прямой кишки, глаза, уха), завернутыми в „мошник“, лицом по направлению к западной стороне и, повторяя извинения, испрашивая успеха в промысле, машут рукой на западную сторону, куда медведь должен отправиться. Эта дорога, по которой уходит Млечный путь — Мангі шуушннгдан „медведь по снегу прошел на лыжах“. Тунгусы рассказывают, что медведь гнался за лосем (токи) по снежной дороге, что пересекла ночное небо с востока на запад, и задавил его на середине пути. „Вертук“ лосиный остался влево возле тропы „токи дуукі“ (Орион), а нога валяется на правой стороне „токи халганін“ (Большая Медведица). По этой ноге тунгусы считают ночное время. Потом медведь ушел на запад уже усталый и обожравшийся, так что под конец даже едва волочил ноги — из одной тропы сделал две!»¹

Как следует из тунгусского мифа, несомненно отражающего верования отдаленных времен, космическим охотником за лосем является вовсе не человек и даже не антропоморфное божественное существо, а зверь, медведь.

В связи с этим нельзя не вспомнить и одной любопытной, но непонятной на первый взгляд детали древнего тунгусского обряда выборов военного вождя. Как рассказывали А. Ф. Анисимову знатоки старых обычаев, «у каждого рода прежде был свой военный вождь. В военные вожди выбирался, можно сказать, самый бойкий человек, самый храбрый воин. Сначала выбирали сами сородичи. Затем посылали выбранного к родовому шаману. Родовой шаман совершал обряд посвящения в военные вожди. Для этого у шамана делали шесть шаманских помостов: первый мангі (медведь), второй буга (лось), третий бугады, четвертый hatala, пятый тэмулэн, шестой Burisin. Эти помосты душу человека держат. Если военный вождь рода в то время, когда шаман от этих помостов стреляет в него из лука, прыгая с помоста на помост, оступится, то это худо».

В другом случае, описывая сбор родственных друг другу родовых объединений, рассказчик точно также отмечает устройство аналогичных помостов или жертвенников: «Четыре рода первыми пришли на место племенного сбора. Живя на одном условленном месте сбора, закончили всю подготовку к племенному сбору. Сравнили землю, обтесали деревья, чтобы, где бы ни сходились, чисто было. Шаманских жертвенников сделали два, название одному из них «hatala» (медведь). На левое дерево поставили, а на правом (т. е. на правую сторону площадки) сделали lukuçon (сохатого); посредине натянули покрывку чума. От деревьев натянули ременные арканы; на одной хорде (ремне натянутом) десять ременных арканов вокруг обвили. За одну половину десять человек, за другую десять, посредине два человека, очень сильных, стали держать.

«Два жертвенника были по обе стороны, на правой был жертвенник сохатый, на левой — медведь. Те два зверя поддерживали вождей, сердца их. От этих зверей надеялись промыслового зверя больше получить, найти какого-нибудь».

¹ Е. И. Титов. Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов кондогирского рода (Баргузинский округ северо-западного Забайкалья). Сибирская живая старина, Этнографический сборник, 1, изд. ВСОРГО, Иркутск, 1923, стр. 96.

«Жертвенники поддерживали двое мужчин, самые сильные жертвенник поддерживали. На одной половине десять воинов богатырей средних и на другой стороне десять богатыришек средних. Военные вожди фратрии двое: на одной половине и на другой половине по одному. Двое богатырей (военные вожди фратрии) вперед навстречу друг другу побежали, остальные богатыришки позади их гуськом побежали. Арканы ременные как раз порвали, покрывку кожаную от чума как раз посре-

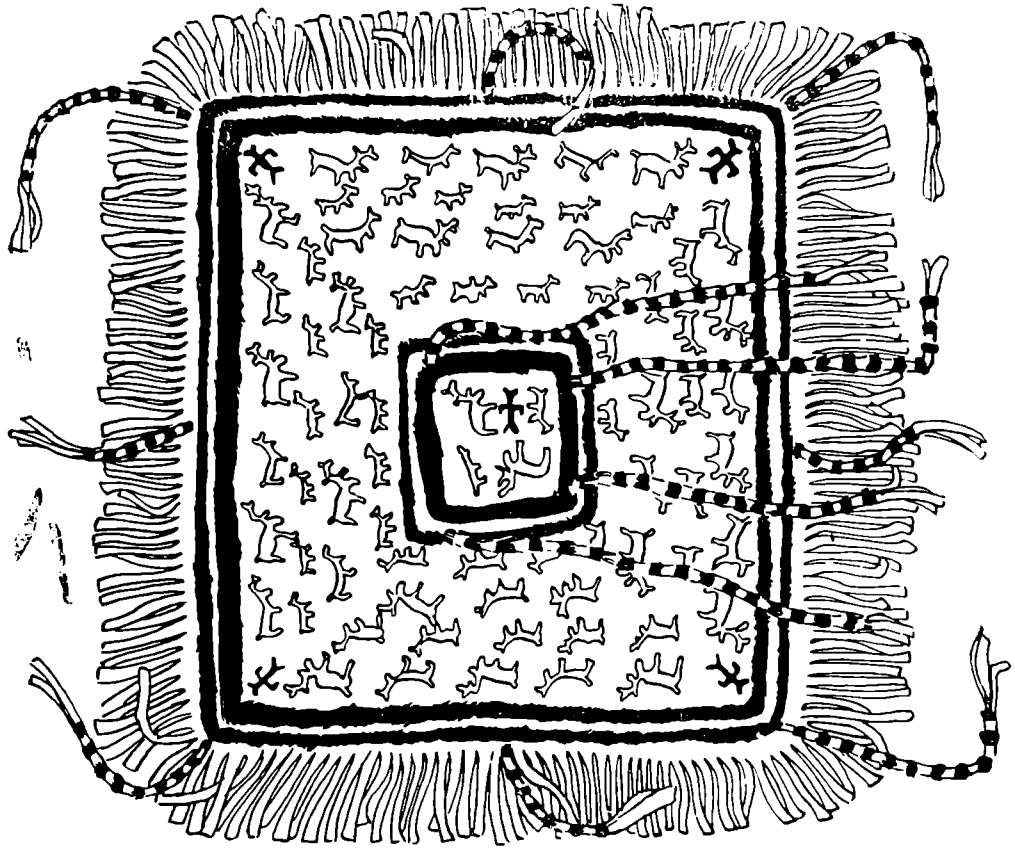

Рис. 3. Тунгусский шаманский коврик дэтур с антропоморфными изображениями оленей и медведей.

дине порвали. Порвав покрывку и ремни, свитые в десять, каждый словно веревку скрутили. Потом между собою схватились. Багдаль был осилен (Хилькиче, военный вождь фратрии Чемделей, победил военного вождя фратрии Багдамилей), другие богатыришки чемдели тогда одержали верх над богатыришками Багдамилей. То они поборолы своих родственников по браку». ¹

Отсюда следует, что два зверя — лось и медведь — соответствовали двум разным фратриям племени, были их воображаемыми покровителями, или, как говорит предание, «поддерживали сердца их вождей». Тот же факт, что обрядовое состязание двух фратрий из-за первенства

¹ Роль медведя как охотника очень ярко выражена и в тунгусских мифах. См.: Г. М. В а с и л е в и ч. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1937, стр. 16, 27. Следует отметить, что у степных племен тоже имеются представления о звере-охотнике, преследующем дичь. Но в степных мифах место зверя-охотника принадлежит не медведю, а собакам или волкам. Так, например, созвездие Большой Медведицы называется у казахов Джеты Каракчи. Такое название объясняется преданием, рассказывающем, что звезды эти представляют собою семь волков, которые гонятся за убегающими от них двумя людьми (Л е в ш и н. Описание Киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, стр. 147).

в племени было непосредственно связано с противостоящими друг другу жертвенниками медведи и сохатого, указывает на воображаемое участие самих зверей-тотемов в этой борьбе.¹

Чтобы вполне понять это обстоятельство и уяснить его корни, нужно вспомнить, как быстро в сознании легковерных шаманистов совершался переход от обыденной, земной действительности к совершенно другой, нереальной жизни, как естественно и просто перемещались люди и вещи из мира реального в потусторонний мир шаманских иллюзий и чудес.

Более того, известно как в сознании шаманистов тесно связаны были судьбы отдельного рода или племени с судьбами целой вселенной и как легко обыкновенные человеческие дела переходили в сверхестественные, космические масштабы. Стоило загреметь шаманскому бубну и раздаться магическим заклинаниям, как хоровод обыкновенных эвенков превращался в бесконечный круговорот космической охоты в погоне за чудесным златорогим оленем по сияющим небесным высям и темным глубинам подземного мира.

Неудивительно поэтому и то, что реальное состязание двух фратрий воспринималось как мистическая борьба двух тотемов, как та же самая космическая охота сверхестественного медведя за таким же космическим лосем — вселенной. Это был, следовательно, хорошо знакомый всем исследователям истории религии старый, дуалистический сюжет о борьбе верха и низа, добра и зла, мрака и света, жизни и смерти, светлого и темного начала, но окрашенный здесь суровым и диким колоритом первобытной охотничьей жизни обитателей сибирской тайги.²

Очень интересна и концовка эвенковского предания — рассказа о борьбе двух фратрий, которая позволяла уточнить понятия, связанные с каждой из борющихся сторон. Шаман, говорится в конце предания, «шаманил обо всех соплеменниках. Он двумя теми зверями предсказывал родов своих жизнь. Лукучон (сохатый) стал в дальнейшем средством для того, чтобы найти зверей; хатала (медведь) стал средством, чтобы найти духов шаманской колотушки».³

Мифический сохатый имеет, следовательно, здесь прямое отношение к охотничьей магии и привлечению зверей. Это дает право вспомнить о лосихе-бугады, даятельнице охотничьей добычи. Лосиха-бугады и лукучон-сохатый, с помощью которого привлекают зверей, являются, должно быть, конкретными вариантами одного и того же понятия, одной и той же в основе идеи.

Что же касается медведя, то он появляется в такой же интимной связи с духами шаманской колотушки, т. е. с шаманством и шаманами. Закономерный характер этой связи виден и в совпадении терминов, которые употребляются для обозначения медведя, с одной стороны, духа-предка, с другой.

И тот и другой называются в эвенкийском языке одинаково — манги.⁴ Между тем, с понятием о первом предке нередко связываются представления о культурном герое, который учит людей всем искус-

¹ А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 167—177. О дуальной организации и связанных с ней обрядовых состязаниях и мифах см.: А. М. Золотарев, ук. соч., стр. 135—139, 143—149.

² Ср. описание аналогичного соревнования двух экзогамных секций — «лесных людей» и «водяных людей» у ульчей: Золотарев, ук. соч.

³ Анисимов, ук. соч., стр. 179.

⁴ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектический словарь. Л., 1934. — Она же. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М., 1940, стр. 80.

ствам, всем тайнам культа или даже приносит им огонь и вдвует в них живую человеческую душу, является первым художником, первым кузнецом и шаманом.¹

После этого не удивительно, что именно манги — предок в медвежьем облике — представлен в эвенкском мифе как покровитель шаманства и шаманов.

В то же самое время эвенкский культурный герой медведь-богоборец и первый шаман-манги — по самому своему наименованию ясно обнаруживает сходство с древним мифическим образом страшного хтонического чудовища, которое носит у сибирских народов наименование «мангыс», «монгус», «мангатхай».²

Мангыс центральноазиатских мифов не только людоед, но и космическое чудовище — «обжора». Дархаты, например, объясняли затмение тем, что луну глотает семидесятиголовый Мангыс, которого разбил пополам Очирвани за то, что он выпил у Бурхан-Бакши воду жизни — «аршан». Получив от Бурхана-Бакши громовую стрелу — очир, Очирвани догнал Мангыса, разбил его, а мочу, в которой содержалась живая вода, выпил; после этого он стал синим, каким его и рисуют художники-ламы.³

Как грозный космический охотник, мифический медведь обнаруживает не менее тесную связь с небесным стрелком — громовником, который, как хорошо выяснил в свое время Г. Н. Потанин, у многих центральноазиатских и сибирских племен мыслится в медвежьем облике.⁴ Медведь означает здесь само небо или, вернее, его зооморфное олицетворение, что находит свое отражение и еще в одном эвенкском термине, обозначающем медведя — «амака». Это слово означает у эвенков не только медведя, но и «бога», т. е. хозяина верхнего мира.⁵

В полном соответствии с такими идеями курильские айны называли медведя «горным богом», или «сыном горного бога», нивхи (гиляки) — «горным человеком», божественным «сородичем хозяина гор» и т. д., так как понятия «гора» и «небо» семантически равноценны.

В магических песнях финнов (Luotsi-runoin) говорится, что медведь родился на небе.⁶ По словам И. С. Полякова, остяки (хантэ) называли медведя сыном неба, оставившим небо вопреки отцовской воле.⁷

Маньси (вогулы) считали медведя сыном или дочерью небесного властителя Нуми-Торыма. Сам же Нуми-Торым был ничем иным, как полумедведем-получеловеком. В ритуальных песнях и эпосе его называли «зубастым», с «когтями на руках», а в медвежьей песне, которую пели перед головой и шкурой медведя, медведь прямо отождествлялся с Торымом: «Сидишь ты как великий Торым. Почитают тебя великим Пупыхом, почитают великим Торымом».⁸

Аналогичная связь понятий «небо» и «медведь» прослежена Г. Н. Потаниным на материале тувинского языка, где кайкаран, или хайрхан, тоже означает небо, но вместе с тем и медведя.

¹ Н. Харузин. Медвежья присяга и тотемическая основа культа медведя у остяков и вогулов. ЭО, № 4, 1898.

² Г. Н. Потанин. Громовник по поверьям южной Сибири и северной Монголии. ЖМНП, январь, 1882. Ср., например, описание монгусов в монгольском эпосе: Б. Я. Владимирцев. Монголо-ойратский героический эпос. 1923, стр. 69.

³ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 192.

⁴ Потанин. Громовник. — И. С. Поляков. Письма и отчеты о путешествиях в долину р. Оби. Прил. к т. XXX «Записок Академии Наук» (№ 2, стр. 64).

⁵ Г. М. Васильевич. Эвенкийско-русский словарь, 1934, стр. 5.

⁶ Васильев, ук. соч., стр. 81.

⁷ Поляков, ук. соч.

⁸ Там же.

Тувинцы на Улухеме и Хуахеме рассказывали ему что есть два кайкарана: один небесный, производящий гром, это Кайкаран-Кудай; другой, живущий на земле в лесу (т. е. медведь). Улы-Кайкаран обитает, говорили они, вверху вместе с солнцем и луной.¹

Урянхаец Ульбо из кости (рода) Кыргыз рассказывал ему также, что гром производит Улы-Кайкаран. Он зимует на земле, на высоких горах, а летом поднимается на небо. Место его зимовки недоступно. Ни один человек не в состоянии его видеть. Где он зимует, — пар стоит. Улы-Кайкаран бросает молнии в чокур-курюка (полосатого бурундука), на которого почему-то сердит.²

Кайкаран, Кайкаран-Кудай, или Улу-Кайкаран (т. е. грозный, великий Кайкаран) тувинцев, таким образом, есть не просто небо-медведь, а грозное небо-медведь, сверкающее молниями, с которого сыплются раскаты грома.

Для полноты картины следует принять во внимание, что космический герой — громовник и охотник за небесным оленем или лосем нередко вообще рисуется в отрицательном облике, с чертами насильника, нарушителя законов, даже клятвопреступника. Совершенно естественно, что в таком же виде выступает эвенкийский космический герой — медведь, манги, или мани. Если в одном мифе, записанном М. Ошаровым в Туруханском крае, мани (манги) выступает в роли благодетеля человечества, возвращающего ему сияние солнца, похищенного чудовищным лосем Хогленом, то в другом это злое чудовище — сам Мани. Рассказ в этом последнем случае идет о двух «безродных» сестрах, имен которых «никто не знает». Уйдя в месяц сараны из своего чума копать на зиму корни сараны, они вдруг услышали плач ребенка и нашли чудесную оловянную зыбку, в которой лежал грудной мальчик. Начало мифа, таким образом, удивительно похоже на пролог бурятской родословной саги об Асуйхэн и Хусухэн и обнаруженной ими в лесу зыбке с чудесным младенцем. Речь идет, следовательно, о мифических прародителях рода. Но далее все неожиданно меняется. Сага о прародителях переходит в рассказ о мифических людоедах, со всеми его обычными аксессуарами. Начинается с того, что появляется гигант-людоед, который вытягивает двух огромных червей, кладет их в котел и поет:

Женщины ели рыбу. Она им нравится.
Черви, черви, сделайте сигамаи.
Когда женщины разжиреют,
Тогда я их съем!

Испуганные сестры пытаются затем убить ребенка, залив его, как это всегда водится с демоническими существами, расплавленным оловом. Но как только расплавили олово и вылили горячий металл на закрытого одеялом младенца, перед ними с постели встает сам гигант Мани, одетый в оловянный пояс.

Перед слушателями разворачивается дальше новый традиционный сюжет — магического бегства, злым героем которого оказывается Мани, преследующий свою добычу, беззащитных женщин, так же, как его двойник преследует космического оленя.

Сестры на бегу бросают позади себя женскую сумочку кодэрорун, заклиная ее: «Кодэрорун! Стань горами-хребтами!» Мани отстает, но затем в свою очередь заклинает чудесную сумочку: «Разорвитесь, крутые горы, образовавшиеся из женского кодэроруна, дайте мне проход!»

¹ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, IV, стр. 77.

² Там же, стр. 139.

Мани снова настагает женщин, но они бросают теперь точильный брусок, встающий перед людоедом непроходимым утесом. После этого они бросают скребок — чучун, чтобы он окружил Мани, как кольцом, горой с непроходимым лесом, но Мани превращается в маленького муравья и выползает по узкой трещине из каменного кольца.

Наконец, сестры бросают позади себя последнее — гребень из рога сохатого. Из гребня вырастает много гор с каменными зубцами, покрытыми густой тайгой, в которой и затерялся маленьким муравьем гигант Мани.¹

В других вариантах, особенно остро подчеркивающих космическую основу мифа, сказание о борьбе «верха» и «низа», добра и зла, сестры бросают свои бисерные пояса, которые превращаются в сверкающие разноцветными огнями радуги и слепят Мани.

Так же, как в библейском ветхозаветном мифе о всемирном потопе, радуга и здесь оказывается знаменем спасения, символом жизни и счастья, знаком победы над грозной хтонической стихией. Заслуживает быть отмеченным в данной связи и то, что в мифологии центральноазиатских племен космический образ медведя имеет особый отпечаток, объединяющий его с образом скованного Прометея, с одной стороны, и еще ближе, еще теснее — с образом зооморфного космического стрелка сына неба, центральноазиатской мифологии, распятого или прикованного в средоточии мира, где сходятся линии всех четырех стран света.

У бурят есть поверие о самой высокой горе на Ольхоне, Ижимей, на которой находится бессмертный медведь в цепях. На эту гору во времена Черского буряты не осмеливались всходить.²

В якутском фольклоре известен грозный медведь Ага-Огус, который по ночам обращался в Эрень-Кыла, т. е. змея, и в этом виде летал по всему свету, причиняя болезнь и смерть людям. Богатырь Халлан-Уола-Мохсогол заковал его в железные цепи и запер в подземелье.³

Как это часто бывает, в последнем случае произошло раздвоение одного образа на два. В свете других фактов не может быть, однако, сомнения, что скованный железными цепями медведь и есть тот же самый сын неба, грозный стрелок и насильник, который у якутов называется Халлан-Уола, а у алтайцев Когутэм. Если он вырвется, настанет конец мира, потому что ничто уже не сможет сдержать дикого космического охотника в погоне за его добычей — златорогим оленем-солнцем, за небесным лосем или маралом.⁴

По этой причине нашего зооморфного Прометея и держат закованным в цепи или подвергают другим тяжким наказаниям.⁵

В связи со сказанным встает другой важный вопрос: насколько древним является представление о медведе как мужском предке по шаманской линии. Обычно полагают, что представление о предке-мужчине связано с отцовским родом и соответствует господствующей роли мужчины в семье. Вообще это, конечно, верно. Но отсюда еще вовсе не следует, что

¹ Г. М. В а с и л е в и ч. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 280—281.

² Г. Н. П о т а н и н. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 215.

³ Там же, стр. 646.

⁴ Г. Н. П о т а н и н. Громовник по поверьям южной Сибири и северной Монголии.

⁵ Представление о том, что погоня космического охотника-зверя грозит гибелью вселенной и он подвергается за это жестокому наказанию, проходит красной нитью через весь мировой запас фольклорных сведений о звездах и небесном мире. Так, например, в уже цитированной легенде казахов о созвездии Большой Медведицы, Джеты-Каракчи, говорится, что, когда волки догонят преследуемых лошадей и расорвут их, наступит светопреставление и мир погибнет.

в мифологии эпохи материнского рода не существовало мужских образов и богов. Последние, конечно, существовали и имели определенное значение во всей системе образов первобытного мировоззрения.

На своеобразный характер этих образов бросает свет уже такой древний и, вместе с тем, исключительный памятник, как известная группа палеолитических барельефов Лосселя, блестяще расшифрованных С. Н. Замятниным, а также аналогичные по сюжету рисунки из капсийской области палеолитического искусства, как, например, изображение в Тиу. На всех этих рисунках представлена одна и та же сцена: вооруженный мужчина-охотник убивает зверя в то время, как женщина колдовскими чарами привлекает к нему зверей.¹

В этих барельефах как бы нашло, таким образом, свое отражение реальное разделение труда в первобытной общине между женщиной и мужчиной: женщина загоняет зверя, мужчина умерщвляет его. Но в сознании дикаря этот простой факт преломился по-своему, не только в магическом плане, но и соответственно строю его собственной жизни.

Рассматривая окружающий мир и его устройство с точки зрения устройства родовой общины, первобытный человек переносил на свои отношения с миром животных реальные отношения родового быта с важнейшим для него законом экзогамии. Мир зверей выступает в этих отношениях как вторая половина эндогамного племени, связанная с первой, людской, отношениями экзогамного брака.

При этом, с точки зрения мужчины-охотника, женское начало в его собственной общине согласно закону сопричастия закономерно отождествлялось с звериным коллективом. На одном полюсе оставался охотник-мужчина, а на другом — женщина и охотничья добыча. Именно эта простая идея лежит в основе древнейшей жертвенной обрядности сибирских племен, всех этих тюленых, китовых и тому подобных гиперборейских празднеств в честь умирающего и воскресающего зверя.

Их участники, как еще картинно и образно писал Степан Крашенинников, делятся на два лагеря: лагерь убийц-мужчин и лагерь женщин-плакальщиц, изображающих собою жертвенных зверей и сопричастных к Звериному сонму.

Если бы потребовалось, можно было бы на множестве примеров развить и углубить эту тему, но здесь для нас достаточно и сказанного.

Рассматривая с этой точки зрения образ медведя в мифологии лесных племен, мы легко можем объяснить все те специфические черты, о которых говорилось. Медведь-охотник, как мы видели, соответствует здесь мужской части первобытного коллектива, а его космическая добыча, лось, соответствует женской. И совершенно естественным образом этот древний, палеолитический по происхождению, образ зверя-охотника, покровителя мужской группы, связан также с дуалистическими мифами, не менее древними, чем само человеческое сознание.

Именно как активный элемент в борьбе, как насильник и убийца, он совершенно закономерно является одним из двух героев космической драмы, и вместе с тем, он закономерно должен был выступить уже не в облике зверя, а в человеческом образе, как мужчина, хотя и оставался при всем этом в сознании древнего охотника медведем. Образ медведя на писаницах находится, таким образом, в прямой связи с древней дуалистической мифологией и сюжетом космической охоты. Антропоморфный медведь-мужчина этих наскальных рисунков в ряде случаев тоже должно быть — прямой предок мужчины Манги, или Мани совре-

¹ С. Н. З а м я т н и н. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона, ЦЧО). Палеолит и неолит СССР. ИГАИМК, вып. 118, стр. 74—76.

менного фольклора; да и назывался он, должно быть, этим самым именем, о древности которого свидетельствует уже его широкое распространение среди так называемых «уралоалтайских» племен и народов.

Остается еще один последний штрих этой картины. Нам хорошо знакомы каменные песты с головами медведя. Мы знаем, что такие песты с медвежьими головами являются лишь одним из вариантов широко распространенных пестов фаллического типа, уже самым своим видом связанных с идеей плодородия, идеей воспроизводства. В связи с этим важно иметь в виду, что у индейцев дакота на весеннем празднике-игрище мужчины, переодетые бизонами, употребляли искусственные фаллусы, предназначенные для магического оплодотворения бизоньих самок и размножения бизонов. Фаллический по типу пест с головой медведя является в свете этих данных таким же магическим средством размножения изображенной на нем породы зверей.¹

Вместе с тем нам известно, что совершенно аналогичные песты с медвежьей головой в Северной Америке считались изображениями *guardian spirit*, т. е. в конечном счете зооморфного тотема-предка. Таким образом, встает вопрос о существовании в неолите Сибири, еще в условиях материнского рода, представления о предках мужского, а не только лишь женского рода.

Однако обычно полагают, что в эпоху материнского рода вообще не было представления ни о мужских предках, ни о действительной роли мужчины в воспроизводстве человеческого рода. Но это вряд ли правильно. Дело в том, что здесь к идеологии материнского рода суммарно относят и те представления, которые возникли в борьбе между женским и мужским началом на этапе первоначального становления отцовского рода, такие идеи, где женщины как бы демонстративно и тенденциозно отрицали самое право мужчин на детей, а мужчины, напротив, с такой же энергией старались отнять у них это право. С этим именно этапом или, скорее, полосой в развитии отцовского рода и следует, очевидно, связывать обостренное оформление мотива о преступлении и наказании медведя как убийцы, насильника и олицетворения зла, т. е. мотив, зерно которого содержалось уже в дуалистическом мировоззрении изначальной древности.

В действительности же и для более раннего времени, очевидно, нельзя исключать мысли о творческой роли мужчины в половом акте и связанных с ней фаллических культах, как нельзя вообще полностью исключать возможность наличия в пантеоне материнского рода мужских духов-предков.

В таком случае песты с медвежьими головами из Прибайкалья и Северной Америки найдут свое объяснение как драгоценные свидетельства культа именно мужского предка — медведя, символизирующего активное мужское начало в матриархальном еще обществе лесных охотников и в их космогонии.

О. А. АРТАМОНОВА-ПОЛТАВЦЕВА

КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В СКИФСКИЙ
ПЕРИОД

1. МОГИЛЬНИК ИСТИ-СУ

Раскопки северокавказской экспедиции 1937 и 1938 гг.

*Посвящается светлой памяти
Андрея Павловича Круглова*

Могильник у сел. Исти-су был открыт случайно. В 1937 г. при рытье котлована к юго-востоку от г. Гудермес рабочие обнаружили древние погребения. Всего погребений было найдено четыре. По словам рабочего Т. С. Шарاپова, скелеты в могилах лежали на спине, и возле них по бокам стояли глиняные сосуды, по два при каждом. Сосуды, кроме одной миски, были раздавлены землей и поэтому оставлены на месте. При одном скелете, кроме сосудов, были обнаружены и другие предметы: бронзовые бляхи, браслеты, фибулы, бронзовая цепь и др. Эти находки были доставлены Шараповым вместе с единственной миской в Грозненский музей, где их увидел начальник Северокавказской экспедиции ГАИМК М. И. Артамонов. Ознакомившись с доставленными материалами, М. И. Артамонов с сотрудниками выехал в сел. Исти-су, расположенное у подножья Качкалыковского хребта, тянущегося с востоко-юго-востока на запад-северо-запад и являющегося первой грядой северокавказского предгорья (рис. 1).

Качкалыковский хребет невысок и покрыт лесом и кустарником. В 4 км к западу от сел. Исти-су, на северном склоне хребта, на его пологом спуске между двумя поперечными оврагами были вырыты два котлована (размером в среднем 15×7 м). На месте строительных работ в выкидах земли экспедицией было собрано большое количество костей и обломков керамики. К юго-западу от этого места был заложен раскоп (рис. 2). Работами руководил М. И. Артамонов, в раскопках принимали участие: А. В. Мачинский, А. А. Гаврилова, А. С. Боброва, М. Куркиев и М. Г. Агоронян. Экспедицией было вскрыто восемь погребений. В следующем году под руководством начальника отряда Северокавказской экспедиции А. В. Мачинского при участии А. П. Круглова, А. А. Гавриловой, М. Э. Паничкиной, В. Н. Полторацкой и Е. Е. Левдикова раскопки производились к востоку от котлована. На значительно большей площади, чем раскопанная в 1937 г., было обнаружено одиннадцать погребений.

Итак, за два года работ в могильнике Исти-су исследовано девятнадцать погребений, из которых далеко не все дошли до нас непотревожен-

ными. Кроме того, как указано, четыре погребения были обнаружены рабочими.

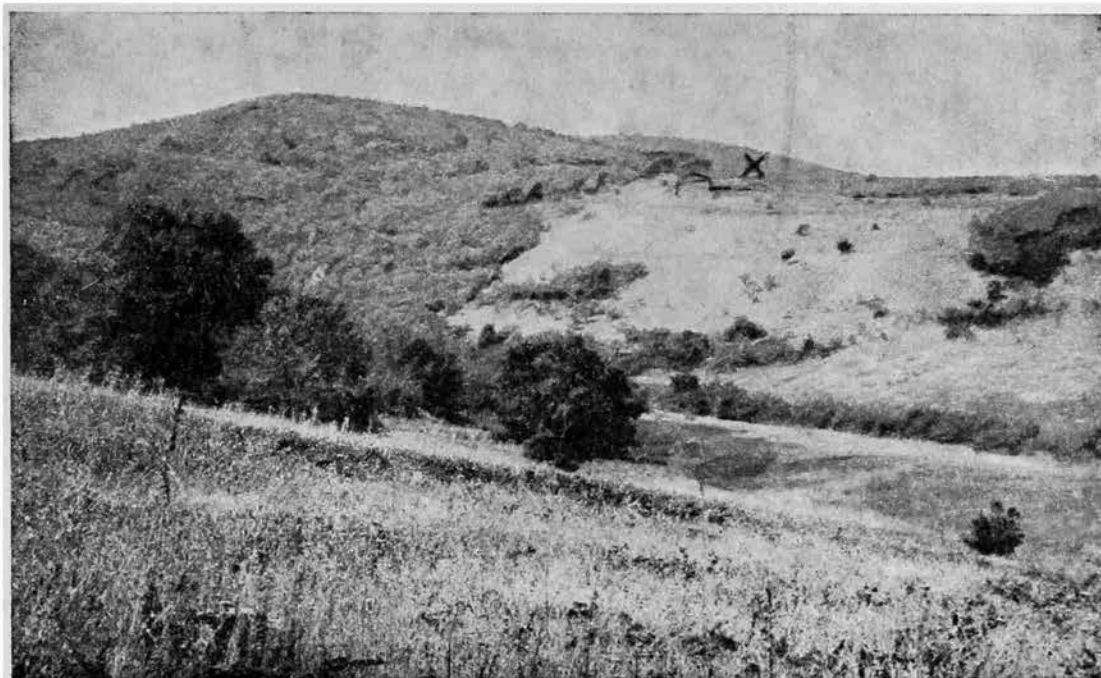

Рис. 1. Могильник Исти-су. Общий вид с юго-востока.

Погребения не имеют никаких внешних признаков и обнаруживаются только при значительном углублении в землю, так как поверхность

Рис. 2. Площадь могильника Исти-су. Вид сверху. (Раскоп 1937 г.).

площадки сильно пострадала дважды — в наше время при строительных работах и еще в древности. В первых веках нашей эры на месте мо-

гильника находилось поселение, культурный слой которого и сейчас перекрывает могилы; поселение занимало площадь значительно бóльшую, чем могильник.

Во время работ экспедиции часть площади могильника занимали сараи, котлованы и груды земли, сильно затруднявшие археологические работы. Обследовать могильник полностью не удалось, и границы его

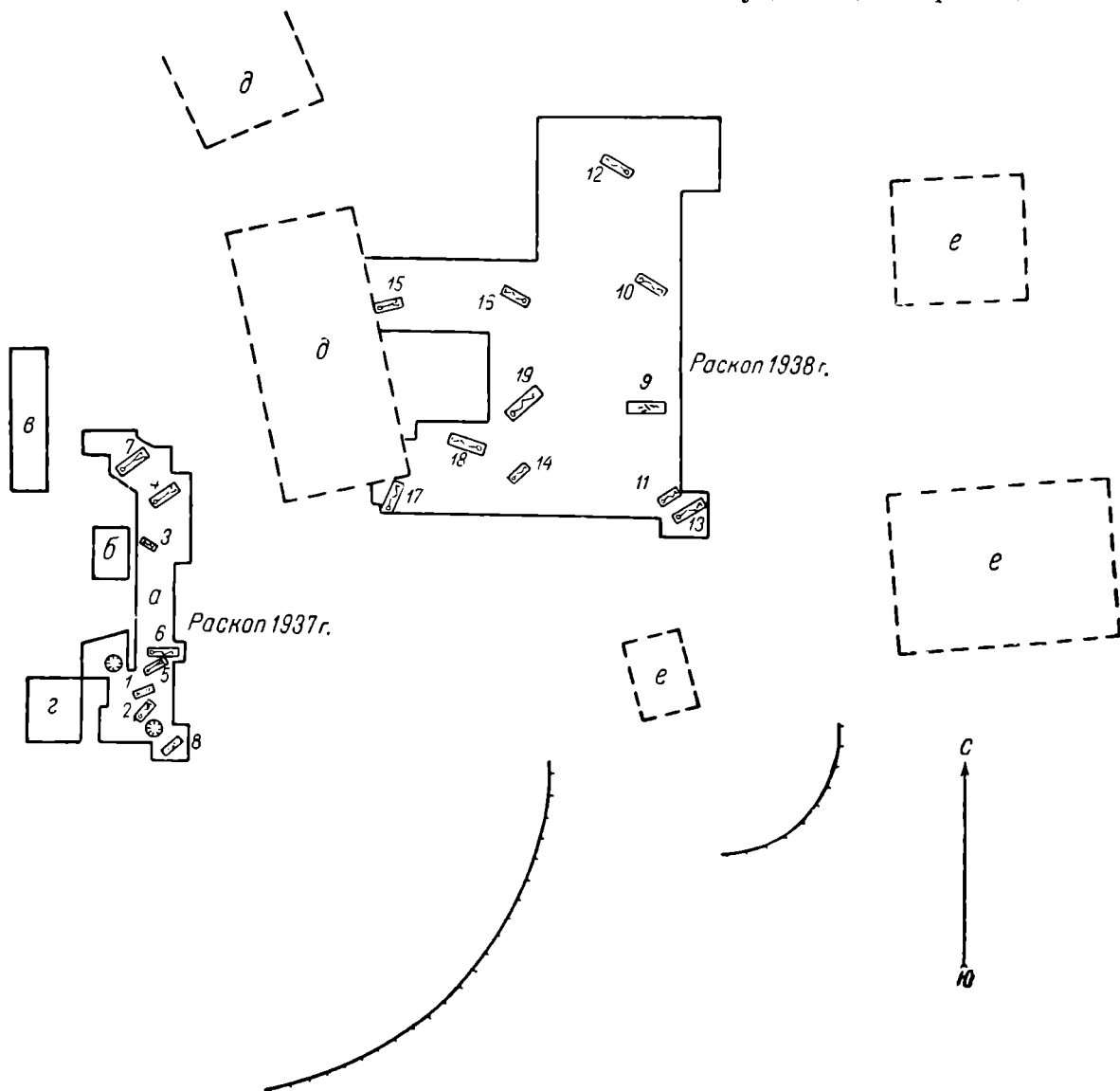

Рис. 3. План могильника Исти-су.

Траншеи: а — I; б — II; в — III; г — IV; д — котлованы; е — современные постройки.

определены не были. О его протяженности можно только высказать некоторые предположения: к западу от раскопа 1937 г. (рис. 3) могильник, повидимому, не продолжается, так как разведочные траншеи II, III и IV не обнаружили ни одного погребения; погребения I траншеи 1937 г., очевидно, являются с этой стороны пограничными; при возведении построек к востоку от котлована погребения также не были обнаружены, возможно, что и в эту сторону могильник дальше не распространялся, но все же для окончательного решения вопроса о его границах данных недостаточно.

При рассмотрении плана могильника (рис. 3) обращает на себя внимание расположение погребений группами: например, в I траншее

погребения 1, 2, 5, 6 и 8 составляют одну группу, погребения 3, 4 и 7 — вторую. В раскопе 1938 г. тоже две группы: одна из двух погребений (11 и 13) и вторая — из трех погребений (14, 18 и 19). Каждая из групп погребений расположена так, что легко вписывается в окружность с диаметром около 7—8 м, а между этими окружностями остается пустое пространство размером около 4 м; одиночные захоронения расположены на таком же расстоянии, 4—5 м друг от друга. Это наводит на мысль о существовавших первоначально курганных насыпях, разрушенных в дальнейшем при заселении местности. Отметим также отсутствие большой разницы в глубине могильных ям у погребений, объединенных в группы, что может свидетельствовать о незначительной высоте курганных насыпей, если они были.

Недалеко от Исти-су, в 40 км к западу, близ ст. Урус-марган, в местности, очень сходной с окрестностями Исти-су по рельефу поверхности, на близком расстоянии друг от друга расположены три могильника: два курганных — в местностях Ани-ирзо и Бойси-ирзо — и третий в Джожейна-ирзо, судя по описанию исследователя этих памятников Г. А. Вертепова, — катакомбный, принадлежащий к более позднему времени.¹

Первые два могильника, очень сходные (как видно из дальнейшего изложения) по материалу с могильником Исти-су, представляют собой множество беспорядочно разбросанных, большей частью небольших курганчиков, расположенных на близком расстоянии друг от друга. Могильные ямы под этими курганами (насколько можно судить по неточным обозначениям автора работ) впущены в грунт неглубоко; очертания их, очевидно, были нечетки, так как ни разу не отмечены в описании. В большинстве курганов захоронения единичны, но в кургане № 8 обнаружено два скелета, в кургане № 10 — три, оба в могильнике в Бойси-ирзо.² К сожалению, расположение погребений в курганах отмечалось очень приблизительно и остается для нас неясным. Все же, судя по приведенным внешним признакам погребений, эти два могильника имеют сходные с могильником Исти-су черты.

В Исти-су средняя глубина могильных ям от современного уровня почвы равнялась 1.0 м (с небольшими отклонениями в обе стороны), при толщине культурного слоя поселения, находившегося позднее на площади могильника, в 0.5—0.7 м, так что глубина могильной ямы в грунте в среднем равнялась 0.5 м, а у самого глубокого погребения 10 составляла 0.7 м. Такие неглубокие погребения, естественно, требовали сооружения над ними насыпи.

Такого же типа неглубокие грунтовые погребения имеются в могильнике близ ст. Нестеровской, раскопанном в последние годы Е. И. Крупновым.³ В большей своей части могильник был разрушен при добыче гравия. В части, обследованной Е. И. Крупновым, «на еще нетронутой карьером территории находятся весьма небольшие всхолмления, диаметром в 3—4 м и высоту не превышающие 0.20—0.40 м. Возможно, что это остатки распахивавшихся длительное время небольших курганов».⁴

¹ Отчет о раскопках в Терской области Г. А. Вертепова. ОАК, 1900, стр. 54—60; ОАК, 1901, стр. 89—92.

² ОАК, 1901, стр. 91.

³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 175 сл. — О н ж е. Археологические работы в Грозненской обл. в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, М., 1948, стр. 67 сл. — О н ж е. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 25 сл.

⁴ О н ж е, Тр. ГИМ, вып. XII, стр. 177.

Остановимся еще на Моздокском могильнике, где, по мнению Б. Б. Пиотровского, «грунтовый могильник. сочетался, как показал внешний осмотр местности, с курганным могильником», хотя сам же автор в следующем абзаце оговаривает возможность того, «что насыпи некоторых невысоких курганов сравнены с почвой, так как территория карьера раньше была занята мареновыми плантациями».¹

Нам кажется, что полное тождество инвентаря подкурганных моздокских погребений с так называемыми «грунтовыми», разбросанность и малое количество этих последних на территории могильника, — все это свидетельствует в пользу предположения, что «грунтовые» погребения находились первоначально под курганными насыпями. Указание Б. Б. Пиотровского на то, что «никаких следов насыпи над погребением не имелось, даже наоборот, на месте погребения заметна некоторая впадина» — тоже подтверждает существование в прошлом насыпи. Если бы погребение было грунтовым, оно бы уже давно «осело», и впадина давно успела бы сравняться с окружающей поверхностью, а при насыпи, снятой в не столь давно прошедшие времена, бывает заметное оседание рыхлой земли, заполнившей могилу.

Перечисленные могильники — два близ Урус-мартана, у ст. Нестеровской, Моздокский и могильник Исти-су — объединяются способом захоронения умерших в грунтовых ямах без обкладки камнями, преимущественно в скорченном положении и чаще на правом боку. Очертания могильных ям там, где они прослеживаются, обычно слегка трапециевидные с закругленными углами и выпуклыми сторонами.

Все восемь погребений могильника Исти-су, обнаруженные в 1937 г., в I траншее, находились непосредственно под культурным слоем в гумусированной почве, пронизанной корнями растений. В результате уничтожения насыпей и неглубокого расположения могильных ям, очертания их совершенно не прослеживаются. Погребения, раскопанные в 1938 г. в другом месте могильника, находились в других условиях (гумусный слой тоньше, могилы глубже спущены в грунт) и у шести погребений (из девяти) контуры могил обозначались совершенно четко и были зафиксированы при расчистке.

Мы даем далее описания всех погребений, раскрытых Северокавказской экспедицией в 1937—1938 гг.

П о г р е б е н и е 1

Дно могилы на глубине 0.93 м от современного уровня почвы.

Скелет взрослого человека на правом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Ноги согнуты в тазовых и коленных суставах. Кости плохой сохранности. Положение многих из них нарушено: смещены кости грудной клетки, часть позвоночника, кости рук, череп.

За спиной погребенного обнаружено горло (в обломках) большого глиняного сосуда.

Инвентарь погребения:

1. Горло большого сосуда серой глины с венчиком в виде широкого раструба. Поверхность заглажена, кое-где следы обмазки. Глина с примесями извести и мелких блесков слюды. Обжиг средний, с поверхности глина коричневого цвета. Наружная поверхность со слабым лощением. Высота горла 18.3 см, диаметр 25.5 см.

¹ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 5.

П о г р е б е н и е 2

Дно могилы на глубине 0.92 м.

Скелет ребенка на правом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости плохой сохранности: череп раздавлен, длинные кости ног отсутствуют. Руки согнуты в локтях, кисти подняты к лицу. Ноги, судя по оставшимся *in situ* фалангам, вероятно были согнуты в тазовых и коленных суставах.

Среди костей грудной клетки найдены: обломок железной булавки и гагатовые бусы. На фаланге пальца левой руки — бронзовое кольцо, второе кольцо — у челюсти. Перед погребенным, очевидно, было поставлено два сосуда, из них один — миска (сохранилась в обломках), а от другого сохранился только отпечаток дна (диаметр 14 см).

Инвентарь погребения:

1. Булавка железная с лопатообразной головкой и загнутым в трубочку верхним краем. Стержень обломан, ширина головки 0.8 см (рис. 19, 1).

2. Бусы гагатовые (гешировые), продолговатые, биконической формы (7 шт.). Длина 0.45—1.0 см.

3. Кольца бронзовые из тоненькой, квадратной в сечении, проволоки. Концы слегка сплющены, заходят один на другой (2 шт.). Диаметр 1.5—1.7 см (рис. 21, 9).

4. Миска серой глины, лепная, с небольшим доньшком, выделенным в виде низкой подставки, и прямыми заглаженными краями. Стенки кверху суживаются. Перегиб закруглен и заглажен. Глина с примесями кварца, извести и блесок слюды. Поверхность неравномерно покрыта грубой обмазкой, сохранившейся только местами. Обжиг средний. Высота 9.5 см, диаметр 23.4 см.

П о г р е б е н и е 3

Дно могилы на глубине 1.25 м.

Скелет ребенка, на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Кости плохой сохранности; череп раздавлен. Ноги сильно согнуты в тазовом и коленном суставах. Руки согнуты в локтях, кисть правой руки находилась у лица, кисть левой, вероятно, у колен.

Инвентарь отсутствует.

П о г р е б е н и е 4

Дно могилы на глубине 1.15 м.

Скелет взрослого человека на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Голова наклонена к левому плечу. Правая рука сильно согнута в локте, кисть лежит у плеча; левая согнута слегка, кисть найдена в области таза. Кости плохой сохранности (рис. 4).

Слева от тазобедренного сустава обнаружены: обломок железного ножа и железный наконечник копья. Следы еще одного железного предмета замечены в области шеи. У ног погребенного с правой стороны стояли три глиняные сосуда: большой высокогорлый кувшин, широкая миска и в ней маленький горшочек. Рядом с миской лежали кости барана: лопатка и трубчатая кость.

Инвентарь погребения:

1. Обломок железного ножа.

2. Железный наконечник копья листовидной формы, со втулкой для насадки. Длина 22.5 см (рис. 20, 2).

3. Сосуд серой глины, лепной, с туловом шарообразной формы, с плоским дном, высоким горлом и венчиком в виде широкого раструба — тип большого кувшина без ручки. На плечиках налены: в трех местах в виде вертикально расположенных параллельных валиков (в двух случаях по четыре, в одном — пять) и в одном месте — трех валиков, расходящихся вниз от одного выступа в виде высокой неправильной формы шишечки. Глина грубая, плохо отмученная, с примесями (кварц, блестки слюды, известь). Имеются следы обмазки и лощения. Обжиг средний. Высота 41 см, диаметр тулова 33 см (рис. 5, 1).

4. Миска серой глины, лепная, с небольшим доньшком, подчеркнуто выделенным в виде подставки. Грива закапчиваются венчиком с косым

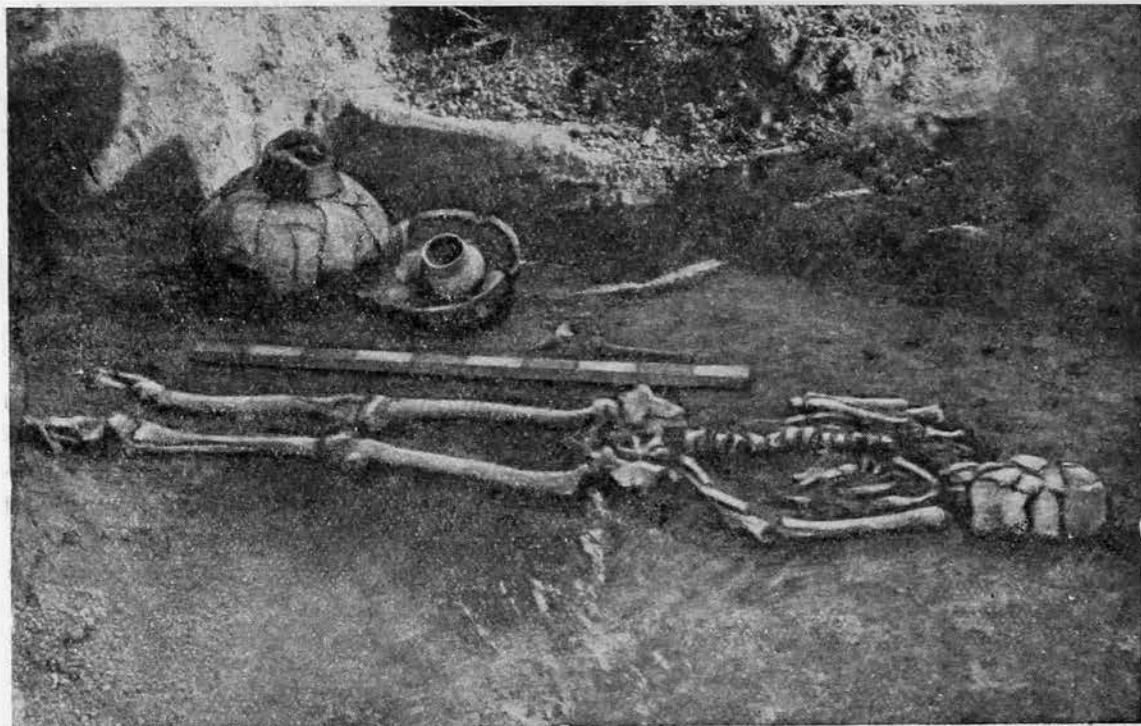

Рис. 4. Погребение 4.

срезом внутрь. Ручка в виде петли расположена под венчиком. Глина с большим количеством примесей: кварца, извести, слюды. На поверхности следы обмазки и лощения. Обжиг средний, неравномерный: с одной стороны пятна из-за непосредственного действия огня. Высота 10 см, диаметр 27.5 см (рис. 5, 3).

5. Сосуд серой глины, лепной, шарообразной формы, с широким плоским дном и низким конусообразным горлом, резко отчлененным от тулова. В верхней части тулова два выступа с горизонтальными отверстиями для подвешивания (один сбит). Глина грубая с примесями минеральных частей, извести и блесок слюды. Обжиг слабый, имеются следы действия огня в верхней части сосуда, у отбитого выступа. Поверхность сосуда покрыта мелкими выщерблинами, очевидно от сгоревших примесей. Выступы на сосуде сделаны из отдельных прилепленных кусочков глины. Высота 10.2 см, диаметр 12.5 см (рис. 5, 2).

П о г р е б е н и е 5

Дно могилы на глубине 1.05 м.

Скелет подростка с вытянутыми нижними конечностями, головой на юго-запад. Как был положен покойник — сказать трудно: располо-

жение костей верхней части скелета указывает на положение погребенного на правом боку, таз же и нижние конечности — на положение на спине. Руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом. Кости плохой сохранности. На поясничных позвонках и концах нижних ребер обнаружены следы красной краски.

Под черепом найдены два бронзовые колечка, под челюстью и внутри грудной клетки — различные бусы и обломок железного стержня. У ног

Рис. 5. Сосуды из погребения 4.

скелета с правой стороны стояли три сосуда из глины: горшочек, кружка с ручкой и миска; между ними найдено глиняное пряслице. При расчистке погребения встречался уголь.

Инвентарь погребения:

1. Два кольца бронзовых (одно в обломках) из тоненькой, круглой в сечении проволоки с заходящими друг на друга концами. Диаметр 1.5 см (рис. 21, 10).

2. Железная булавка с лопатообразной головкой и загнутым в трубочку верхним краем. Стержень обломан. Ширина головки 1.1 см (рис. 19, 2).

3. Обломки железного, круглого в сечении стержня.

4. Бусы (3) стеклянные, полупрозрачные, шаровидной формы; иризованы. На одной сохранилась позолота. Диаметр 8.2 мм (рис. 21, 5).

5. Бусина стеклянная, полупрозрачная, овальная; иризована. Диаметр 5 мм.

6. Бусина стеклянная, полупрозрачная, цилиндрической формы; иризована. Длина 4.0 мм, диаметр 5 мм.

7—8. Бусы (12) пастовые, непрозрачные, голубого цвета, каплеобразной формы, различной величины и различных оттенков — от

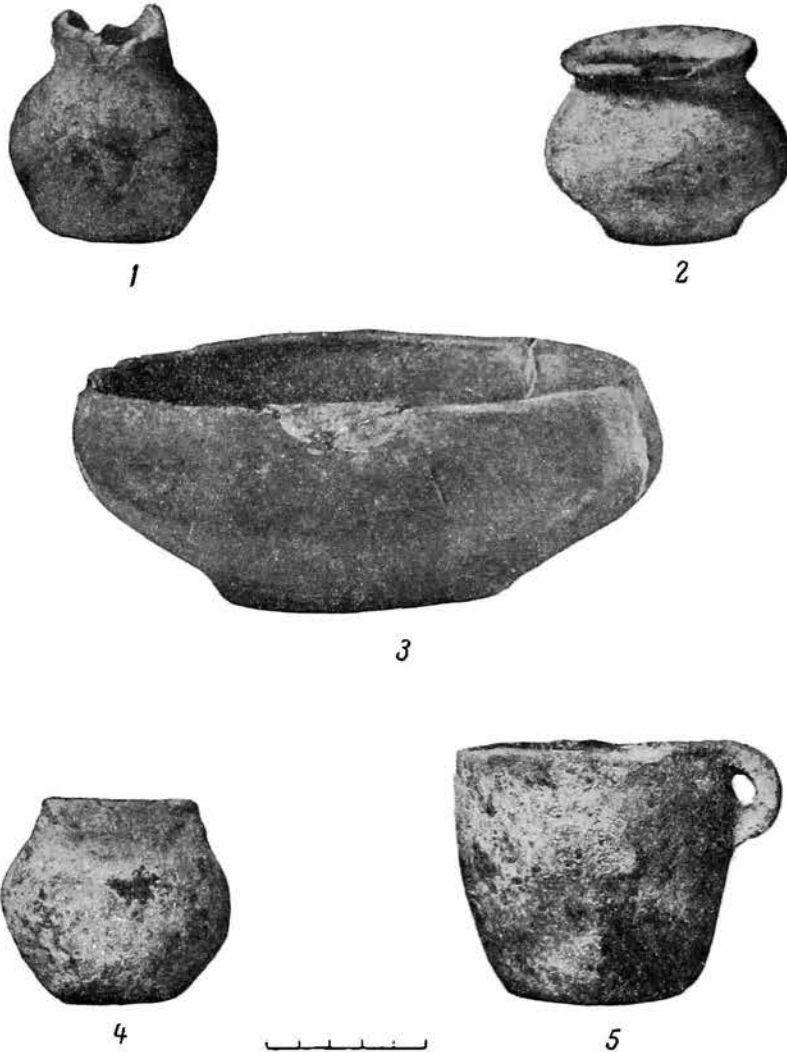

Рис. 6. Сосуды из погребений: 5 (4 и 5) и 11 (1, 2, 3).

интенсивно голубого до белесоватого. Диаметр 5—6.5 мм. Бусы пастовые непрозрачные, черные, каплеобразной формы, различной величины. Диаметр 5—6 мм (рис. 21, 3).

9. Кружка серой глины, лепная, баночной формы, с одной ручкой. Края заглажены, венчик не выделен. Глина грубая с многочисленными примесями. Выделка небрежная. Обжиг слабый и неравномерный. Высота 8.65 см, диаметр 9 см (рис. 6, 5).

10. Горшочек серой глины, лепной, шаровидной формы, с невысоким прямым горлом и широким дном. Поверхность плохо заглажена, в одном месте, сбоку — бугорок, может быть, остаток отбитой ручки. Глина грубая с большим количеством примесей: извести, блесок слюды и др. Обжиг средний. Высота 8 см, диаметр 9 см (рис. 6, 4).

11. Фрагменты (стенки и ручка) глиняной миски, лепной, коричневого цвета, с лощеной поверхностью. Высокий, сильно отогнутый венчик, резко подчеркнутый перегиб от низа к верхней части стенок. Ручка в виде широкой петли. Глина грубая с примесями крупного кварца, извести, крупных белых блесток слюды и разных минералов в большом количестве. Обжиг средний. Всего 21 обломок (рис. 19, 3)

12. Прислице серой глины. Обжиг слабый. Высота 3.4 см, диаметр 3.0—3.6 см (рис. 19, 8).

П о г р е б е н и е 6

Дно могилы на глубине 0.90 м.

Скелет взрослого человека на правом боку в скорченном положении, головой на запад. Руки согнуты в локтях, кисть левой руки находилась на уровне лица, правой — выше головы. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Кости плохой сохранности, череп раздавлен, отсутствует часть бедренной кости, нет фаланг. У колен обломки глиняного сосуда. При расчистке погребения встречался уголь.

Инвентарь погребения:

1. Обломок железного предмета.

2. Обломки глиняного лепного сосуда. Три обломка днища с частями стенок, дающие профиль нижней части. Семь обломков стенок и три обломка верхнего края, прямого, заглаженного, без выделения венчика. Сосуд целиком не склеивается, но форма его очевидна: это горшок с широким отверстием. Глина темносерая, почти черная, очень грубая, легко расслаивается и крошится. Обжиг очень слабый.

П о г р е б е н и е 7

Дно могилы на глубине 1.10 м.

Скелет взрослого человека на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях, кисти лежат в области таза. Кости плохой сохранности, череп раздавлен. Под тазовыми костями найдены обломки железного ножа и железного крючка. У бедренной кости лежал железный наконечник копья. У правого плеча скелета — три глиняных сосуда: миска и два горшка. Около сосудов находились кости животных, около поясничных позвонков — астрагал. В ногах погребенного стоял большой глиняный высокогорлый кувшин, вкопанный в землю на 20 см ниже дна могилы (рис. 7).

Инвентарь погребения:

1. Крючок железный, из овального в сечении стержня, в обломках.

2. Нож железный с выпуклой спинкой, с черенком для прикрепления к деревянной рукоятке, остатки которой сохранились на черенке. Вогнутое лезвие сильно сточено. Длина сохранившейся части 8 см (рис. 19, 4).

3. Железный наконечник копья листовидной формы со втулкой для насадки. Часть втулки разрушена. Длина сохранившейся части 15 см (рис. 20, 3).

4. Сосуд серой глины, лепной, с высоким горлом и раструбчатым венчиком. Верхняя часть тулова полушаровидной формы, нижняя — коническая. Донышко слегка выделено в виде намечающейся подставки. В верхней части тулова у основания горла налепы в виде свешивающихся вниз валиков с завитками на концах. Поверхность сосуда хорошо залощена. Высота 45 см, диаметр 35 см (рис. 8, 1).

5. Сосуд серой глины, лепной, баночной формы, с слегка суживающимися кверху стенками и прямыми заглаженными краями. В верхней части сосуда на 1.5 см ниже края — трубчатый выступ-носик, окаймляющий два отверстия удлинненной формы. На боку сосуда, несколько ниже края — ручка. Установить, существовала ли вторая ручка, не возможно из-за фрагментированности сосуда. Глина грубая, с примесью извести и блесок слюды. Обжиг средний, неравномерный, имеются следы непосредственного действия огня. Высота 13 см, диаметр 13.6 см (рис. 8, 3).

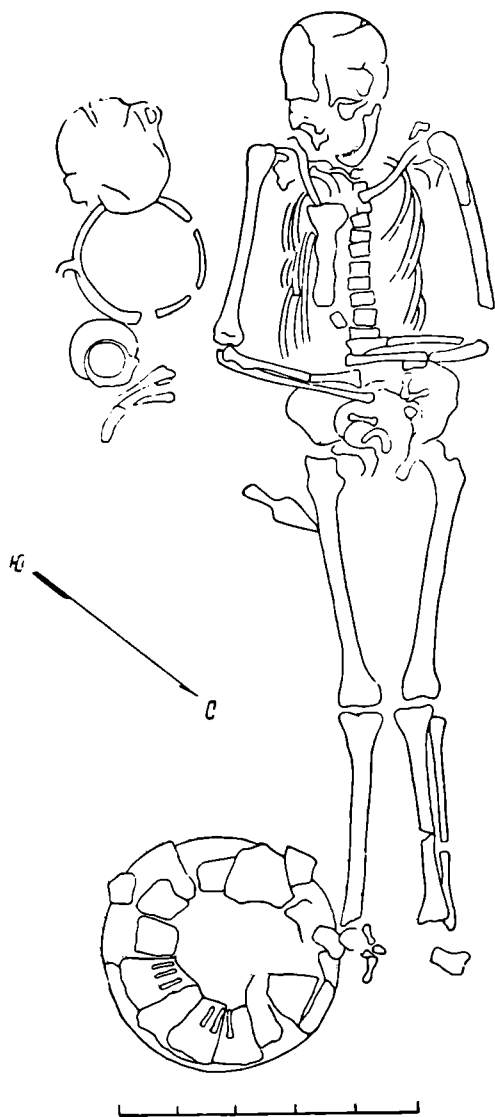

Рис. 7. Погребение 7.

В непотревоженном положении находится позвоночник и кости ног. В ногах погребенного найден разбитый сосуд (отдельные обломки этого сосуда встречались при расчистке погребения в различных местах и на различных уровнях). У тазовых костей найден зуб домашней свиньи. Между бедренными костями и костями голени лежал обломок железного ножа.

Инвентарь погребения:

1. Нож железный с черенком. Спинка выпуклая, лезвие вогнутое, часть отломана. На узком черенке сохранились заклепка и следы деревянной рукоятки. Длина сохранившейся части 17 см (рис. 19, 7).
2. Обломки глиняного сосуда.

6. Миска серой глины, лепная, со слегка выделенным в виде подставки доньшком и загибающейся внутрь верхней частью. Края заканчиваются венчиком, обработанным в виде валика. Ручка в виде петли выступает над краем миски. Глина с примесью кварца, извести и блесок слюды. Обжиг коричневый с внешней стороны, средний. Поверхность миски покрыта обмазкой из той же, но жидкой глины. Возможно, что сосуд подвергался двойному обжигу, так как обмазка кое-где отслаивается. Имеются следы лощения. Высота 7.3—8.3 см, диаметр 20.0 см (рис. 8, 2).

7. Горшочек серой глины, лепной, шарообразной формы, с выделенным широким доньшком и высоким горлом, глина с примесью кварца и блесок слюды. Обжиг слабый. Высота 10.3 см, диаметр 10.8 см (рис. 8, 4).

Погребение 8

Дно могилы на глубине 0.80 м. Скелет человека на правом боку в скорченном положении, головой на запад. Погребение нарушено: череп находится на уровне таза, нижняя челюсть разломана, части ее разбросаны. Кости рук также разбросаны.

Погребение 9

Дно могилы на глубина 1.09 м.

Разрушенное погребение. Человеческие кости (неполный скелет) беспорядочно разбросаны на площадке величиной 1.5×2 м. Среди костей и в выбросе земли обнаружены: бронзовое спиральное кольцо, пря-

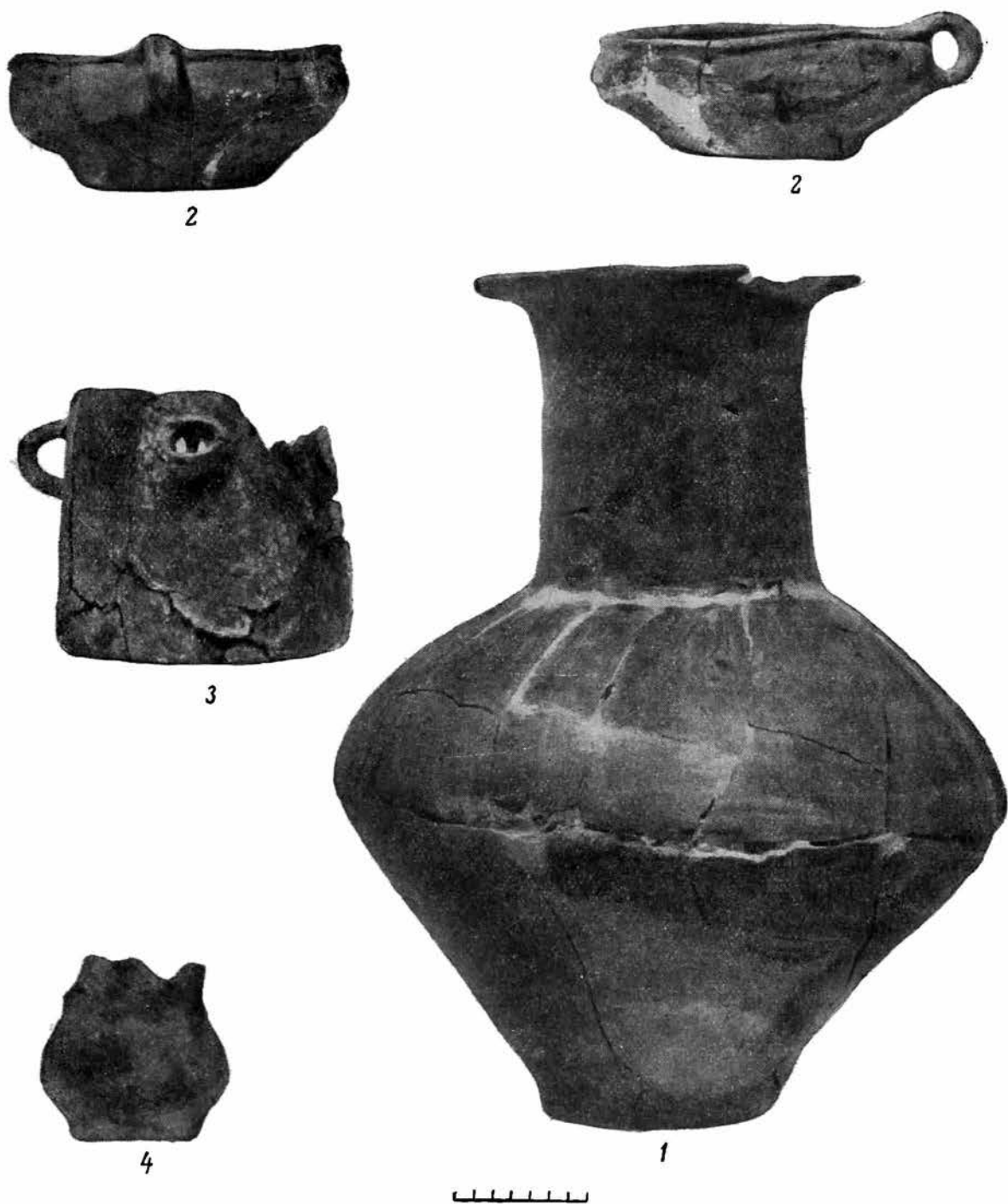

Рис. 8. Сосуды из погребения 7.

лице, обработанный рог и обломки глиняной миски, возле которых лежали кости домашнего быка.

Инвентарь погребения:

1. Бронзовое кольцо из скрученной спирально слегка уплощенной проволоки, в 8 витков. Диаметр 2 см (рис. 21, 11).

2. Пряслице каменное, полусферической формы с закругленным ребром основания. Сверление одностороннее, слабо коническое. Диаметр отверстия около 1 см, высота 2.4 см (рис. 19, 10)

3. Рог обработанный, с обломанным острым концом и продольным вырезом посреди тупого конца. Длина 9.0 см (рис. 21, 13).

4. Обломки глиняной миски, лепной, с заглаженным перегибом и слегка выделенным венчиком. Глина с примесью кварца, слюды и извести. Обжиг слабый. Диаметр 28 см.

Погребение 10

Дно могилы на глубине 1.40 м.

Могильная яма трапецевидной формы. В головах ширина около 1.0 м, в ногах — 0.75 м, контуры мягкие, углы закруглены.

Скелет взрослого человека на правом боку, головой на северо-запад, очевидно, в скорченном положении. *In situ* сохранился череп, кости согнутой в локте правой руки без фаланг и правая лопатка. Нижняя челюсть находится рядом с черепом, но свернута в сторону. Остальные кости в совершенном беспорядке сдвинуты в противоположный конец могилы. Под черепом обнаружена бронзовая конусовидная бляха.

Инвентарь погребения:

1. Бляха литая, бронзовая, конусовидная, небольшой высоты, с петлей на внутренней стороне. По краю рельефный орнамент в виде двух концентрически расположенных узких валиков, между которыми вписаны восемь двойных спиральных завитков. Диаметр 5.0 см, высота 1.5 см (рис. 45, 2).

Погребение 11

Дно могилы на глубине 1.11 м.

Разрушенное детское погребение. Ориентировка могильной ямы с юго-запада на северо-восток. Ширина ямы в головах 0.80 м, контур могилы прослеживается только частично.

От скелета осталось несколько костей раздавленного черепа, часть нижней челюсти, несколько ребер, части костей рук с браслетами на них и обломки бедренных костей и голени — все истлевшие, но непотревоженные. Положение костей ног указывает на то, что скелет лежал на боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В головах скелета стояли два горшочка, перед лицом — миска. На шее была надета гривна, под гривной у самой челюсти лежала бронзовая большая фибула, которой, очевидно, застегнута была одежда. Прикрывая фибулу, лежал один браслет, немного ниже — другой. В обоих браслетах сохранились остатки костей. Очевидно, руки скелета находились в согнутом положении, и кисть одной из них была перед лицом. Между фибулой и гривной находились бусы. Несколько выше гривны, возле раздавленных костей черепа, очевидно, *in situ* обнаружена одна серьга. В могиле был найден зуб домашней собаки, а в одном из горшочков — мелкие кристаллы реальгара и куски горной породы, содержащей эти кристаллы.

Инвентарь погребения:

1. Гривна бронзовая, из круглого в сечении стержня с заходящими один на другой концами. Концы раскованы, и их плоская часть украшена гравированными изображениями голов животных. Диаметр гривны 19 см, диаметр стержня 0.5 см (рис. 9, 1).

2. Фибула бронзовая, дугообразной формы. Дуга уплощена, на наружной стороне орнамент из поперечных врезанных линий. Длина 8.2 см (рис. 9, 2).

3. Серьга бронзовая из круглой в сечении проволоки в виде овального несомкнутого кольца с подвеской из той же проволоки, свернутой спиралью в виде усеченного конуса. Длина 3.5 см (рис. 9, 4).

4. Браслеты (2) бронзовые, из спирально скрученного ромбовидного в сечении стержня, в $4\frac{1}{2}$ витка, каждый сломан на две части. Диаметр 4.6 см (рис. 9, 3).

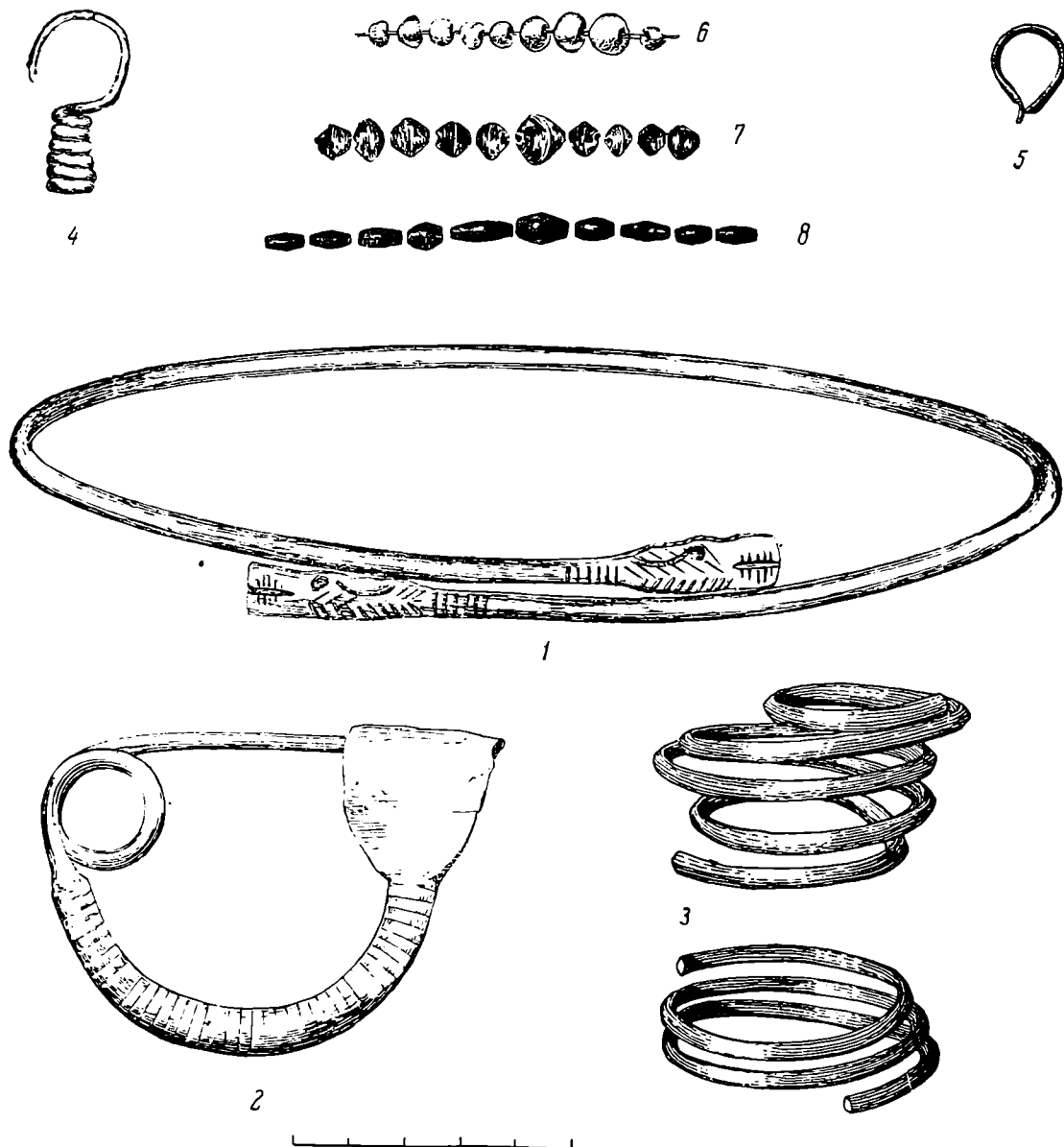

Рис. 9. Вещи из погребения 11.

5. Колечко бронзовое из круглой в сечении проволоки с несомкнутыми и расплюснутыми концами. Диаметр 1.4 см (рис. 9, 5).

6. Колечко бронзовое из овальной в сечении проволоки с несомкнутыми концами. Диаметр 1.8 см.

7. Бусы (10 целых и 9 обломков) стеклянные, синего цвета, биконической формы. Диаметр 1.1—0.6 см (рис. 9, 7).

8. Бусы (16) пастовые, неправильной шарообразной формы, уплощены с одной стороны, голубого цвета. Диаметр 0.45—0.75 см. (рис. 9, 6).

9. Бусы пастовые той же формы, желтого цвета (4 шт.). Диаметр 0.55—0.65 см (рис. 9, 6).

10—11. Бусы гагатовые (20 целых, 5 в обломках), продолговатой формы, с утолщением посередине, в поперечном сечении круглые, в общем форма приближается к биконической. Длина от 0.45 до 1.1 см. Бусы биконической формы, но с нечетко выраженным ребром. Длина 0.65—0.8 см (рис. 9, 8).

12. Кувшинчик серой глины, лепной, дно овальное, тулово перекошено, горло цилиндрическое. Глина с примесью извести, кварца (?), блесок слюды. Обжиг слабый. Высота 7.8 см, диаметр 8.0 см (рис. 6, 1).

13. Горшочек серой глины, лепной, с широким приплюснуто-шарообразным туловом. Горло широкое и низкое, сильно отогнутый и закругленный венчик. Донышко слегка выделено. Глина грубая, обжиг слабый, с поверхности коричневый. Высота 7.0 см, диаметр 9.7 см (рис. 6, 2).

14. Миска серой глины, лепная, с донышком, выделенным в виде низкой подставки, с суживающейся верхней частью. Края плоско заглажены со скосом внутрь. Поверхность миски в мелких порах — следы разрывов глины при обжиге. Глина с примесью извести, кварца и блесок слюды. Сосуд сильно прокопчен с внутренней стороны, до черноты в изломе, внешняя сторона подвергалась действию огня неравномерно: с одной стороны следы непосредственного действия огня. Обжиг слабый. Высота 8.5 см, диаметр 21.5 см (рис. 6, 3).

П о г р е б е н и е 12

Дно могилы на глубине 1.35 м.

Могильная яма в форме трапеции со слегка выпуклым большим основанием, углы закруглены.

Скелет взрослого человека на левом боку в сильно скорченном положении, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях и подняты до уровня плеч. Правая кисть лежала на правом плече, левая — под локтем правой руки. Ноги согнуты в тазовом и коленном суставах, пятки поджаты к самому тазу. Кости хорошей сохранности. Перед черепом раздавленная землей миска с костями барана. Перед скелетом, ниже его левой руки, у живота найдены череп и другие кости молодого барашка. У самой руки лежали бусы и спиральная подвеска (рис. 10 и 11).

Инвентарь погребения:

1. Кольцевидная бронзовая подвеска из спирально свернутого уплощенного бронзового стержня (из 2 витков). Диаметр 1.25 см (рис. 21, 8).

2. Бусы (3) из синей пасты, формы шарового слоя, с синими глазками, окруженными белым ободком. Диаметр 1.1—1.15—1.2 см (рис. 21, 7).

3. Миска серой глины, лепная, с небольшим донышком, выделенным в виде низкой подставки. Стенки, круто поднимаясь кверху, загибаются округло без перегиба и суживаются к отверстию. Края отогнуты в виде невысокого венчика, сверху плоского и заостренного наружу. Глина с примесью кварца, извести и слюды. Поверхность покрыта тонким слоем обмазки. Обжиг средний, неравномерный. Высота 10 см, диаметр 24 см (рис. 12, 1).

П о г р е б е н и е 13

Дно могилы на глубине 0.94 м.

Могильная яма, ориентированная в направлении запад—восток, имеет вид удлиненного прямоугольника с закругленными углами.

Скелет взрослого человека на правом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости плохой сохранности: череп раздавлен, кости

его разбросаны. Правая рука согнута в локте, кисть находилась на уровне лица. Кисть левой руки лежит на правом предплечье, сохранились *in situ* кости ног, согнутые в тазовом и коленном суставах, отсутствуют все остальные кости: тазовые, позвонки, ребра. У правого плеча скелета — обломки железного предмета, ниже черепа разбросаны бусы. У колен

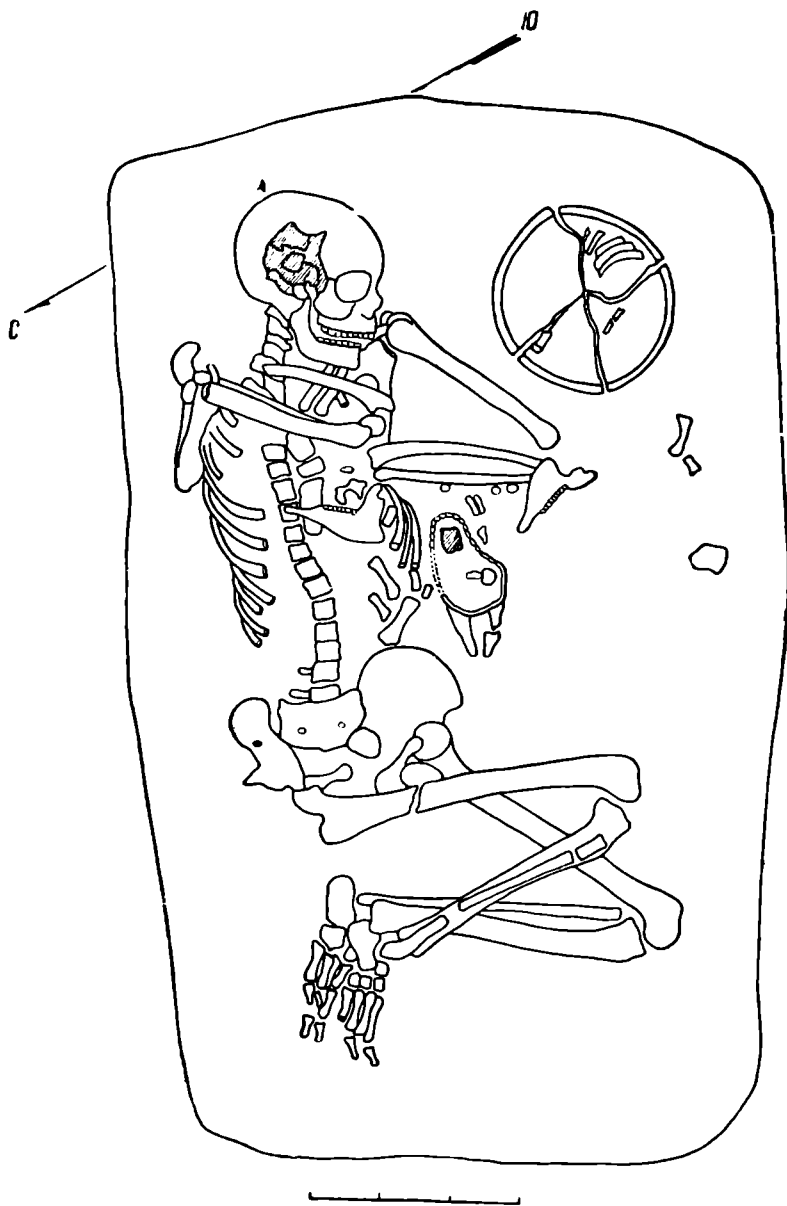

Рис. 10. Погребение 12.

и ниже найдены обломки миски и высокого сосуда, между ними — пряслице.

Инвентарь погребения:

1. Обломок железного предмета неопределенной формы.
2. Бусы (12) пастовые, круглые, слегка уплощенные, поверхность сильно иризована. Диаметр 0.5 см (рис. 21, 4).
3. Обломок плоского круглого пряслища с коническим отверстием посередине (известняк). Диаметр 4.2 см (рис. 19, 11).
4. Сосуд серой глины, лепной, с высоким горлом, по форме тулова приближающийся к биконическому, но в верхней части слегка выпуклый, в нижней — вогнутый. Поверхность заглажена, кое-где следы лоще

ния. Основание горла подчеркнуто одной вдавленной линией. С трех сторон на плечиках, примыкая к горлу, расположены налелы в виде двух изогнутых валиков. Глина с примесью кварца, извести и блессток слюды, Обжиг средний. Высота 35.5 см, диаметр 24.5 см (рис. 13).

5. Миска серой глины, лепная, с ручкой с одной стороны. Донышко слегка выделено в виде подставки. Формы нечеткие, поверхность неровная, глина с примесью извести и слюды. Обжиг слабый. Высота 6.6, диаметр 14.2 см.

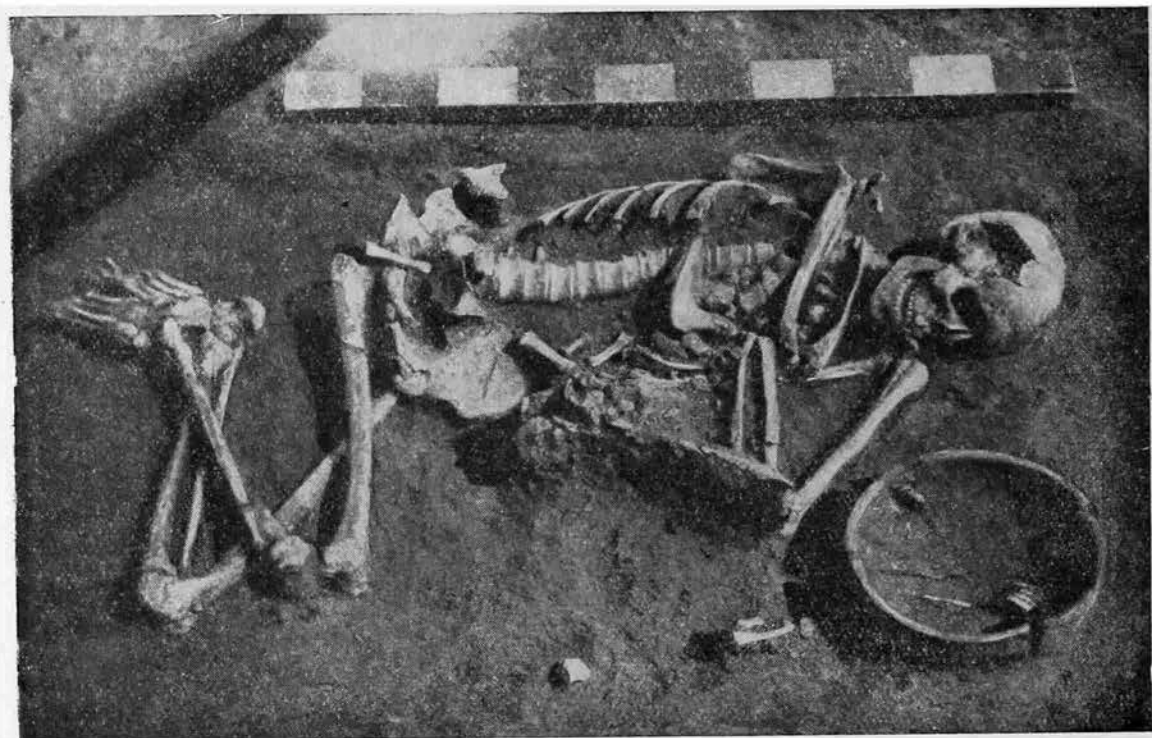

Рис. 11. Погребение 12.

П о г р е б е н и е 14

Дно могилы на глубине 0.94 м.

Очертания могильной ямы прослеживаются только в головах погребенного. Погребение разрушено. Все кости смещены, череп перевернут. Нижняя челюсть отброшена, но основное взаимное расположение костей сохранено. Бедро и голень левой ноги *in situ*, так что можно предположить, что скелет лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад.

В ногах скелета кости барана.

Инвентарь отсутствует.

П о г р е б е н и е 15

Дно могилы на глубине 0.74 м.

Скелет подростка в вытянутом положении на спине, головой на запад-юго-запад. Кости очень плохой сохранности, череп раздавлен, ребра, позвонки, тазовые кости почти все отсутствуют, кости левой ноги в обломках (при корчевании росшего рядом дерева, скелет поврежден его корнями).

У левого бедра — железный нож, у левой ступни — опрокинутый горшочек, несколько в стороне — обломок кремня.

Инвентарь погребения:

1. Железный нож с прямым лезвием и выпуклой спинкой (в 3 обломках), длина сохранившейся части 9.0 см (рис. 19, 6).

Рис. 12. Сосуды из погребений: 12 (1), 15 (2), 16 (3), 17 (4 и 5).

2. Горшочек серой глины, лепной, с шаровидным туловом и невысоким прямым венчиком. С внутренней стороны, при переходе от тулова к венчику, имеется плоский выступ — карниз, уменьшающий отверстие сосуда и служащий опорой для крышки. Изготовление сосуда небрежное, поверхность совершенно не сглажена. Обжиг средний. Глина с примесью кварца, извести и блесток слюды. Высота 5.7 см, диаметр 7.6 см (рис. 12, 2).

3. Осколок кремня серого цвета (рис. 19, 13).

Погребение 16

Дно могилы на глубине 1.14 м.

Контур могильной ямы прослеживается неполностью.

Скелет взрослого человека на правом боку в скорченном положении, головой на юго-восток. Череп раздавлен, остальные кости хорошей сохранности, все *in situ*. Кости рук в согнутом положении, кисть правой руки лежала на уровне лица, кисть левой — на предплечье правой. На обеих

руках, ниже локтя были надеты спиральные бронзовые браслеты. Перед лицом, у кисти правой руки найдены бусы и бронзовые пронизки, у нижней челюсти — гагатовые подвески и бусы. Бронзовое спиральное кольцо найдено поверх ребер. Сзади скелета, на уровне черепа — большая глиняная миска.

Инвентарь погребения:

1. Браслет бронзовый, из свернутой спирально проволоки, овальной в сечении, в 3 витка. Диаметр 6.4 см (рис. 14, 8).

2. То же в $3\frac{1}{2}$ витка.

3. Обломок бронзового браслета.

4—5. Два кольца бронзовые, свернутые плотной спиралью из уплощенной проволоки, в 4 витка. Диаметр 2.2 см (рис. 14, 7).

6. Пронизки бронзовые (3 целых и 2 обломка) из уплощенной проволоки, свернутой спиралью. Диаметр 0.4 см (рис. 14, 6).

7—8. Бусы из «розового сердолика», 2 круглые, формы шарового слоя. Диаметр 1.0 см. Одна цилиндрическая, плохо шлифована, с односторонним сверлением. Диаметр 0.9 см (рис. 14, 4).

Рис. 13. Сосуд из погребения 13.

9. Бусы (3) из красно-бурого сардера (сердолика), шарообразной формы, слегка сплюснутые. Диаметр 1.6—1.3 см (рис. 14, 5).

10. Бусина синей пасты, с синими глазками, окруженными белыми ободками, цилиндрической формы, слегка округленная. Диаметр 0.7 см (рис. 14, 3).

11. Бусы (2) светлосерой пасты с белыми прожилками и синими выпуклыми глазками, окруженными белыми ободками; округлой формы. Диаметр 1.0 см и 1.2 см (рис. 14, 3).

12. Бусы гагатовые (23) боченкообразные. Длина от 0.6 до 0.4 см (рис. 14, 2).

13. Подвески гагатовые (4) пирамидальной формы, четырехгранные с прямоугольным основанием. Высота от 1.1 до 1.4 см (рис. 14, 1).

14. Миска светлосерой глины, лепная, с небольшим дном и широко расходящимися стенками нижней части. Верхняя часть, отделенная четким угловатым перегибом, суживается к отверстию. Края тщательно заглажены и срезаны внутрь. Отмечается четкий внутренний профиль;

в одном месте снаружи на перегибе — конусовидное углубление. Миска отличается среди всей керамики могильника высоким обжигом. Высота 8.5—9.5 см, диаметр 25 см (рис. 12, 3).

Погребение 17

Скелет подростка на правом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Череп лежал теменем вверх, руки согнуты в локтях. Кисти

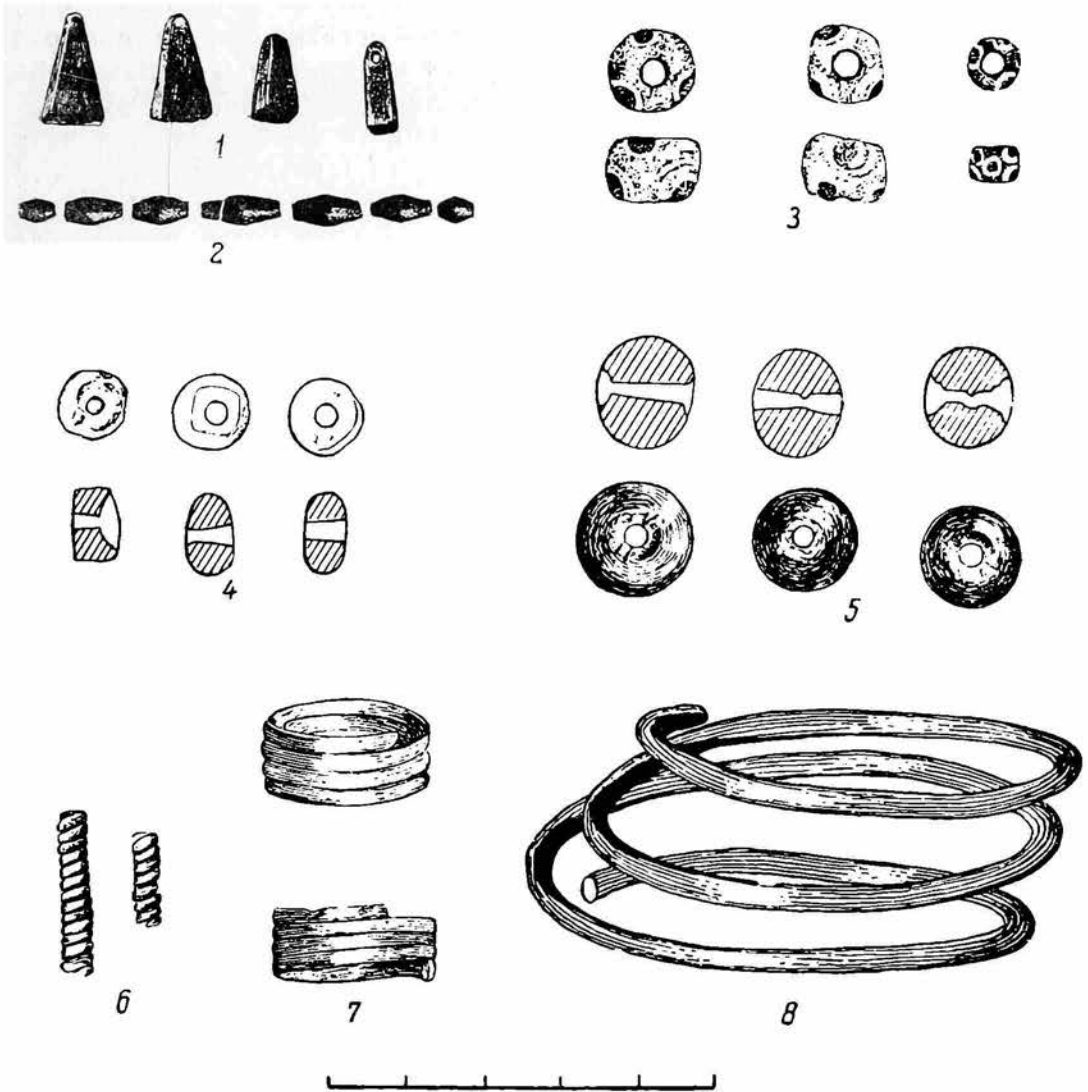

Рис. 14. Вещи из погребения 16.

находились на уровне лица. Ноги слегка согнуты, кости ног плохой сохранности. Вокруг скелета разбросаны костяные наконечники стрел, у головы найдены бусина и обломки железного предмета, у тазового пояса перед скелетом — горшок, у ног — кости животного (молодого барашка).

Инвентарь погребения:

1. Железный наконечник дротика листовидной формы, с длинной конусовидной втулкой. Длина 26 см (рис. 20, 1).

2. Обломок ножа железного с прямым лезвием и выпуклой спинкой и обломком черенка с гвоздиком. На одной стороне видны остатки ткани. Длина 6.8 см (рис. 19, 5).

3. Обломки железного стержня.

4. Бусина светлосерой пасты с 6 синими глазками, окруженными двойным ободком — белого и желтого цветов. Диаметр 1.1 см (рис. 21, 6).

5. Наконечники стрел костяные: а) четырехгранные со втулкой для насадки и шипами, 5 экз. Длина от 1.5 до 2.6 см; б) той же формы, но с круглым отверстием на одной грани и с прорезью от отверстия до нижнего края (2 экз.). Длина 2 см и 1.85 см; в) трехгранные со втулкой для насадки (5 экз.). Длина от 0.9 до 1.8 см (рис. 21, 1).

6. Горшочек серой глины, лепной, с шаровидным туловом, в нижней части слегка вогнутым. Отверстие сосуда окружено невысоким, слегка расширяющимся венчиком. С одной стороны остатки обломанной ручки в виде одиночного выступа. Глина с примесью кварца и слюды. Обжиг неравномерный, средний. Высота 9.6 см, диаметр 11.6 см (рис. 12, 4).

7. Миска серой глины, лепная, с широкой нижней частью и четким перегибом при переходе к верхней части. Края заглажены и обработаны косым срезом внутрь. Снаружи венчик намечен легкой бороздкой. С одной стороны, ниже венчика, ручка в виде широкой петли. Глина темносерая, с примесью извести и блесок слюды. Обжиг слабый. Со стороны, противоположной ручке, следы действия огня. Заметны следы лощения. Высота 10.8 см, диаметр 23.6 см (рис. 12, 5).

П о г р е б е н и е 18

Дно могилы на глубине 1.0 м.

Скелет взрослого человека на правом боку в скорченном положении, головой на юго-восток. Череп раздавлен, таз и крестец смещены, фаланги рук и ног разбросаны. Кости рук согнуты, кисти были на уровне лица, правая находилась выше. За черепом — горшочек, у лица — бронзовое кольцо на фаланге руки и костяные наконечники стрел. Перед скелетом, у живота и ниже, вдоль таза и ног, стояли 5 сосудов: 2 миски, между которыми лежали кости барана, и 3 горшка. Под обломками третьего из них, у голени ног, лежали: железный «вток» (оковка нижнего конца копья) и точильный брусок; вокруг валялись разбросанные кости барана. У ног скелета найден еще один раздавленный глиняный сосуд (рис. 15).

Инвентарь погребения:

1. Кольцо бронзовое из свернутой спирально проволоки. Проволока слегка уплощена, в кольце 8 витков. Высота 1.7 см, диаметр 2.2 см (рис. 21, 12).

2. Железный «вток» от копья (в плохом состоянии) со втулкой для насадки (рис. 20, 4).

3. Обломки (6) железного предмета.

4. Точилка из плотного темносерого камня, продолговатой формы, с закругленными концами. Длина 22.5 см (рис. 19, 12)

5—6. Наконечник стрелы, костяной, плоский, с двумя шипами. Длина 1.6 см. То же, трехгранный, с шипом. Длина 2 см (рис. 21, 2).

7. Сосуд серой глины, лепной, шарообразной формы, с высоким и раструбчатым венчиком. Донышко выделено в виде невысокой подставки. Поверхность заглажена. Глина с большим количеством примесей: кварца, извести и блесок слюды. Обжиг слабый. Высота 36 см, диаметр 29 см (рис. 16, 1).

8. Горшок серой глины, лепной, донышко слегка выделено в виде невысокой подставки, стенки внизу слегка расширяются, а затем, округло загибаясь и слегка суживаясь, поднимаются вверх. Края сосуда заканчиваются слабо отогнутым венчиком. Поверхность сосуда заглажена. Глина с примесью кварца, извести и блесок слюды. Обжиг неравномер-

ный, с одной стороны на внешней поверхности следы непосредственного действия огня. Высота 16.5 см, диаметр 16.0 см (рис. 16, 3).

9. Горшок серой глины, шарообразной формы, с широким плоским венчиком, сильно отогнутым наружу. Обжиг слабый. Высота 11.8 см, диаметр венчика 15.0 см (рис. 16, 2).

10. Горшочек темносерой, почти черной глины, лепной, с выпуклым туловом и щипковым орнаментом по венчику. С одной стороны следы отбитой ручки, высота которой равнялась высоте сосуда. Глина отличается низким качеством: в ней большое количество неизмельченных примесей:

Рис. 15. Погребение 18.

кварца, извести и слюды. Очень грубая работа. Обжиг слабый. Высота 6.0 см, диаметр 9.5 см (рис. 16, 5).

11. Миска серой глины, лепная, с небольшим дном, выделенным в виде высокой подставки, и круто поднимающейся нижней частью; верхняя часть сильно наклонена внутрь, переход закруглен. Края заглажены без выделения венчика. Глина с измельченными примесями кварца, извести и слюды. Обжиг средний, с одной стороны следы непосредственного действия огня. Высота 12 см, диаметр 25.8 см (рис. 16, 4).

12. Миска серой глины, лепная, форма нечеткая, неправильная. Края слегка отогнуты, дно не выделено. Глина с примесью извести и мелких блесков слюды. Обжиг слабый, с одной стороны красные пятна от действия огня. Высота 6.3—7.0 см, диаметр 15.4 см (рис. 16, 6).

П о г р е б е н и е 19

Дно могилы на глубине 1.80 м.

Скелет взрослого человека на левом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости плохой сохранности: череп раздавлен. Кости

рук в согнутом положении, кисти выше уровня лица. Около них обломок железного стержня.

Инвентарь погребения:

1. Обломок железного стержня.

При рассмотрении могильного инвентаря невозможно оставить в стороне предметы комплекса Грозненского музея, которые были найдены в погребении, открытом рабочими и в дальнейшем изложении именуемом погребением 20. По словам доставившего их рабочего, они были найдены при одном скелете. Это вполне возможно. К сожалению, мы не знаем, какие предметы из этого комплекса были оставлены на месте, имелись ли там оружие и сосуды, кроме взятой миски? Но даже без этих данных, при неполноте комплекса, инвентарь этого погребения является исключительно интересным и играет особо важную роль при характеристике культуры населения, которому принадлежал могильник Исти-су. В этом инвентаре обращает на себя внимание как количество бронзовых предметов, так и их особый подбор. Три разной формы и величины бронзовые бляхи, исключительно длинная, массивная бронзовая цепь, фибулы, браслеты, подвески, колечки и бронзовые булабочки с лопатовидной головкой, — все в целом представляет комплекс, неизвестный ни в одном другом случае, хотя большинство из составляющих его предметов в отдельности встречалось в других погребениях.

П о г р е б е н и е 20

Инвентарь погребения:

1. Бляха (пряжка) бронзовая, литая, кое-где прокованная, в виде фигурной пластины, передает очертания птицы с раскрытыми крыльями, но без хвоста. Средняя часть вверху заканчивается выступом в виде высокого и узкого треугольника, вытянутая вершина которого загнута в обратную сторону и образует крючок. С другой, нижней стороны, средняя часть заканчивается гладкой вогнутой линией, по краю которой расположено семь круглых отверстий (диаметр 3.0—3.5 мм); края отверстий сильно сглажены с одной стороны, очевидно, продевавшимися в эти отверстия ремнями.

Боковые части бляхи представляют собой как бы сильно вытянутые ромбы с закругленными углами и слегка выпуклыми сторонами. В верхней части пластины, покрытой гравированным рисунком, имеются сквозные отверстия, связанные с этим рисунком и полученные при отливке. Крючок и примыкающая к нему средняя часть пластины покрыты орнаментом, который состоит из гравированных лент, представляющих то зигзаги, то горизонтальные полосы, образованные двумя параллельными линиями; зигзаги заполнены точками, а горизонтальные ленты разнообразной штриховкой. Под нижней горизонтальной полосой ряд заполненных точками треугольников, с обращенными книзу вершинами, к которым подвешены точечные крестики. На боковых частях пластины вверху изображены два зверя, расположенные симметрично по сторонам орнаментированного центрального выступа. Контуры их даются очертаниями верхних внутренних краев бляхи и сквозными отверстиями в ней. Звери изображены вниз головами, причем раскрытые пасти их охватывают выступающие концы второй горизонтальной полоски центральной фигуры. Длинные острые уши отброшены назад и создают внутренний край боковой части пластины, своими концами они сливаются с крупно сильно изогнутого туловища, поднятого вверх и заканчивающегося спи-

рально закрученным толстым хвостом. Эти спирали завершают боковые части пластины. Согнутые лапы зверей снабжены длинными загнутыми когтями. Тела покрыты гравировкой. Глаз дан в виде кружка с точкой

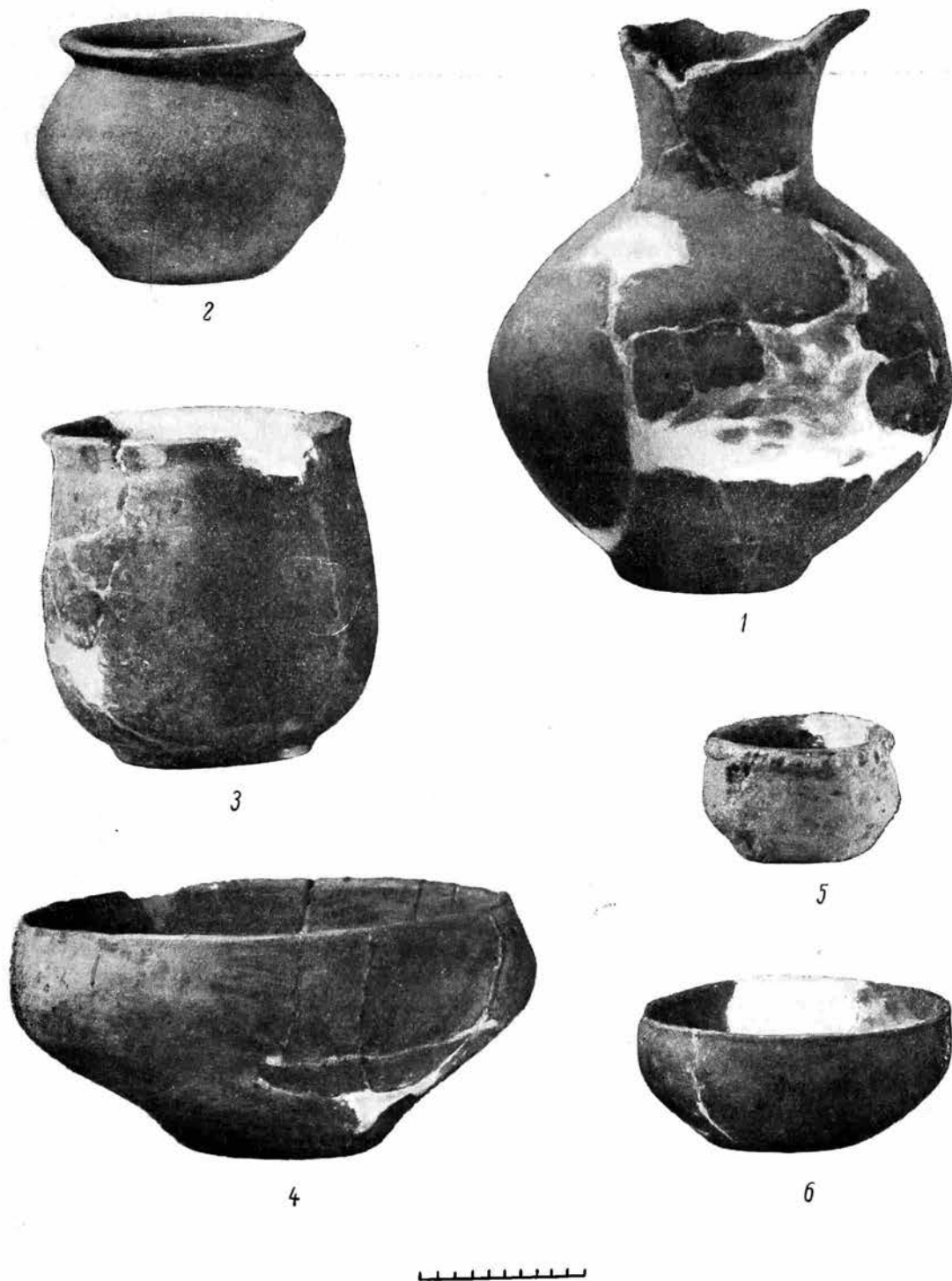

Рис. 16. Сосуды из погребения 18.

в центре; на шее у лопаток, у бедра и на сгибе лап — полоски, заполненные елочкой; шея, лопатки и бедра покрыты точками. Композиция в целом представляет обычную сцену богини-женщины или дерева со зверями по сторонам.

Размеры пластины: ширина 19 см, высота центральной части 11.0 см, боковой части — 19 см (рис. 31).

2. Бляха бронзовая, литая, в форме трапеции, боковые стороны которой слегка вогнуты, а большее основание — выщукло. Вдоль обеих оснований идут ряды круглых отверстий, средняя часть пластины между рядами отверстий выделена рамкой из тонкого валика и заполнена тремя рядами полусферических выпуклостей (по три в каждом ряду), трактованных в виде спиралей (диаметр от 16 до 11 мм). Между спиральями расположены маленькие круглые гладкие пишечки — в средних рядах по четыре, в крайних по две. В узком конце между спиральями и рамкой волнообразно изогнутый валик. Края отверстий по широкой стороне стерты ремешками, соединявшими эту пластину с птицеобразной бляхой, при которой она играла роль хвоста. Отверстия на узком конце бляхи служили для прикрепления к поясу. Длина 7.0 см, ширина 5.5—4.0 см (рис. 17, 2).

3. Бляха бронзовая, конусообразная, с вершиной, заканчивающейся пуговкой, и с петлей на внутренней стороне. Орнаментирована по краю полосой из 6 двойных спиралей, обрамленной с обеих сторон валиками. По всей вероятности, эта бляха вместе с двумя предыдущими входила в состав одного поясного набора. Диаметр 4.8 см, высота 2.5 см (рис. 17, 1).

4—5. Фибулы (2) бронзовые, дугообразные, цельнолитые. Приемник раскован в виде лопаточки с продольным ребром. Дуга с обратной стороны уплощена, с лицевой покрыта орнаментом в виде групп поперечных насечек. Длина 10 см, ширина, в среднем, 1 см (рис. 17, 3).

6—7. Браслеты бронзовые из скрученной спиралью проволоки, плоско-овальной в сечении, $6\frac{1}{2}$ витков каждый. Диаметр 4.8 см, (рис. 17, 4).

8—9. Подвески (2) бронзовые в виде четырехгранных полых пирамидок с петлей сверху и сквозными треугольными отверстиями на боковых гранях. Высота 3.3 см и 3.2 см (рис. 17, 5).

10—11. Булавки (2) бронзовые с раскованной ромбовидной головкой с загнутым трубочкой краем. Длина 6.2 см (рис. 17, 6).

12—13—14. Произвки бронзовые из спирально закрученного стержня, треугольного в разрезе, две одинаковые и обломки третьей диаметром вдвое больше и из стержня вдвое толще. Длина 1.8 см, 2.0 см, 1.5 см. Диаметр 0.6 см и 1.2 см (рис. 17, 8).

15—16—17. Три колечка бронзовых из тонкой проволоки с несомкнутыми концами. Длина около 2.0 см (рис. 17, 7).

18. Цепь бронзовая из сомкнутых овальных звеньев, согнутых из трехгранных стерженьков. Длина цепи 4.39 м; длина каждого звена 1 см (рис. 18).

19. 262 колечка бронзовых с сомкнутыми концами; согнуты из плоско-выпуклых стерженьков. Диаметр 1 см (рис. 17, 9).

20. Бусина из красно-бурого сардера (сердолика), сферическая, с двусторонним коническим сверлением. Диаметр 2.0 см (рис. 17, 13).

21. Бусина из красно-бурого сардера, шаровидно сплюснутая, с двусторонним коническим сверлением. Диаметр 1.3 см (рис. 17, 12).

22. Бусина из синей пасты, боченковидная, сплошь покрыта глазками. Глазки — на белом поле синий кружок, обведенный серым блестящим ободком. Высота 1.8 см, диаметр 2.3 см (рис. 17, 14).

23—24. Бусы пастовые, боченкообразные, с 6 выпуклыми глазками каждая. Диаметр около 1 см (рис. 17, 11).

25. Бусина биконическая, стеклянная (?) (рис. 17, 10).

26. Пряслице глиняное в форме усеченного конуса. Высота 2.5 см, диаметр нижнего основания 4 см (рис. 17, 15; 19, 9).

Рис. 17. Вещи из погребения 20.

27. Миска глиняная; ниже края ручка в виде петли. Лепная. Довышко небольшое, туловище с резким перегибом в широкой части, края закруглены и сглажены, венчик выделен (рис. 17, 16).

Из девятнадцати погребений, раскопанных экспедицией в могильнике Исти-су, двенадцать принадлежат взрослым, а семь — детям и подросткам. Преобладающее положение скелетов — скорченное на правом боку: всего в этом положении обнаружено одиннадцать скелетов

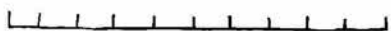
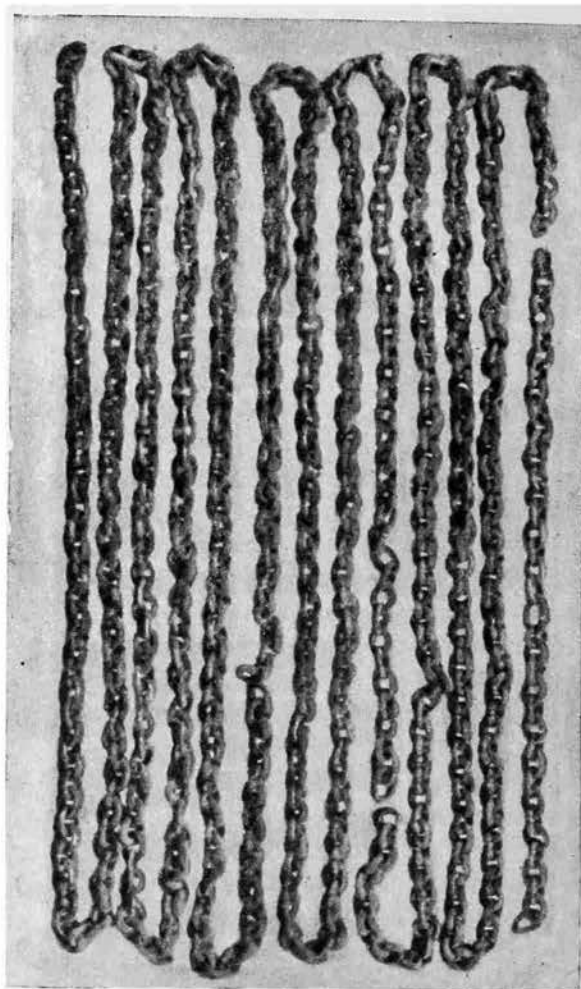

Рис. 18. Цепь из погребения 20.

(7 взрослых и 4 детских); скорченность на левом боку встречена всего три раза (2 взрослых и 1 детский); в вытянутом положении, на спине, обнаружено всего три захоронения (2 взрослых и 1 подростка). Одно погребение подростка, хотя и на боку, но с вытянутыми ногами, а одно совсем не поддается определению. Все женские погребения скорченные. Два вытянутые на спине погребения явно мужские (4 и 7), два другие мужские погребения оказываются скорченными на правом боку. Детские погребения, как и мужские, встречаются и в вытянутом положении и в скорченном. Трудно утверждать категорически, но весьма вероятно, что новый способ захоронения в вытянутом положении применялся частично только в отношении мужчин и детей, а женщин хоронили по прежнему обычаю в скорченном положении. Подобное различие имеется в Кобанском могильнике. Вытянутые мужские погребения встречены и в Нестеровском могильнике тоже как исключение (4 из 53).

Что касается ориентировки скелетов, то и в этом нет единообразия: преобладает ориентировка головой на юго-запад (11 погребений), затем на северо-

запад (2 погребения) и просто на запад (2 погребения), но встречается и обратное положение — головой на юго-восток (в количестве 3 погребений). Особо надо отметить два детских погребения (5 и 11): в первом из них — плохо сохранившиеся кости ребенка были окрашены красной краской, а в другом — один из горшочков содержал куски горной породы с кристаллами реальгара. Ни в одном из остальных погребений краски не было, в трех могилах были обнаружены кусочки угля. Окраска скелетов — обычай, широко известный в эпоху бронзы, — встречается и в раннескифское время, но значительно реже. На обнаруженную в погребениях краску, из ближайших к Исти-су могильников, есть указания у Г. А. Вертепова — курганы №№ 4, 5 и 7 в Ани-ирзо близ ст. Урус-

марган¹ и у Д. Я. Самоквасова — гробницы III и IV на Чеснок-горе близ колонии Каррас в окрестностях Пятигорска.²

Из девятнадцати погребений, раскопанных в Исти-су, десять были разрушены и разграблены почти полностью. Остальные дают характерный могильный инвентарь. Во всех без исключения (даже в некоторых ограбленных, как погребения 2, 6, 8, 9), обязательно имеется глиняная миска. В одном случае (погребение 12) в миске находились кости барана. Вторым неизменным сосудом является какой-нибудь горшок, в шести погребениях найдены еще и кувшины. В погребениях взрослых — большие кувшины с шарообразным туловом и горлом с раструбчатым венчиком, а в детских — миниатюрные кувшинчики грубой работы. Более богатые погребения содержат в инвентаре дополнительные сосуды, большей частью горшки разной формы, а в одном случае имеется еще вторая миска (погребение 18). Остальной могильный инвентарь, за исключением совершенно особого погребения 20, можно разделить на две группы:

1) инвентарь мужских погребений, т. е. главным образом оружие: копья, костяные наконечники стрел и ножи (погребения 4, 7, 17, 18);

2) инвентарь женских погребений, к которым можно присоединить и детские, где преобладают украшения: бусы, браслеты, кольца, а в погребении 11 — еще гривна и фибула.

При относительно малом количестве железных предметов, имеющих в археологических коллекциях, очень трудно делать выводы относительно распространения тех или иных форм; кроме того, материал этого рода до сих пор остается слабо разработанным.

Железный инвентарь могильника Исти-су тоже не очень богат: четыре ножа — три небольших (погребения 7, 15 и 17) с лезвием около 7—8 см, один массивный (из погребения 8) около 15 см длины и один обломок; четыре наконечника копий; две булавки и отдельные обломки предметов из железного стержня, установить форму и назначение которых невозможно.

Форма всех ножей одна и та же: относительно широкая пластинка с заостренным прямым или слегка вогнуто сточенным лезвием и тупой выпуклой спинкой; черенок для прикрепления рукоятки изогнутый; только у двух ножей остались следы дерева от рукоятки и железные гвоздики, прикреплявшие обкладку (рис. 19, 4—7). Подобного рода ножи широко известны как с Кавказа, так и из северного Причерноморья; только в северном Причерноморье колодочки у таких ножей костяные.

Что же касается наконечников копий, то все они совершенно различны. Один из них (погребение 4, рис. 20, 2) представляет собой листовидную длинную пластину, плавно суживающуюся к конической втулке; плохая сохранность наконечника, его расслоившаяся поверхность не дает возможности решить, имелось ли ребро на его острие. Близкие по форме к описанному наконечники имеются повсюду, эта форма широко распространена и на Северном Кавказе,³ и в Закавказье (раскопки А. А. Иванова⁴ и Б. А. Куфтина⁵), и в Поднепровье (раскопки А. А. Бобринского⁶), и по всему Причерноморью.⁷

¹ Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1900, стр. 55—56.

² Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 124—126.

³ А. А. Песен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. Мат. и иссл. по археол. СССР, вып. 3, М.—Л., 1941, рис. 4, 3.

⁴ А. А. Ивановский. По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. М., 1911, табл. V, 2, 3, 6.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XVI.

⁶ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки. близ местечка Смелы. т. II. СПб., 1894, табл. XXV, 6, 7.

⁷ Древности Поднепровья, вып. II, Киев, 1899, табл. I, 5, 6.

Наконечник из погребения 7 (рис. 20, 3) очень интересен по своей редкой форме: он широк у основания — 4 см, при обычной средней ширине в 2,5—3 см, и короток — 8—9 см, так что форму его пра-

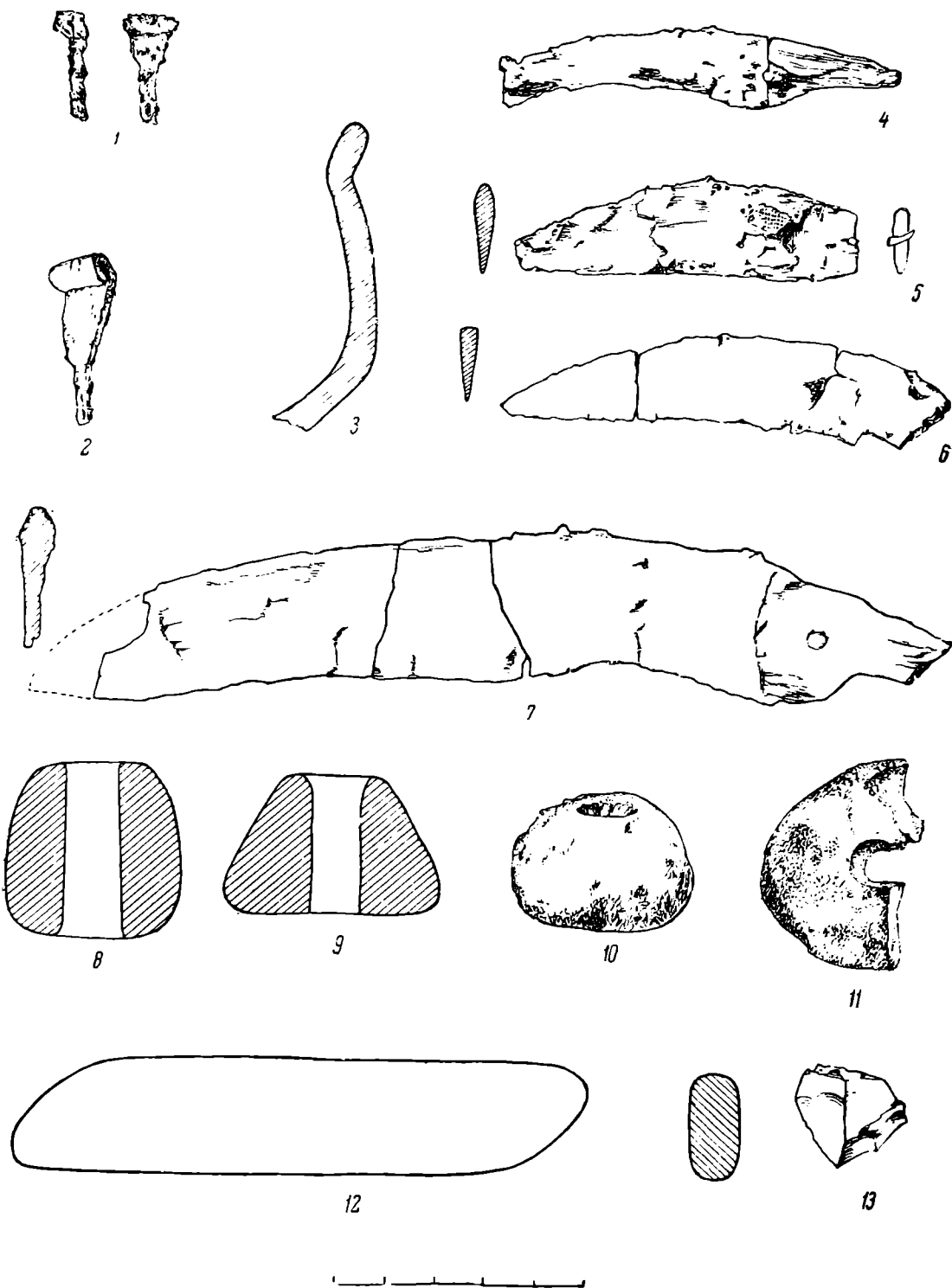

Рис. 19. Вещи из погребений: 2 (1), 5 (2, 3, 8), 7 (4), 8 (7), 9 (10), 13 (11), 15 (6, 13), 17 (5), 18 (12) и 20 (9).

вильнее всего определить как треугольную. Переход от лезвия к конической, небольшого диаметра втулке осуществляется при помощи крутоспускающих заплечиков. Если судить по зарисовке А. А. Спицына, то близкий по форме наконечник был найден в кургане № 10 в Бойси-ирзо в 1901 г.

Г. А. Вертеповым.¹ Других аналогий мы не знаем, если не считать довольно распространенные, но более ранние бронзовые наконечники копий.

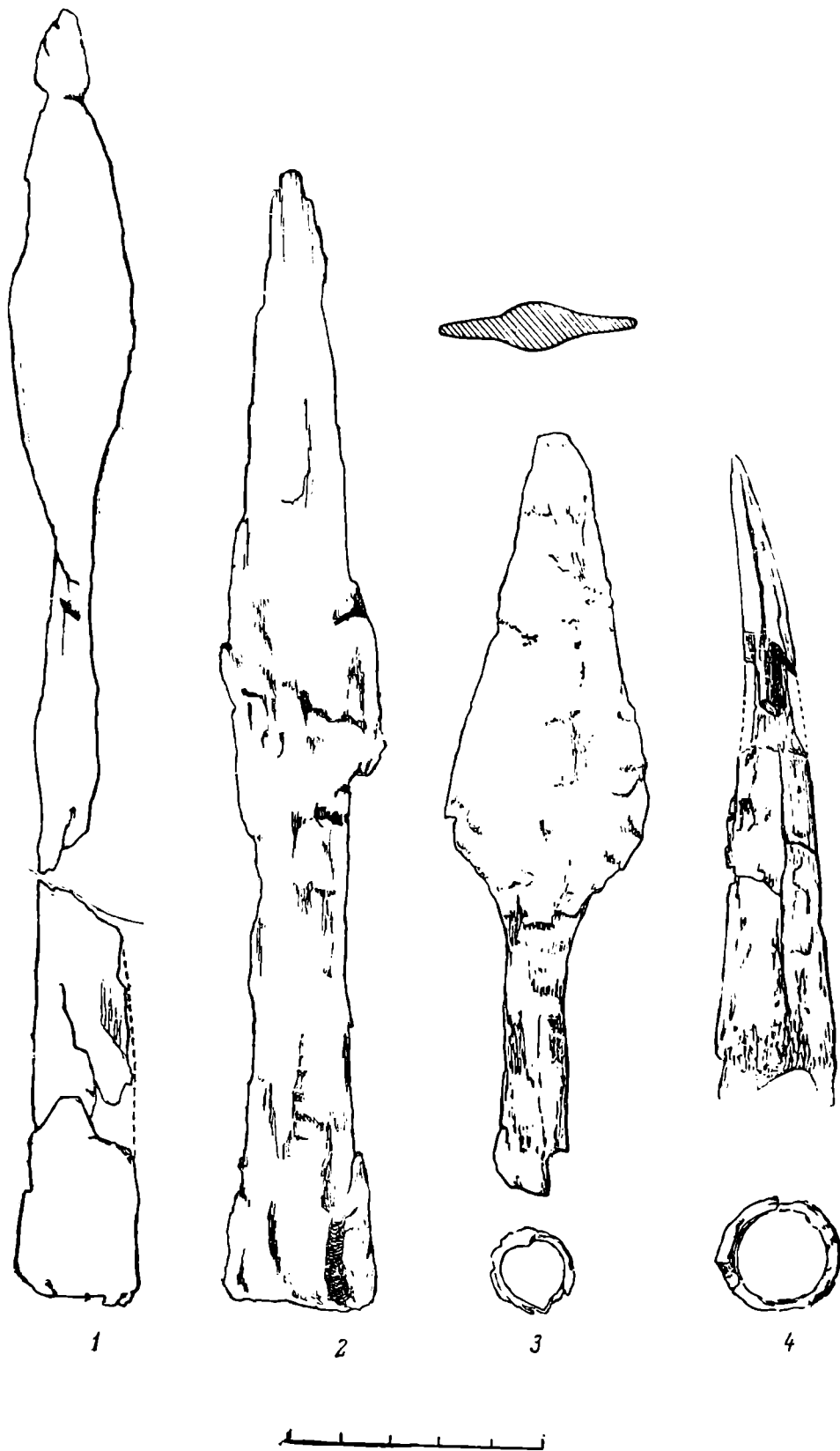

Рис. 20. Железные наконечники копий из погребений: 4 (2), 7 (3), 17 (1), 18 (4).

Что касается наконечника из погребения 17, то он принадлежал дротику (рис. 20, 1); схожий с ним наконечник был найден в кургане № 6

¹ Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1901, стр. 91.

в Ани-ирзо Г. А. Вертеповым¹ (рис. 22, 1), а несколько больших размеров и с другой формы заплечиками обнаружен в Закавказье в погребении 31 Так-Килисинского могильника.²

Наконечник из погребения 18 (рис. 20, 4) в виде конического острия, свернутого из кованой пластины, представляет собой «вток» (в погребении 18 были обнаружены в большом количестве рассыпавшиеся обломки совершенно перержавевшего железного предмета, по всей вероятности, наконечника копья). Подобные наконечники были найдены А. А. Ивановским при его раскопках в Елисаветпольской губ. в 1896 г. между селениями Кедабек и Калакент, в каменном ящике № 62,³ в кургане № 81⁴ у сел. Дамголу близ г. Шуши вместе с обычными, уже упоминавшимися нами, листовидными наконечниками копий. А. А. Ивановский эти наконечники считал самостоятельными предметами — наконечниками пик, но они, несомненно, являются «втоками». Такой же «вток» обнаружен в кургане № 3 в Бойси-ирзо (рис. 22, 2) и в погребении 4 могильника в ст. Елизаветовской.⁵ Подобные наконечники имеются и в Поднепровье, например в кургане № 400 в урочище Криворуково, но там они цилиндрические и тупые.⁶

Как было уже сказано, в могильнике Исти-су, кроме оружия, были найдены еще две железные булавки с плоско раскованными веслообразными головками, края которых завернуты в трубочку (погребения 2 и 5, рис. 19, 1, 2). Булавки с такой головкой,⁷ только из бронзы, а не железные, имеют широкое распространение на Северном Кавказе и в самом могильнике Исти-су, в погребении 20, имеются две небольшие бронзовые булабочки, только головка их несколько другой формы — она скорее ромбическая, а не веслообразная, с укороченным и завернутым одним углом (рис. 17, 6). Из ближайших мест находок подобных булавок (бронзовых) отметим ст. Нестеровскую,⁸ где булавка обнаружена вместе с двумя железными копьями и круглой бляхой, сходной с бляхами из погребений 10 и 20 Исти-су; такие же булавки были найдены в Кумбулте, в склепах, обследованных В. И. Долбежевым, на склоне Хор-гон, наряду с предметами, типичными для кобанской культуры,⁹ затем в самой Кобани¹⁰ и во многих других местах, вплоть до горного Крыма.¹¹

В погребениях 11 и 20 могильника Исти-су найдены бронзовые дугообразные фибулы «кобанского» типа. Дуги их уплощены, односторонне орнаментированы и заканчиваются широким (лопатообразным) приемником, у двух из них с продольным ребром посередине (рис. 9, 2 и рис. 17, 3). Совершенно такая же фибула прекрасной сохранности найдена в прошлом веке в Терской обл. (рис. 25, 2) вместе с фигурной пряжкой, описанной во

¹ ОАК, 1900, стр. 58.

² К у ф т и н, ук. соч., табл. XXXV, 1.

³ И в а н о в с к и й, ук. соч., стр. 133, табл. V, 2 и 4.

⁴ Там же, стр. 147, табл. V, 3 и 7.

⁵ А. А. М и л л е р. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 114, рис. 20, 2.

⁶ А. А. Б о б р и н с к и й. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском у. Киевской губ. ИАК, 1905, вып. 14, стр. 10.

⁷ Железные булавки упоминаются П. С. Уваровой в числе находок в Камунте.

⁸ Е. И. К р у п н о в. Из результатов Северокавказской археологической экспедиции Гос. исторического музея 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 265.

⁹ Архив ИИМК, фонд 1, 1889 г., д. № 16.

¹⁰ П. С. У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. CLXXXI, 8.

¹¹ Н. И. Р е п н и к о в. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909, рис. 28, 40.

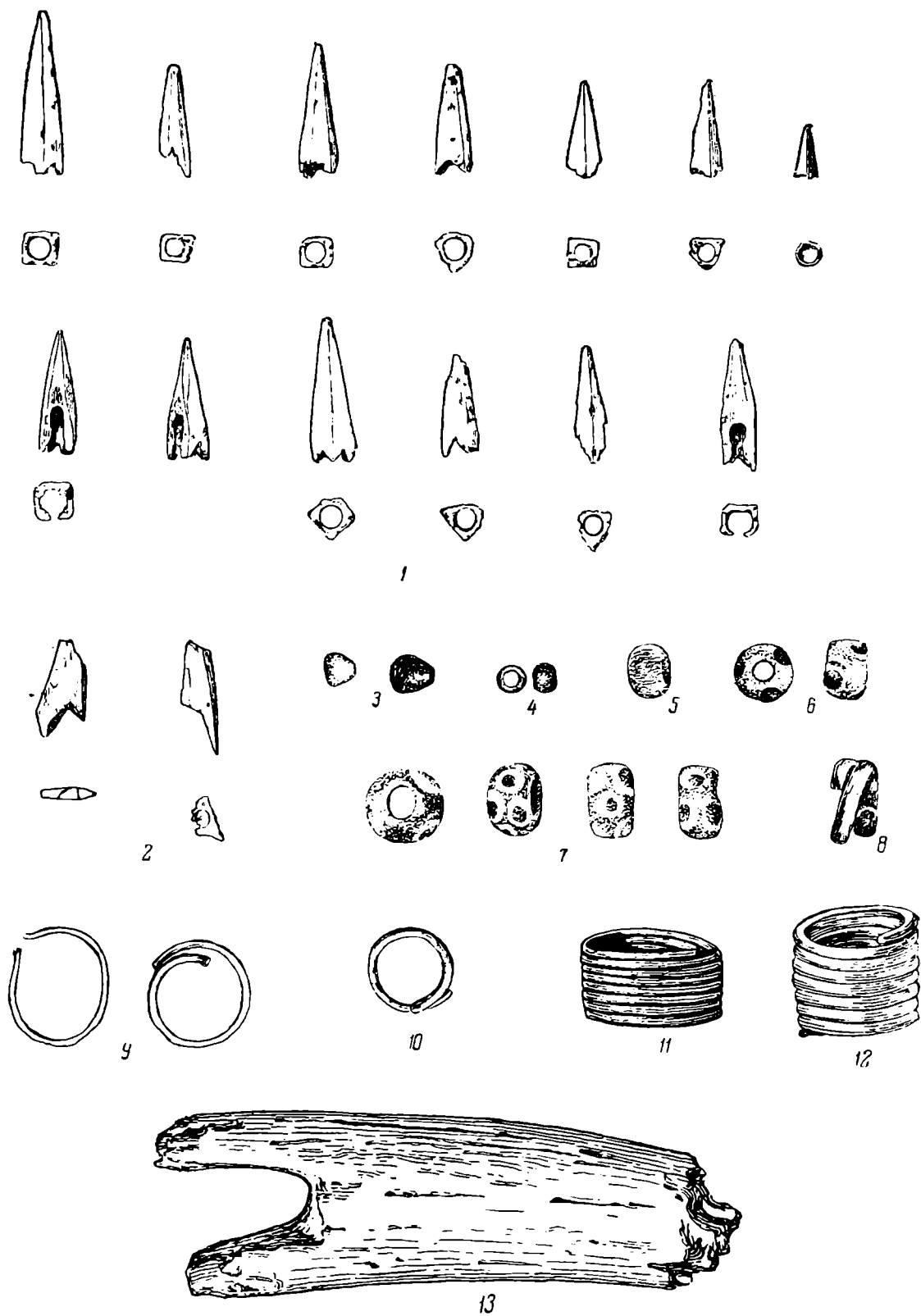

Рис. 21. Вещи из погребений: 2 (9), 5 (3, 5, 10), 9 (11, 13), 12 (7, 8), 13 (4), 17 (1, 6), 18 (2, 12).

второй главе нашей статьи под № 5.¹ Сходные во всем, за исключением деталей орнаментировки, фибулы имеются из курганов в Бойси-

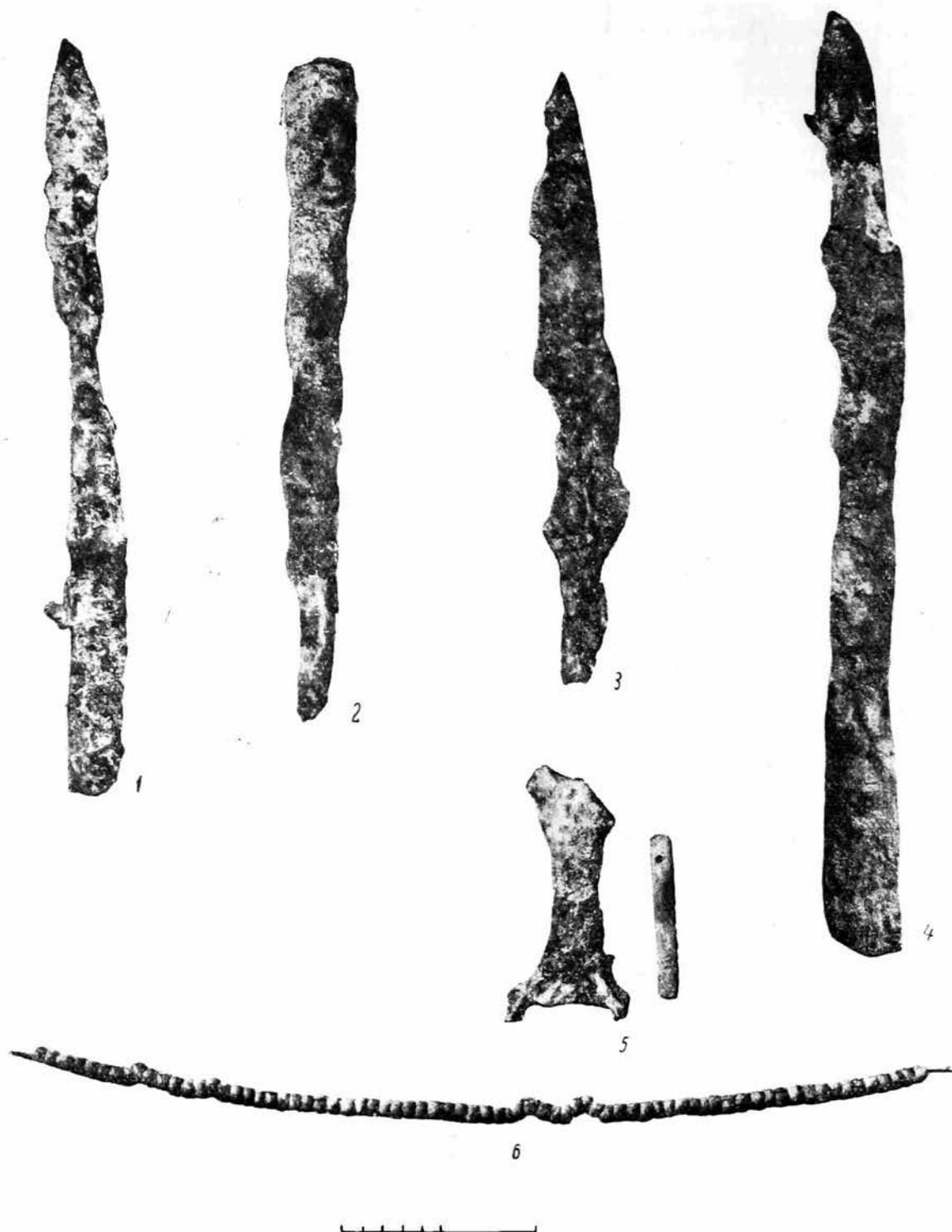

Рис. 22. Вещи из курганов в Бойси-ирзо: № 3 (2), № 4 (4), № 5 (3, 5) и курганов в Ани-ирзо: № 4 (6) и № 6 (1).

ирзо — из Большого кургана № 1 (рис. 23, 6) и из курганов №№ 7 и 8 (рис. 24, 3, 4), только фибула из кургана № 8 принята автором отчета

¹ См. далее, стр. 106.

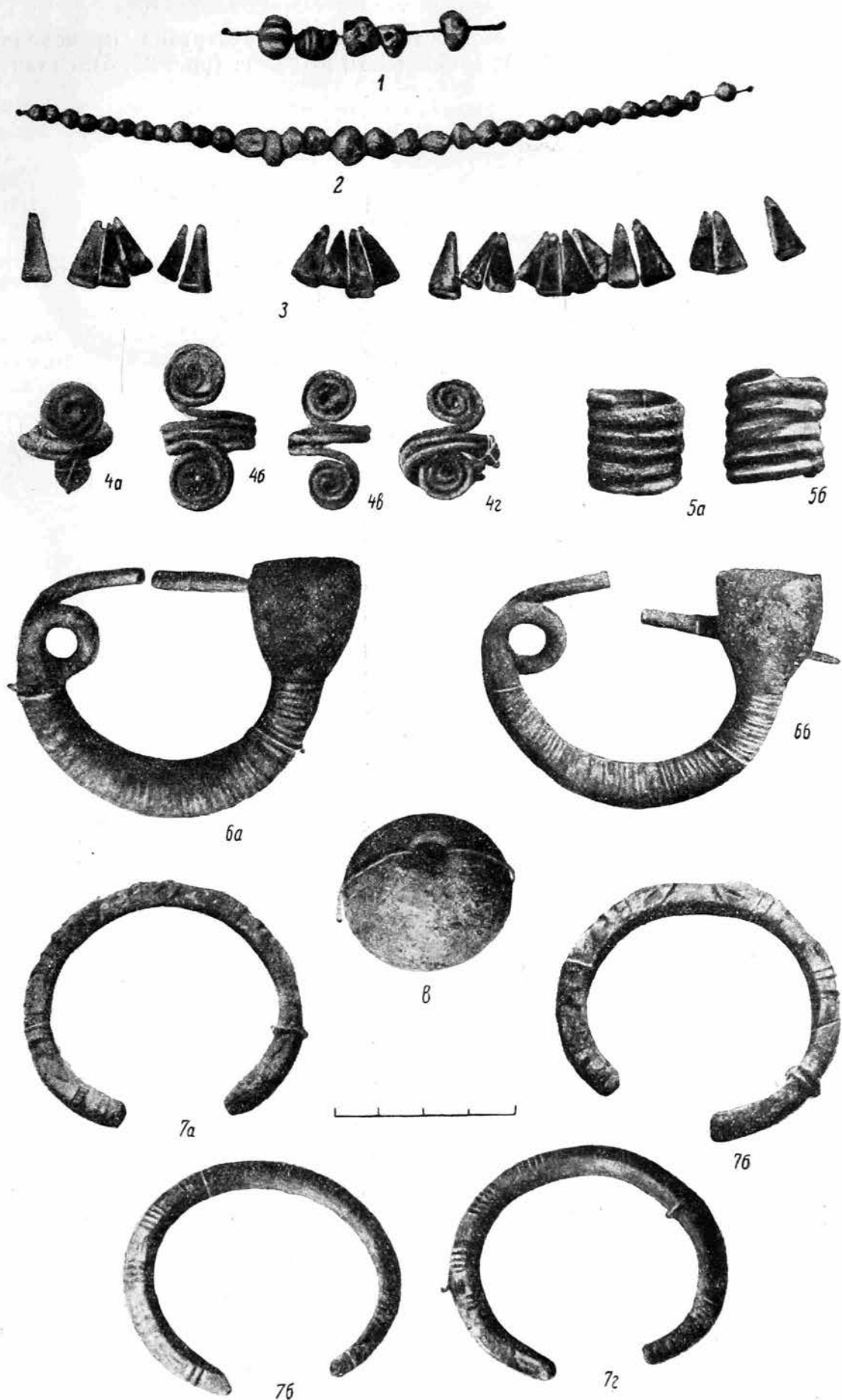

Рис. 23. Вещи из кургана № 1 в Бойси-ирзо.
 1, 2 — бусы; 3 — подвески; 4, 5 — кольца; 6 — фибулы; 7 — браслеты; 8 — пряслице.

за бронзовую серьгу. Из местности близ Урус-мартана происходит и фибула, приобретенная А. А. Бобринским в 1888 г. (рис. 24, 5). Осталь-

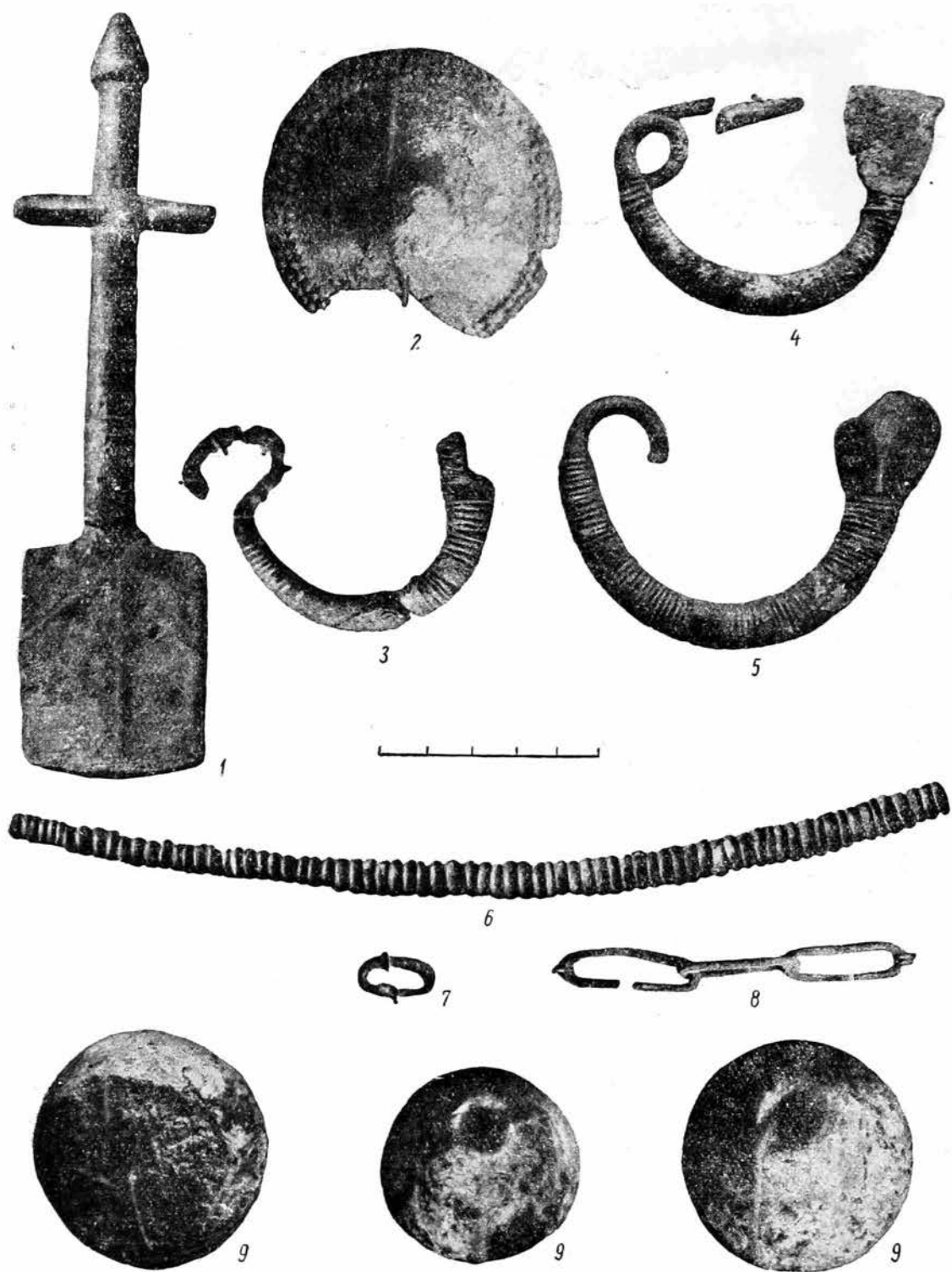

Рис. 24. Вещи из курганов в Бойси-ирзо: из № 7 (4) и № 8 (1—3); из кургана в Ани-ирзо (6—11); покупка из Урус-мартана (5).

ные известные нам фибулы отличаются от фибул из Исти-су и своими пропорциями, и формами деталей, и орнаментировкой.

У фибул из погребения 20 Исти-су, отличающихся тщательностью работы, ширина приемника и диаметр спиральной пружины равны между

собой; центральная часть фибулы — ее дуга, полуовальная в сечении, на всем протяжении не меняет своей ширины, что подчеркивает простоту формы и конструктивность, не отягощенную излишними орнаментальными деталями, как, например, на кобанских фибулах.¹ В то же время ширина дуги на фибулах Исти-су находится в соответствии с ее длиной, не является ни чрезмерно массивной, ни чрезмерно утонченной; орнаментальный мотив — радиально расположенные нарезки, чередующиеся с гладкими поясками — подчеркивает напряженность дуги; резкая разница в ширине дуги и ее концов — приемника и спирали — еще раз говорит о выработанности формы.

На кобанских фибулах часто отсутствует членение: непропорционально узкая и длинная дуга почти незаметно переходит в слегка расширяющийся уплощенный конец стержня.² Членение в них дается не формой, а различием в орнаментации. Есть еще одна группа, образцы которой изданы П. С. Уваровой,³ это фибулы из Казбекского клада. Они разных размеров, но пропорции их сохраняются приблизительно одинаковыми. У них наблюдается четкое членение, как у фибул из Исти-су и Урус-мартана, приемники той же формы, но дуги не уплощены и сравнительно тонки; орнаментация на некоторых подобна орнаментации фибул из Исти-су, только (особенно на маленьких) более углублена и поэтому дробит дугу на мелкие участки.⁴

Основываясь на изложенных наблюдениях, все фибулы «кобанского» типа с ровными дугами следует объединить в одну группу и считать ее, ввиду нерасчлененности формы, наиболее ранней; группа Казбекского клада, к которой относятся и фибулы из Корцы⁵ и Кумбулты⁶ с их утонченными и усложненными формами, является более поздней. Группа фибул типа Исти-су и Урус-мартана типологически помещается между ними, чем и определяется их относительная хронология.

В погребении 11 Исти-су вместе с фибулой найдены были единственные в этом могильнике гривна и серьга (рис. 9, 1, 4). Гривна из круглого в сечении стержня, со слегка уплощенными концами, на которых вырезаны звериные морды. Рисунок морд плоскостной, дан чеканом. Глаз обозначен ямкой, небольшая дуга над глазом передает прижатое ухо, глубокая горизонтальная бороздка обозначает пасть с оскаленными зубами, изображенными рядом черточек; часть морды покрыта елочным орнаментом, очевидно, означающим шерсть; шея выделена поперечными полосками; елочкой покрыта и верхняя поверхность головы зверя. Эти звериные морды по стилю, по технике выполнения рисунка тесно связаны с фигурной поясной пряжкой из погребения 20, разбору которой посвящена отдельная глава. В пределах Северного Кавказа нигде больше такой гривны не встречено.

Распространены здесь гривны обычно трех типов: один — слегка вздутый посредине стержень со спирально завернутыми концами,⁷ второй — ровный, гладкий, с обрубленными концами, иногда слегка утолщенными,⁸ и, наконец, третий тип — витая гривна с концами, расплюснутыми в тонкую орнаментированную пластинку, как, например,

¹ У в а р о в а, ук. соч., табл. XXXII, 5, 7

² Там же, табл. XXXI, 5, 6; XXXII, 1.

³ Там же, табл. LXVIII, 1, 2, 3.

⁴ Фибула из могильника у ст. Казбек. Гос. Эрмитаж, колл. Романченко № 84/10.— W. T a l l g e n. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure. ESA, V. Хельсинки, 1930, стр. 121, рис. 10 и 11.

⁵ У в а р о в а, ук. соч., табл. LXXVII, 7.

⁶ Там же, табл. LXXXVIII, 7.

⁷ Там же, табл. XXX, 3.

⁸ Там же, табл. XXXIV, 3.

гривна, найденная вместе с фигурной пряжкой № 5 и фибулой типа Истису (рис. 25, 3), и гривна из находки И. А. Бартоломея (рис. 25, 1), а также гривна из Нестеровского могильника,¹ отличающаяся от предыдущей ромбовидной формой пластинки и ее более сложной орнаментацией.

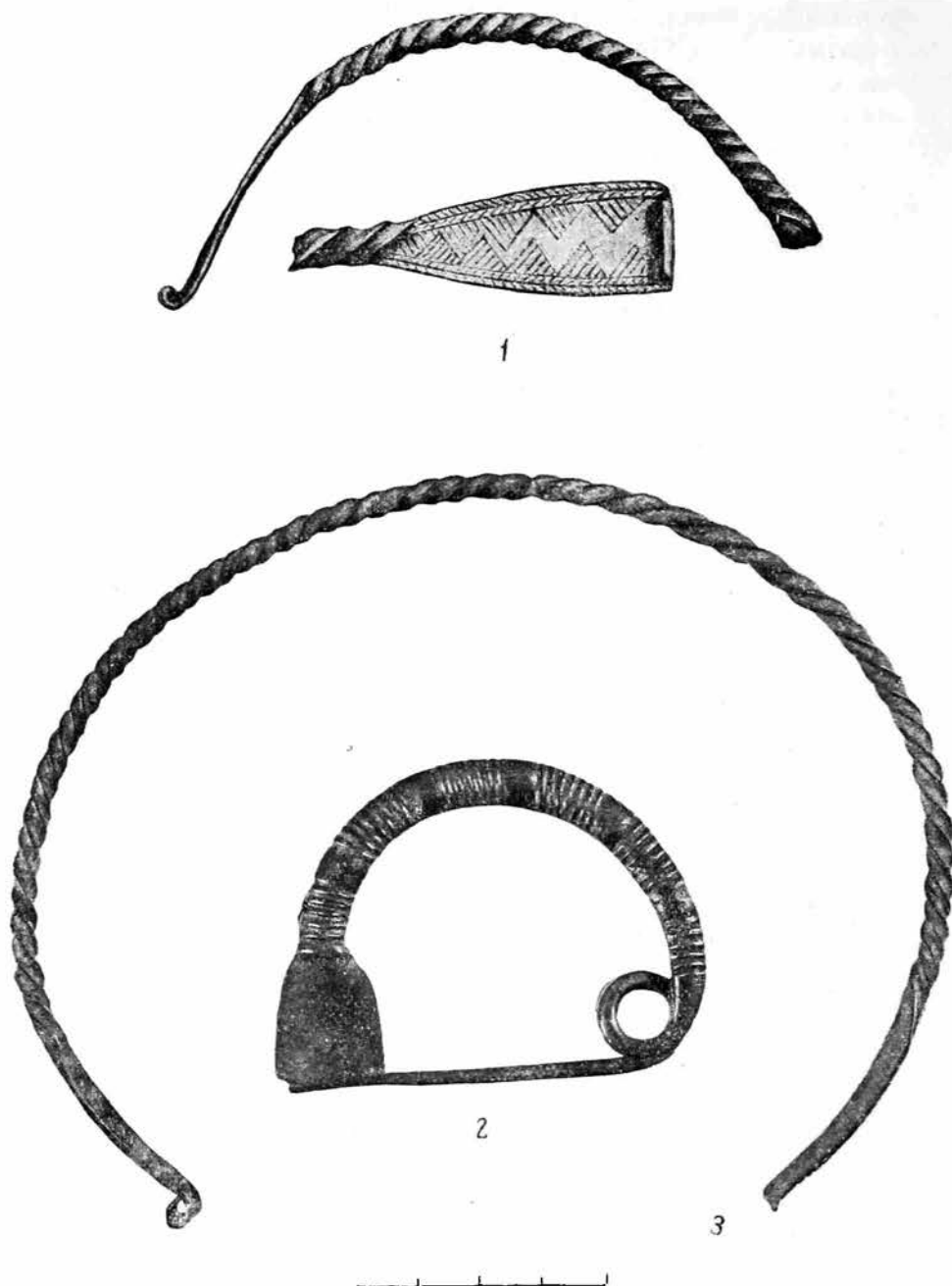

Рис. 25. Вещи из случайных находок в крепости Воздвиженской в 1850 г. (1 — гривна) и в Терской области около 1893 г. (2, 3 — фибула и гривна).

В погребении 1 на Чеснок-горе имеется витая гривна с расплюснутыми и загнутыми спирально концами, которая соединяет в себе детали двух групп.²

Что касается серьги, то аналогичные ей по форме в виде конической подвески из спирально свернутой проволоки с петлей для подвешивания

¹ Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция. М., 1947, КСИМК, вып. XVII, рис. 44, 33.

² Самоквасов, ук. соч., стр. 124.

из той же проволоки — имеются в Нестеровском¹ и Усть-Лабинском² № 2 могильниках, а также в одном из каменных ящиков Байдарской долины.³ Все три серьги совершенно схожи между собой: проволока, из которой они изготовлены, уплощенная, нижняя часть серьги — подвеска — представляет собой конус, свернутый из 9—10 витков, верхняя петля сильно сдавлена. Серьга из Исти-су обладает своеобразными особенностями: она свернута из круглой в сечении проволоки, конус у нее усеченный, всего из шести витков, а верхняя петля представляет собой круглое несомкнутое кольцо.

Бронзовые браслеты из Исти-су (погребения 11, 16 и 20) по своей форме резко отличаются от распространенных на Северном Кавказе браслетов из толстого круглого или граненого стержня, иногда гладкого, иногда орнаментированного, как, например, браслеты из кургана № 1 в Бойси-ирзо (рис. 23, 7). Наши браслеты (рис. 9, 3 и рис. 17, 4) представляют собой спирали во много оборотов, свернутые из тонкой проволоки, иногда овальной в сечении, иногда граненой; в погребениях они встречаются попарно. Подобные браслеты имеются в Корце⁴ и в ящичных погребениях Байдарской долины.⁵

Бронзовые кольца в погребениях из Исти-су распадаются на две группы: первая — кольца из круглой или слегка уплощенной, или в одном случае квадратной в сечении проволоки в один оборот; они обнаружены в ограбленном погребении 2, в детских погребениях 5 и 11 (рис. 21, 9, 10; рис. 9, 5) и в погребении 20 (рис. 17, 7). Вторую группу составляют спиральные кольца в несколько оборотов овальной или граненой проволоки (погребения 9, 16 и 18; рис. 21, 11, 12; рис. 14, 7).

Первая группа широко представлена в различные эпохи, вторая же имеет ограниченное распространение: такие кольца имеются в кургане № 1 в Бойси-ирзо (рис. 23, 5) и в могилах западного кладбища в В. Кобани (неизданные материалы из раскопок 1887 г.), такое же кольцо известно и из Моздокского могильника.⁶

К спиральным кольцам по своей форме примыкают спиральные пронизки различных диаметров из проволоки различной толщины, как овальной, так и граненой (рис. 14, 6; 17, 8). Подобные пронизки имеют широкое распространение и длительное бытование по всему Северному Кавказу и горному Крыму (Байдарской долине).

В горный Крым сходные с кавказскими бронзовые украшения проникли, очевидно, в результате давних связей его с Северным Кавказом.

Очень интересны своей четкой геометрической формой две подвески из погребения 20 (рис. 17, 5) — полые четырехгранные пирамидки со сквозными треугольными отверстиями в каждой боковой грани, вершины их заканчиваются петельками для подвешивания; подобные им подвески, но несколько более массивные и с четырьмя выступами в виде ножек на основании пирамидок, найдены в Азербайджане у сел. Доланлар.⁷

Заканчивая обзор бронзового могильного инвентаря Исти-су, нужно упомянуть еще о наборе из 262 колечек и обрывках бронзовой цепи длиной в 4.39 м (рис. 17, 9 и рис. 18).

¹ К р у п н о в, КСИИМК, вып. XVII, рис. 44, 27

² Раскопки Краснодарского краеведческого музея и Гос. Эрмитажа в 1937 г. Погребение 18.

³ Р е п н и к о в, ук. соч., рис. 28, 2.

⁴ У в а р о в а, ук. соч., табл. LXXVII, 8.

⁵ Р е п н и к о в, ук. соч., рис. 29, 12.

⁶ Хранится в Пятигорском музее, № 5712-14.

⁷ Н. В. М и н к е в и ч - М у с т а ф а е в а. Об археологических находках из сел. Доланлар. Материальная культура Азербайджана I. Баку, 1949, Изд. АН Азерб. ССР, стр. 57, табл. III, 6.

Бронзовые цепи бывали неоднократно находимы в погребениях древней Кобани, например в «погребении воина» (рис. 47, 9), где звенья цепи по величине и форме совершенно тождественны со звеньями из Исти-су, в погребениях ст. Нестеровской¹ и в гробнице II могильника на Чеснок-горе, в которой была найдена «бронзовая цепочка около сажени длины, помещавшаяся на груди остова».² Судя по этой последней находке, цепь носилась на груди и, конечно, могла иметь только культовое назначение. Однако, во всех известных нам случаях их длина была несравненно меньше, чем цепи из погребения 20 могильника Исти-су.

Что касается колечек, то, повидимому, они прикреплялись на одежду в целях украшения или, может быть, защиты. Возможно, что они нашивались по бортам одежды, но нам кажется более вероятным предположение, что нашитые в виде нагрудника они закрывали грудь своеобразным панцирем. Сплошные нагрудные украшения в виде золотых пластин со штампованным орнаментом широко известны в Болгарии, где они датируются V в. до н. э.³ В северном Причерноморье встречаются в богатых погребениях золотые сетчатые уборы, относящиеся к тому же времени,⁴ а на Кавказе и в ныне известных женских национальных костюмах нагрудные украшения играют большую роль. В Грузии, например, они встречаются подвешенные на цепочках, а также и нашитые в виде нагрудников на передники, стянутые широким поясом с фигурной пряжкой. Если нашить 262 колечка из погребения 20 в виде такого нагрудника, то он получится сравнительно небольших размеров.

Бронзовым поясным пряжкам из погребения 20 посвящен раздел второй настоящей статьи, поэтому здесь мы их касаться не будем.

Кроме бронзовых украшений, в могильнике Исти-су встречены еще и бусы. Из двадцати погребений бусы обнаружены в восьми. Наиболее многочисленны бусы из гагата (гешира или лигнита), продолговатые, бочонкообразные или биконические (погребения 2, 11 и 16; рис. 9, 8; рис. 14, 2); из того же гагата изготовлены и пирамидальные подвески с прямоугольными основаниями из погребения 16 (рис. 14, 1).

Вполне точные сведения о находках бус из гагата на северо-восточном Кавказе имеются относительно могильников у селений Хорочой и Маджалис и у ст. Кая-кент. Большой могильник у сел. Хорочой, расположенный в 40 км к югу от Исти-су глубже в горах, раскинулся подобно этому последнему на пологом склоне лесистого хребта Черных Гор восточного Кавказа. Могильник был прекрасно раскопан в 1937—1938 гг. А. П. Кругловым и дал обильный и интересный материал, среди которого в двух погребениях (2 и 5) найдены круглые плоские гагатовые бусы (одна и восемнадцать).⁵ В могильнике у сел. Маджалис гагатовые бусы были бочонковидной и округлой форм, а в могильнике у ст. Кая-кент — одна неправильной формы гагатовая подвеска. Перечисленные могильники являются восточными соседями Исти-су, но относятся к более раннему периоду, к предшествующей эпохе.⁶

На запад же от Исти-су в большом количестве (не уступая в этом отношении нашему могильнику) бусы из гагата были найдены при раскопках

¹ К р у п н о в, КСИМК, вып. XVII, рис. 44, 32.

² С а м о к в а с о в, ук. соч., стр. 124.

³ А. П. М а н ц е в и ч. Шейные уборы скифского периода. КСИМК, вып. XXII, М., 1948, стр. 68—73, рис. 19.

⁴ Там же, стр. 68 сл.

⁵ А. П. К р у г л о в. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 115 и 117, рис. 3, 10 и рис. 5, 6.

⁶ Там же, стр. 122, рис. 6.

Д. Я. Самоквасова близ колонии Каррас в окрестностях Пятигорска. Там, в гробнице II на Чеснок-горе обнаружено целое ожерелье в три нитки из продолговатых бус, разделенных пронизками в виде плоских прямоугольных пластинок с тремя отверстиями; гагатовые бусы были также в гробницах III и V.¹

Отдельные находки гагатовых бус в небольшом количестве известны из разных мест: из Моздокского могильника, из кургана у сел. Константиновка,² из Ахалгорийского клада.³ В Тбилисском музее хранятся переданные из Дагестана пронизки из «черного шифера»⁴ и из Краснодара (Екатеринодара) — «бисер» из гешира.⁵ В большинстве из многочисленных случаев находки или покупки бус исследователи не указывают среди них бус из гагата или гешира, глухо и неопределенно упоминая иногда только «темные» бусы из «черного камня» или просто «черные бусы», но и такого рода ссылок немного — «черные» бусы, очевидно, в интересующий нас период широкого распространения на Кавказе не имели. Гагатовых же подвесок пирамидальной формы в это время мы вообще не знаем. Пирамидальные подвески из синего стекла приблизительно той же величины, что и гагатовые подвески из Исти-су, были найдены Г. А. Вертеповым в кургане № 1 в Бойси-ирзо⁶ (рис. 23, 3).

Бусы из другого природного материала — сердолика — в могильнике Исти-су представлены в значительно меньшем количестве, чем гагатовые. Они найдены всего в двух погребениях (16 и 20). В погребении 16 обнаружены бусы трех форм: 1) три бусы шарообразной слегка уплощенной формы из красно-бурого сардера (сердолика) (рис. 14, 5): две с двусторонним сверлением штифтом, одна с односторонним коническим сверлением; входные отверстия окаймлены выщерблинами; 2) две бусы «розового» сердолика формы шарового слоя и 3) одна цилиндрическая бусина тоже «розового» сердолика; три последние все с односторонним сверлением (рис. 14, 4). В погребении 20 было всего 2 бусы из красно-бурого сардера, разной величины и формы — большая (21 мм в диаметре) шарообразная и меньшая шарообразно-сплюснутая. Обе бусы сверлены двусторонне при помощи штифта, причем у большой встречные отверстия не коаксиальны, и дно каждого из них сохранилось больше чем наполовину. Интересно, что с обеих сторон были сделаны попытки исправления получившейся ошибки путем увеличения слишком малого отверстия при помощи вторичного сверления штифтом значительно меньшего диаметра, но это сверление не было доведено до конца (рис. 17, 12, 13).

Бусы красно-бурого сардера имеют широкое распространение, особенно в Закавказье, где они встречаются целыми низками, как, например, в урартской крепости на Кармир-блуре. На Северном Кавказе они встречаются всюду и часто, но обычно в меньшем количестве. В восточной части Северного Кавказа они имеются в восьми погребениях в уже упоминавшемся раньше могильнике у сел. Хорочой и в одном у сел. Маджалис. Время их распространения — VIII—IV вв. до н. э., место происхождения не известно. Бусы из «розового» сердолика также широко распространены и встречаются тоже повсеместно в Закавказье и Центральном Кавказе. Центр добычи этого сердолика, по указанию Г. Г. Лем-

¹ Самоквасов, ук. соч., стр. 124—126.

² Там же, стр. 32.

³ Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, стр. 17, табл. II, 18.

⁴ П. С. Уварова. Museum Caucasicum, V. Археология. Тифлис, 1907, стр. 183.

⁵ Там же, стр. 146.

⁶ Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1900, стр. 57.

млейна, находился в Ассирии, а употребление их относится в основном к X—VI вв. до н. э.¹

Бусы из непрозрачной пасты с шестью глазками найдены в нескольких погребениях (12, 16, 17, 20). Одни из них сделаны из синей пасты с синими же глазками, окруженными ободком белого цвета (рис. 21, 7). Форма этих бус в виде шарового слоя, глазки плоские, не выступающие. Другая группа (рис. 14, 3 и 21, 6) — бусы из мраморовидной серой с белым пасты с выпуклыми синими глазками. Особняком стоит бусина из погребения 20 (рис. 17, 14) очень больших размеров (2 см), бочонковидная, из синей пасты, сплошь инкрустированная белыми кружочками с синими глазками, причем глазки дополнительно обведены серебристо-серыми кружками.

Крупные инкрустированные бусы нередки в кобанских и других погребениях Северного Кавказа, но близко сходные с последней бусиной из Исти-су имеются только в находках Хабоша Канукова у ст. Казбек.² Бусы же синей и зеленовато-серой с разводами пасты с синими глазками широко распространены в могильниках Северного Кавказа, например в погребениях на Чеснок-горе,³ и северного Причерноморья. Появляясь в начале железного века, они долго бытуют без существенных изменений.

Бусы каплеобразной формы из непрозрачной стекловидной пасты голубого, желтого и черного цветов (погребения 5 и 11, рис. 21, 3 и рис. 9, 6) имеют ближайшие аналогии в курганах в Бойси-ирзо близ Урус-мартана⁴ и в погребениях на Чеснок-горе.⁵

То же самое можно сказать и о бусах из прозрачного стекла белого цвета шарообразной формы (из погребений 5 и 13; рис. 21, 4, 5) и синего стекла биконической формы (погребение 11; рис. 9, 7); аналогии для них имеются в тех же могильниках.

Обработанной кости в могильнике Исти-су почти нет; только в двух погребениях найдены костяные наконечники стрел (погребения 17 и 18; рис. 21, 1, 2), да в погребении 9 оказался обломок незаконченного обработкой бараньего рога (рис. 21, 13). Костяные наконечники — втульчатые трехгранные и четырехгранные (только один плоский). Такие известны из погребений в кургане № 8 в Бойси-ирзо,⁶ на Чеснок-горе (погребения 1, 2, 6),⁷ в могильнике у ст. Нестеровской,⁸ в кургане близ аула Куляры в раскопках А. А. Бобринского,⁹ в погребениях у ст. Елизаветовской,¹⁰ а также в погребениях скифского периода в Мингечаурском могильнике.¹¹

К каменным изделиям относится точильный брусок из погребения 18 (рис. 19, 12) и два пряслица. Брусок плоский, хотя довольно толстый, с сильно скругленными продольными ребрами и косо срезанными концами, тоже скругленными; сделан брусок из голубовато-серого песчаника. Такие бруски без отверстия для подвешивания широко распространены в комплексах позднего бронзового периода на Северном Кавказе. Каменные пряслица из известняка разной формы: одно полусферическое

¹ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, стр. 22—30.

² Уварова. Museum Caucasicum, табл. IV

³ Самоквасов, ук. соч., стр. 124—126.

⁴ Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1900, 1901.

⁵ Самоквасов, ук. соч., стр. 124—126.

⁶ Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1901, стр. 91.

⁷ Самоквасов, ук. соч., стр. 124—126.

⁸ Крупнов, КСИИМК, вып. XVII, рис. 44, 5; вып. XX, стр. 70.

⁹ ОАК, 1882—1888 гг., стр. ССХVII.

¹⁰ Миллер, ук. соч., рис. 19, 5.

¹¹ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, Материальная культура Азербайджана, I. Баку, 1949, стр. 27, рис. 18, а, в.

(погребение 9) (рис. 19, 10), а другое — плоское овальное (погребение 13; рис. 19, 11); обе формы довольно часто встречаются.¹

Кроме этих двух известняковых пряслиц, в могильнике обнаружены еще два глиняные: одно (погребение 20) хорошо известной, широко распространенной в «скифскую» эпоху конической формы (рис. 17, 15; 19, 9). Своеобразная форма второго пряслица менее четка (рис. 19, 8).

О керамике могильника Исти-су в целом можно говорить с точки зрения ее теста и техники изготовления. В подавляющем большинстве случаев (исключения будут отмечены) тесто сосудов из серо-коричневой глины, плохо отмученной, крупнозернистой, с большим количеством примесей: извести, кварца (иногда мелкого, а иногда и очень крупного) и с вкраплениями большей частью крупных блесток слюды. Сосуды все леплены от руки, иногда заглажены, но чаще подвергнуты лощению по нанесенному сверху тонкому слою обмазки из той же, иногда более тщательно отмытой, глины. Лощение бывает различное — от очень слабого, еле различимого, до прекрасного, сплошного и блестящего (например, большой кувшин в погребении 7); цвет лощения серый или серо-коричневый, черный не встречается.

Среди керамических форм выделяются две группы сосудов: во-первых, особенно интересные высокие широкогорлые серо-лощенные кувшины с раструбчатыми венчиками и, во-вторых, широкие плоские чаши-миски.

Четыре высоких кувшина обнаружены и восстановлены целиком, с дополнением гипса в неответственных местах, кроме того, в разграбленной могиле найдено горло еще от одного такого же сосуда. Все четыре кувшина, имея в основе общую форму — широкое тулово и высокое горло, — несколько отличаются друг от друга. Сосуд из погребения 13 (рис. 13) по форме своей ближе стоит к биконическим сосудам из Моздокского могильника, особенно к сосуду из кургана № 2,² а также к сосуду из могильника у ст. Каменноостской из погребения 1 (1921 г.),³ но наш сосуд имеет иные, более стройные пропорции и более четкое расчленение частей: его высокое и широкое горло, хотя и переходит плавно в покатые плечики, отделено от тулова при помощи вдавленной полоски-пояска, соответствующего гравированной ленте, отделяющей горло у сосуда из Каменноостской; венчик же, слегка отогнутый наружу, близок венчику сосуда из Моздокского кургана. Отличает наш кувшин наличие налечных украшений — к пояску у основания горла в трех местах как бы подвешены слегка изогнутые валики.

Остальные три кувшина из погребений 4, 7, 18 являются дальнейшим развитием формы вышеописанного сосуда из погребения 13; тулово у них резко отчленено от горла не только при помощи пояска, но самой формой горла и тулова, что особенно четко наблюдается у кувшина из погребения 7 (рис. 8, 1), имеющего вообще наиболее выработанные, стройные и геометрически определенные формы. Горло его цилиндрическое, с почти горизонтальным резко отогнутым широким венчиком, верхняя часть тулова представляет сферическую поверхность, которая без ребра переходит в коническую нижнюю часть сосуда и заканчивается слабо выделенным, слегка профилированным узким донышком. Сосуд имеет прекрасное серое лощение. Фор-

¹ Совершенно сходные точильный брусок и полусферическое пряслице были обнаружены В. И. Долбежевым при раскопках в Рутхе (Хор-гон) в 1887 г., см.: Е. И. А л е к с е в а. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып. 13. Л., 1949, табл. IX-A-14 и IX-A-23.

² П и о т р о в с к и й и И е с с е н, ук. соч., табл. III, 2.

³ И е с с е н, ук. соч., табл. III, 4.

мы кувшина из погребения 4 (рис. 5, 1), сближающегося с кувшином из погребения 7, главным образом, формой горла и горизонтально отогнутым раструбчатым венчиком, не так четки; горло его не строго цилиндрично, а расширяется вверху и внизу, раструб более широк, но не столь определен. На плечиках обоих сосудов имеются налесты в виде валиков, шишечек и петелек. Шаровидное тулово кувшина, отличающее его от кувшина погребения 7 и сближающее с сосудом из погребения 18, вылеплено грубо и небрежно, доньшко вовсе не выделено. Кувшин из погребения 18 (рис. 16, 1) имеет более тщательно обработанное, слабо, подобно кувшину из погребения 7, выделенное доньшко и плечики, переходящие в сравнительно невысокое горло, плавно расширяющееся кверху и заканчивающееся широким, почти коническим венчиком. Последние два кувшина напоминают нам кувшин из погребения 2 (1921 г.) в могильнике у ст. Каменноостской.¹ Этот кувшин со своим шарообразным, хорошо лощеным туловом и плечиками, намеченными не только графически, как на приведенном выше сосуде из погребения того же Каменноостского могильника, но подчеркнутыми самой формой сосуда, выгибом его стенок при переходе от тулова к горлу, представляет собой менее развитую, но все же близкую нашим кувшинам форму. С другой стороны, кувшин из погребения 18, отличаясь от кувшинов из погребений 4 и, особенно, 7 иными пропорциями горла и тулова, заставляет нас обратиться к найденному на территории могильника, но вне погребений, кувшину, который относится к позднему времени, может быть, ко времени располо-

Рис. 26. Сосуд из поселения в Исти-су.

женного на месте могильника поселения. Формы этого сосуда являются дальнейшим развитием высокогорлых кувшинов из могильника Исти-су (рис. 26).

Большие высокогорлые сосуды-корчаги широко распространены в раннескифское время. Яркими образчиками этой формы являются сосуды: моздокские и каменноостские,² из кургана возле Ворошиловска,³ из Нальчика.⁴ Кувшины из Исти-су сближает с этой группой общность исходной формы — раздутость тулова, вытянутость горла, широко отогнутый венчик. Если характерную для Исти-су расчлененность формы, отделение горла от тулова, можно было бы отнести за счет дальнейшего развития моздокского типа, то отсутствие свойственной керамике Моздока грушевидной раздутости тулова указывает на иной, самостоятельный путь развития.

Сосуды, сходные с найденными в Исти-су, известны и из других мест. Так, к востоку от Моздока, на 50 км ниже по течению Терека, в 70—75 км от Исти-су, между селениями Верхний и Нижний

¹ Иессен, ук. соч., табл. V, 1.

² Пиотровский и Иессен, ук. соч., табл. III, 1, 2; VII.

³ Там же, стр. 34, рис. 9.

⁴ Там же, табл. XII, 3.

Наур А. П. Круглов в 1936 г. обнаружил несколько городищ;¹ на одном из них было найдено скопление обломков, из которых почти полностью был восстановлен серый лощеный сосуд (рис. 27, 1), являющийся уменьшенным повторением сосудов из погребений 4 и 7 Исти-су: то же шаровидное тулово, высокое горло с раструбчатым венчиком и налепные валики у перегиба от горла к плечикам (рис. 27, 2). В раскопках Г. А. Вертепова близ сел. Урус-мартан в местностях Ани-ирзо и Бойси-ирзо в 1900² и 1901³ гг. в 5 погребениях были найдены «кувшины», все, кроме

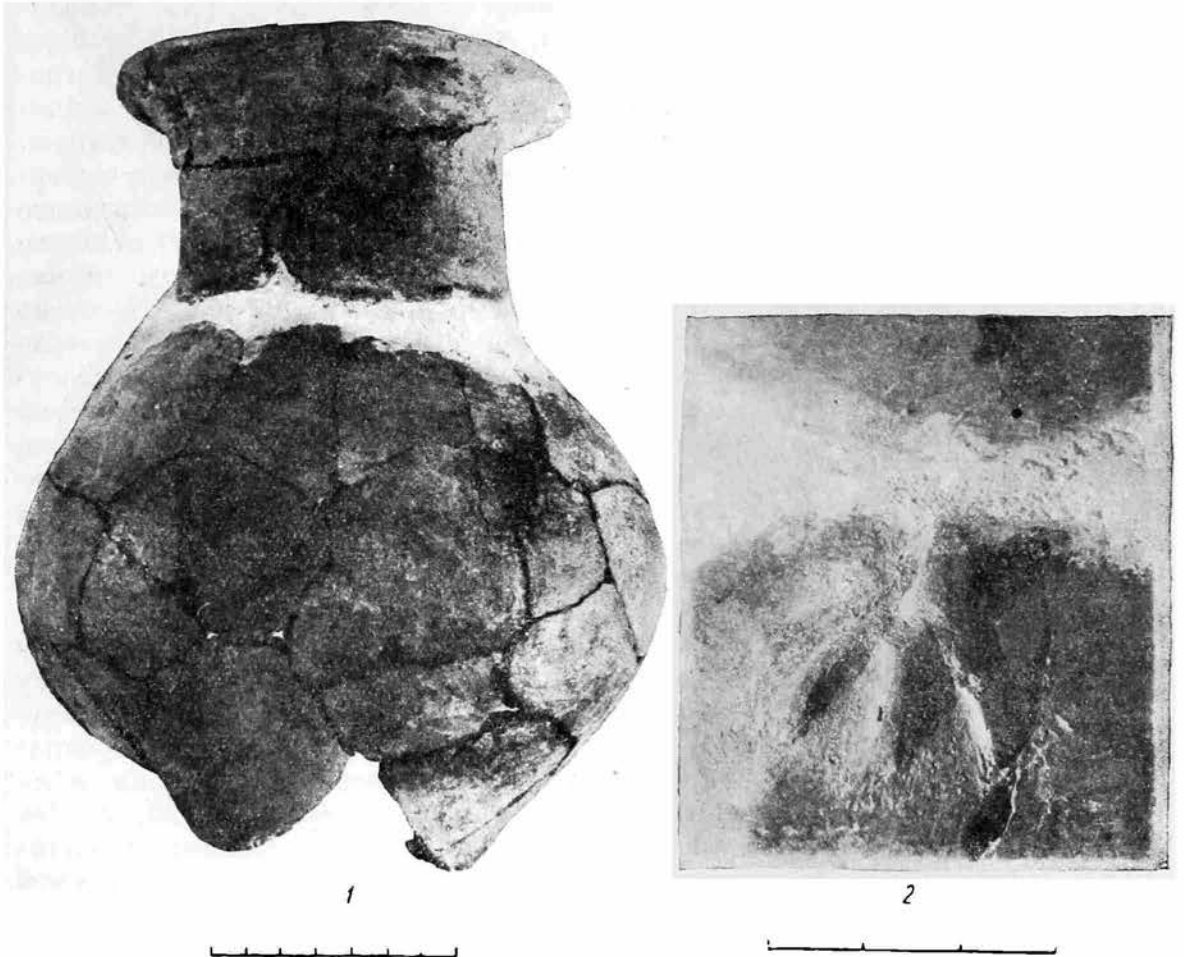

Рис. 27. Сосуд из городища № 3 у сел. Верхний Наур (1); деталь орнамента сосуда (2).

одного, раздавленные и потому оставленные на месте. Один, из погребения 4 в Бойси-ирзо,⁴ «большой кувшин из необожженной глины, треснувший на мелкие куски» был восстановлен в своей нижней части и, судя по рисунку, по форме тулова сходен с кувшином из погребения 7 Исти-су; были ли на этих сосудах налепы — установить невозможно.

Налепные валики типа Исти-су встречены на небольших обломках, совершенно не дающих представления о форме сосуда, на обследованном Е. И. Крупновым Нестеровском поселении.⁵ Там же найдены обломки керамики с накладным валиком со щипковым орнаментом. Наряду с этим,

¹ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный. 1938, стр. 6—7

² Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1900, стр. 54—60.

³ ОАК, 1901, стр. 89—92.

⁴ Там же, стр. 90

⁵ Крупнов, Гр. ГИМ, вып. XXII, рис. 20, 6, 7 и 8.

в находящемся около поселения могильнике в 1938 г., в погребении 2, был обнаружен сосуд, по своей форме близкий моздокской группе сосудов,¹ а в погребении 12 — большой лощеный сосуд с налепами в виде извивающихся змей. Следовательно, могильник и поселение у ст. Нестеровской формами своей керамики увязываются с Моздокским могильником, но некоторыми деталями декорировки, не встречающимися в Моздоке, сближаются с Исти-су. Для сосуда из погребения 13 в Исти-су, который имеет аналогии с моздокскими сосудами, находится подобный по биконической форме сосуд из погребения 26 (рис. 28, 6) в могильнике у сел. Хорочой, о котором речь уже была в связи с гагатовыми бусами. Характерными признаками глиняных сосудов, обнаруженных почти в каждом погребении хорочоевского могильника, являются раздутое тулово, широкое и невысокое с отогнутым венчиком горло, плавно переходящее в плечики, узкое дно и налепные валики на перегибе от горла к плечикам; валик часто бывает украшен насечками и в одном месте — прерван выступающим налепом, иногда гладким, иногда в виде узла с более или менее выраженными концами. На сосуде из погребения 50 (рис. 28, 4) от этого выступа вниз спускаются три параллельные валика, в другом случае на сосуде из погребения 29 (рис. 28, 5) концы представлены радиально расходящимися. У многих хорочоевских сосудов при шероховатой поверхности горло подвергнуто хорошему лощению. Общность традиции у сосудов из Исти-су и Хорочоя сказывается в приблизительно сходной форме и, главным образом, в технике декорировки сосудов. Опоясывающий горло хорочоевских сосудов валик на некоторых сосудах из Исти-су превратился в углубленную полоску, а на одном и совсем исчез, но узел или выступ с свисающими концами, а иногда только концы, расположенные у самого горла, остались и превратились в самостоятельный мотив декорировки, повторяющийся 3—4 раза.

Если мы теперь обратимся еще к одному памятнику — могильнику у ст. Кая-кент, то увидим несколько иные, но тоже общие с Исти-су черты. Сохраняя в общем формы высоких сосудов Хорочоя с их раздутым в верхней части туловом и узким дном, сосуды из Кая-кента² в верхней части покрыты гравированным орнаментом, сверх которого на некоторых из них имеются налепные валики разной формы (рис. 28, 1). Но особенно интересно, что каякентские сосуды имеют тенденцию к удлинению горла и превращению отогнутого венчика в широкий раструб (рис. 28, 1). А. П. Круглов с полным основанием относит Каякентский могильник к той же культуре, что и могильник у сел. Хорочой,³ а Е. И. Крупнов датирует его более поздним временем.⁴

Нет сомнения, что кувшины Исти-су, сохраняя многие черты сосудов из Хорочоя и Кая-кента, дают их в позднейших, более развитых формах, что указывает на более позднее время культуры могильника Исти-су. Но считать, что формы кувшинов Исти-су полностью происходят из форм соответствующих сосудов Хорочоя или Кая-кента нельзя. Происхождение керамики из Исти-су оказывается более сложным явлением, требующим привлечения материала еще из одной области. В погребении 1 могильника Загли-барзонд, находящегося в Северной Осетии близ сел. Верхняя Кобань, при лежавшем на левом боку в скорченном положении скелете был обнаружен типичный для эпохи бронзы инвен-

¹ К р у п н о в. Археологические памятники Ассиинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941, табл. VI, 1.

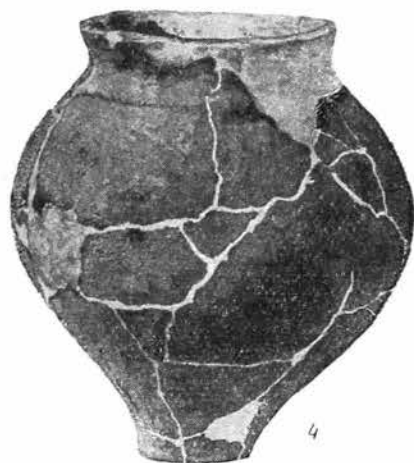
² ОАК, 1898, стр. 141—165.

³ К р у г л о в. Предскифские памятники. , стр. 127.

⁴ Е. И. К р у п н о в. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, вып. XI, М., 1940, стр. 16.

1

4

2

5

3

6

Рис. 28. Сосуды из могильников у сел. Кая-кент (1, 2) и сел. Хорочой (3—6).

тарь: ¹ бронзовый нож, три медные или бронзовые бусины из прокованной пластинки, ² кремневый наконечник стрелки и глиняный лощеный сосуд. Сосуд стоял у затылка погребенного, был раздавлен и восстановлен не полностью — отсутствует венчик и часть горла, но и сохранившейся части достаточно, чтобы заметить связь этого кувшина с кувшинами из Исти-су. Шаровидное тулово заканчивается коническим высоким горлом, переход от тулова к горлу подчеркнут вдавленным пояском, с двух сторон на плечиках сосуда слабо выпуклые налепы в виде трех валиков: с одной стороны дугообразных, расположенных концентрически, с концами, обращенными вниз, с другой, по словам Крупнова, — в виде тройных полос. Сосуд имел ручку, следы от которой сохранились на уцелевшей его части, чем он отличается от кувшинов Исти-су, и размерами он меньше (рис. 29). Техника изготовления кувшина из Загли-барзонд очень

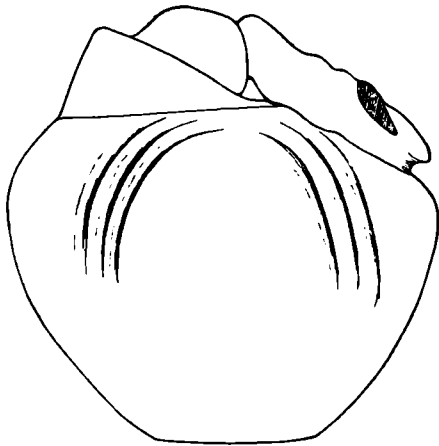

Рис. 29. Сосуд из погребения в Загли-барзонд.

близка технике Исти-су. Сплошное лощение и гладкие валики заставляют видеть между кувшином из Загли-барзонд и сосудами из Исти-су очень близкое родство, не меньшее, чем с другой керамикой скифского типа на Северном Кавказе, вроде сосудов из неоднократно упоминавшегося Моздокского могильника, а также могильника близ ст. Каменноостской, ³ сосудов из сел. Чегем и из Нальчика. ⁴ Форма и декорировка сосуда из Загли-барзонд может рассматриваться в качестве одного из источников происхождения керамики Исти-су наряду с керамикой хорочо-каякентского типа. Погребение в Загли-барзонд относится к эпохе бронзы, как и могильники у сел. Хорочой и Кая-кент.

К могильнику Загли-барзонд нам придется еще вернуться при рассмотрении других форм инвентаря в погребениях Исти-су, а теперь обратимся ко второй, наиболее многочисленной группе среди керамических форм этого могильника. Это группа плоских широко открытых чаш-мисок. В 20 погребениях обнаружено тринадцать мисок, из которых только две не восстанавливаются полностью, хотя их обломки дают представление о форме венчика и стенок. Миски по формам можно разделить на две группы. В одну войдут миски из погребений 9 (обломки), 11, 12, 13 (рис. 6, 3; 12, 1), обе миски из погребения 18 (рис. 16, 4, 6). Для этой группы характерна нечеткая форма с округлыми стенками, без перегиба суживающимися к отверстию, и отсутствие ручки; края мисок срезаны со скосом внутрь. Внутри группы намечается некоторая дифференциация: миски из погребения 18, особенно меньшая, имеют наименее выразительную форму, у миски из погребения 11 намечается слабое профилирование доньшка, и, наконец, миска из погребения 12 является наиболее развитой по форме: у нее четко выделенное в виде низкой подставки доньшко, округлые стенки заканчиваются отогнутым наружу венчиком, косо срезанным внутрь. Эта группа близка по форме мискам из Моздокского

¹ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 39 сл., фото 1 и 2 на стр. 44.

² Подобные бусы в Кобанском могильнике нередки; в связи с этим интересно отметить низку бронзовых (или медных) бус, найденную в кургане № 4 в Ани-ирзо (рис. 22, 6); в могильнике Исти-су таких бус нет.

³ А. А. Иессен, ук. соч., табл. III, 1, 4.

⁴ Там же, табл. V, 1, 2.

могильника, хотя формы последних еще менее четки и определены¹ и, вероятно, являются более ранними. Кроме того, в Моздокском могильнике миски большей частью орнаментированы, а в Исти-су ни на одной орнамента нет.

Вторая группа мисок (погребения 2, 5, 16, 17, 20) отличается от первой, в основном, своим расчлененным профилем. Для этой группы характерен резкий перегиб (а не плавный переход) между нижней и верхней частями стенок. Этот перегиб на некоторых мисках с полным правом можно назвать ребром, так как он представляет собою пересечение двух конических поверхностей. Края отверстий мисок косо срезаны внутрь

Рис. 30. Сосуды из кургана № 3 в Бойси-ирзо (1, 2) и кургана в Куляры (3).

венчики не выделены (рис. 17, 16; 12, 3, 5). У двух из них имеются ручки с одной стороны в виде широкой петли (у миски из погребения 16 есть углубление — след обломанной ручки; рис. 12, 3), донышки не выделены. Ближайшие аналогии этой форме мисок мы имеем в Нестеровском могильнике,² хотя миски из Исти-су имеют значительно более четкие и определенные формы. Очень близка по форме, только значительно выше, миска из раскопок Бобринского у сел. Куляры (рис. 30, 3) — те же четкие определенные поверхности (как у миски из погребения 17 Исти-су), тот же острый в виде ребра перегиб, четко выделенный венчик (как на обломке миски из погребения 5; рис. 19, 3) и ручка в виде петли (как у миски из погребения 17). К этой группе примыкают миски из погребений 4 (рис. 5, 3) и, может быть, 7 (рис. 8, 2) (хотя о миске из погребения 7 говорить трудно, вследствие ее крайне небрежной выделки, результатом чего является перекося на одну сторону и нечеткость форм). Примы-

¹ Пиотровский и Иессен, ук. соч., табл. VI, 2, 3.

² Крупнов, Тр. ГИМ, вып. XVII, рис. 23, 8.

кая ко второй группе вследствие наличия перегиба при переходе от нижней части стенки к верхней, эти миски все же стоят особняком. Ближе всего они связываются с мисками из погребения 1 Моздокского могильника.¹ Нижняя часть их сильно вогнута, верхняя выпукла, обе они имеют ясно выраженный венчик, округло заглаженный изнутри, и по одной ручке. Обломки миски из погребения 5 близко подходят по форме к этим двум мискам — у них тот же венчик и слегка выпуклая верхняя часть, но в то же время у них четкий и резкий перегиб.

Рассмотрев две основные группы керамики — кувшины и миски, переходим к остальному, разнообразному по формам, глиняному инвентарю могильника. В первую очередь отметим миниатюрные кувшинчики и горшочки из погребений 5, 7, 11, 15, 17 и 18. Два кувшинчика отличаются более высоким и узким горлом (погребения 7 и 11; рис. 6, 1, 8, 4), но в общем форма их та же, что у горшков: шаровидное тулово, покатые невыделенные плечики, широкие доньшки, или совсем невыделенные, или слабо отмеченные небольшим сужением стенок. Несколько различно качество работы — одни сделаны более тщательно (погребения 4 и 17; рис. 5, 2 и рис. 12, 4), другие — небрежнее и грубее, поэтому у первых формы четче и определеннее. У горшочка из погребения 4 горло отделено от тулова плечиками в виде узкого уступа и подчеркнуто своей определенно конической формой, у горшочка из погребения 17 оно дано в виде расходящегося конуса; у обоих сосудов на плечиках имеются выступы с горизонтальными отверстиями для подвешивания. Отметим оригинальный внутренний профиль горшочка из погребения 15 (рис. 12, 2), который имеет у основания венчика карниз для поддерживания крышки, входившей, очевидно, внутрь венчика, подобно крышкам современных сахарниц и чайников. Такого рода кувшинчики и горшочки, иногда снабженные ручкой, но без карнизика, известны из раскопок Г. А. Вертепова² в Бойси-ирзо близ Урус-мартана (курган № 3; рис. 30, 1, 2); они распространены в раннескифский период далеко за пределами Кавказа, в области Нижней Волги.³ Два горшочка из погребения 11 и 18 (рис. 6, 2; 16, 2) отличаются от только что рассмотренных своим шаровидно приплюснутым туловом и сильно, почти горизонтально отогнутым широким венчиком. Они близко напоминают горшочки из Кобанского могильника, но не имеют характерного для последних гравированного орнамента.⁴

Кроме перечисленных, надо особо отметить несколько единичных по форме сосудов: 1) сосуд баночной формы из погребения 18 (рис. 16, 3) со слегка расширяющимся к доньшку туловом, с хорошо выделенной низкой ножкой и слегка отогнутым скругленным венчиком, повторяет, почти без изменений, форму сосуда из уже упоминавшегося могильника Загли-барзонд;⁵ 2) в том же погребении 18 низенький широкогорлый сосудик исключительно грубой лепной работы со слабым обжигом, почти черной глины, со щипковым орнаментом по валику под венчиком, сходным с орнаментацией на фрагментах керамики из Нестеровского поселения; на стенке сосудика видны следы отломанной ручки, очевидно, довольно крупных размеров (рис. 16, 5); 3) кружка баночной формы, слегка расширяющаяся вверху, с загибающимися внутрь краями и с ручкой в виде петли у края (погребение 5; рис. 6, 5), имеет довольно много аналогий, из которых самая близкая по форме и месту находки — кружка

¹ Пиотровский и Иессен, ук. соч., табл. II, 2, 3.

² ОАК, 1900, стр. 54—60; 1901, стр. 90.

³ Paul R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. 1929, рис. 7, 23, 27, 29.

⁴ У в а р о в а. Могильники. , табл. XLI, 3, 4.

⁵ К р у п н о в. Тр., ГИМ вып. VIII, стр. 46, фото 3, левое.

из Загли-барзонд;¹ 4) наконец, надо особо отметить оригинальный сосуд из погребения 7, с широким устойчивым основанием, конической формы, под самым краем которого имеется цилиндрический полый выступ — носик; внутри носика в стенке сосуда проделаны два сквозных отверстия продолговатой формы, как бы примитивная сеточка, сбоку широкая ручка в виде петли (рис. 8, 3); к сожалению, сосуд фрагментирован, и установить количество бывших у него ручек не удалось. Ближайших аналогий этому сосуду не известно, только за рубежом, в Аласа Нбуük имеется нечто подобное в принципе, т. е. сосуды, хотя и иной формы, но с подобной же сеточкой в носике.²

Заканчивая обзор керамики из могильника Исти-су, нужно еще упомянуть единственный образчик толстостенного сосуда, обнаруженный в погребении 6. Сосуд был найден в обломках и восстановлен неполностью, но профиль его все же можно себе представить. У него широкое дно, со слегка выступающим карнизом, стенки слегка расширяются, как у сосудов баночной формы, края заглажены без выделения венчика. Глина почти черного цвета, плохо отмытая, обжиг слабый.

Подводя итоги всему сказанному, можно констатировать, что керамика Исти-су, в общем, тесно примыкает к формам, характерным для «скифо-галыштаттского» периода как на Северном Кавказе, так и за его пределами. Тем не менее, несомненно, что своими корнями она уходит в местную основу, о чем свидетельствуют сопоставления с керамикой эпохи поздней бронзы мест, близких к Исти-су, таких, как, например, расположенный к западу от него Загли-барзонд и, особенно, на юго-восток — Хорочой и Кая-кент. Очевидно, что сходство керамики Исти-су, как и вообще керамики Северного Кавказа скифского времени, с сосудами, например, Поднепровья не является следствием распространения форм из какого-то общего источника, а только результатом конвергентного развития на общей хозяйственно-бытовой основе при наличии связей и взаимодействий, обусловивших широчайшее распространение так называемой «скифской» культуры во множестве локальных и вместе с тем «этнографических» вариантов.

Один из таких вариантов и представляет могильник Исти-су, характеризующий скифский этап в истории северо-восточного Кавказа. Наряду с признаками, свойственными эпохе, инвентарь могильника имеет ряд своеобразных черт, неоднократно нами отмечавшихся при его рассмотрении; но наиболее полное представление о своеобразии культуры могильника Исти-су мы получим в результате исследования самой замечательной находки — уже упоминавшейся фигурной поясной пряжки из погребения 20.

2. ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Поясные фигурные пряжки-бляхи того же типа, что и найденная в могильнике Исти-су, известны нам в количестве семи экземпляров, находящихся в разных музеях. Вот перечень этих пряжек: 1) из могильника у с. Исти-су, найдена в 1937 г., ЛОИИМК (рис. 31); 2) из с. Хатуни, найдена в 1890 г., Государственный Эрмитаж³ (рис. 32); 3) из с. Хорочой,

¹ Там же, стр. 48, фото 6, правое.

² Remzi Oğuz Arık. Les fouilles d'Alasa Nbuük. Анкара, 1937, табл. XXIX, рис. 75 и табл. XXXIX, рис. 181.

³ Терск. областн. ведомости, 1890 г. — Каталог выставки VIII АС. М., 1890 стр. 36. — ОАК, 1895, стр. 77, рис. 203.

куплена в 1937 г., ЛОИИМК (рис. 33);¹ 4) из крепости Воздвиженской, найдена в 1850 г., Русский музей² (рис. 34); 5) из Терской области, случайная находка около 1893 г., Исторический музей в Москве (рис. 35); 6) с «Урупа», неизвестного происхождения, Музей в Тбилиси³ (рис. 36);

Рис. 31. Поясная фигурная пряжка № 1 из Исти-су.

7) из крепости Воздвиженской, случайная находка в 1844 г., Государственный Эрмитаж (рис. 37).

¹ Бляха приобретена А. П. Кругловым. Бляхам этого типа А. П. Круглов собирался посвятить специальное исследование; предварительное сообщение об этом материале было им сделано в секторе бронзы ИИМК. Безвременная гибель на Ленинградском фронте не дала Андрею Павловичу выполнить его замыслы. Собранные им материалы использованы в настоящей работе.

² П. С. Савельев. Археологические и нумизматические отрывки, гл. IV, СПб., 1855, стр. 61 сл. — Н. В. Ханьков и П. С. Савельев. Древности, найденные на Кавказе. ЗАО, т. IX, СПб., 1857, стр. 50—60. — П. И. Лерх. Орудия каменного и бронзового веков в Европе. ИРАО, т. V, вып. IV, СПб., 1865, стр. 214—216. — А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, Пгр., 1922, стр. 304 сл.

³ П. С. Уварова. *Museum Caucasicum*, стр. 45, 1041.

Рис. 32. Поясная фигурная пряжка № 2 из с. Хатуни.

Рис. 33. Поясная фигурная пряжка № 3 из с. Хорочой.

Перечисленные семь блях, отличаясь в деталях, имеют между собой много общего. Каждая представляет собой широкую бронзовую литую пластину, приблизительно в 0.5 см толщины, очертаниями напоминающую двустороннюю секиру. Шесть блях отлиты в открытой форме, бляха № 3 из Хорочоя — по восковой модели. В середине верхней части бляхи, между широкими лопастями, имеется трапециевидный высокий выступ, конец которого загнут в виде крючка. С противоположной стороны, внизу, вдоль вогнутого края средней части расположены неболь-

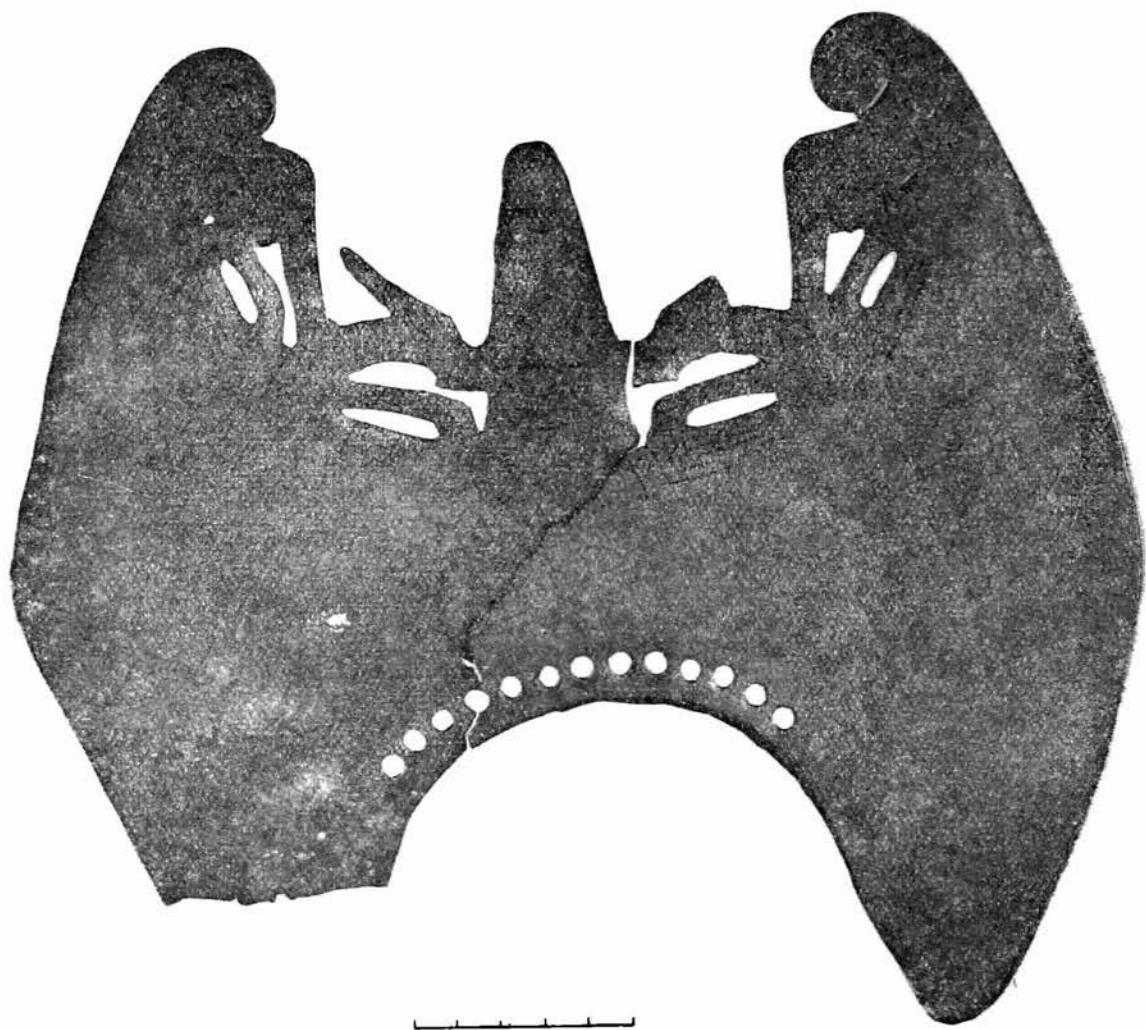

Рис. 34. Поясная фигурная пряжка № 4 из крепости Воздвиженской.

шие (около 0.5 см) круглые отверстия; количество их различно у каждой бляхи. Верхние части блях покрыты гравированным рисунком, по содержанию одинаковым, но различающимся в деталях. Выступ с крючком и примыкающая к нему поверхность бляхи заняты геометрическим орнаментом. На лопастях изображены два зверя, расположенные симметрично по сторонам центрального выступа. Контуры их тел даются краями блях и сквозными отверстиями в верхних частях лопастей, полученными при отливке и тесно связанными с изображениями. Звери представлены головами внутрь, а спирально завитые хвосты их составляют верхние концы боковых лопастей. Детали тел выполнены гравировкой.

На некоторых бляхах в нижних круглых отверстиях средней части имеются остатки цепей, служивших для соединения фигурной пластины с другой бляхой поясного набора. Например, бляха № 4 первоначально, при

находке ее в 1850 г., была скреплена со второй бляхой, значительно меньших размеров и иной формы и орнаментации (рис. 38). Эта вторая бляха хранится тоже в Русском музее и представляет собой трапециевидную пластину, со слегка выпуклым большим основанием. Поверхность ее покрыта тремя рядами рельефных спиралей; в каждом ряду по две двойных спирали и одна добавочная, присоединяющаяся кончиком к внешнему обороту сосед-

Рис. 35. Поясная фигурная пряжка № 5 из Терской области.

ней двойной спирали. Эта бляха скреплялась с фигурной двенадцатью цепочками, состоявшими каждая из пяти продолговатых звеньев из круглой в сечении проволоки. Противоположное, меньшее основание, имело, очевидно, шесть отверстий (сохранились в целости два средних). Остатки цепей сохранились также у пряжек №№ 5, 6 и 7; звенья у всех продолговатые, вытянутые, проволока в сечении круглая. Наибольшее количество цепей (15) у бляхи № 6; наименьшее (10) у бляхи № 7. Бляхи №№ 1, 2, 3 остатков цепей не имеют. Но в том же погребении 20 могильника Исти-су, где была обнаружена пряжка № 1, среди прочего могильного инвентаря имеется трапециевидная пластинка (рис. 17, 2), подобная бляхе из Русского музея.

Однако пластинка из Исти-су отличается пропорциями и орнаментацией: она больше вытянута в высоту при сравнительно малых основаниях; большее основание ее выпукло, а боковые стороны слегка вогнуты. Орнамент на ней расположен тоже в три ряда, каждый ряд состоит из трех полусферических полых изнутри выпуклостей, трактованных в виде спиралей. Между спиральями расположены, заполняя пустое пространство, слегка выпуклые круглые небольшие шишечки (тоже полые изнутри). Под ниж-

Рис. 36. Поясная фигурная пряжка № 6 неизвестного происхождения.

ним рядом выпуклостей идет волнистая линия с крутыми изгибами из тонкого валика; таким же валиком, как рамкой, обведен по краю бляхи весь орнамент. Вдоль оснований имеются круглые отверстия; вдоль большого — семь отверстий, как и на фигурной бляхе, вдоль меньшего — пять.

Круглые отверстия всех фигурных блях стертые по краям, но характер стертости у блях №№ 4, 5, 6 и 7 совсем иной, чем у №№ 1, 2 и 3. Бляхи №№ 4, 5, 6 и 7 скреплялись с дополнительными бляхами металлическими цепями, которые, стирая нижние края отверстий, образовали на них лунообразные выемки с четкими очертаниями. Бляхи же №№ 1 и 2 имеют стертость в виде желобков с мягкими закругленными краями, тянущихся от отверстий к самому краю. Такая стертость может свидетельствовать о том, что скрепление этих блях с другими частями достигалось не жесткими,

сохраняющими форму звеньями, а с помощью мягких петель, скорее всего из кожи, которые касались не только краев отверстия, а прилегали и терлись о поверхность бляхи всей своей длиной. Бляха № 3 отличается по характеру скрепления и от блях №№ 1 и 2 и от блях №№ 4—7. Стертость поверхности у отверстий этой бляхи показывает, что скрепление у нее было тоже из мягких ремней, но продеты они были иначе, чем у вышеописанных пряжек: через 2 средних отверстия с лицевой стороны

Рис. 37. Поясная фигурная пряжка № 7 из крепости Воздвиженской.

был продет ремень, концы которого затем, судя по направлению желобков у средних отверстий, соединялись вместе, образуя небольшую петлю. Стертости у боковых отверстий незаметно вовсе. Возможно, что средняя петля и была единственным скреплением фигурной бляхи № 3 с остальными частями пояса:

Направление стертости у всех блях одинаковое, будь то на поясах с цепями или с кожаными петлями. Направление стертости делает совершенно ясным способ ношения бляхи: она носилась боком, с крючком, направленным влево. Своей тяжестью она натягивала цепи или ремни, и они стирали прикасающиеся края ее в косом направлении. Только на бляхе № 5 (известной нам лишь по фотографиям), на которой стертые места прикрыты цепями, характер стертости определить не удалось. Таким образом, мы считаем, что фигурные бляхи являются поясными

пряжками. Система расположения блях на поясах представляется нам в принципе одинаковой для всех, несколько различаясь в деталях. Рассмотрим эту систему по бляхам из Исти-су.

Фигурная пряжка из Исти-су скреплялась семью кожаными петлями с трапециевидной бляхой, которая в свою очередь прикреплялась посредством пяти отверстий с противоположной стороны к поясу. Что касается длины скреплявших ремешков, то несомненно, что крепления эти были в одно звено, длиной около 3 см. При меньшей длине бляхи терлись бы

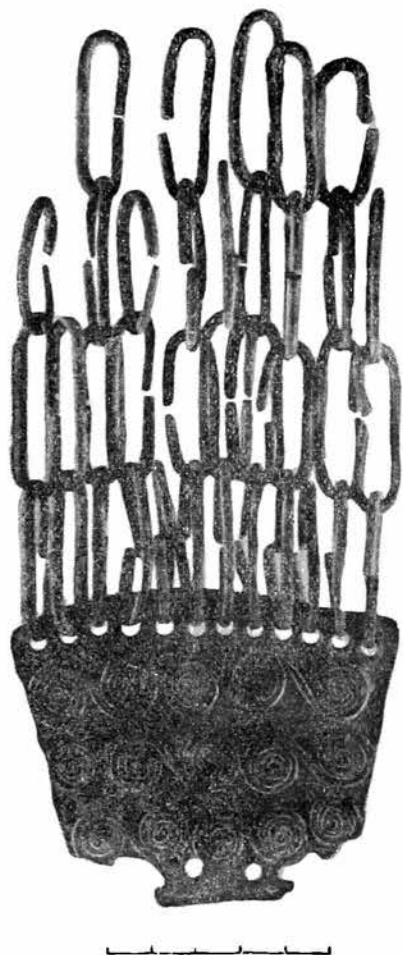

Рис. 38. Трапециевидная бляха от пряжки № 4.

одна о другую, следов чего незаметно, а при большей, во-первых, было бы другое направление вытертых ремешками на поверхности фигурной пряжки желобков и, во-вторых, была бы сильнее и иначе стерта верхняя поверхность трапециевидной бляхи: на ней оставались бы желобки от ремешковых петель; их нет потому, что при близком расположении блях создается такой угол, при котором ремешковые петли совсем не прилегают к поверхности трапециевидной бляхи. Противоположный конец последней с разорванной срединной петлей (судя по характеру его стертости) был, скорее всего, скреплен с поясом наглухо при помощи опять-таки кожаного ремешка. Кожаный пояс был той же ширины, что и скрепленный с ним конец бляхи (около 4—4,2 см). Противоположный конец пояса должен был захватываться крючком фигурной пряжки. Стертость на крючке указывает, что застегивался он на мягкую плотно охватывающую петлю, а не на прорезь в ремне.

В том же погребении вместе с фигурной пряжкой найдена конусообразная бляха с глубоко посаженной петлей-скобкой на внутренней стороне. Края бляхи украшены полосой из шести двойных спиралей, вершина заканчивается круглой приплюснутой головкой. Диаметр этой бляхи совпадает с шириной ремешкового пояса, установленной по трапециевидной пластинке, следовательно, при наложении на пояс бляха целиком его прикрывала. Через отверстие в конце пояса пропускался двойной ремешок, образующий петлю, протянутую затем через скобку на внутренней стороне конусовидной бляхи. На эту петлю и застегивался крючок пряжки. Круглая бляха стерта с той стороны, где петля скользила по ее краю. Сторона же, прилегающая к поясу, вовсе не стерта; это объясняется крепкой притянутостью бляхи к поясу, вследствие глубокой посадки скобки, исключающей возможность всякого скольжения или отставания пряжки от пояса. Стертость рассматриваемой нами бляхи несколько скошена по отношению к скобке, это может объясняться тем, что к левой стороне пояса подвешивали какой-либо оттягивавший его тяжелый предмет.

Теперь, после того, как мы определили все составные части поясного набора из Исти-су, соединим их и рассмотрим как единое целое, и тогда мы увидим, что расположение изображений на фигурной пряжке было

рассчитано на вертикальное положение пояса, а не на горизонтальное, естественное при его ношении (рис. 39). Это, как нам кажется, свидетельствует о том, что пояс не носился постоянно, как бытовая вещь, и подвешенный вертикально имел какое-то определенное, может быть, ритуальное значение.

Рассмотрим композицию пояса в целом только со стороны построения, не вникая пока в ее смысл. Расположенные, как нами предложено, бляхи составляют своими очертаниями замкнутый овал. Массивная фигурная бляха заполняет центр и контурами своих боковых лопастей замыкает композицию с обеих сторон. Трапециевидная пластинка с ее полушарическими спиралями, скрепленная многочисленными петлями с фигурной пряжкой, подчеркивает тяжесть нижней части композиции. В противоположность ей верхняя часть с круто изогнутыми линиями внутреннего контура, сквозными отверстиями и стремящимся вверх крючком, легко скрепленным одной петлей с завершающей композицию круглой бляхой, кажется легкой, и только мощные спирали верхних концов центральной бляхи напоминают о скрытой силе этого ажурного построения, переходящего в тяжелую нижнюю часть.

Фигурная бляха изображает, несомненно, парящую птицу, скорее всего, орла с его небольшой головой и мощными крыльями; трапециевидная пластинка является хвостом птицы, а круглая наверху — символ солнца над головой орла. Стройность композиции в большой мере зависит от простоты и исключительной выдержанности пропорций пряжки из Исти-су: она целиком вписывается в квадрат — отношение ее высоты к ширине равно единице, расстояние между верхними и нижними концами вдвое меньше ширины.

Рисунок на пряжке является оригинальным соединением чисто геометрических мотивов с двумя фигурами зверей, стилизованных, но с учетом реальных особенностей животного, сходного с тем образом хищника, который в скифском искусстве получил широкое распространение и условно называется пантерой. Геометрический орнамент, покрывающий середину и выступ пряжки, состоит из трех ломаных в виде острых зигзагов полос, чередующихся с тремя же горизонтальными прямыми полосками. Те и другие даны двумя врезанными линиями, внутреннее пространство между которыми заполнено в прямых полосках штриховкой: наклонной, прямой и елочкой, а в зигзагах — точками. К нижней полоске подвешены четыре треугольника, тоже заполненные точками; точками же выполнены крестообразные подвески под треугольниками. Средняя горизонтальная полоска длиннее других, и к ее выступающим концам примыкают раскрытые пасти зверей, изображенных не в «позе бега»,¹ а припавшими на передние лапы — в положении животного, приготовившегося к прыжку или ухватившегося за какой-нибудь предмет и тянущего его к себе. Длинные когти на лапах (как передних, так и задних) подвернуты назад, они подчеркивают хищническую натуру зверя. Гибкие тела изогнуты в виде буквы S. Крупы сливаются с концами длинных ушей, отброшенных назад и переданных с большим реализмом, несмотря на гипертрофические размеры. Уши — единственная деталь, противоречащая признанию в этих зверях пантеры, уши которой в скифском искусстве принято изображать закругленными. Линии головы, уха и крупа зверя являются в то же время внутренним контуром пряжки. Шесть сквозных отверстий (треугольных и овальных) с каждой стороны подчеркивают рисунок тела животного: крутой изгиб напряженной шеи, сильно поднятый круп. Части тел животных разделены полосками с внутренней насечкой елочкой; перед-

¹ Миллер, ук. соч., стр. 305.

няя часть, шея, круп и хвост покрыты точками. Гибкие изогнутые тела животных, с крепко упирающимися в нижнюю полоску центрального выступа передними лапами, передают внутреннее напряжение, остановленное движение. Эта задержанность движения подчеркивается мощными спиралями хвоста, завершающими композицию. При этом статичность центральной геометрической фигуры остается непоколебимой, как бы еще сильнее подчеркнутой, что создает впечатление господства этой фигуры над зверями.

Мы уже отмечали исключительную стройность композиции всего поясного набора из Исти-су в целом, теперь то же можно сказать и о композиции изображения. Особенно выразительным делает этот рисунок органическая связь его с формой пряжки, согласованность ее форм с изображениями. Формы пряжки и рисунок дополняют и поясняют друг друга. Эта цельность замысла и исполнения говорит о высоком мастерстве, остром художественном чутье и глубокой продуманности, вложенных в работу древним мастером, совершенно своеобразно и оригинально оформившим в пряжке поясного набора из Исти-су мотив глубокой древности.

Симметричное геральдическое построение композиции двух зверей по сторонам геометрической фигуры — и по форме, и по смыслу может быть сопоставлено с широким кругом композиций, известных в искусстве Малой и Передней Азии и представляющих животных по сторонам «древа жизни» или по бокам богини «Владычицы зверей». В некоторых случаях центральная фигура исчезает, и композиция ограничивается двумя противопоставленными животными. На нашей пряжке несомненно имеется центральная фигура, и не дерево, а до неузнаваемости упрощенное и схематизированное, но все же антропоморфное изображение с элементами геометрического узора, сходного с орнаментацией женских статуэток, например в области Трипольской культуры. Можно даже заключить, что прототипом этого изображения была фигура с к льями, которые и превратились в боковые лопасти пряжки. Верхние концы пряжки с завернутыми внутрь спиралями, использованными в виде хвостов геральдически расположенных зверей, представляют собой загнутые внутри концы крыльев, хорошо известные в памятниках восточного и ионийского искусства VII—VI вв. до н. э. О том, что изгибы крыльев были использованы для размещения хвостов, а не хвосты заставили изменить формы верхних концов боковых частей пряжки, свидетельствует, прежде всего, неправдоподобная толщина хвостов.

О прототипе нашей бляхи можно составить представление по изображению крылатой богини «Владычицы зверей» с двумя хищниками по сторонам на зеркале из Келермесского кургана (рис. 40). Широкие крылья богини загибаются внутрь и вместе с головой дают контур, сходный с очертаниями верха нашей пряжки. Нет сомнения, что композиция, подобная изображению богини на келермесском зеркале, лежит в основе и пряжки из Исти-су, причем в соответствии с ее назначением, размеры крыльев приобрели особенно большую величину, а изображения зверей переместились на крылья. Процесс развития нашей композиции от исходного прототипа мы не можем проследить вследствие отсутствия соответствующих памятников, но едва ли могут быть сомнения, что протекал он в том именно направлении, которое нами указано. Центральная фигура на рассматриваемой бляхе сильно геометризирована, тем не менее выступающая средняя орнаментальная полоска, охваченная пастями зверей, живо напоминает держащие хищников и раскинутые в стороны руки богини на зеркале из Келермесса. Трапецевидная пластинка, подвешенная снизу к фигурной пряжке, соответствует нижней части фигуры богини, одетой в длинное, ниспадающее до пят платье, покрытое геометрическим

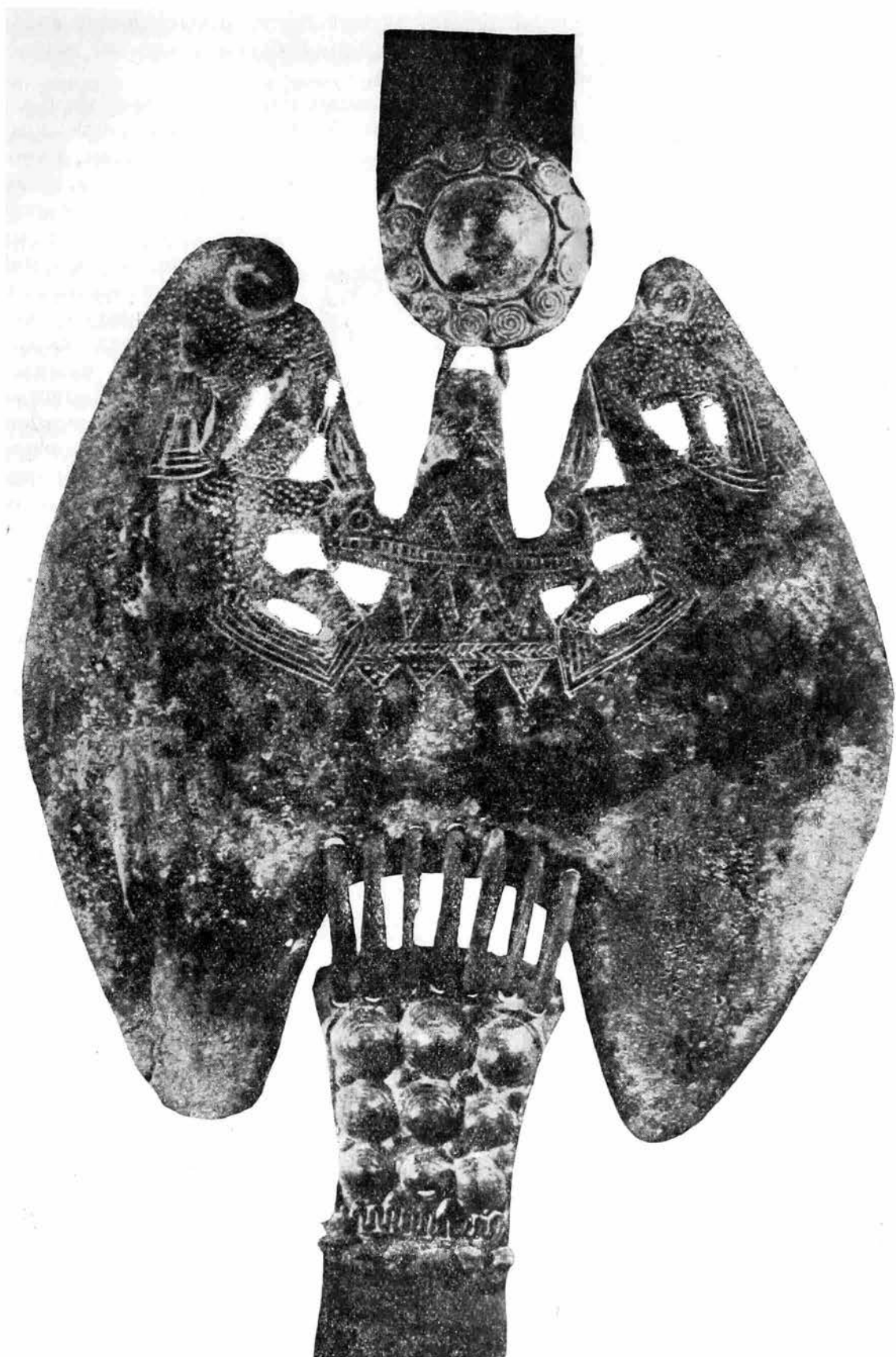

Рис. 39. Пояной набор из Исти-су (реконструкция).

орнаментом. Верхняя круглая бляха, может быть, представляет собой отделившуюся, подобно нижней бляхе, голову богини, что не мешает ей одновременно символизировать солнце.

По всей вероятности, основная композиция богини со зверями была применена для поясной пряжки еще в весьма близком к первоначальному виде, когда нижние лопасти крыльев не получили того развития, какое они имеют на пряжке из Исти-су. Об этом свидетельствует расположение

Рис. 40. Изображение богини «Владычицы зверей».

зверей в верхних частях пряжки, причем в соответствии с формой крыльев богини их пришлось повернуть вниз головой; тогда характерный изгиб крыльев оказалось возможным использовать естественным образом, видоизменив его для изображения спирально закрученных хвостов. Развитие нижних частей фигурной пряжки, повидимому, связывается с превращением ее в фигуру птицы.

Таким образом, композиция приобрела новую форму и новое содержание, хотя в главных элементах сохранила свою первоначальную основу. Следует еще раз выразить сожаление о том, что мы застаем композицию во вполне выработанном виде и можем лишь гипотетически проследить процесс ее становления. Как было замечено, исходная композиция из-

давна и широко распространена в странах древнего Востока; нет сомнения, что и на Кавказ она проникла оттуда же, конечно, только потому, что здесь жили представления, близко сходные с теми, которые породили эту композицию на Востоке. В соответствии с этими местными представлениями исходная композиция и подверглась, как мы видели, существенной переработке.

Мы не знаем путей и времени первоначального появления мотива «Владычицы зверей» на северо-восточном Кавказе, так как соответствующие изображения в Келермессе не могут считаться образцами, на основе которых возникли и развились изображения типа пряжки из Исти-су. Против этого говорит время возникновения нашей бляхи из Исти-су (к чему мы вернемся далее)

Как мы видели, пряжки типа Исти-су делятся на две группы, по способу прикрепления нижней бляхи: ремнями или цепочками. Пряжки

первой группы — №№ 2 и 3 (рис. 41) сохраняют пропорции пряжки из Исти-су, причем пряжка № 2 и по своему построению, и по изображению сходна с нею, хотя качество исполнения ее несомненно ниже: формы ее несимметричны, она как будто перекошена, рисунок выполнен небрежно и упрощенно.

Пряжка № 3 из Хорочая (рис. 33) по пропорциям, по способу крепления мягкими петлями принадлежит к первой группе, но по технике изготовления (отливка по восковой модели) обособлена от всех остальных. Детали ее орнаментации тоже не сходны ни с одной из прочих пряжек. Срединный геометрический орнамент сильно разросся и распространился на боковые части; его значение в композиции подчеркнуто. Отличается он и в деталях. Элементами его являются, как и на других пряжках, полосы, зигзаги и треугольники, но заполнены они только одной косой насечкой, иногда ординарной, иногда сдвоенной, превращающейся при этом в елочку. Звери по бокам даны очень упрощенно: непомерно большие головы с длинными ушами сидят на коротком нелепом корпусе, состоящем, собственно, из передних и задних лап без туловища. Хвосты превратились в короткие обрубки, когти тоже даны укороченными. Разделка тел животных тоже упрощена: и здесь основную роль играет елочная и косая насечка. Точечная разделка поверхности тел животных и геометрического орнамента, так широко примененная на других пряжках, здесь сохранилась только для обведения контуров тел каждого зверя, а в геометрическом орнаменте в виде розеток, подвешенных на концах нижнего ряда треугольников и на средних выступах боковых лопастей. Эти детали орнаментации вместе с упрощенными формами зверей создают совершенно иной стиль изображений, отличный от пряжки из Исти-су, которая или сама по себе, или в каких-то близких ей репродукциях послужила образцом для пряжки № 3.

Последняя пряжка — безусловно не самостоятельное произведение, копия, сделанная с непонятого оригинала: звери на ней являются условным и схематичным повторением какого-то образца, причем стилизация доведена до бессмысленных форм — голова зверя больше его туловища. Мастер не умеет использовать пространство (коротенький хвост и пустой выступ пряжки) и не владеет живыми формами: его звери — неумелая схема. В них есть элементы кобанских зверей (морда, когти), но нет утонченности и изощренности кобанского стиля, тем более нет и той жизненности и выразительности форм, которые отличают изображения на пряжке Исти-су и являются характерными для скифского «звериного» стиля.

Как уже было указано, основное внимание уделено центральному геометрическому орнаменту, но и он подвергся изменениям и настолько отделился от своего прототипа, что совсем потерял свой антропоморфный облик, хотя орнамент сделан свободно и смело. Мастер применяет в орнаментации хорошо ему известные, излюбленные элементы: елочку, косую насечку. В этом смысле хороchieвская пряжка увязывается с каякентской керамикой (рис. 28, 1, 2) общим стилем орнаментации, примененным в разном материале.

Переходя к поясам с цепями, мы должны констатировать, что в этой системе происходит ряд изменений. Фигурные пряжки, расширяясь, меняют свои пропорции: раздвигаются выступы боковых частей и соответственно растягивается дугообразный выгиб средней части. Количество отверстий для скрепления с трапецевидной бляхой увеличивается: на пряжках с кожаным креплением их было 4—7, на пряжках с цепями — 10—15. При большой длине края с отверстиями трудно с помощью металлических креплений на коротком расстоянии сделать переход к узкому

поясу — нужно увеличить длину креплений, а чтобы сохранить гибкость, необходимо увеличить количество звеньев, и на всех пряжках с цепями, на которых последние сохранились, мы имеем по 5 звеньев. Вследствие удлинения скрепляющих цепей, трапецевидная бляха отодвигается от фигурной: набор вытягивается в длину для уравнивания композиции при расширившейся фигурной пряжке.

Вместе с пряжкой № 4 И. А. Бартоломей¹ доставил еще несколько вещей, найденных там же. Среди них была «крышка медная с двумя ря-

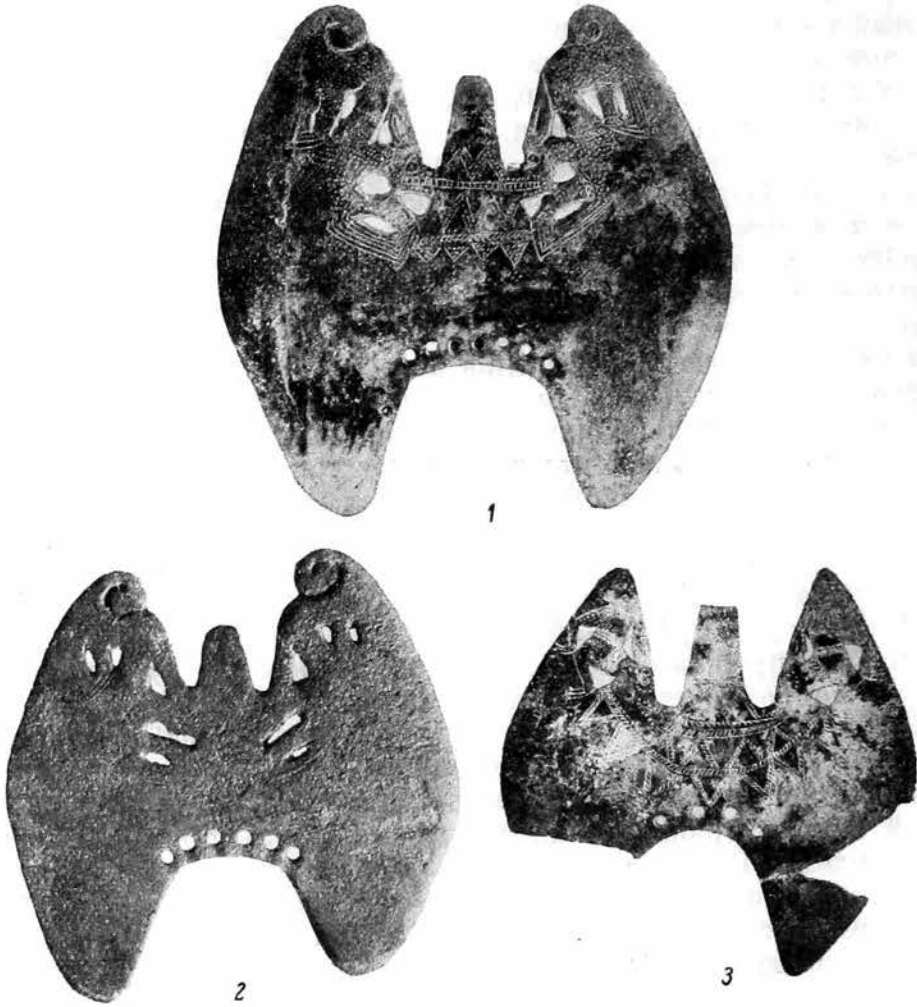

Рис. 41. Поясные фигурные пряжки с кожаным креплением.

дами выпуклых точек по ободку и узором вокруг верхушки в виде спирально свернутой проволоки» (№ 24) (рис. 45, I). Судя по рисунку, эта «крышка» — такая же круглая бляха с петлей, как выше рассмотренная из Исти-су, но, судя по указанным П. С. Савельевым измерениям, бляха эта больших размеров, что соответствует увеличению всех остальных частей этого поясного набора. Можно, таким образом, предположить, что и в поясах с металлическими цепями застегивание крючка производилось тем же способом, что и в поясах группы Исти-су (рис. 43 а и б).

Подводя итог, можно констатировать, что принципиального различия между конструкциями поясов первой и второй групп не было; основная

¹ Н. В. Ханьков и П. С. Савельев. Древности, найденные на Кавказе, стр. 50.

разница заключалась в технике скрепления и в пропорциях отдельных частей.

Изменение пропорций в конструкции пояса с металлическим креплением привело к тому, что композиция в целом потеряла сходство с парящей птицей, удлинение цепей и отдаление трапециевидной бляхи отяготило низ и изменило органическую связь между частями. Пряжки с металлическими креплениями второй группы можно разделить на две подгруппы: первая — пряжки № 4 (Русский музей) и № 5 (Исторический

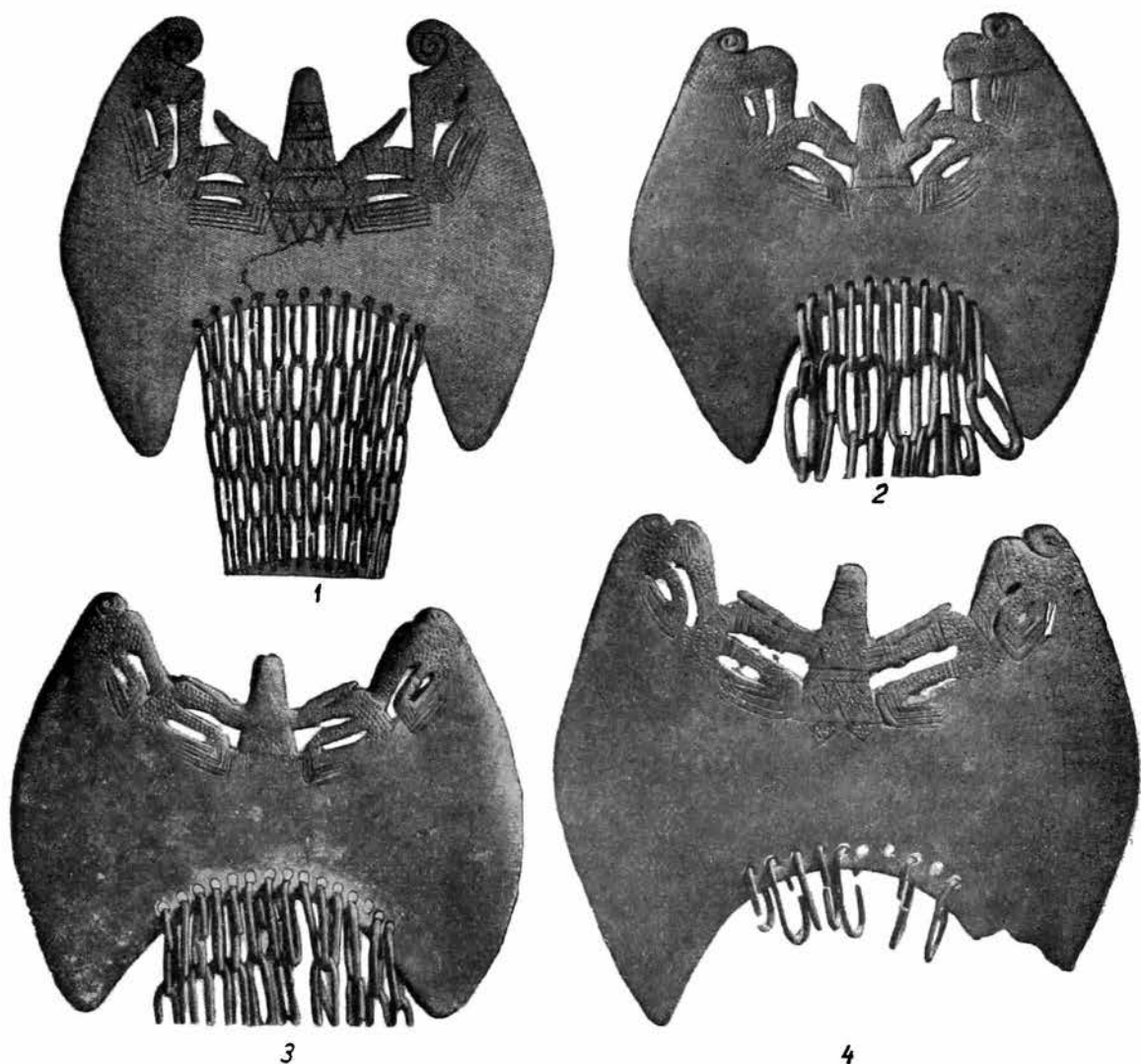

Рис. 42. Поясные фигурные пряжки с металлическим креплением.

музей) (рис. 42, 1, 2); вторая — пряжки № 6 (Тбилисский музей) и № 7 (Эрмитаж) (рис. 42, 3, 4). Эти подгруппы отличаются между собой пропорциями и положением зверей. Первая подгруппа по пропорциям близка пряжке из Исти-су, хотя ширина больше высоты бляхи; что же касается положения зверей, то вследствие раздвигания передних концов пряжек, отодвинулись от среднего выступа и крупы зверей, и общее направление их тел из вертикального сделалось слегка наклонным. Самые фигуры животных подверглись схематизации. В очертаниях тел не стало свободы и плавности линий, соединенных со строгостью композиции. Тела чрезмерно утончены, пропорции не верны, шеи не вырастают естественно и свободно из туловища, а образуют с ним сухой прямой угол. Ухо дано

не реалистически, а в виде листовидного отростка, оторвавшегося от крупа и разрушившего этим целостное композиционное построение. Что касается деталей орнаментировки центральной части, то пряжка № 4 повторяет с большой близостью орнамент пряжки из Исти-су, пряжка же № 5 отличается тем, что у нее нет средней горизонтальной полосы, а остались только выступающие ее концы, прихваченные пастями зверей так, что эти концы одновременно являются и оскаленными зубами хищников; пространство между концами заполнено двумя зигзагами с широким размахом вместо двух полос зигзагов, как на других пряжках. Детали рисунка на этой бляхе проработаны очень тщательно: аккуратно нанесены ряды точек, штриховка внутри полосок, длинные когти зверей; все детали расположены строго на своих местах, не выступают нигде за линии контуров. Вообще, эта пряжка отличается особой тщательностью работы не только в смысле рисунка: так же тщательно произведена и сама отливка, что особенно заметно по сквозным отверстиям в верхней части. Но вместе с тем всему рисунку свойственна исключительная сухость — для мастера основное значение имела декоративность орнаментировки, а не жизненность хотя бы и схематизированных форм. Ярче всего об этом свидетельствуют верхние концы боковых частей бляхи, орнаментированные так, что сходство с хвостами у них совершенно утеряно, но зато в их очертаниях лучше сохранилась первоначальная форма крыльев богини.

Пропорции пряжек второй подгруппы (№№ 6 и 7; рис. 42, 3, 4) отличаются от бляхи Исти-су уже совершенно очевидно: ширина значительно больше высоты, так что пряжки выглядят растянутыми; положение зверей тоже иное — общее направление их тел образует с вертикалью угол в 45°. Орнамент центральной части отличается тем, что средняя горизонтальная полоска спущена ниже морд зверей, которые присоединяются к срединному выступу совершенно механически; нижняя полоска превратилась в одну черточку. Точечных подвесок нет, как и на пряжке № 5. В изображениях зверей крупа отброшены еще дальше от центра, чем на пряжках первой подгруппы, оттянуты в стороны и, хотя общая обработка поверхности все та же (точки и пояски со штриховкой), очертания тел животных и в пропорциях и в форме еще дальше от изображения на пряжке из Исти-су. Туловища, лапы, шеи и уши совершенно потеряли сходство с частями тела животного и превратились в невыразительные обрубки. А пряжка № 7, кроме того, отличается еще крайней небрежностью в выполнении рисунка.

Все эти изменения в форме и в рисунке свидетельствуют о том, что первоначальный смысл конструктивного построения пряжки Исти-су и ее орнаментировки был утрачен, и при создании последних пряжек осталась только голая схема с отдельными деталями, объединенными чисто формально. Нам представляется неоспоримым, что пряжки типа Исти-су с кожаными креплениями являются первоначальным вариантом рассмотренного нами поясного набора, а пряжки с металлическими креплениями представляют собой позднейший его вид (рис. 43 а и б).

Пряжка № 4, хранящаяся в Русском музее, привлекла внимание еще А. А. Миллера, который в своей работе «Изображения собаки в древностях Кавказа» приводит на рис. 13 половину верхней части этой пряжки (в прорисовке), а в тексте, ссылаясь на замечание П. С. Уваровой о том, что пряжки из Рутхи повторяют в более развитой форме пряжки древней

Кобани, заостряя оконечности и больше развивая боковые части,¹ говорит: «Наши крупные пряжки отличаются от пряжки из Нижней Рутхи лишь крайним развитием боковых частей, вполне совпадая в конструктивных своих частях. Таким образом, эти памятники, кажущиеся совершенно обособленными и занимающими изолированное место в древностях Кавказа, в действительности примыкают к общему процессу постепенного видоизменения туземных более древних форм».²

Соглашаясь с А. А. Миллером в том, что фигурные пряжки «примыкают к общему процессу видоизменения туземных более древних форм» и вовсе не стоят обособленно и изолированно, мы все же должны возразить против сближения наших пряжек с кобанскими. Замечание П. С. Уваровой совершенно правильно. Действительно, один тип кобанских пряжек — пластина в виде вытянутого прямоугольника с крючком посредине одной из длинных сторон и дырочками вдоль другой — дает в своем развитии форму с выступающими, обычно закругленными передними углами,³ но дальше не идет и в фигурные бляхи типа Исти-су не переходит. Как изданная П. С. Уваровой пряжка из Рутхи, так и ряд других из раскопок В. И. Долбежева,⁴ а также пряжки из Кобани и Галиата в собрании Государственного Эрмитажа⁵ (рис. 44) и пряжка из Фаскау⁶ являются, на наш взгляд, конечным этапом развития типичной формы кобанских поясных пряжек, не предшествующим, а параллельным более поздним пряжкам типа Исти-су.

Судя по зарисовкам хорошо сохранившихся погребений, с ненарушенным положением скелетов и могильного инвентаря, кобанские пластинчатые пряжки обычно были значительно шире бронзовых поясов, находимых вместе с ними; это с несомненностью указывает, что бронзовая тонкая пластина прикреплялась на какую-то основу, скорее всего кожаную, а не являлась самостоятельным поясом.⁷ Стертость отверстий на кобанских пряжках свидетельствует о том, что они прикреплялись к поясам накрепко при помощи продевавшегося в отверстия ремешка. Противоположный конец пояса застегивался на крючок на пряжке. Отверстия для крючков в металлических поясах как будто бы имеются — известен целый ряд обломков поясов с одним круглым отверстием на конце (например, в Казбекском кладе, в раскопках В. И. Долбежева, в раскопках А. А. Ивановского). Но все эти отверстия не могли служить для застегивания на крючок прежде всего из-за своих малых размеров.

Один из упомянутых обломков, а именно прекрасно сохранившийся закругленный конец пояса, украшенный по краям и вдоль середины гравированными орнаментальными мотивами, из погребения № 43 могильника между станицами Кедабек и Калакент,⁸ дает возможность с большой убедительностью восстановить способ застегивания пояса. Край его круглого отверстия, находящегося в конце закругленной части, приподняты и отогнуты на лицевую сторону, что совершенно невероятно при застегивании на крючок, который обминал бы края как раз в обратном направлении, и вполне естественно при продевании мягкой петли через отверстие изнутри. Кроме того, на известных нам кобанских пряжках

¹ Уварова. Могильники. . . , стр. 247, табл. CV, 1.

² Миллер, ук. соч., стр. 287.

³ Уварова. Могильники. . . , табл. XVI, 3; XVII, 4; XXIV, 1, 2, и др.

⁴ В. И. Долбежев, Архив ИИМК, ф. 1, 1889 г., д. № 16.

⁵ Пряжка из Кобани — колл. Бобринского № 1361/47; из Галиата — № 10770.

⁶ Уварова. Могильники. . . , табл. CXVII, 8.

⁷ Раскопки Э. Шантра в В. Кобани в 1881 г., погребения 12, 13, 15, 16, 17 (E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, т. II, Париж, 1886, стр. 27—33, рис. 3—8).

⁸ Ивановский, ук. соч., стр. 116, табл. VIII, 24.

(Эрмитаж) стертость крючка ясно указывает на застегивание с помощью мягкой петли.

Таким образом, с нашей точки зрения, является совершенно несомненным, что так называемые «бронзовые кобанские пояса» были собственно кожаными поясами с прикрепленной на них тонкой бронзовой полосой, пряжки прикреплялись или на кожаную часть, или на обе одновременно (в тех случаях, когда бронзовая полоса была одной длины с кожаной), и застегивались пряжки не на отверстие в поясе, а на кожаную петлю,

Рис. 43а. Поясной набор из Исти-су (пряжка № 1).

продевавшуюся в это отверстие. Прекрасный пример всему сказанному имеется в погребении 11 Бешташенского могильника, где сохранился и бронзовый, более узкий, чем пряжка, пояс, и конец его с одиноким небольшим отверстием, и сама типично кобанская пластинчатая пряжка с массивным крючком.¹

Более поздние пряжки из Рутхи и Фаскау снабжены цепями со звеньями из различной ширины плоских металлических пластинок, чем они отличаются от более ранних кобанских. О способе скрепления этих пряжек с поясами дает ясное представление упомянутая пряжка из собрания Государственного Эрмитажа, сохранившая на концах своих цепочек часть края кожаного пояса (рис. 44, 2). Следовательно, как и в Исти-су,

¹ К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68, рис. 70 и табл. XLIX.

так и в Кобани, на более ранних пряжках крепление было кожаное, а у более поздних — металлическое.

Но в Кобани мы имеем не только этот тип пряжек — плоские пластины: там же в так называемых «погребениях в колодцах» и в других «кладбищах» обнаружены еще две другие формы: во-первых, пряжки-

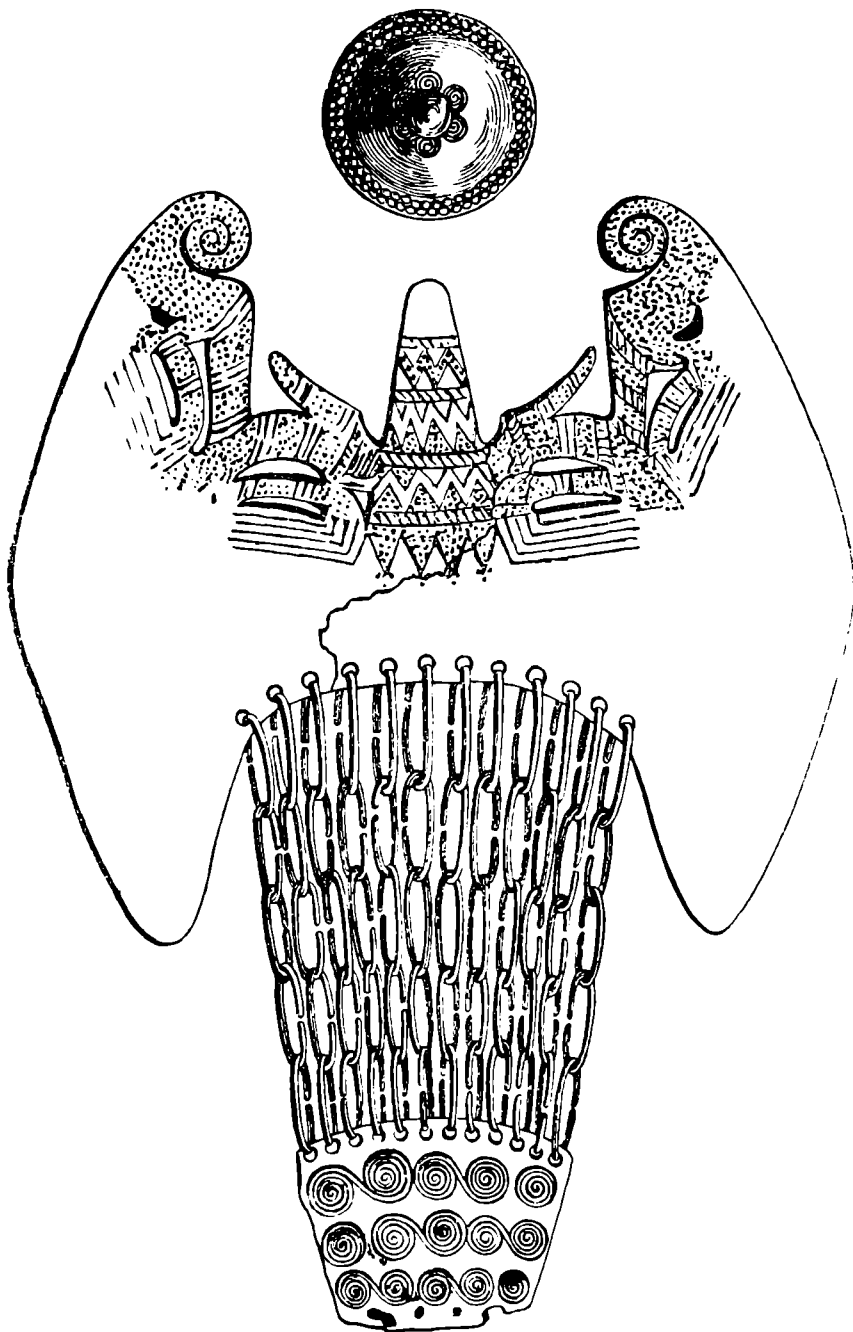

Рис. 436. Поясной набор из крепости Воздвиженской (пряжка № 4).

умбоны, соответствующие конусообразной бляхе из Исти-су, представляющие самостоятельную поясную пряжку, заменяющую целый поясной набор благодаря наличию крючка и петли вместо одной петли на внутренней стороне, и, во-вторых, пряжки почти квадратные, с кругами по сторонам крючка.

Конусовидные бляхи типа Исти-су, но без фигурной пряжки, известны по целому ряду находок. В самом могильнике Исти-су в разграбленном

погребении 10 сохранилась одна такая бляха (рис. 45, 2), отличающаяся от бляхи поясного набора из погребения 20 отсутствием головки на вершине конуса и меньшей величиной восьми двойных спиралей по краю; диаметр ее всего на 4 мм больше диаметра бляхи из погребения 20 (рис. 17, 1).

Несколько иначе орнаментирована бляха, найденная местными жителями в Ножай-юртовском округе (50 км к югу от Исти-су) (рис. 45, 4). При общем диаметре в 6 см, у нее широкие (2 см) плоские края, коническая полая и гладкая середина; по краю расположены пять двойных спиралей между двумя кругами шишечек; с обратной стороны петля, как и у блях из Исти-су.¹

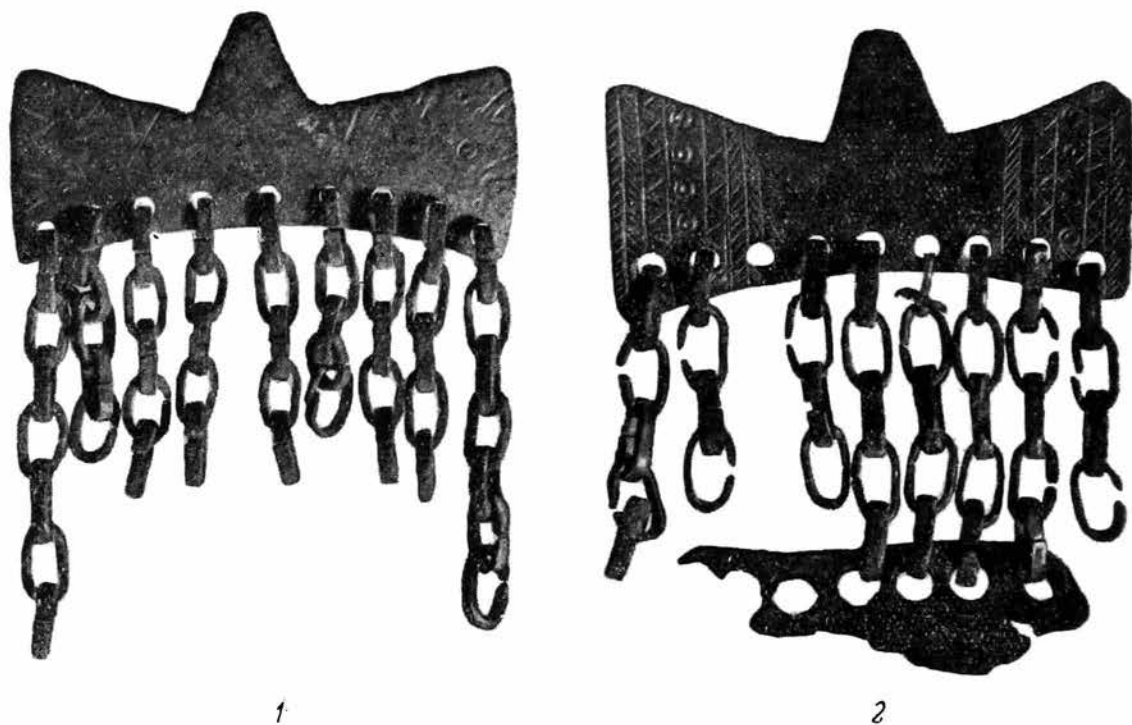

Рис. 44. Поясные пряжки из Галвата (1) и Кобани (2).

В ближайшем к Исти-су (в западном направлении) могильнике Бойси-ирзо (у ст. Урус-мартан) в кургане № 8² была обнаружена бляха с конической поверхностью, увенчанной шарообразной головкой (как на бляхе из погребения 20 в Исти-су), с тремя рядами слегка выпуклых шишечек по краю, вместо двойных спиралей (рис. 45, 3). С нею вместе находились: дуговая бронзовая фибула (принятая исследователем за серьгу), железные меч и копьё, бронзовый предмет неизвестного назначения и глиняная миска (рис. 24, 1, 3). Другая такая бляха была найдена в кобанском «погребении в колодце»; ее орнаментация еще дальше отходит от орнаментации блях из Исти-су.³ Затем, в могильнике близ ст. Нестеровской, в погребении, раскопанном Е. И. Крупновым,⁴ находилась бляха с гладкой конической поверхностью, без венчающей вершину головки. Подобная же бляха издана П. С. Уваровой среди кобанских предметов.⁵ Может быть и бляха из Так-Килисинского могильника в Закавказье, который

¹ Случайная находка М. Ф. Мячина в 1928 г. МАЭ, колл. 3772.

² Раскопки Г. А. Вертепова в Терской обл. ОАК, 1900, стр. 58.

³ Алексеева, ук. соч., стр. 195, табл. VII, 5.

⁴ Крупнов, ВДИ, 1939, № 1, стр. 264.

⁵ Уварова. Могильники, табл. VI, 4.

датируется Б. А. Куфтиным «древнежелезной эпохой», тоже является поясной пряжкой.¹

В Казбекском кладе имеется бляха, по описанию П. С. Уваровой, украшенная по краю «грубо нарубленным жгутом».² Такого рода ободок

Рис. 45. Поясные пряжки-умбоны.

1 — случайная находка 1850 г.; 2 — погребение 10 из Исти-су; 3 — курган № 8 в Бойси-ирзо; 4 — случайная находка в Ножай-юрт.

характерен для блях с петлей и крючком, упомянутых выше и относящихся к периоду «поздней Кобани», т. е. к VI—IV вв.³ По этому признаку

¹ Куфтин, ук. соч., стр. 55, рис. 52.

² Уварова. Могильники. ., стр. 143.

³ Алексеева, ук. соч., табл. I, 1; II, 1; V, 7; VI, 4.

бляха из Казбекского клада, сохраняющая петлю как единственное крепление, типологически примыкает к бляхам с крючками.

Древнейшие конусовидные пряжки типа Исти-су (погребения 20 и 10 Исти-су) орнаментированы рельефными гладкими валиками и тесно сомкнутыми двойными спиралями по краю бляхи. У более поздней пряжки с конической поверхностью, сочетающейся с фигурной пряжкой с цепями (находка И. А. Бартоломея), орнамент по краю состоит из рядов выпуклых кружочков (рис. 45, 1), а спирали передвинулись к центру, окружая основание выступа с головкой; на бляхе же из Бойси-ирзо спирали исчезли вовсе.

Бляхи с крючками распадаются по орнаментации на две группы: у одной орнамент рельефный в виде полосы бегущей спирали, обрамленной с двух сторон жгутами, по общему впечатлению напоминающий орнаментацию блях Исти-су;¹ вторая группа, судя по совместным находкам, более поздняя, украшена рядами прорезных треугольников, однако бляхи с таким же орнаментом встречаются и с одной петлей.²

На основании всего вышеизложенного можно думать, что бляхи с петлями употреблялись не только в сочетании с фигурными пряжками типа Исти-су, но и в качестве самостоятельной принадлежности пояса и притом не только в позднее, но и в раннее время, хотя способ застегивания пояса с такой бляхой остается неясным; находки отдельных конусовидных блях в ранних погребениях далеко не всегда надо принимать за остатки разграбленного поясного набора типа Исти-су. Свое происхождение конусовидные бляхи, повидимому, ведут от «загадочных» полусферовидных блях с отверстием в центре и пунсонным орнаментом, какие встречаются в погребениях поздней бронзы центральной части Северного Кавказа.³ Они входят в поясной набор с фигурными бляхами, но продолжают и самостоятельное развитие, в эпоху поздней Кобани («могилы в колодцах») получая в добавление к петле крючок и превращаясь, таким образом, в настоящие пряжки.

Перейдем теперь к рассмотрению последней интересующей нас группы кобанских пряжек. Квадратные пряжки с кругами имеют на внутренней поверхности на передней стороне крючок, на большинстве пряжек выделенный с лицевой стороны в виде треугольного выступа. По бокам от него два круга со сквозными отверстиями по середине, вокруг которых идут концентрические врезанные полосы, с косой насечкой внутри. Количество полос различно: от одной до четырех. Таким образом, контур передней части пряжки представляет собой два выступающих полукруга и треугольный выступ меньших размеров между ними.⁴ Нижняя часть пряжки орнаментирована при помощи сочетания сквозных треугольных отверстий со врезанными полосами, то прямыми, то зигзагообразными. Полосы в большинстве случаев украшены насечкой, но иногда бывают гладкими.

Если пытаться сближать пряжки Исти-су с кобанскими по форме, то никак не с пряжками первого типа в виде прямоугольных пластин и не с их позднейшим дериватом — пластинами с выступающими углами, а только с пряжками, рассмотренными нами в последнюю очередь: с кругами по бокам крючка. Их квадратная форма, за одним, как нам кажется, исключением более поздней пряжки из Кобани,⁵ своими пропорциями,

¹ У в а р о в а. Могильники. . . , стр. 88, рис. 86, табл. XLIII, 1, 2.

² Там же, табл. XXV, 11; XXXIV, 1; XLIII, 3.

³ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА СССР, вып. 3, М.—Л., 1941, табл. XI, 9; XV, 1—5.

⁴ У в а р о в а. Могильники. . . табл. XXIII, 3. — Chantre, ук. соч. табл. XII, 3, 4; LV; LIX.

⁵ Chantre, ук. соч., табл. XII, 4.

сквозными треугольными отверстиями и положением крючка в глубоком выгибе передней стороны напоминает пряжку из Исти-су в видоизмененном виде. Даже и круги находятся в соответствии с мощными спиралями закрученных хвостов, заполняющими передние концы пряжки из Исти-су. Орнамент же, расположенный в нижней части, всеми своими элементами связывается с орнаментом средней части пряжки из Исти-су.¹

Это сходство между отдельными элементами и их положением на пряжках не случайно: и фигурные бляхи типа Исти-су и пряжки с геометрическим орнаментом и кругами являются последовательными этапами развития единой композиции, имеющей в своей основе изображение богини «Владычицы зверей».

Несомненно, что пряжки с кругами — относительно более позднее явление. Дальнейшая схематизация изображения, подобного имеющемуся на бляхе из Исти-су, привела к замене изобразительных мотивов орнаментально-геометрическими формами. Не только исчезла антропоморфность центральной фигуры композиции, но и животные по сторонам ее превратились в круги и треугольники, причем основой для первых послужили свернутые в спирали хвосты, а для вторых — отверстия в пластине, подчеркивающие контуры животных.

По орнаменту выделяются две пряжки — одна из Казбекского клада, со сложным орнаментом в виде лабиринта и с круглыми «заклепками», и другая — из Махач-калы с упрощенным орнаментом, состоящим из шести зигзагообразных полос, подчеркнутых одной горизонтальной полосой с насечками и без среднего треугольного выступа между кругами² (рис. 46, 1).

Обе эти пряжки со своим совершенно различно развившимся орнаментом относятся к более позднему времени, когда геометрический орнамент центральной части совсем потерял сходство даже со схематизированным изображением пряжки из Исти-су. И если бы мы не имели промежуточных форм, то в пряжке из Махач-калы, например, трудно было бы обнаружить ее прототип. Может быть, к еще более позднему времени относятся по-иному оформленные пряжки из Архона.³

Пряжки с кругами, представляя дальнейшее развитие в сторону схематизации фигурных блях типа Исти-су, по всей вероятности, возникли не в области кобанской культуры, где нет ничего, что можно было бы считать за их протооригинал. С другой стороны, пряжка с кругами из Махач-калы (рис. 46, 1) свидетельствует о бытовании этой формы и на северо-восточном Кавказе. Весьма вероятно, что этот тип пряжек, представляющий дальнейшее развитие типа Исти-су, возник в области распространения культуры Исти-су, т. е. на северо-восточном Кавказе, и уже в готовом виде перенесен отсюда на кобанскую территорию.

Пряжки с кругами в кобанских комплексах встречаются очень редко; один такой комплекс, раскопанный Хабешем Кануковым в 1887 г. (рис. 47), представляется нам не вполне достоверным, так как в нем имеются разновременные предметы. Но, кроме того, из Кобани известны еще 5 пряжек: две из них изданы Э. Шантром,⁴ одна — П. С. Уваровой⁵

¹ А. А. Миллер (ук. соч., стр. 305) толковал «чрезмерное развитие хвостов в данном случае, как свободное видоизменение реального элемента для заполнения им заранее сложившейся декоративной формы», — толкование, которое совершенно не обосновано, если считать, что прототипом бляхи Исти-су является кобанская пластинчатая пряжка.

² Случайная находка, музей в Махач-кале.

³ Уварова. Могильники. . . , табл. СXXXI, 3, 4.

⁴ Schanthe, ук. соч., табл. XII, 3, 4.

⁵ Уварова. Могильники. . . , табл. XXIII, 3.

и две из раскопок В. И. Долбежева¹ публикуются в настоящей работе (рис. 46, 2, 3). Три пряжки этого же типа были обнаружены в Казбекском кладе вместе с бронзовыми поясами², а в Тбилисском музее имеется еще небольшой обломок переднего конца пряжки, тоже из Казбекского клада.³

Рис. 46. Поясные пряжки из Махач-калы (1) и из Кобани (2, 3).

Пояса дошли до нас в сбломках; некоторые из них гладкие, на некоторых елочный орнамент. Пряжки, по словам Уваровой, «более легкой бронзы и более грубого дела», чем кобанские. От этих пряжек отличается пряжка Государственного Эрмитажа «из Душети»⁴ (рис. 48), массивная, хорошей отливки и тщательной работы, из белого металла. На обороте у нее две высокие петли, вставляющиеся в прямоугольные отверстия в мегаллическом поясе, от которого сохранилось два обломка. Пояс украшен

¹ Раскопки В. И. Долбежева в 1887 г. Фотоархив ИИМК.

² Chantre, ук. соч., табл. V. — Tallgren, ук. соч., стр. 141, рис. 60 и 61.

³ П. С. Уварова. Museum Caucasicum, табл. II.

⁴ Колл. Комарова, № 7541.

гравированными изображениями оленей, причем изображения эти даны поперек, одно под другим, что с несомненностью указывает на использование пояса в вертикально подвешенном виде; этим он сближается с поя-

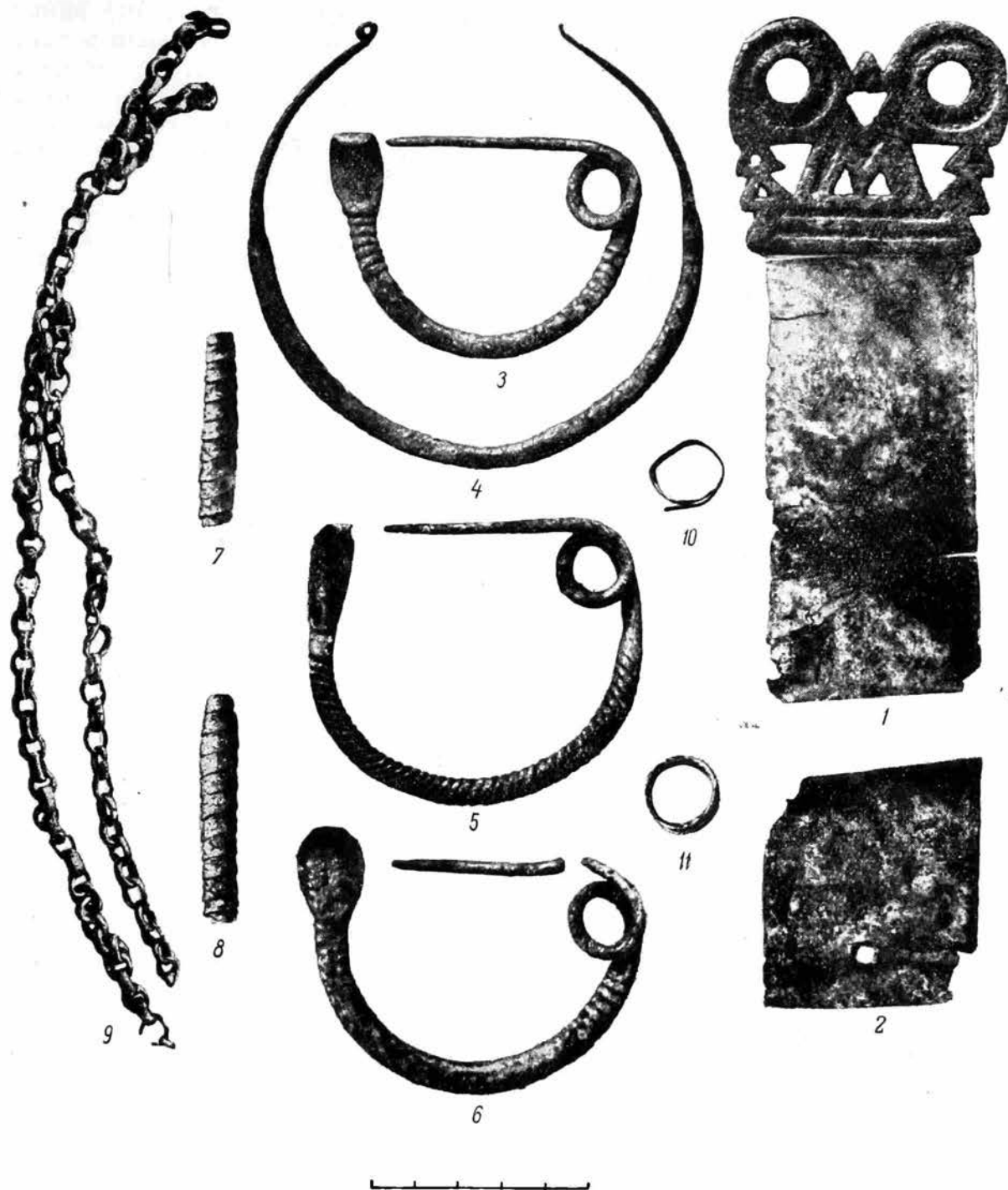

Рис. 47. Часть предметов из «Погребения воина» (в Кобанском могильнике).
 1, 2 — фрагменты бронзового пояса с пряжкой «кругами»; 3, 5, 6 — фибулы; 4 — шейная гривна;
 7, 8 — прошивки; 9 — цепь; 10, 11 — кольца.

сом из Исти-су, тогда как на закавказских экземплярах изобразительные мотивы располагаются вдоль полосы пояса. В то же время стертость крючка на пряжке из Душети свидетельствует, что и в своем естественном положении — в качестве пояса — этот набор бытовал долгое время.

Но несмотря на ряд черт, сближающих набор из Исти-су с поясом из Душети, необходимо подчеркнуть существенную разницу в изображении животных там и тут: на поясе из Душети изображены не хищники, а олени, и даны они один под другим, без всякой связи; здесь нет и намека на композицию, а просто имеется ряд отдельных изображений, никак не связанных с основной темой пряжки. Эта система изображений роднит пояс «из Душети» с пластинчатыми пряжками из Кобани, на которых обычно имеются или геометрический орнамент, или ряды изображений животных, или механическое соединение того и другого без внешней композиционной связи, что, однако, не доказывает отсутствия внутреннего смысла.¹

В Кобани же найден еще пояс (вернее, обломки его),² принадлежащий к иному типу, чем рассмотренные. Это тип хорошо известный по закавказским находкам: металлическая полоса с закругленными концами, без пряжки, может быть, зашнуровывавшаяся тонким ремешком, продевавшимся через ряд круглых отверстий на концах. Вдоль краев пояса со всех сторон идет рамка из различных мотивов: треугольников, спиралей, плетенки, чешуи и др. Пространство внутри рамки заполнено звериными изображениями.

В отдельных деталях орнаментальных мотивов и в манере заполнения контуров тел зверей точками и штриховкой закавказские пояса имеют некоторое сходство с фигурными пряжками типа Исти-су. Однако принцип орнаментировки здесь и там совершенно иной. На закавказских поясах основной задачей мастера является полное исчерпывающее заполнение пространства отдельными декоративными элементами, не связанными единством композиционного построения. В известных нам закавказских поясах можно различить, не вдаваясь в подробности, два способа декорации: первый заключается в том, что свободное поле внутри рамки заполняется одним или двумя-тремя (один под другим) рядами животных, иногда торжественно выступающих, иногда бегущих, причем чередование фигур создает известную своеобразную ритмичность, а для уничтожения пустых пространств применяются в качестве заполнительного орнамента солярные знаки;³ второй способ наблюдаем на поясах, где изображения различных представителей животного мира как реальных, так и совершенно фантастических, даны в самых разнообразных позах и сочетаниях, без соблюдения какого бы то ни было ритма, с единственным стремлением заполнения всего имеющегося пространства.⁴ Так же, как и в кобанских пряжках, несомненно, что изображения на этих поясах имели свое определенное смысловое содержание, связанное с ритуальным значением поясов, рассмотрение которого, однако, не входит в нашу задачу.

По ряду признаков закавказские пояса находятся в теснейшей связи с хеттскими памятниками и являются в значительной мере прямым продолжением хеттской традиции в Закавказье. Традиция металлического пояса продолжает жить и в кобанской культуре, но здесь появляются металлические пряжки, на которые частично и переходят культовые изображения, связанные с ритуальным значением поясов.

В пряжке из Исти-су в наиболее отчетливом виде получила выражение новая композиция, вовсе неизвестная на поясах из Закавказья, хотя по идее родственная с ними и с давних пор известная на Востоке — это

¹ У в а р о в а. Могильники. табл. XV, 4; XVI, 3; XVII, 4; XIX, 1, 2, 3; XXIII, 1, и др.

² Там же, стр. 36—37, рис. 39, 40 и 41.

³ R. V i r s h o w. Über die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. . . . Берлин, 1895, табл. I, 1; IV—XVII, XVIII. — К у ф т и н, ук. соч., стр. 51, рис. 49.

⁴ V i r s h o w, ук. соч., табл. I, 2; II и III.

строгосимметричная по построению композиция крылатой богини со зверями по сторонам, трактованная в виде птицы. Ранние варианты этого рода пряжки в кобанской культуре не известны; она появляется здесь во

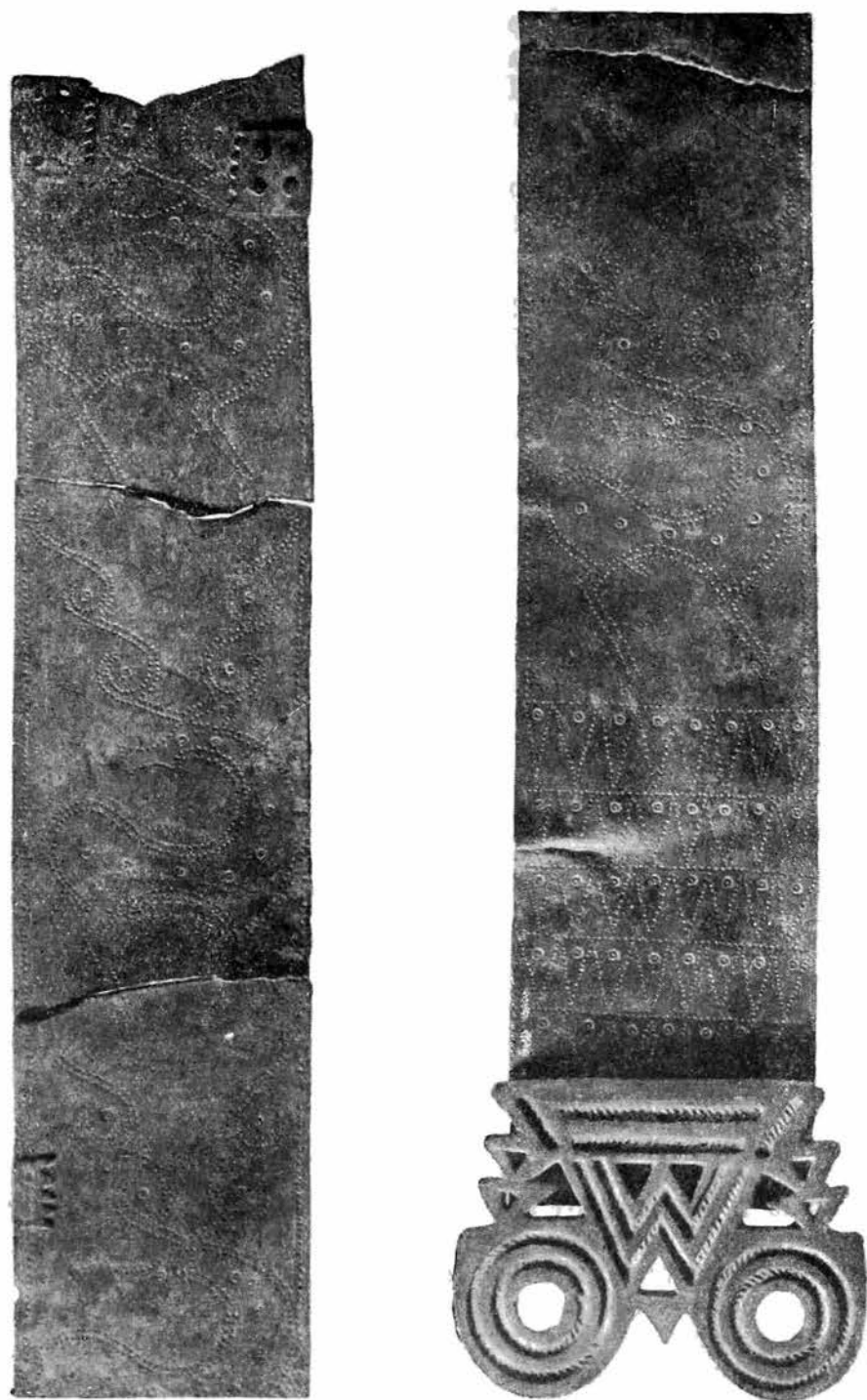

Рис. 48. Пояс из Душети (Эрмитаж).

вполне геометризованном виде (пряжки с кругами) и сочетается с доживающим до позднего времени металлическим поясом. Воздействие этой композиции сказывается и на некоторых специфически кобанских пластинчатых пряжках — в сочетании геометрических угловатых мотивов, харак-

терных для центрального изображения на пряжке из Исти-су.¹ Из Кобани же происходит ажурная пряжка в виде двух геральдически сопоставленных хищников (пантер), представляющая часть композиции «Владычицы зверей» с утратой центральной фигуры. Изображение хищников дано на этой пряжке в обычном для кобанских изображений стиле, т. е. схематизировано и условно.² Такие же изображения животных-хищников встречаются и отдельно. Особенно многочисленны они на кобанских боевых топорах³ (рис. 49).

Наиболее характерной чертой этих изображений является сухая схематичность и условность рисунка. Тело животного утрачивает реальные формы и пропорции; принадлежность его к хищникам кошачьей породы условно показана изогнутой линией спины, длинным пушистым хвостом, когтями на лапах и широко раскрытой пастью, всегда данной преувеличенно угловатым рисунком, с острым торчащим носом. Поверх-

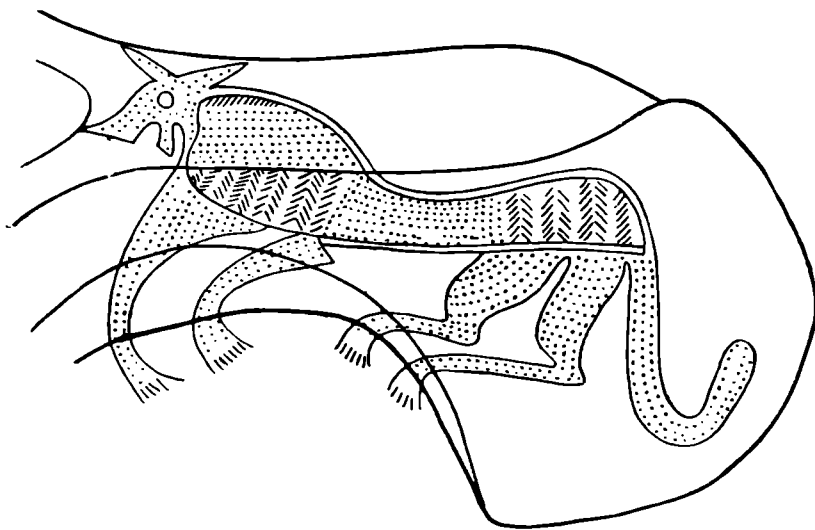

Рис. 49. Изображение хищника на топоре из Кобани (Эрмитаж).

ность тела зверя внутри контура, иногда двойного, расчленяется поясками и покрывается точками и штриховкой. Все условно — от внешнего общего контура до изображения деталей. В манере изображения животных и разделки их тел есть много общего с закавказскими поясами. Конечно, не все изображения одинаковы, среди кобанских животных можно найти менее схематичные, но общим для всех них остается один и тот же образец, один и тот же шаблон. Разнообразные, тонкой и изящной формы топоры, высокое мастерство резьбы, тонкость выполнения орнаментальных мотивов говорят о высокой культуре литья и резьбы по металлу у древних обитателей Кобани. Здесь схематичность и нежизненность форм, которые мы отмечаем в рисунке, являются не примитивностью, не неумением, а стилем.

Если теперь мы рассмотрим с точки зрения стиля изображения на пряжке из Исти-су, то должны будем отметить некоторые черты сходства с кобанскими: особенно характерна разделка поверхности тел и угловатость морд зверей, налицо и нарушение пропорций, но при всем том звери на пряжке Исти-су резко отличаются от кобанских живостью, естественностью своей напряженной позы, вопреки условной трактовке

¹ У в а р о в а. Могильники. табл. XVII, 5.

² Там же, табл. XXII, 1.

³ Там же, табл. V; VII, 4; VIII, 1.

деталей. Еще резче выступит разница между кобанскими памятниками и пряжкой Исти-су, если мы остановимся на принципе распределения рисунка на поверхности. Изображения зверей на кобанских топорах и пряжках наносятся на поверхность без учета форм предмета, используется пустое пространство, на котором с одинаковым успехом вместо данного зверя может быть помещен совсем другой или тот же зверь может быть повернут в противоположном направлении: композиционной связи между изображением и фоном нет.

На пряжке из Исти-су ни заменить зверей другими, ни повернуть их иначе — нельзя: изображения органически слиты со своей основой, они не разделимы. Пряжка и ее орнаментировка задуманы как одно целое. Это умение использовать поверхность предмета для декорировки так, чтобы последняя стала неотделимой, неотъемлемой от самого предмета, эта манера при помощи изображений одних животных, беря их, как часть, подчеркивать свойство целого, совсем другого (как здесь хищные звери использованы, чтобы передать силу и мощь орла, его крыльев), все это ярко проявляется в памятниках искусства — нового для северо-восточного Кавказа, искусства скифского, к которому Исти-су стоит ближе других областей уже в силу своего местоположения на границе степи и предгорья.

Особенно близкое родство звериных изображений на пряжке из Исти-су при этом обнаруживается с тем направлением скифской стилизации, которую в отличие от скульптурной, связанной с резьбой по дереву и кости, можно назвать графической. Это направление еще ждет исследователя, и в настоящее время может быть представлено только некоторыми примерами, вроде гравированных изображений оленей на северокавказской керамике и фигурами животных на ручке зеркала из Куль-обы, и на рукоятках мечей из кургана Мирзы Кекуватского, Чертомлыка и «Частых курганов» под Воронежом.¹

Из всего изложенного следует, что пряжки типа Исти-су нельзя ставить в зависимость от кобанских и датировать их позже. Наоборот, тип кобанских блях с выступающими концами, надо думать, возникает под воздействием пряжек Исти-су и, судя по появлению у этих последних (Рутха, Фаскау, Хор-гон) металлических цепей, как крепления, можно думать об их параллельном существовании с последней группой блях типа Исти-су. Для датировки этих пряжек важную роль играет бляха из Фаскау² с изображением оленя.

Небольшая по размерам, что характерно для этой группы блях, пряжка из Фаскау орнаментирована фигурой оленя со многими признаками типичной скифской стилизации. Стоящий олень — мотив в скифском искусстве редкий. В Государственном Историческом музее в Москве хранится золотая пластинка с изображением стоящего оленя с повернутой назад головой³. По величине пластинка больше пряжки из Фаскау, а фигура оленя по общим контурам сходна, хотя и более архаична по стилю. Олень с вытянутыми, как бы висящими, ногами представлен с повернутой назад головой и симметрично развернутыми рогами. На пряжке из Фаскау композиция стоящего оленя решена несколько иначе. Голова оленя поднята кверху, и закинутые назад рога касаются крупа. Узкая пластина пряжки ограничивала возможности декорировки, но мастер удачно разрешил проблему: олень сливается с пластиной, заполняя всю ее поверхность, отверстия в пряжке выделяют и

¹ М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, 1914, табл. V

² Уварова. Могильники. . . , табл. CXVII, 8.

³ Grego y Bogovka. S ythien Art. Лондон, 1928, табл. 3A

подчеркивают контуры тела животного и, отрывая его от фона, придают четкость его формам. Обратим внимание на совершенно иной принцип декорации на пластинчатых бляхах самой Кобани, где мастер просто обрезает туловище не поместившегося на пряжке оленя.¹ Пряжка из Фаскау, сохраняя форму утвердившейся преимущественно в Кобани удлиненной пластины, по орнаментации является образцом нового стиля, возникшего под воздействием скифского искусства.

Стилистически родственное во многих деталях, особенно в трактовке морды и раскидистых рогов, очень близкое, но более смелое в расположении фигуры и утонченное в пропорциях изображение оленя имеется на конце ножен из погребения в урочище Ани-ирзо близ ст. Урус-мартан.² Может быть, в какой-то части это изображение является прототипом оленя на пряжке из Фаскау. От самого меча, которому принадлежали ножны, сохранилась ручка с изображением хищника с перевернутой задней частью туловища. Отмечая близость изображений на частях меча с изображениями на северокавказской керамике, А. А. Иессен датирует эти предметы «скорее всего VI или, в крайнем случае, V в.»³ Нам эта крайняя датировка — конец VI—V в. — кажется наиболее вероятной, уже хотя бы потому, что в скифском искусстве мотив зверя с перевернутой задней частью туловища выступает главным образом в V в. (Семибратние курганы, Солоха, Ушаковский меч, который является самым ранним примером подобных изображений).

Следовательно, пряжку из Фаскау, а вместе с ней и пряжки из Рутхи, можно считать принадлежащими V в., а так как они являются результатом воздействия на кобанские формы пряжек типа Исти-су — эти последние надо относить к более раннему времени, т. е. к VI в.

Могильник Исти-су, в котором найдена фигурная пряжка, датируется VI—V вв. до н. э. Нет сомнения в том, что комплекс с бляхой принадлежит к наиболее ранним, а наша пряжка может относиться ко времени еще более раннему, чем могильник в целом, т. е. к началу VI в. Погребение, в котором обнаружена бляха, не рядовое. Обилие бронзовых украшений, исключительно длинная цепь и, наконец, пояс с тяжелыми бляхами свидетельствуют, однако, не столько о богатстве погребенного, сколько об его выдающемся социальном положении, по всей вероятности, в области религиозного культа, так как совершенно очевидно, что убор, в котором покойник был положен в могилу, не бытового, а культового назначения.

В настоящее время на Северном Кавказе известно довольно много памятников, относящихся к скифскому периоду. Кроме знаменитых кубанских курганов, типа келермесских и ульских, имеется ряд бескурганных могильников или насыпей незначительной величины. Подавляющее большинство их расположено в центральной части Северного Кавказа. Это могильники — на Чеснок-горе близ колонии Каррас в окрестностях Пятигорска, Каменноостровский, Кисловодский, Моздокский, у ст. Нестеровской, и, наконец, самый восточный из них — у ст. Урус-мартан в Грозненской обл. (рис. 50).

Приведенными сопоставлениями могильник Исти-су прочно увязывается с перечисленными памятниками раннескифского времени на Северном Кавказе. Все они датируются VI—V вв. до н. э. Нет никакой надобности подвергать эту датировку сомнению или пересмотру, так как в на-

¹ Уварова. Могильники . . . , табл. XVI, 3.

² ОАК, 1900, стр. 55. — А. А. Спицын. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, вып. 4, СПб., 1902, стр. 132—135, рис. 1 и 2.

³ Б. Б. Петровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа. Л., 1940, стр. 48.

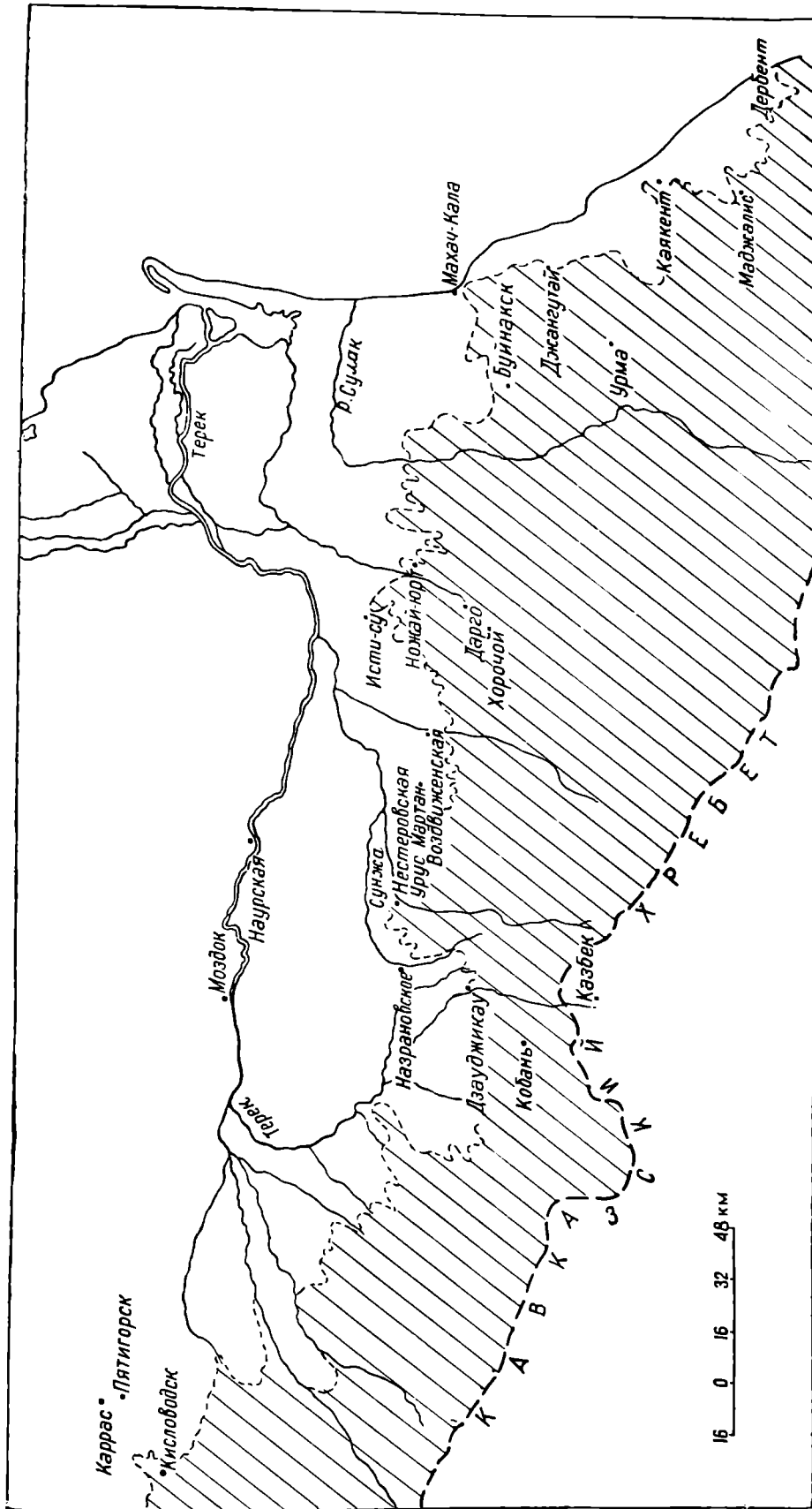

Рис. 50. Схематическая карта северо-восточного Кавказа (штриховкой отмечено предгорье).

шем распоряжении нет никаких новых оснований для хронологических определений. Исходя из этого, и могильник Исти-су надлежит относить к тому же времени, допуская, что хотя отдельные предметы, как, например, поясная фигурная пряжка, могут относиться к самому началу VI в., большая часть инвентаря явно не раньше V в. Особый интерес могильника Исти-су заключается в том, что он характеризует «скифский» период в малоисследованной восточной части Северного Кавказа.

Перечисленные могильники расположены на широкой полосе северокавказского предгорья, граничащей с одной стороны со степными просторами, расстилающимися к северу от Терека, а с другой, на юге, постепенно переходящей в высокогорную область северных отрогов Главного Кавказского хребта. Находятся могильники, главным образом, на пологих склонах лесистых хребтов или в расширенных местах ущелий горных рек на береговых террасах. Имея общие черты, присущие «скифской» культуре, каждый из памятников представляет и свои местные особенности, иногда незначительные, иногда же настолько резко выраженные, что приходится говорить не о локальном варианте, а об особой культуре. Могильник Исти-су как раз и дает нам настолько своеобразный комплекс, что, несмотря на множество черт, указывающих на тесные связи населения Исти-су с соседями, создается представление именно об особой культуре.

По имеющимся материалам очевидны тесные связи населения Исти-су с Закавказьем и с горной Кубанью, а также и со степными племенами, представителями «скифской» культуры. Все эти связи были и у соседей Исти-су: населения Моздокского района, ст. Нестеровской и др., но, очевидно, имея одинаковые внешние связи, эти соседи отличались друг от друга основой своей культуры, и поэтому вновь развившаяся культура Исти-су проявилась совсем в иных формах, чем родственные ей синхронные культуры более западных районов. Слишком мало имеется материалов, чтобы установить точные границы распространения культуры, к которой принадлежит могильник Исти-су, но к западу она, по видимому, простирается не слишком далеко — уже ст. Нестеровская дает совсем иные формы, сближающие ее с Моздоком гораздо больше, чем с Исти-су. То же можно сказать и относительно Кубани; несмотря на повторение некоторых форм, все же в Исти-су они настолько своеобразны, что приходится видеть в этом иные принципы, иной стиль.

Все формы Исти-су, как керамических, так и бронзовых предметов, отличаются выработанностью, четкостью. Геометрическая простота линий и поверхностей, однако не переходящая в сухость, расчлененность форм, уравновешенность частей предмета, органическая слитность орнамента с формой предметов (фигурная поясная пряжка из погребения 20) — вот отличительные характерные черты материалов из Исти-су, отнюдь не свойственные другим группам памятников того же рода. Прибавив сюда все сказанное о поясном наборе из погребения 20, особенно то, что касается стиля представленной на пряжке композиции, мы должны констатировать принадлежность могильника Исти-су к своеобразной культуре, выросшей на местной основе, корнями уходящей в эпоху бронзы.

Могильник у сел. Хорошой с его погребениями в каменных ящиках — явление несомненно много более раннее, чем Исти-су, но в том же сел. Хорошой колхозником при рытье погреба было найдено погребение, в инвентаре которого имелись две поясные пряжки: круглая (ныне утерянная) и фигурная, описанная нами под № 3 (рис. 33). К сожалению, никаких дополнительных раскопок в Хорошое сделано не было, но случайностью эта находка быть не могла. Захоронения могильника Исти-су, представленные всего лишь 23 раскопанными погребениями, не одновре-

менны; можно говорить о разнице в пределах 100—150 лет (погребение 20 и погребение 7). То же вероятно и в Хорокое: могильник эпохи бронзы может подойти близко (в смысле времени) к могильнику «скифской» поры. Есть все данные категорически утверждать, что последний существовал, но больше нам ничего не известно.

Культура могильника Исти-су простирается на юг до Хорочая, а Хорочей со своим могильником эпохи бронзы входит в группу родственных между собой памятников, расположенных и в крайнем юго-восточном углу Грозненской области (западная часть группы), и в еще большем количестве в Дагестане (восточная часть группы).¹ Не будет ничего удивительного, если и культура Исти-су в дальнейшем окажется характерной для всей северо-восточной части Кавказа, подобно тому как кобанская обнимает его центральную горную часть, а так называемая «скифская» локализуется в предгорной и степной полосе среднего и западного Кавказа.

Культура Исти-су, как свидетельствуют и вышеприведенные сопоставления некоторых керамических форм, может представлять собою непосредственное продолжение хорокое-каякентской культуры эпохи бронзы, причем возникновение здесь новых форм приходится относить не только за счет перехода населения на новый этап социально-экономического развития, но и за счет появления некоторых новых культурных элементов. Это те элементы, которые сближают Исти-су с Кобанью и скифскими племенами степей, раскинувшихся к северу от Кавказа.

В данной связи нет надобности останавливаться на рассмотрении тех явлений хозяйственной и социальной жизни населения юга нашей страны, которые характеризуют так называемую «скифскую культуру». Важно лишь отметить, что общность ряда культурных признаков скифской культуры на обширной территории не может быть сведена к одному только сходству социально-экономической основы у заселявших ее многочисленных и без сомнения разнородных племен. Она находится в прямой зависимости также и от общности исторической среды и от тесного взаимодействия этих племен. Зато необходимо подчеркнуть, что, несмотря на общность ряда признаков и на близкое сходство отдаленных подчас друг от друга локальных культур, эти культуры выступают с тем большей отчетливостью в своем своеобразии, чем внимательнее, детальнее и полнее проводится их изучение и сопоставление между собой. В результате является уверенность, что так называемые «локальные культуры» в действительности культуры этнические, представляющие различные этнические образования, лишь условно покрываемые общим именем — «скифы».

---

¹ К р у г л о в. Предскифские памятники. , рис. 6.

В. П. ШИЛОВ

О РАССЕЛЕНИИ МЕОТСКИХ ПЛЕМЕН

Меотские племена, частично входившие, как говорят нам боспорские надписи и свидетельства древних авторов, в состав Боспорского царства, играли значительную роль не только в исторической жизни самого Боспора Киммерийского, но и всего юга нашей родины. Ряд древних авторов отмечает могущество и воинственность меотских племен.¹ Страбон, говоря о побережье Меотиды, сообщает, что «на этом побережье живут меоты. хотя занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающиеномадам».² О военной мощи меотских племен свидетельствует и рассказ Полиена,³ носящий полуфантастический характер,⁴ но наряду с этим отражающий реальные мотивы борьбы, разыгравшейся между боспорским правителем Сатиром и синдским царьком Гекатеем, с одной стороны, и дочерью вождя иксаматского племени, бывшей женой Гекатея, Тиргатао, — с другой. Любопытно также отметить, что боспорская династия Спартокидов, как показало последнее исследование М. И. Артамонова, по своему происхождению являлась династией племени синдов, стоявших во главе меотского племенного союза.⁵

О выдающейся политической роли меотских племен в последующей истории Боспорского царства рассказывает Диодор Сицилийский,⁶ описывая междоусобную борьбу, разыгравшуюся за боспорский престол между сыновьями Перисада I, победителем в которой оказался Евмел, ставленник вождя фатеев Арифарна. Далее, Митридат Евпатор, как сообщает Аппиан, замышляя свой грандиозный поход против римлян через Альпийские горы, не последнее место отводил в нем и меотским племенам; желая укрепить связи с меотами, он обручил своих дочерей с наиболее могущественными из их правителей.⁷

Политическая роль меотских племен в жизни Боспорского царства определялась, прежде всего, экономической важностью занятой ими области. Область меотов, как говорят нам археологические данные и письменные свидетельства, являлась одним из основных районов, производивших главнейший вид боспорского экспорта — хлеб. Так, Страбон сообщает, что жители Херсонисской равнины вместе с азиатскими местечками

¹ Евстафий. Комментарии к Дионисию, 652.

² Страбон. География, XI, 2, 4. (Цит. по SC).

³ Полиен. Военные хитрости, VIII, 55.

⁴ М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао. Одесса, 1914, стр. 9 сл.

⁵ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении Спартокидов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 29 сл.

⁶ Диодор Сицилийский, XX, 22—24. (Цит. по SC).

⁷ Аппиан. Войны с Митридатом, 102.

возле Синдики платили дань Митридату, выражавшуюся в 180 000 медимнах хлеба и 200 талантах серебра.¹

Наряду с этими тесными политическими и экономическими связями с Боспором, меоты, страну которых покрывала густая сеть рек, имели, как показало нам исследование В. Ф. Миллера,² довольно оживленные сношения и с предгорным Кавказом и с Закавказьем.

Несмотря на важность изучения истории населения, связанного с побережьем Меотиды, до сих пор свидетельства древних авторов о нем не подвергнуты должному и разностороннему исследованию. Одной из основных проблем изучения населения данного района является вопрос о расселении меотских племен, который по существу до сего времени не решен, хотя в этом направлении и делались отдельные попытки.

Попытка составления карты расселения меотских племен была предпринята в первой половине XIX в. Дюбуа де Монпере, который объездил весь Кавказ и Крым и написал работу,³ содержащую ряд ценных сведений по геологии, географии, ботанике, истории, этнографии и археологии. В приложенном к его работе атласе, посвященном исторической и современной географии, даны карты, составленные на основании данных Геродота (табл. IX), перипла Скилака (табл. X), Страбона (табл. XI), Плиния (табл. XII), перипла Арриана (табл. XIII),⁴ где Дюбуа делает попытки локализовать и меотские племена, но, к сожалению, в тексте отсутствуют мотивы данной локализации, а если и имеются, то носят субъективный характер.

Так, например, автор помещает дандариев на левом берегу Кубани,⁵ к востоку от синдов, по следующим мотивам: по сообщению Страбона боспорский царь Фарнак, расчистив какой-то старинный канал и отведя тем самым русло Гипанида в сторону, затопил территорию дандариев.⁶ На левом берегу Кубани, в ее низовьях, Дюбуа видел низменность, тянущуюся на многие десятки километров, уровень которой почти не превышал уровня р. Кубани, и счел эту низменность за дно древнего русла р. Кубани.⁷

Далее он заметил, что на этой низменности, расположенной между реками Кубанью и Адагумом, протекающим здесь параллельно первой и являющимся водоемом для всех рек, берущих начало в горах, имеется естественный нанос земли, который, по мнению Дюбуа, образовался в результате периодических разливов р. Кубани и отодвинул ее течение далеко к северу. Отложения почвы мешали реке заливать при наводнении указанную низину, ограниченную с юга горами. Эту низину и южные склоны кавказских гор Дюбуа и принял за территорию дандариев, исходя из сообщения Страбона о том, что Фарнак некогда затопил землю дандариев. Он пишет, что достаточно было бы Фарнаку при разливе р. Кубани прорыть отмеченные возвышавшиеся над местностью отложения почвы, чтобы река затопила низину. Таким образом, увязав совершенно случайное совпадение топографических условий с сообщением Страбона, Дюбуа позволяет себе сделать важный исторический вывод о локализации дандариев, игнорируя то обстоятельство, что таких совпадений можно было бы найти в Прикубанье десятки, так как р. Кубань относится к раз-

¹ Страбон, VII, 4, 6. (Цит. по SC).

² В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, вып. 1, стр. 98 сл.

³ Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase, т. т. I—VI. Париж, 1839—1843.

⁴ Там же, Атлас, серия I.

⁵ Там же, табл. XI и XII.

⁶ Страбон, XI, 2, 11. (Цит. по SC)

⁷ Dubois de Montpéroux, ук. соч., т. V, стр. 9—10, 12.

ряду блуждающих рек и очень часто меняет свое русло, образуя при этом низины (например, на глазах старожилов, Кубань, протекавшая возле самой ст. Елизаветинской, в настоящее время сместила свое русло километра на два к югу).¹ И удивительно, что это мнение Дюбуа о местоположении дандариев до сих пор разделяется советскими историками и археологами.²

Любопытна также аргументация Дюбуа по определению северной границы Синдики. Он пишет: «... я был поражен, что не нашел курганов на острове, который назвал синдским. Я их видел 3 на запад от Тамани, направляясь к мысу Тузла, и 2 или 3 между древним руслом Кубани (Шемарданская бухта — Ахтанизовский лиман) и ст. Стеблевской. Близ руин Бугаза и соседних руин Кормуссы я их вовсе не видел. Этот характер определяет границу между народами синдов и милетскими колониями».³ Таким образом, он считает северной границей синдов древнее русло р. Антикитиса, исходя из ошибочного понимания факта отсутствия курганов на территории южнее этого русла.

Что же касается остальных меотских племен, то Дюбуа наносит их местоположение на карте без соответствующей аргументации, и нам неясно, какими соображениями он руководствовался в каждом отдельном случае.

Более поздние составители карт обычно ограничиваются тем, что наносят по восточному побережью общее наименование «меоты», выделяя, как правило, синдов, относя их восточную границу без всяких оснований вплоть до р. Убинки⁴ или Афиписа.⁵ Исключением в этом отношении является карта расселения племен в римское время, приложенная ко II тому «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе», где В. В. Латышевым нанесены почти все меотские племена,⁶ но и здесь после каждого наименования племени стоит вопросительный знак. Таким образом, и в последней работе мы видим лишь ее результаты и совершенно лишены возможности судить о мотивах, которыми руководствовался автор.

Территорию синдов более или менее правильно очертил Лаппо-Данилевский в исследовании, посвященном древностям кургана Карагодеуашха.⁷

В советский период вопрос о расселении меотских племен затрагивается в двух работах: одна принадлежит акад. С. А. Жебелеву⁸ и другая — Н. П. Розановой.⁹

Работа С. А. Жебелева касается данного вопроса лишь попутно, он подтверждает выводы Томашека, данные последним в «Реальной энциклопедии».¹⁰

Н. П. Розанова в связи с находкой надписи на городище у хут. Артюхова, в которой сохранилось лишь 4 буквы АНΔΑ, восстанавливает

¹ В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, III, 1935, стр. 71.

² С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 18. — Н. В. А н ф и м о в. Городище восточной окраины Боспорского государства. Историко-археологический сборник. Научно-иссл. инст. краеведч. и музейн. работы, М., 1948, стр. 142.

³ Dubois, ук. соч., т. V, стр. 102—103.

⁴ J. de Morgan. Mission scientifique du Caucase, т. I. Париж, 1889, стр. 202.

⁵ T. Reinach. Mithridate Eupator. Париж, 1890, карта в конце книги.

⁶ SC, т. II, карта.

⁷ А. С. Лаппо-Данилевский. Древности кургана Карагодеуашх. МАР, вып. 13, 1894, стр. 107—109.

⁸ С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 17—18.

⁹ Н. П. Розанова. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. СА, VII, М.—Л., 1941, стр. 249—250.

¹⁰ Т о м а ш е к, RE, IV, 2099 (ссылка С. А. Жебелева).

слово ΔΑΝΔΑΡΙΟΙ и считает, что в этой надписи название дандариев не связывается с титулатурой боспорского царя, а поставлено самостоятельно в именительном падеже, и делает отсюда вывод о том, что городище хутора Артюхова было, вероятно, центром области дандариев (Соса).

Таким образом, не анализируя сообщения древних авторов и не используя полностью весь комплекс источников, археологи и историки, занимавшиеся вопросом о размещении меотских племен, пришли к крайне противоречивым выводам. Исключением из общего правила является определение местоположения синдов и торетов, в локализации которых имеются незначительные расхождения, касающиеся лишь размеров их территории.

Для локализации меотских племен могут быть привлечены следующие виды источников, неравноценные по своей значимости:

1) надписи боспорских граждан с указанием титулатуры боспорских царей, найденные в различных пунктах Керченского и Таманского полуостровов;

2) сообщения греческих и латинских писателей;

3) данные археологические;

4) данные топонимики рассматриваемого района;

5) данные этнографические.

Наиболее надежным источником для постановки вопроса о расселении меотских племен являются надписи с титулами боспорских царей, содержащими перечень подвластных им меотских племен. Но одни надписи не могут разрешить данный вопрос, так как в силу своего специфического характера являются крайне лаконичными. На приложенной таблице мы собрали все изданные надписи, относящиеся ко времени первых боспорских правителей (Левкона I, Перисада I и одна времени Перисада II). Упоминание боспорских правителей (Левкона, Перисада I и Перисада II) дает возможность отнести все надписи к трем хронологическим группам. Гораздо сложнее вопрос о хронологической последовательности их внутри каждой указанной группы.

Хронологическая последовательность надписей времени Левкона, данная нами в табл. 1, не вызывает у нас никаких сомнений. Левкон I вначале имеет титул «архонта Боспора и Феодосии»,¹ а затем «архонта Боспора, Феодосии и царя синдов, торетов, дандариев и псессов».² Основанием же для выделения двух более ранних надписей времени Перисада I явилось тождество его титулатуры с титулатурой надписей времени Левкона I (табл. 1). Здесь Перисад I именуется архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов, торетов и дандариев. Последующее расположение надписей в таблице, исходя из содержания титулатуры боспорских правителей, на наш взгляд является также вполне правомочным, хотя здесь и возможны перестановки в пределах каждой группы с одинаковой титулатурой. В одних из этих надписей Перисад I именуется «архонтом Боспора и Феодосии и царем всех синдов и всех меотов»,³ в других носит такой же титул, как и в предшествующих надписях, но после выражения «всех меотов» добавлено и «фатеев»⁴ и только в надписи 347 он имеет более пространственный титул: «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов и всех меотов, фатеев и досхов».⁵

¹ IosPE, т. II, 343.

² Там же, 6.

³ Там же, т. IV, 418; II, 8, 10, 11, 345.

⁴ Там же, 8 и 346.

⁵ Там же, т. II, 347.

№	Место и год находки надписи	Где издана	Имя посвяпителя надписи, статуи, храма	Кому посвящены надпись, статуя, храм
1	Цукурский лиман, октябрь, 1871 г.	IosPE, т. II, 343	Димарх Скифов	посвятил Афродите небесной, владычице Апатура
2	Керчь (?), 1917 г.	ИАК, 63, стр. 109	?	посвятила Артемиде Эфесской, алтарь
3	Феодосия; доставлена из Нахичевани ¹	IosPE, т. II, 6	Стратокл	посвятил Аполлону Врачу за отца своего Динострата, бывшего жрецом
4	Керчь, 1864 г. фрагментированная	Там же, 7	Креуса, дочь Медонта	Деметре.
5	При извержении вулкана у Ахтанизовского лимана, 1818 г.	Там же, 344	Ксеноклид Посиев	посвятил храм Артемиде Агротере
6	Обломок надписи, Тамань, 1891 г.	Там же, т. IV, 419	?	?
7	К юго-западу от Фанагории, 1896 г.	Там же, 418	Аполлоний, сын Фанагора	статую посвятил Афродите Урании, владычице Апатура
8	Керчь, 1864 г.	Там же, т. II, 10	Сатирион Патэков, бывший жрецом	посвятил Аполлону Врачу
9	Керчь, 1833 г.	Там же, 11	Киранов (-ва) посвятил (-ла) за свою дочь Итию	
10	Фанагория	Там же, 345	Местор Гиппосфенов, бывший агонифетом	за отца посвятил Аполлону
11	На берегу Ахтанизовского лимана, 1804 г.	Там же, 346	Комосария, дочь Горгиппа	по обету посвятила сильному богу Санергу и Астарте
12	Керчь, 1850 г. фрагментированная	Там же, 8	Фенипп за брата Артемидора... а,	
13	Фанагория, 1852 г.	Там же, 347	Кассалия, дочь Посия	посвятила Афродите небесной
14	Керчь, 1843 г.	Там же, 15	Левкон Перисадов	посвятил статую Аполлону Врачу, бывшего жрецом

¹ Надпись, по словам старожилов, найдена в Феодосии, но издавший ее Стефани и вслед за ним Латышев отвергли феодосийское ее происхождение на основании того, что в Феодосии не было найдено памятников такой «глубокой древности», хотя

При каком боспорском правителе	Титулатура боспорского правителя ²						
при Левконе	архонте Боспора и Феодосии						
при Левконе	архонте Боспора и Феодосии и синлов и царе	←	торетов	дан-дариев	псес-сов		
при Левконе	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов	торетов	дан-дариев	псес-сов		
при Левконе	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов	?	?	?		
при Перисаде, сыне Левкона	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов	торетов (?)	дан-дариев			
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов	торетов	?	?		
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	фате-ев
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов	фате-ев
при Перисаде	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	фате-ев и дос-хов
при Перисаде, сыне Спартока	архонте Боспора и Феодосии и царе	синдов				мео-тов всех	фате-ев

позднее здесь были встречены находки, относящиеся к более раннему времени.

² Окончание титулатуры боспорского правителя не сохранилось.

Наконец, Перисад II опять именуется только «архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов и всех меотов и фатеев».¹

Несмотря на то, что эти надписи являются памятниками частными, т. е. изготовленными по инициативе отдельных боспорских граждан, здесь прежде всего поражает строгая, ни в одном случае не нарушенная формула текста, что особенно ярко проявляется в титулатуре боспорских правителей. Каждое меотское племя занимает в титуле царя всегда строго определенное место. На первом всегда стоят синды, за ними следуют тореты, далее дандарии и, наконец, псессы. Этот порядок перечисления меотских племен в титуле боспорских царей удерживается на протяжении всего правления Левкона и сохраняется в начале правления Перисада I.

В последующие годы правления Перисада I его титулатура несколько видоизменяется по форме, хотя и остается прежней по своему содержанию. Перисад I именуется теперь «архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов и всех меотов».

Что следует понимать под словами «всех меотов»? Означает ли это, что все меотские племена с этого времени были подчинены Перисаду I? Конечно, нет. С. А. Жебелев считает, что в надписях, упоминающих «всех меотов», «скорее всего понимаются только те меотские племена, которые обитали по течению Кубани и ее притоков».² Мы склонны рассматривать данный титул как сокращенную формулу предшествующих надписей, что ясно из приложенной таблицы, т. е. выражение «всех меотов» равнозначно титулу: царь торетов, дандариев и псессов. Это подтверждается еще и тем, что в так называемой «сокращенной формуле» титула Перисада I после выражения «всех меотов» никогда не упоминаются ни тореты, ни дандарии, ни псессы, а упоминаются новые племена, не упоминавшиеся до того в надписях (фатей и досхи).

Может быть данное изменение следует связывать с желанием резчика надписей сокращать титулатуру, так как последняя постепенно возрастала?

Далее, постепенное наращивание титулатуры боспорских царей позволяет сделать вывод о том, что это наращивание отражает последовательность подчинения меотских племен боспорским правителям. Любопытно, в этой связи, отметить следующее обстоятельство. В титулатуре Левкона везде фигурируют псессы, которые затем отсутствуют в двух наиболее ранних надписях Перисада I (табл. 1), а в остальных же надписях они, повидимому, входят в выражение «царь всех меотов». Аналогичный случай мы наблюдаем и с досхами в надписях времени Перисада I³ и Перисада II⁴. В надписи времени Перисада I досхи входят в титулатуру боспорского правителя, а в титуле Перисада II они отсутствуют.

Наличие этих фактов и свидетельство Страбона⁵ позволяют сделать вывод о том, что отдельные меотские племена, подчиненные Боспорскому царству, довольно часто отпадали от него.

По надписям времени Левкона I мы можем ясно проследить процесс постепенного подчинения синдов Боспору.

В надписи 343⁶ Левкон I именуется только архонтом Боспора и Феодосии, затем, в надписи, опубликованной и совершенно правильно вос-

¹ Там же, 15.

² Жебелев, ук. соч., стр. 18—19.

³ IosPE, т. II, 347.

⁴ Там же, 15.

⁵ Страбон, XI, 2, 11. (Цит. по SC).

⁶ IosPE, т. II.

становленной Шкорпилом,¹ Левкон имеет титул «архонта Боспора и Феодосии и синдов. . . и царя торетов, дандариев, псессов», и, наконец, в третьей надписи² Левкон уже именуется как «архонт Боспора и Феодосии и царь синдов. . .». Таким образом, здесь особенно хорошо прослеживаются методы захватнической политики, проводимые Боспорским государством по отношению к синдам.

Более ранние этапы этой политики отражены в рассказе Полиена о иксоматке Тиргатао³ и в ряде других фактов, рассмотрение которых не входит в задачи настоящей работы.

Приведенные нами надписи не позволяют решить вопрос о расселении меотских племен,⁴ так как они дают лишь названия племен и последовательность их подчинения Боспором. Поэтому нельзя при локализации меотских племен пользоваться титулатурой боспорских правителей как периплами, начиная от синдов, местоположение которых ни у кого не вызывает сомнений.

Для решения интересующей нас проблемы очень ценные сведения дают письменные источники, анализ которых мы дадим ниже для каждого племени в отдельности, а пока ограничимся общими замечаниями.

Вполне естественно, что знакомство греков с меотскими племенами начинается с жителей береговой полосы.

К VI в. до н. э. относится отрывок из Гекатея Милетского, сохранившийся у Стефана Византийского, который повествует о меотском племени дандариев, жившем, по свидетельству автора, «у Кавказа».⁵

О синдах нам сообщает Геродот, описывая холода Скифии, во время которых Боспор Киммерийский замерзает и скифы, живущие по эту (т. е. крымскую) сторону рва, переправляются через пролив на повозках к синдам.⁶

Далее, перипл Скилака, перечисляя народы, жившие у побережья Меотиды с севера на юг, упоминает меотов, за ними синдов, затем керкетов и, наконец, торетов.⁷

Очень ценные сведения для знакомства с интересующими нас племенами дает Страбон: «К числу меотов принадлежали сами синды, затем дандарии, тореты, агры и аррихи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи. . .».⁸

Любопытно отметить, что псессы и фатеи, фигурирующие почти во всех рассмотренных нами боспорских надписях, здесь отсутствуют.

Ростовцев⁹ и другие исследователи установили, что Страбон пользовался для описаний восточных побережий Азовского и Черного морей периплом Артемидора Эфесского, жившего в конце II в. до н. э.¹⁰ Таким образом, данный Страбоном перечень меотских племен отражает перигесу не I в. н. э., как это представлено на карте Моргана,¹¹ а II в. до н. э., и поэтому будет вполне правильным сопоставление вышеуказан-

¹ В. В. Шкорпил. Новонайденные Боспорские надписи. ИАК, 63, 1917, стр. 109—110. Шкорпил пишет здесь, что «синды находятся как бы „на одной доске“ с Боспором и Феодосией».

² IosPE, т. II, 6.

³ Полиен, ук. соч., VIII, 55. (Цит. по SC).

⁴ Ср.: С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 19.

⁵ Стефан Византийский, дандарии. (Цит. по SC).

⁶ Геродот, IV, 28. (Цит. по SC).

Скилак, Азия, 71—74. (Цит. по SC).

⁸ Страбон, VII, 2, 11. (Цит. по SC).

⁹ М. И. Ростовцев. Страбон как источник для истории Боспора. Харьков, 1914, отд. отт.

¹⁰ Там же, стр. 12 и 17.

¹¹ Морган, ук. соч., т. II, стр. 174, карта.

ных данных Страбона с рассмотренными надписями, тем более, что археологический материал, полученный раскопками городищ и грунтовых могильников Прикубанья, дает картину непрерывной жизни населения данного района в IV—I вв. до н. э.

Содержание только что приведенных известий древних авторов о меотских племенах показывает, что мы имеем здесь дело либо с ранними сведениями, относящимися к береговой полосе Приазовья и Причерноморья (Гекатей,¹ Геродот), либо просто с периплами (Скилака, Страбона). Следовательно, сопоставляя наименования племен, указанных в периплах, и племен, названия которых мы получаем из надписей, мы можем выделить племена, жившие на побережье и в глубине территории.

Из вышесказанного, суммированного в табл. 2, можно сделать вывод, что псессы и фатеи населяли территорию, находящуюся не на побережье, где обычно их помещали исследователи, а где-то в глубине страны. Более точная их локализация будет дана далее с учетом всех привлекаемых нами источников.

Третий источник для решения поставленной нами задачи — результаты археологического обследования Кубани и ее притоков. Использование этого рода данных затрудняется слабой изученностью рядовых археологических памятников Прикубанья. Кроме того, густота населения, возможность самых широких связей между племенами не позволяют в настоящее время выделить локальные группы, относящиеся к тому или иному племени. Поэтому результаты археологических исследований могут быть использованы лишь для определения общих границ распространения меотских племен, что уже и было проделано Н. В. Анфимовым.²

Еще менее изучена нашими лингвистами топонимика Прикубанья, что делает использование этого источника чрезвычайно затруднительным. Фольклорная традиция связывает левобережье Кубани с самых древних времен с черкесскими народами.

Известный кабардиновед конца XIX в. А. Г. Лопатинский³ с помощью адыгейского языка переводит слова «меоты» и «псессы». Составные части первого слова: *ме* — вонь, *iate* — болото, тина, лужа; стало быть: вонючая лужа. Слово $\varphi\eta\sigma\sigma\omega\nu$ — он также считает адыгейского происхождения: *псы* — вода, река; стало быть — живущие по речному берегу. Корень *псы* встречается также и в названии реки $\varphi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$.⁴

Л. И. Лавров, к которому мы обратились за консультацией, считает, что корневые слова *псы* — вода и *пши* — князь входят в состав многих современных производных от них названий рек и населенных пунктов левобережья Кубани. Так, например, Кубань черкесы называют «псыз» ($\varphi\sigma\acute{z}$ -z) — старая вода; р. Псекупс ($\varphi\sigma\acute{z}$ - $\varphi\sigma\acute{z}$ - $\varphi\sigma\acute{z}$), где $\varphi\sigma\acute{z}$ — вода, река, $\varphi\sigma\acute{z}$ — кабан, свинья, в переводе будет означать «кабанья река». Любопытно, что и до сего времени здесь охотятся на диких кабанов. Поддаются переводу с черкесского также: р. Пшиш ($\varphi\sigma\acute{z}$ -щ) — место князя; р. Псебебс ($\varphi\sigma\acute{z}$ -be- $\varphi\sigma\acute{z}$) — многоводная река; р. Нечепсухо (по-черкесски $\text{ne}\varphi\sigma\acute{z}\varphi\sigma\acute{z}\varphi\sigma\acute{z}$, $\text{ne}\varphi\sigma\acute{z}\varphi\sigma\acute{z}\varphi\sigma\acute{z}$) — гальчатая река.⁵ Аул Ципка, стоящий на реке

¹ Трудно предположить, чтобы в VI в. до н. э. Гекатей знал племена, живущие вне береговой полосы.

² Н. В. Анфимов. Доклад на античном пленуме ИИМК 29 IV 1945.

³ А. Г. Лопатинский. Заметка. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1896, Изд. Упр. Кавказск. учебн. округа, вып. XXI, отдел II, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 78.

⁵ Л. И. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. СЭ, № 4—5, 1936, стр. 122.

того же названия или I Шапсуг по-черкесски обозначает təpsə — вшивая вода. Корень *псы* имеется в названии р. Псезуапс ($\text{psəs_{moə}}$).¹ Река Афиис (afəpsəfə) в переводе означает «устье реки Афы».² Шапсугский аул в Адыгейской автономной области носит название по-черкесски psəyʒəq_ — речное или водное место. Любопытно, что на правом берегу р. Кубани мы совершенно не встречаем названий местностей или рек, содержащих в основе корни *псы* или *пши*. Все приведенные данные топонимики связываются с левобережьем р. Кубани, с областями, населенными кабардино-черкесскими племенами, причем время появления этих корней у последних относится еще к эпохе средней ступени варварства.³ Таким образом, территорию псесов следует искать на левом берегу р. Кубани.

Таблица 2

Источник	Племена, населявшие побережье Азовского и Черного морей											Племена, жившие в глубине территории	
	синды	дантари	торелы	керкелы	меоты	агры	аррехи	тарпелы	обидианены	ситтаены	досхи	псесы	фатехи
Гекатей	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Геродот	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Перипл Скилака	—	—	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Страбон (перипл Артемидора Эфесского)	+	+	—	—	—	+	+	+	+	+	+	—	—
Надписи	+	+	—	—	+	—	—	—	—	—	+	+	+

Еще в меньшей степени, чем источники археологические, могут быть использованы для решения поставленной нами задачи данные этнографии, так как места обитания черкесских племен не являлись постоянными и очень часто племена эти в пределах одной и той же территории передвигались с места на место.⁴ Поэтому приурочивание современного названия черкесского племени по месту жительства к отдельным меотским племенам не имеет под собой никакого основания и заранее обречено на неудачу.

В силу вышесказанного этот вид источника может быть применим лишь для определения границ распространения меотских племен, причем с большими оговорками, так как мы недостаточно знаем ранние этапы исторической жизни черкесских племен.

Заканчивая обзор источников, приходим к выводу, что на основании имеющихся данных можно поставить и до некоторой степени разрешить нашу задачу лишь для части меотских племен. Составление же карты расселения всех меотских племен в настоящее время невыполнимо, так как мы не располагаем достаточным количеством материала.

¹ Там же, стр. 123.

² То же.

³ Н. Ф. Яковлев. Культура кабардинцев и черкес по данным словаря. Уч. зап. Кабардинск. научно-иссл. инст., т. II, Нальчик, 1947, стр. 157.

⁴ Л. И. Лавров. О времени постройки Кабардинской башни на р. Малом Зеленчуке. (Отд. отд.). Уч. зап. Кабардино-балкарск. научно-иссл. инст., т. IV, Нальчик, 1948, стр. 278.

Прежде, чем перейти к анализу фактов, касающихся локализации каждого отдельного племени, позволим себе несколько строк посвятить вопросу о границах распространения меотских племен в целом.

Легче всего определяются западная и южная границы, которые имеют естественно-географические преграды: с запада Черное море, Керченский пролив и Азовское море, с юга — Кавказский хребет. На севере меоты граничили с иксоматами, жившими по северо-восточному побережью Азовского моря до р. Танаиса.

Восточная граница распространения меотских племен уже была намечена в докладе Н. В. Анфимова.¹ Автор, выделяя характерные формы, свойственные городищам Среднего Прикубанья (глиняные обожженные таблетки, пирамидальные грузила и ряд других форм), делает вывод, что восточной границей меотов является р. Лаба. Со своей стороны, мы можем добавить, что этому выводу не противоречит и обряд погребения. Основным обрядом погребения в эллинистическое время как для Усть-Лабинского могильника № 2, так и для других могильников, расположенных к западу от него, является труположение. Покойному в могилу клали мясную пищу и различные необходимые ему в загробной жизни сосуды для питья, еды и хранения пищи. Вместе с тем в Усть-Лабинском могильнике № 2 встречаются погребения, в которых с покойным находились лошади (от одной до четырех).²

Грунтовая могила с захоронением 6 лошадей была открыта Н. В. Анфимовым при раскопках могильника в ст. Ладожской.³ Кроме того, в погребениях Усть-Лабинского могильника № 2 и других, расположенных к востоку, встречаются новые формы керамики, не характерные для территории на запад от могильника.

Наличие погребений с лошадьми и новых керамических форм позволяет сделать вывод о проникновении на территорию современной Усть-Лабинской станицы еще в эллинистическое время кочевнических элементов, которые жили по соседству (на север и восток) от вышеуказанного пункта. Таким образом, восточной границей меотских племен служила р. Лаба.

Одним из наиболее известных древним авторам и наиболее эллинизированных меотских племен являются синды, которых Стефан Византийский считал отторгнутой ветвью меотского племени.⁴

Наиболее раннее упоминание о синдах мы находим у логографов,⁵ затем о них нам сообщают Геродот, Скилак, псевдо-Скимн⁶ и ряд других более поздних авторов.

Территория, занимаемая синдами, не вызывает особых разногласий среди исследователей. Пределы распространения территории синдов достаточно ясно очертил Скилак: «За меотами народ синды; их область простирается и за пределы озера, и города в ней эллинские следующие: город Фанагора, Кепы [т. е. Сады], Синдская гавань, Патус».⁷ Аналогичные данные мы имеем и у Страбона.⁸ Как далеко вглубь простиралась

¹ Н. В. Анфимов. Отчет в раскопках Усть-Лабинского могильника № 2. Архив ИИМК, д. 190, 1937 г.; д. 20, 1938 г.

² То же.

³ Н. В. Анфимов. Отчет о раскопках в ст. Ладожской в 1945 г. Архив Археологич. комитета, д. 36, 1945 г.

⁴ Стефан Византийский, синды.

⁵ Hellan, FHG, т. I, фр. 92.

⁶ Геродот, кн. IV, 28. (Цит. по SC). — Ссыл., GGM, т. I, фр. 70, 71, 72—73. — Страбон, XI, 2, 10. (Цит. по SC). — Псевдо-Скимн. (Цит. по: SC, т. I, стр. 279—280.)

⁷ Перипл Скилака, 72. (Цит. по SC); Πάτους Βάττ λιμὴν, как думает А. С. Лапко-Данилевский: МАР, вып. 13, стр. 107.

⁸ Страбон, XI, 1, 2, 10, 12, 14. (Цит. по SC).

территория синдов? — Дюбуа де-Монпере ограничивал территорию Синдики узкой береговой полоской.¹ Подобную же картину мы наблюдаем и на карте у В. В. Латышева, приложенной ко II тому IosPE. Рейнак восточной границей синдов считает р. Убинку или р. Афиис,² т. е. отводит ее далеко на восток. Там же границу синдов проводит и Морган.³

Территорию Синдики, как мы уже указывали, довольно правильно очертил Лаппо-Данилевский в своем исследовании, посвященном древностям кургана Карагодеуашх. Он считает, что в IV—III вв. синды занимали территорию, лежащую между Черным морем, нижним течением Кубани, ее левым притоком Адагумом (?) и Кавказским хребтом.⁴ Как мы видим, при обозначении восточной границы Синдики (р. Адагум) А. С. Лаппо-Данилевский ставит вопросительный знак, так как у него никаких аргументов за правильность ее определения нет.

Для разрешения вопроса о местонахождении восточной границы Синдики большое значение имели археологические разведки, произведенные в районе хут. Батарейного, находящегося к востоку от ст. Варениковской (рис. 1). Здесь в течение трех раскопочных сезонов (1928, 1929 и 1935) работала экспедиция Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии.⁵ Но результаты, полученные этими полевыми исследованиями, не дали ясного представления о памятнике и, особенно, о его датировке. Гораздо успешнее оказались работы Краснодарского историко-краеведческого музея, под руководством Н. В. Анфимова.⁶

Описание городища и системы его укреплений имеется в вышеуказанной статье Н. В. Анфимова. Чтобы не повторяться, мы ограничимся суммарным его изложением и остановимся лишь на выводах, к которым пришел автор. Хут. Батарейный расположен на берегу левой надпойменной террасы р. Адагума, левого притока р. Кубани, которая течет здесь почти параллельно последней. Река Адагум, западнее хутора, поворачивает свое русло к северу и впадает через лиман Курки в Кубань. Пространство между обеими реками в настоящее время представляет сплошное непроходимое болото, заросшее камышом, шириной в 3—4 км. Сообщение между хутором и р. Кубанью осуществляется теперь с помощью дамбы, построенной лет 45 тому назад местным помещиком для вывозки леса по реке. С юга надпойменную террасу Адагума, здесь шириною около 3—4 км, окаймляют нефтеносные отроги Кавказских гор. Таким образом, левобережье р. Кубани, сужаясь в данном месте до 3—4 км, ограничивалось с севера непроходимым болотом, а с юга — отрогами Кавказских гор. Узкий же перешеек, заключенный между р. Адагумом и горами, удобный для доступа врагов, с востока был защищен городищем и системой валов, к краткому описанию которых мы и переходим.

Городище расположено в центре хут. Батарейного на самом берегу р. Адагума и имеет, кроме собственных оборонительных стен и рвов, ряд вспомогательных укреплений. Оно делится на центральную (рис. 1, А), возвышенную часть (165 × 150 м), окруженную с трех сторон оборонительными стенами и рвами (четвертая сторона примыкает к реке), и поселение

¹ Dubois, ук. соч., т. V, стр. 99. — В. В. Латышев, IosPE, т. I, см. карту.

² Reinach, ук. соч., карта.

³ Morgan, ук. соч., т. I, стр. 202, карта.

⁴ Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 110.

⁵ Архив ИИМК, д. № 169, 1929—1930 гг.; д. 90, 1935 г.; см. также: СА, II, стр. 229—230.

⁶ Анфимов. Городище..., стр. 136—144. — Он же. Рукописный отчет за 1937 г. Архив ИИМК, д. № 190. — Он же. Рукописный отчет за 1947 г. Архив Археологич. комитета, д. № 177.

которая была окружена почти разрушенной теперь оборонительной стеной. В нижней части холм был укреплен глубоким кольцевидным рвом, от которого на юго-запад отходил вал (Г) общим протяжением 1046 м. С восточной стороны вала проходил ров, и располагались на неравных промежутках 5 полукруглых выступов (а), которые Н. В. Анфимов считает остатками башен.¹ У пятого выступа вал поворачивает к западу и упирается в курган. Юго-восточнее между реками Непетил и Псиф проходил другой вал (Д) с заплывшим рвом, общим протяжением в 3700 м, ориентированный с северо-востока на юго-запад, который, по словам местных жителей, как сообщает Н. В. Анфимов, проходил и по другую сторону р. Псиф и доходил северо-восточным концом до плавней, а юго-западным заходил за первый вал и упирался в р. Непетил, приток Адагума.

Таким образом, здесь имеется два оборонительных рубежа. Первая оборонительная линия, проходящая восточнее городища и располагающаяся под углом 30—40° к второй линии, состояла только из вала и рва, идущих от плавней к р. Непетил, и защищала местность указанного района с востока и юга. Вторая оборонительная линия состояла из восточной оборонительной стены поселения, вала, который соединял ее с так называемой «Батарейкой», самой «Батарейки», окруженной кольцевидным рвом, и, наконец, вала и 5 башен, расположенных не на одинаковых расстояниях одна от другой. С восточной стороны вала проходил ров.

Итак, указанные два оборонительных рубежа, при искусном использовании топографических условий местности (болота и горы), замыкали перешеек левобережья р. Кубани от доступа врагов с востока.

Время существования городища, на котором производилась лишь шурфовка и сбор подъемного материала, определяется Н. В. Анфимовым V в. до н. э. — IV в. н. э.² Более сложным является вопрос о времени возникновения укреплений. Имеющееся в архиве ЛОИИМК описание материала дано суммарно,³ так что и тот бедный материал, который там упоминается, не может быть использован для датировки укреплений. При обследовании же укреплений экспедицией Краснодарского музея здесь были найдены на северном отрезке вала, соединяющего восточную крепостную стену поселения с так называемой «Батарейкой», обломки боспорской черепицы IV—III вв. до н. э., ручки раннеэллинистических амфор и пантикапейские монеты.⁴ К сожалению, условия этих находок рядом с самым городищем не позволяют до проведения систематических исследований укреплений точно датировать их, хотя и не исключена и даже наиболее вероятна предположительная датировка Н. В. Анфимова — IV в. до н. э. Н. В. Анфимов⁵ считает данное укрепление восточной границей Боспорского государства. Мы вполне согласны с этим заключением.

Н. В. Анфимов пишет, что «городище это расположено в Синдикс или в соседней с ней земле дандариев».⁶ Во всяком случае, совершенно ясно, что со времени построения этих укреплений вся территория к западу от них являлась одним массивом земли, составляющим единое целое с Синдикой, которая как по данным надписей, так и по сообщениям древних авторов входила постоянно в состав Боспорского царства. Ввиду этого, мы считаем, что восточной границей Синдикс и являлась

¹ Н. В. Анфимов. Городище. стр. 139.

² Там же, стр. 130.

³ Архив ИИМК, д. 169, 1929/30 гг.; д. 90, 1935 г.

⁴ Н. В. Анфимов. Городище. стр. 140.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 142.

вышеописанная система укреплений, тем более, что к западу от них мы не знаем никаких других подобных фортификационных сооружений.

Таким образом, область Синдики распространялась от Фанагории на юг за Анапу, с запада она ограничивалась Керченским проливом и Черным морем, на восток простиралась до вышеописанных укреплений хут. Батарейного, с юга окаймлялась отрогами Кавказского хребта.

Не вызывает особых споров среди исследователей и локализация торетов, которых безымянный перипл Арриана отождествляет с керкетами.¹ Среди древнегреческих писателей Гелланик и Скилак Кариандский² впервые упоминают племя торетов. Перечисляя меотские племена с севера на юг, Скилак сообщает: «За Синдской гаванью народ керкеты, за керкетами народ тореты и эллинский город Торик с гаванью».³

Пространство, занимаемое торетами или керкетами, довольно ясно очерчено безымянным периплом, приписываемым Арриану, где он указывает, что последние жили от Синдской гавани до гавани Пагры, т. е. до Новороссийска.⁴ Не противоречат этому и сообщения Страбона,⁵ Дионисия⁶ и других более поздних авторов. Итак, тореты — керкеты жили по побережью Черного моря между Анапой и Новороссийском и занимали ближайшие склоны Кавказских гор.

Гораздо сложнее вопрос о локализации псессов, о которых мы имеем единственное упоминание Аполлодора, сохранившееся у Стефана Византийского в фрагменте XXI книги, где Аполлодор сообщает: «затем Германасса и Кеп, а третий народ псессов».⁷

Неудивительно, что такое неясное свидетельство привело исследователей к самым разнообразным заключениям. Некоторые исследователи помещают их в различных пунктах Приазовья (В. В. Латышев⁸ и В. Ф. Гайдукевич⁹) и лишь один Дюбуа де-Монпере помещал их на левом берегу Кубани.¹⁰

При анализе источников мы пришли к двум выводам:

1) псессы занимали территорию, расположенную в глубине области, которой владели меоты (стр. 146);

2) название племени «псессы» имеет в основе корень *псы*, который в настоящее время встречается в названиях многих рек и населенных пунктов левого берега р. Кубани (стр. 146). На основании этих данных и учитывая то обстоятельство, что в надписи с титулом «царь синдов, торетов, дандариев и псессов»¹¹ они встречаются вместе с перечисленными племенами, т. е. их владения составляли единое целое с последними, мы помещаем псессов на левом берегу Кубани к востоку от синдов (восточными соседями дандариев они не могли быть в силу того, что дандарии, как мы покажем далее, жили на правом берегу Кубани; торетов же с востока отделяли горы Кавказа). На юг они распространялись, очевидно, до Главного Кавказского хребта и на востоке, вероятно, до р. Афипс.

Конечно, мы очертили лишь приблизительный район распространения племени псессов, а не его точные границы.

¹ Безымянный перипл (Арриана), §§ 63 и 65. (Цит. по SC).

² Стефан Византийский, хариматы. (Цит. по SC). — Скилак, Азия, 73—74. (Цит. по SC).

³ SC, вып. I, § 74.

⁴ Безымянный перипл (Арриана), § 63. (Цит. по SC).

⁵ Страбон, XI, 2.

⁶ Дионисий, V, 652—710. (Цит. по SC).

⁷ Стефан Византийский, см. псессы.

⁸ SC, см. карту, в конце т. II.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 319, карта.

¹⁰ Du Bois, ук. соч., атлас, серия I, табл. XII.

¹¹ В. В. Латышев, IosPE, т. II, 6.

Не менее разногласий среди исследователей вызвал вопрос о локализации дандариев. Как мы уже отмечали, Дюбуа де-Монпере на довольно шатких основаниях помещал их на левом берегу Кубани по соседству с синдами.¹ За ним следует Н. В. Анфимов.² Т. Рейнак без аргументации расположил их на правом берегу Кубани,³ у В. Ф. Гайдукевича⁴ они помещаются несколько восточнее, чем у Миннза.⁵

Какими же данными мы располагаем для решения указанного вопроса? При разборе письменных источников мы пришли к выводу, что дандарии жили на морском побережье (стр. 147, табл. 2). Любопытно отметить, что В. Ф. Миллер считает слово «дандарии» двусложным и переводит его (с осетинского языка) как «бреговичи» (dan — река, вода + dar — держать).⁶

Как уже отмечалось, первое упоминание о дандариях мы встречаем у Гекатея, который сообщает, что «дандарии — народ около Кавказа».⁷ У Страбона они фигурируют дважды: впервые он упоминает о них при перечне меотских племен, где использует более ранний источник — перипл Артемидора Эфесского,⁸ и в другом месте он рассказывает, что боспорский царь Фарнак затопил территорию дандариев, отведя течение р. Гипанида через какой-то старинный канал, который он расчистил.⁹

Забелин по этому поводу писал: «Протока, начинаясь у Копыла и идя дальше к северу под именем Быстряка и впадая в море у Ачуева под именем Черной Протоки, действительно теперь затопляет пространство верст на 60, так что если бы загородить ее выход из Кубани, то Кубань, быть может, потекла бы полной рекой не только к Темрюку в Азовское море, но и в Черное море, а из болот образовались бы земли, удобные для хлебопашества».¹⁰

Таким образом, Забелин вполне резонно считал старым руслом Кубани — Протоку. Любопытно отметить, что и в настоящее время средняя часть Протоки засорена и не судоходна по всему своему течению.

На побережье Азовского моря помещает дандариев и Плутарх.¹¹ Он рассказывает нам, что некий Олфак, властитель дандариев, которые жили по побережью Меотиды, находившийся в войске Митридата и «отличавшийся во всех случаях, где нужна была сила и отвага, и постоянно споривший о первенстве с соплеменным ему властителем, обещал Митридату убить Лукулла».¹²

Не противоречит указанным данным и интересный рассказ Тацита о борьбе, разыгравшейся при императоре Клавдии между сыновьями боспорского царя Аспурга — Котисом и Митридатом VIII, потерявшим боспорский престол.

Когда Митридат VIII узнал, что римский полководец Дидий покинул со своими главными силами пределы Боспора и там остались во главе государства молодой и неопытный царь Котис вместе с Юлием

¹ Dubois, ук. соч.

² Анфимов. Городище. ., стр. 142.

³ Reipasch, ук. соч., карта в конце книги.

⁴ Гайдукевич, ук. соч., стр. 318, карта.

⁵ Minns. Scythians and Greeks. Кембридж, 1913, карта в конце книги.

⁶ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III, стр. 78.

⁷ Стефан Византийский, дандарии.

⁸ Страбон, ук. соч., кн. XI, 2, 11.

⁹ То же.

¹⁰ И. Е. Забелин. Объяснение страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского. Тр. III АС, т. II, Киев, 1878, стр. 20.

¹¹ Плутарх. Лукулл, XVI. (Из речи Лукулла к войску во время осады Амиса, 671 г. до н. э.). (Цит. по SC).

¹² Тацит. Анналы, 15—17.

Аквиллой, стоявшим во главе немногих уцелевших римских когорт, то он стал собирать войско из окрестных племен и перебежчиков. Вскоре ему удалось изгнать властителя дандариев и захватить его владения. Когда об этом стало известно на Боспоре, то Аквила и Котис послали послов и заключили союз с царем аорсов Евноном. Последний обещал им свою помощь (конницу). Римляне взяли на себя осаду городов. Митридату удалось склонить на свою сторону царя сираков Зорсина. Заручившись союзником, Юлий Аквила и Котис выступили против Митридата «правильным строем, фронт и тыл которого занимали аорсы, центр — римские когорты и боспоранцы». Им удалось прогнать противника и захватить столицу дандариев — Сосу, которую покинул Митридат, боясь измены ее жителей. Котис и Аквила, оставив здесь гарнизон, двинулись с войсками далее в область сираков. Перейдя через р. Панду, они окружили г. Успу, расположенный на возвышенности и укрепленный рвами и стенами, которые были сооружены из плетней и прутьев с насыпанной между ними землей. Возведя вокруг города башни, осаждающие начали энергично штурмовать укрепления, и если бы не наступившая ночь, то захват города был бы закончен в один день. На другой день осажденные прислали посольство с просьбой пощадить свободных граждан, за что предлагали 10 000 рабов. Римляне и боспоранцы не согласились принять этих рабов и начали избивание успийцев, тогда царь сираков Зорсин был вынужден дать победителям заложников и «пасть ниц перед изображением кесаря». Римские войска находились на расстоянии 3 дней пути от Танаиса. Обратное войска возвращались морем, часть судов во время разыгравшейся бури была отнесена к берегам тавров и захвачена варварами.

В этом любопытном рассказе нас прежде всего должен интересовать путь, по которому следовал Аквила с войском. Тацит сообщает, что войска боспоранцев, римлян и аорсов выступили одновременно. Где же могло произойти объединение с войсками аорсов?

Наиболее вероятным местом соединения войск надо считать территорию Таманского полуострова, прочно удерживаемую в это время Боспорским государством. Совершенно исключается возможность соединения указанных войск на глубже лежавшей территории, заселенной каким-либо другим племенем, так как войска боспоранцев были, во-первых, немногочисленны, чтобы выступить самостоятельно и, во-вторых, меотские племена были враждебно настроены по отношению кримлянам. Достаточно сказать, что часть войска Митридата VIII, как отмечает Тацит, состояла из окрестных меотских племен и перебежчиков. Не последнюю роль в отношениях римлян и меотов играла и сама личность Митридата VIII, который являлся последним из царей Ахеменидов и, вероятно, пользовался среди меотских племен былой славой своего великого предка Митридата Евпатора, союзниками и друзьями которого они являлись во время его длительной войны с римлянами.

Крайне затруднительно установить направление маршрута, по которому двигались войска Аквилы и Котиса, но указание Тацита о том, что обратно они возвращались морем, позволяет сделать предположение, что войска союзников, вероятно, и в начале похода сопровождалась флотом и шли по побережью Азовского моря, а затем, пройдя земли дандариев, направлялись в область сираков, живших в степях, простиравшихся до границ земли дандариев.

Археологические исследования, предпринятые Краснодарским историко-археологическим музеем им. Шаумяна под руководством Н. В. Анфимова, показали, что все городища, расположенные по берегам рек (Кирпили и др.), впадающих в Азовское море, занимают узкую прибрежную

полосу, шириной 75—90 км, ограниченную с запада морем, а с востока степями, переход по которым представлял для того времени чрезвычайную трудность ввиду полного отсутствия воды. И поэтому наиболее вероятно, что войска боспорцев и римлян двигались по побережью Азовского моря.

Тацит в своем рассказе дает нам следующие указания о маршруте войск Аквила и Котиса:

- 1) сначала они теснили войска Митридата и Зорсина;
- 2) затем вошли в город дандариев Сосу, покинутый Митридатом;
- 3) перешли р. Панду;
- 4) взяли столицу Сираков г. Успу, находящуюся, примерно, в 75 км (3 днях пути) от Танаиса.

Таким образом, г. Успа, находясь в 75 км от р. Танаиса, локализуется где-то на правом берегу р. Кубани.

Тацит ничего не упоминает о других меотских племенах, через территорию которых должны были бы проходить войска Аквила и Котиса по пути от города дандариев — Сосы — в область сираков. Он упоминает только р. Панду, местонахождение которой неизвестно, а затем сразу же переходит к описанию осады г. Успы.

Если бы по пути из области дандариев в область сираков имелись другие меотские племена, то Тацит непременно упомянул бы их, во-первых, потому, что прекрасно знал детали похода (осада Успы), во-вторых, потому, что будучи римским историком и гражданином, не преминул бы отметить подчинение или добровольный переход на сторону римлян этих племен «к великой славе римского оружия». Но он ничего о них не сообщает, вероятно, потому, что дандарии граничили непосредственно с сираками, жившими в степях и владения которых доходили до границ дандариев. Если это так, то из рассказа Тацита следует, что дандарии, как и сираки, были жителями правобережья р. Кубани.

Более точные данные о локализации дандариев дает интересная находка экспедиции Государственного музея изобразительных искусств в 1937 г. на Артюховском городище,¹ о которой мы уже упоминали выше. Здесь был найден фрагмент мраморного блока с рельефным карнизом и надписью, от которой сохранились 4 буквы ANΔA. Н. П. Розанова, издавшая эту находку, вполне резонно считает, что данный памятник является фрагментом небольшого пьедестала с надписью, принадлежавшего дандариям.²

Таким образом, дандарии, на основании выше рассмотренных данных, населяли северную часть Таманского полуострова и распространялись по побережью Азовского моря, примерно до р. Протоки. На юг их владения, вероятно, простирались до р. Кубани.

Еще более сложен вопрос о локализации племени фатеев. В. В. Латышев³ и вслед за ним Т. Рейнак помещают их по побережью Азовского моря рядом с иксаматами, к югу от р. Еи.⁴ Морган их локализует таким же образом.⁵ При анализе письменных источников мы пришли к выводу, что данное племя занимало территорию, расположенную в глубине страны, исходя из того, что оно не упоминается в перипле Артемидора Эфесского, использованном Страбоном для описания восточных берегов Азовского и Черного морей.

¹ Розанова, ук. соч., стр. 247—250.

² Там же, стр. 248.

³ SC, т. II, карта. — В. В. Латышев. История Боспорского царства. Сб. «Правда», СПб., 1899, стр. 66—68.

⁴ Reipasch, ук. соч., карта в конце книги.

⁵ Morgan, ук. соч., т. II, стр. 174, табл. VII.

Фатей четыре раза упоминаются боспорскими надписями¹ и один раз имя их фигурирует у Помпония Мелы при описании побережья Азовского моря.² Но ни надписи, ни Помпоний Мела не дают нам никаких оснований для точной локализации данного племени. Некоторые любопытные сведения для решения этого вопроса мы можем почерпнуть из интересного рассказа Диодора Сицилийского о междоусобице, которая разыгралась между сыновьями Перисада II — Сатиром, Пританом и Евмелом.³

Мы не будем передавать всего интересного рассказа Диодора и ограничимся лишь выделением наиболее существенных для нас моментов. По смерти Перисада царем Боспора стал его старший сын Сатир. Тогда младший брат Евмел, вступив в дружественные отношения с некоторыми из соседних варварских племен, собрал значительные силы и стал оспаривать у царствующего брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском, состоящим из греческих и фракийских наемников и скифской конницы. Он перешел р. Фат и остановился лагерем, окружив последний телегами.

На стороне Евмела был фатейский царь Арифарн с 20 000 конницы и 22 000 пехоты. В результате происшедшей битвы Евмел с Арифарном потерпели поражение и бежали с остатками войска в царский замок, стоящий у р. Фата, которая вследствие своей значительной глубины делала его неприступным; кроме того, замок был окружен высокими утесами и густым лесом, так что имел всего два доступа, из которых один вел к самому замку и был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой находился в болотистой местности с противоположной стороны и охранялся деревянными палисадами. Сатир после опустошения области сделал попытку проникнуть через эти проходы, но со стороны башен замка был отбит осажденными, а с луговой стороны ему удалось овладеть лишь луговыми укреплениями. После уничтожения их он перешел р. Фат и начал вырубать лес, чтобы проникнуть к замку.

На четвертый день войны Сатира во главе с Мениском подошли через вырубленный проход и, обойдя стены, стали атаковать укрепления, но были отражены превосходными силами противника; царь Сатир, желавший помочь своим воинам, был ранен и вечером того же дня скончался. Мениск отвел войско в г. Гаргазу и оттуда по реке перевез тело царя в Пантикапей к его брату Притану. Последний, похоронив брата, явился в Гаргазу, где принял начальство над войском и царскую власть. Попытка Евмела завязать с ним переговоры об уступке ему азиатской части Боспора не увенчалась успехом. Притан оставил гарнизон в Гаргазе, а сам возвратился для упрочения своей власти в Пантикапей. Тем временем Евмел захватил Гаргазу и множество укрепленных пунктов азиатской части Боспора. Когда Притан выступил против него с войском, то Евмел оттеснил его к перешейку близ Меотийского озера и заставил капитулировать.

Вторая попытка Притана захватить власть также потерпела неудачу, и он бежал в Кефы, где и был умерщвлен. Таким образом, междоусобица заканчивается полной победой Евмела.

В рассказе нас прежде всего должно интересовать описание местности, на которой разыгрывается братоубийственная борьба. Сопоставление данного описания местности с современными топографическими условиями Прикубанья позволяет сделать вывод о том, что автор источ-

¹ IosPE, т. II, 8, 15, 346, 347.

² Помпоний Мела, I, 114. (Цит. по SC).

³ Диодор Сицилийский, XX, 22—24.

ника, которым пользовался Диодор, прекрасно знал эти края, так как в описании местности, где находился замок Арифарна, отражены характерные особенности рельефа, свойственного Прикубанью и особенно левобережью. Где ж искать р. Фат? — Судя по описанию замка Арифарна, который по словам Диодора был защищен утесами и густым лесом, р. Фат следует отождествлять с одним из левых притоков р. Кубани, обилие которых не позволяет пока что остановить выбор на одном из них.

Город Гаргаза, как отмечает и Диодор, являлся пунктом, входящим постоянно в состав Боспорского царства. Сюда отводит свои войска после смерти Сатира его полководец Мениск. Здесь Притан принимает начальство над войсками и царскую власть, процедура принятия которой, вероятно, требовала жертвоприношений в святилище и т. п. Здесь, наконец, им же оставляется гарнизон после отъезда в Пантикапей. Поэтому мы ни в коем случае не можем согласиться с отождествлением Елизаветинского городища с Гаргазой, как это делают М. В. Покровский¹ и вслед за ним В. А. Городцов.² Никогда владения Боспора не простирались так далеко на восток. Скорее всего Гаргазу следует отождествлять с Семибратним городищем. Гаргаза находилась где-то по соседству с районом военных действий, развернувшихся за боспорский престол. Любопытно также упоминание Диодором Меотского острова, у перешейка которого был вынужден капитулировать Притан. Не являются ли этим островом земли, заключенные между р. Протокой и основным течением р. Кубани? Тем более, что это единственный крупный остров, который находился во владениях меотов.

Описание местности замка Арифарна соответствует более всего левобережью р. Кубани, где имеются и леса, и болота, и утесы, о которых упоминает Диодор. Однако незначительное количество обнаруженных здесь городищ заставляет рассматривать фатеев и как жителей правобережья р. Кубани, где имеется значительное количество городищ.

Исходя из вышеизложенного и положения остальных локализованных нами племен, мы склонны считать фатеев за жителей среднего течения р. Кубани, примерно от ст. Усть-Лабинской на запад до пределов дандариев и псессов.

Из перечисленных в титулатуре боспорских царей меотских племен остаются еще доски и тарпеты, территория которых не определена нами. Доски помещены Латышевым³ и Морганом⁴ на побережье Азовского моря, причем у последнего они граничат с синдами.

На карте, составленной В. В. Латышевым, территория досхов нанесена с вопросительным знаком. При анализе письменных источников мы установили, что доски занимали территорию, расположенную по побережью Азовского моря, так как они упоминаются в перипле Артемидора Эфесского, использованном Страбоном для описания побережий Меотиды.⁵ Досхи являются последним племенем, упоминаемым в надписях времени Спартакидов. Поэтому их следует размещать на север от последнего прибрежного племени — дандариев, т. е. по побережью Азовского моря, примерно от р. Протоки до р. Кирпили.

Что же касается вопроса о локализации тарпетов, то он остается пока что открытым, так как это племя не упоминается в надписях времени

¹ М. В. Покровский. Городища и могильники Прикубанья. Тр. Краснодарск. пед. инст., т. VI, Краснодар, 1937, стр. 22.

² Городцов, ук. соч., стр. 73.

³ В. В. Латышев, IosPE, т. II (карта).

⁴ Morgan, ук. соч., т. II, стр. 174, карта.

⁵ Страбон, XI, 2, 11.

Спартокидов и их имя появляется впервые лишь в надписи времени Аспурга. Поэтому сопоставление перипла Страбона, где они упоминаются, с указанным памятником, в силу их разновременности, не является правомерным. Во всяком случае бесспорно, что они жили по побережью Меотиды, хотя в настоящее время этот вопрос не может быть решен пол-

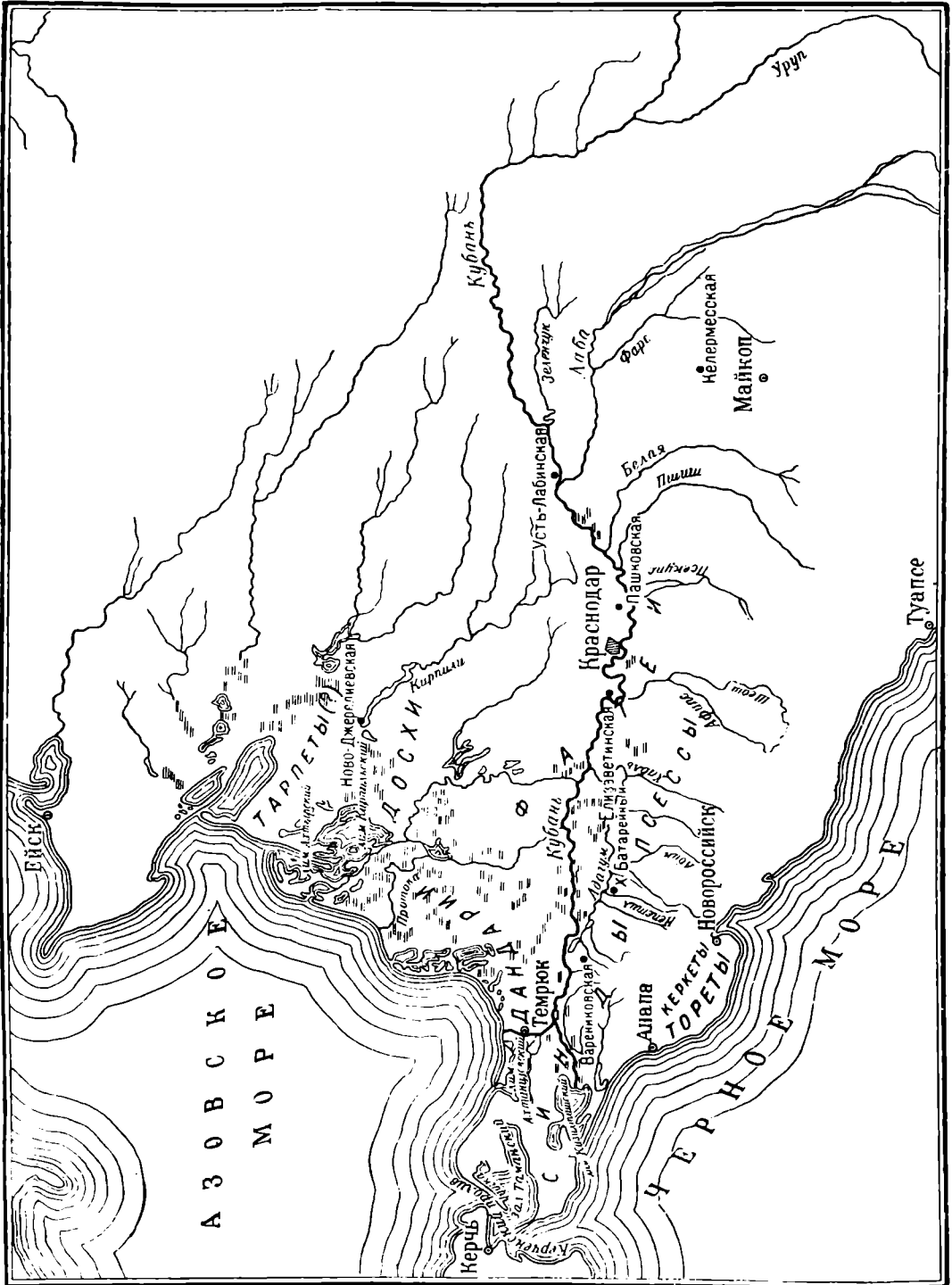

Рис. 2. Карта расселения меотских племен по данным Страбона.

ностью. Что же касается локализации других меотских племен, перечисляемых Страбоном, то мы не обладаем достаточным количеством сведений для разрешения указанной проблемы. Порядок следования меотских племен у Страбона не отражает реального их размещения по побережью Азовского моря, и поэтому неправильно строить перизгесу исходя из его перечня, как это сделал Т. Морган на своей карте.

Итак, мы приходим к следующим выводам (рис. 2).

Территория синдов ограничивалась побережьем Черного моря (начиная от Анапы) и Керченским проливом; на севере синдам, вероятно, в древности принадлежали земли Фанагории и Гермонассы (Тамань); на востоке территория Синдики ограничивалась укреплениями хут. Батарейного.

Тореты занимали побережье Черного моря между Анапой и Новороссийском. Как далеко вглубь простирались их владения — на основании имеющихся материалов установить невозможно.

Псессы располагались на левом берегу р. Кубани. С запада они граничили с синдами; на юге их границей служил, вероятно, Кавказский хребет, на востоке — земли фатеев.

Дандарии населяли северную часть Таманского полуострова и распространялись по побережью Азовского моря, примерно до р. Протоки; на востоке их владения соприкасались с землями фатеев.

Фатеи жили по правому берегу р. Кубани (от области дандариев на восток, примерно до ст. Усть-Лабинской). Но весьма вероятно, что их владения простирались и по левому берегу р. Кубани. На западе они граничили с псессами.

Досхи жили по побережью Азовского моря и являлись северными соседями дандариев. Их территория охватывала дельты рек Протоки и Кирпили.

Е. Г. КАСТАНАЯН

ОБРЯД ТРИЗНЫ В БОСПОРСКИХ КУРГАНАХ

Почти во всех крупных курганных погребениях античной эпохи, подвергшихся исследованию в районе Керчи, на Таманском полуострове, на Кубани и на Дону, обнаружены следы обряда тризны, отправляемого над могилой в честь умершего. К сожалению, сведения об остатках этого обряда, сообщаемые археологами, наталкивавшимися на них в процессе своих работ, по большей части весьма скудны и суммарны.

Большинство курганов раскапывалось в прошлом столетии, когда при производстве археологических работ еще не проводилась строгая научная фиксация процесса раскопок: целью ставилась добыча ценных вещей и раскрытие монументальных погребальных сооружений. На такие факты, как нахождение в насыпи курганов остатков битой посуды, «черепков», подчас принадлежащих малоценным с художественной стороны сосудам, а тем более на находки костей домашних животных, обращалось мало внимания. Между тем, эти-то черепки и кости животных играют решающую роль в изучении обряда тризны. Обряд этот настолько интересен сам по себе и имеет столь широкое распространение как в курганах Боспора, так и по всему северному Причерноморью в античную эпоху, что вполне понятна необходимость собрать и исследовать, насколько возможно, те уцелевшие следы его, которые не ускользнули от внимания археологов, производивших раскопки курганов. В настоящей статье мы остановимся на характеристике следов обряда тризны, сохранившихся в курганах Боспорского царства.

Самой многочисленной группой погребений, в которых удалось проследить интересующий нас обряд, являются курганы конца V — начала II в. до н. э. Сюда относятся курганы на Керченском полуострове — Баксинский,¹ Мелек-Чесменский,² курганы Юз-обы (Павловский,³ Змеиный,⁴ Острый и курган, смежный с ним с запада,⁵ курганы с левой стороны хребта над Чурубашской долиной раскопок 1909 г.⁶ и на южной оконечности хребта раскопок 1864 г.),⁷ Нимфейский курган,⁸ курганы района оз. Чурубаш,⁹ курганы на Ак-Бурунском мысе¹⁰ и на северной

¹ ОАК 1882—1888, стр. VII сл., XXXI.

² ОАК, 1862, стр. IV; 1863, стр. 12. — М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 190.

³ ОАК, 1859, стр. 9 и 14; 1861, стр. 30 сл.

⁴ ОАК, 1882—1888, стр. XXXI.

⁵ ОАК, 1862, стр. VI.

⁶ ИАК, вып. 47, стр. 37 сл.

⁷ ОАК, 1861, стр. VI.

⁸ ОАК, 1867, стр. XVI; 1868, стр. 80.

⁹ ОАК, 1880, стр. XV.

¹⁰ ОАК, 1875, стр. XXXIII сл.; 1876, стр. 1 сл. и 8.

и южной покатосях горы Митридат,¹ наконец, погребение на Темир-горе.²

На Таманском п-ове следует отметить 5-й Семибратный курган,³ Большую Близницу,⁴ Малую Близницу,⁵ Зеленский курган,⁶ курган близ ст. Сенной⁷ и два кургана Васюринской горы.⁸

На Кубани обряд тризны удается проследить в курганах Карагодеуашх,⁹ Костромском¹⁰ и Благовещенском,¹¹ на Дону — в Круглом Гниловском кургане,¹² в Гиреевой могиле¹³ и в некоторых курганах некрополя у ст. Елисаветовской.¹⁴

Несколько выходят за рамки намеченной хронологической группы курган с так называемым «склепом Пигмеев» II—I вв. до н. э.¹⁵ на горе Митридат в Керчи и курган «в районе арестантской казармы», как он значится в отчете Веребрюсова, в том же городе, относящийся, судя по найденным здесь эпитафическим памятникам, ко II в. н. э.¹⁶ Курганы эти отличаются от предшествующих и в смысле найденных в них следов тризны, о чем будет сказано далее.

На основе рассмотрения многочисленных следов тризны в курганах различных районов Боспора можно воссоздать, хотя и приблизительно, картину этого обряда. Он рисуется нам в следующем виде.

Тризна в большинстве случаев происходила над могильной ямой или склепом, на частично насыпанном курганном холме, где место, отведенное для жертвенного костра, огораживалось сырцовым кирпичом или камнем, как в Большой Близнице и в кургане Васюринской горы.¹⁷ Иногда же для этого возводилась специальная площадка из камня или сырца.¹⁸ Здесь происходила погребальная трапеза, сопровождавшаяся жертвоприношениями (*ἐναγίσματα*) в виде кровавых возлияний, которые совершались на алтарях-эсхарах, установленных над жертвенными ямами-ботросами. Такие алтари обнаружены в курганах Большой Близницы и Васюринском (рис. 1).¹⁹

Обряд тризны совершался в момент похорон и происходил рядом с могилой или над нею, но до насыпки кургана.

Такую картину наблюдаем мы в Большой Близнице,²⁰ в курганах

¹ ОАК, 1875, стр. XVI. — Архив ИИМК, ф. 1, д. № 19, 1882 г., л. 26.

² ОАК, 1869, стр. XII; 1870—1871, стр. XX сл. и 250.

³ ОАК, 1860, стр. 9 сл.

⁴ ОАК, 1864, стр. IV сл., X; 1865, стр. I сл. и прил., стр. 1 сл.; 1868, стр. VIII; 1869, прил., стр. 6 и 15; 1882—1888, стр. XXXVIII. — М. И. Ростовцев. Ан-тичная декоративная живопись. СПб., 1914, стр. 10 сл.

⁵ ОАК, 1864, стр. X сл. 1865, стр. VI; 1882—1888, стр. XVI, XXXVIII и прил., стр. 74 сл.

⁶ ИАК, вып. 51, стр. 119 сл.; вып. 60, стр. 22 сл.

⁷ ОАК, 1869, стр. V сл.; 1870, стр. XV сл. и прил., стр. 5 сл.

⁸ ОАК, 1869, стр. IX; 1870—1871, стр. XXXVI сл.; 1872, стр. X. — Р о с т о в - ц е в. Ан-тичная декоративная живопись, стр. 44 сл. и 57 сл.

⁹ МАР, вып. 13, стр. 7 сл., 90 сл. — ОАК, 1888, стр. ССХVIII.

¹⁰ ОАК, 1897, стр. 2 сл.

¹¹ ОАК, 1882—1888, стр. XX сл.

¹² Архив ИИМК, ф. 1, д. № 7, 1865 г., лл. 53 и 56.

¹³ ОАК, 1865, стр. XII.

¹⁴ ИАК, вып. 35, стр. 96 и 98; вып. 56, стр. 225 и 233.

¹⁵ Р о с т о в ц е в. Ан-тичная декоративная живопись, стр. 138.

¹⁶ Архив ИИМК, ф. 1, д. № 19, 1880 г., л. 8.

¹⁷ ОАК, 1864, стр. VIII; 1869, стр. IX; 1872, стр. XXXVII.

¹⁸ ОАК, 1882—1888, стр. XXXI.

¹⁹ ОАК, 1864, стр. VIII; 1865, стр. III. — Р о с т о в ц е в. Ан-тичная декоративная живопись, стр. 12 (Большая Близница), стр. 44 сл. и 58 (Васюринский курган). — ОАК, 1872, стр. X.

²⁰ ОАК, 1864, стр. X.

Юз-обы,¹ в Малой Близнице,² в кургане у ст. Сенной,³ в Васюринском (раскопки 1871 г.),⁴ в Павловском⁵ и в кургане Карагодеуашх (над плитой первой камеры).⁶

Нередко уже на частично возведенном курганном холме совершались повторные тризны, состоявшие из погребальной трапезы и винных возлияний, но без кровавых жертвоприношений, что доказывается находками на этих местах лишь обломков сосудов, в том числе для вина (амфоры, кратеры, килики). Возможно, что повторная тризна устраивалась и по прошествии некоторого времени со дня похорон, на насыпанном уже полностью кургане.⁷ Факт нахождения следов повторных тризн внутри курганной насыпи может быть объяснен засыпа-

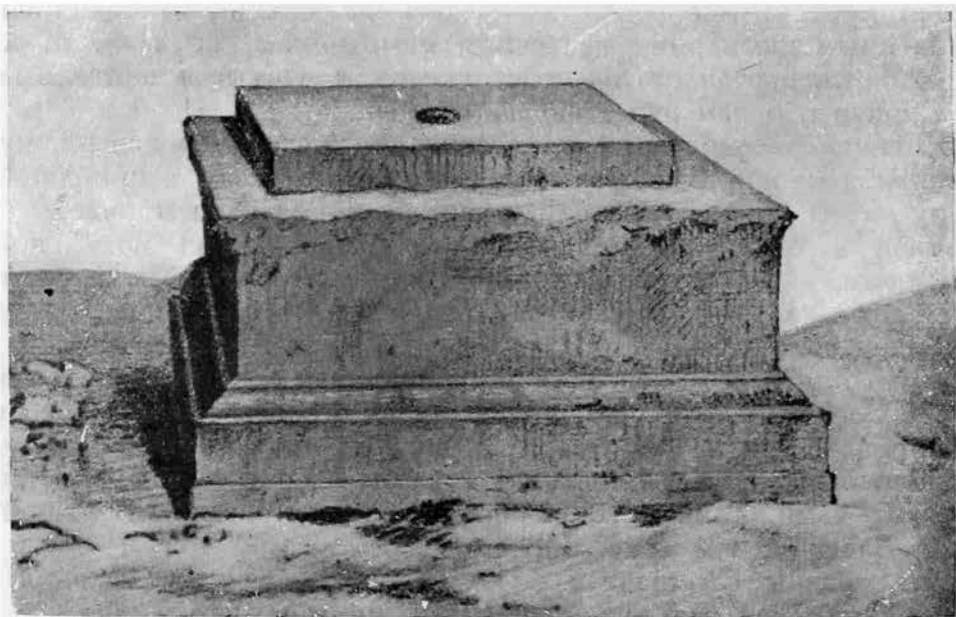

Рис. 1. Жертвенный алтарь-эсхара из кургана Большая Близница.

нием места, где совершалась тризна, т. е. дополнительной подсыпкой кургана.

В Большой Близнице места тризны зафиксированы с западной и юго-западной стороны от склепов (рис. 2);⁸ в Васюринском кургане — к северо-западу от склепа, в месте, противоположном лестнице, ведущей в склеп,⁹ в Зеленском кургане — к юго-востоку от гробницы (рис. 3). В Баксинском кургане место тризны с черепками разбитого здесь кратера располагается к северу от гробницы;¹⁰ в Благовещенском — к югу от

¹ ОАК, 1862, стр. VI. — ИАК, вып. 47, стр. 37 сл.

² ОАК, 1882—1888, стр. XVI сл.

³ ОАК, 1870, стр. XV

⁴ ОАК, 1870—1871, стр. XXXVI сл.

⁵ ОАК, 1859, стр. 9 и 14; 1861, стр. 30 сл.

⁶ МАР, вып. 13, стр. 7 сл. и 90 сл. — ОАК, 1882—1888, стр. ССХVIII.

⁷ Случай повторной тризны, наблюдаемые в боспорских курганах, можно сопоставить с аналогичными трапезами в честь усопших, имевшими место в древней Греции и происходившими на третий, девятый и тридцатый дни после погребения (*τριτα, εννατα, τριχάδες*) в доме умершего или на его могиле. См.: Aristoph. *Λυσιστρ.*, 612, — *Isaei orationes*, 2, VIII; 39, 73. — F. Pfister. *Περὶδείπνον*. RE, т. XIX, 1, столб. 721. — E. Rhode. *Psyche*, т. I, Фрейбург, 1898, стр. 232, 233, прим. 3.

⁸ Ростовцев. *Античная декоративная живопись*. Атлас, табл. IV, 1.

⁹ ОАК, 1869, стр. VIII сл.

¹⁰ ОАК, 1882—1888, стр. VIII.

склепа, ¹ в кургане района оз. Чурубаш место тризны находится к западу от гробницы ² и, наконец, скопление амфор в кургане около горы Блевака, являющееся, по всей вероятности, остатками тризны, расположено к юго-востоку от гробницы.³ Как видно из приведенных примеров, большинство зафиксированных мест тризны располагается к западу от могил, с отклонениями в некоторых случаях к югу и северу. Делать сколь угодно определенные выводы на основании столь скудных данных не представляется возможным. Если же мы обратимся к аналогиям из Греции, то там мы найдем самые разнообразные расположения мест тризны, или «жертвенных мест», как их еще принято называть в литературе,

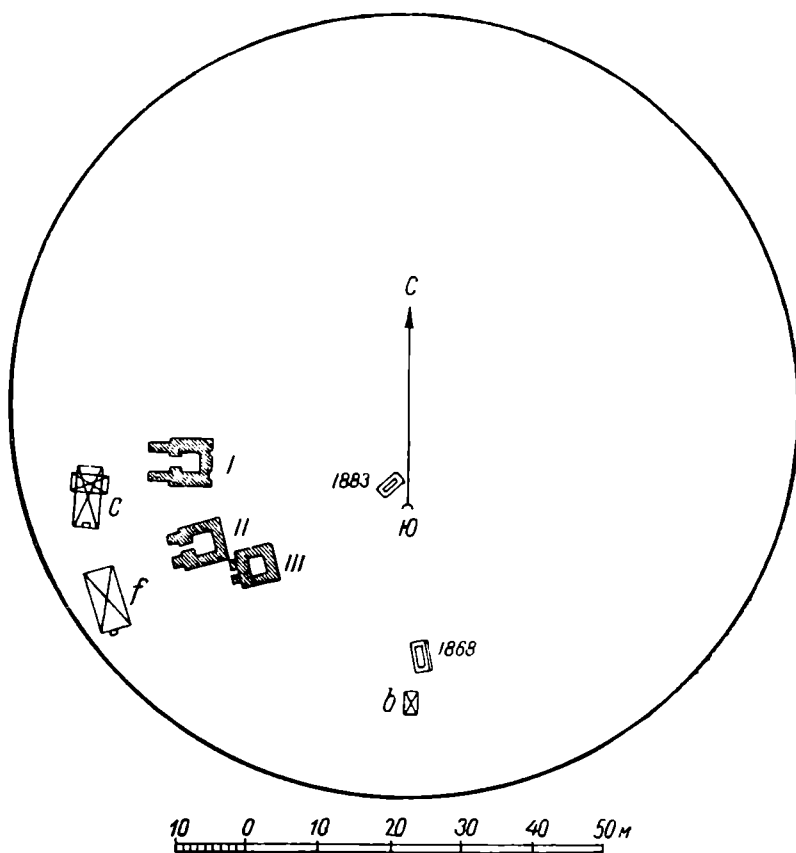

Рис. 2. План раскопок кургана Большая Близница.
I, II, III — склепы; b, с, f — места тризны.

посвященной раскопкам античных некрополей. Однако местоположение тризны у входа в склепы I и II Большой Близницы не противоречит расположению таковых в архаических некрополях Греции, где тризна совершалась перед самым входным отверстием могилы. Такие случаи засвидетельствованы, например, для некрополя Феры.⁴

Тризна происходила не только после захоронения, что являлось характерным при труположении. Она совершалась и во время самого процесса погребения, когда производилось трупосожжение. В костер, на котором сжигался труп, бросались остатки пищи (об этом свидетельствуют находимые здесь кости животных); разбивали и кидали в огонь также сосуды, употреблявшиеся при погребальном пиршестве. В этих

¹ Там же, стр. XX.

² Архив ИИМК, ф. 1, д. № 69, 1880 г., л. 38.

³ Там же, л. 37.

⁴ АМ, т. XXVIII, 1903, стр. 40 и 45 сл.

случаях тризна устраивалась вокруг погребального костра.¹ Яркую картину совершения похорон с сожжением покойника и происходившей при этом тризны дает нам Костромской курган, где над могилой возведен был деревянный шатер, внутри которого совершалась тризна с кровавыми жертвоприношениями; после совершения похоронного обряда шатер вместе с остатками тризны (остатки погребальной трапезы, разбитая посуда) был предан сожжению.²

Этот памятник выделяется из числа прочих боспорских курганов своим сооружением в виде деревянного шатра, возведенного над местом совершения тризны, который затем сжигался вместе с остатками похоронного пира и остатками жертвоприношений. Такое сооруже-

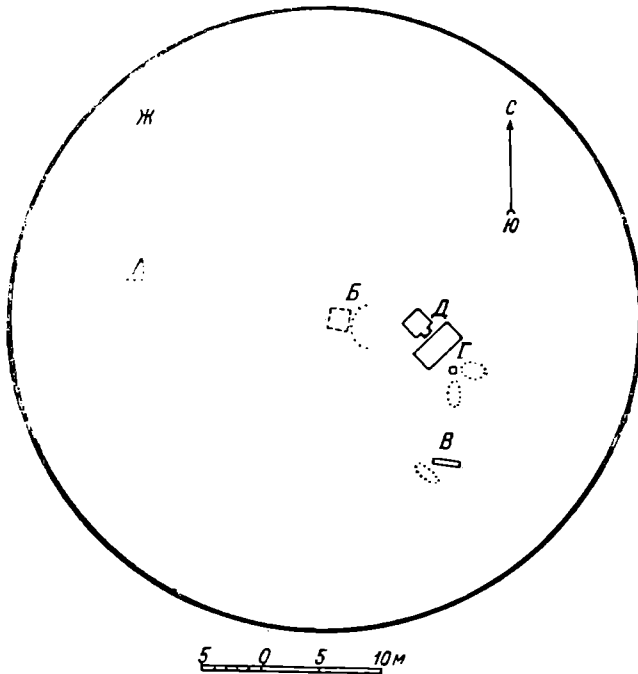

Рис. 3. План Зеленского кургана.

А — разграбленный склеп; Б — гробница и место тризны, обнаруженные в 1911 г.; В — гробница с погребением лошади; Г — каменный ящик; Д — земляной склеп; Е — место скопления обломков панафиной амфоры (раскопки 1912 г.); Ж — место скопления разбитых амфор (раскопки 1912 г.).

ние является типично скифской чертой в погребальном культе: оно имеет аналогию в скифских курганах. Таков, например, курган XVIII Смелы, где над могилой точно так же был сооружен деревянный шатер, который затем был сожжен вместе со всеми остатками совершенной здесь тризны; вторичное сооружение из бревен было возведено над частично насыпанным уже курганным холмом, и опять тут же приносились жертвы и зажигался костер. И так до трех раз.³

Из посуды, употреблявшейся при совершении тризны, наибольшее распространение имели, насколько это можно было выявить, кратеры, леканы и так называемые «рыбные блюда». Встречались нередко энохи, пелики, килики и другие мелкие

чернолаковые сосуды (чашечки, блюда). Следует также отметить случай нахождения в насыпи Васюринского кургана медного котла, который мог быть использован при совершении здесь тризны. Находкам местной посуды, да еще в обломках, как известно, во времена раскопок наших курганов внимания не уделяли и потому сказать что-нибудь об употреблении ее при тризне не представляется возможным. Во множестве находимы были сосуды для благовоний — леканы, алабастры, — что свидетельствует об употреблении при тризне благовоний в честь умерших.⁴

Такие сосуды, как кратеры, энохи, килики и рыбные блюда, явно свидетельствуют о происходившей над могилой погребальной трапезе (περίδειπνον), сопровождаемой возлияниями вина. Обломки кратеров

¹ П., XXIII, 29 сл. и XXIV, 665, 802; ср.: R h o d e, ук. соч., т. I, стр. 25.

² ОАК, 1897, стр. 11 сл.

³ А. А. Б о б р и н с к и й. Курганы и археологические находки близ местечка Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 22.

⁴ A t h e n., IX, 409 сл.

находимы были в курганных насыпях на небольшой глубине и притом части одного и того же кратера попадались с разных сторон кургана, куда они скатывались после разбивания сосуда. Характерными примерами такого умышленного разбивания кратеров на частично возведенной курганной насыпи служат находки их обломков в курганах: Павловском, Юз-обы, Нимфейском, Баксинском, Малой Близнице и кургане близ ст. Сенной.¹

О том, что вино являлось неотъемлемой частью погребального пира, свидетельствуют также находимые в ряде курганов скопления амфор, обыкновенно уложенных рядами, в стороне от места, где происходила сама тризна. Таковы находки в Большой Близнице, кургане на юго-запад от горы Блевака, а также в Павловском кургане² и др.³

Особый интерес представляют найденные на местах совершения тризны в Большой Близнице и в кургане с левой стороны хребта Юз-обы обломки рыбных блюд — *πικχίτχι ἰχθυροί*, как их именует Аристофан, употреблявшихся при трапезах и при жертвоприношениях, после которых они разбивались.⁴

С остатками погребальных трапез можно связать и находки в насыпи Мелек-чесменского кургана обломков леканы—сосуда, служившего для омовения благовониями, в частности при трапезах.⁵ О таком назначении лекан свидетельствуют изображаемые на этих сосудах сцены совершения туалета, в которых фигурируют леканы; об этом говорят и древние писатели.⁶

По остаткам жженных костей животных и рыб, находимых на местах тризн, можно до некоторой степени представить себе характер погребальных пиршеств, а также объекты жертвоприношений, сопутствовавших обряду тризны. На местах кострищ чаще всего встречались кости крупного и мелкого рогатого скота (бык, баран); реже встречались кости лошадей. Эти животные и приносились, очевидно, в жертву над алтарями-эсхарами, найденными в Большой Близнице и Васюринском кургане. Кровь жертвы через отверстие в эсхаре стекала в находящуюся под нею яму-ботрос,⁷ мясо же съедалось участниками похорон. Остатки пищи тут же сжигались на костре, а посуда, употреблявшаяся при этом во время пира и возлияний в честь умершего, бросалась в огонь и разбивалась. Таким образом, здесь мы имеем не самую древнюю форму кровавых жертвоприношений, отличительной чертой которых было сжигание жертвенного животного целиком.⁸

Среди обломков разбитых при тризне сосудов, кроме обычно встречаемых киликов, лекан, блюд и других, в некоторых случаях имеются и черепки панафинейских амфор. Фрагменты такой амфоры времени афинского архонта Нейахма были найдены, например, в северной части Зеленского кургана, раскопанного В. В. Шкорпилом в 1912 г., среди большого скопления обожженных обломков керамики.⁹ Происходившая здесь тризна могла относиться к одной из двух гробниц, расположенных

¹ ОАК, 1859, стр. 9; 1861, стр. VI; 1862, стр. VI; 1865, стр. V; 1867, стр. XVI. 1870, стр. XV; 1882—1888, стр. VIII и XVI.

² ОАК, 1859, стр. 14; 1864, стр. X. — Архив ИИМК, ф. 1, д. № 19, 1880 г.

³ К. К. Герц, Археологическая топография Таманского полуострова, т. II. СПб., 1898, стр. 18.

⁴ P o l l u x. Опом., X, 82. См. по этому поводу рассуждения Стефани в: ОАК, 1866, стр. 81 сл.

⁵ ОАК, 1863, стр. 12.

⁶ ОАК, 1860, стр. 1—36; 1861, стр. 1—30; см. также: A t h e n., VII, 408 и VIII, 409 сл.

⁷ R h o d e, ук. соч., т. I, стр. 35.

⁸ Пример такой формы жертвоприношений дает описание Гомером в Илиаде похорон Патрокла.

⁹ ИАК, вып. 51, стр. 119 сл. — АА, 1913, стр. 183, рис. 4 и стр. 189, рис. 22.

в центральной части кургана. Об этом говорит инвентарь указанных гробниц, относящийся, судя по обнаруженной в каменной гробнице чернолаковой каннелированной амфоре с золочеными гирляндами на горле¹ или подобной же гидрии из земляного склепа, в особенности же по найденному в этом последнем золотому статеру Александра,² ко времени, близкому панафинейской амфоре. Другой пример умышленного разбивания амфор и бросания их в погребальный костер обнаруживает курган на Ак-бурунском мысу, раскопанный Люценко в 1875 г. около гробницы с трупосожжением, датируемой статером Александра; здесь были найдены обломки панафинейской амфоры, разбитой в момент горения костра, на котором сжигали труп.

Все эти примеры разбивания при совершении погребального обряда у костра таких сосудов, как панафинейские амфоры, явно не могущих быть использованными для отправления религиозных актов во время жертвоприношений и тризны, следует связать с обычаем уничтожения предметов, находившихся в личной собственности погребенного, предметов, наиболее дорогих ему по памяти о совершенной им победе в состязаниях.

Интересен также факт нахождения на месте кострища в Большой Близнице двух терракот гротескного характера: беременной женщины и бородатого мужчины.³ Аналогией подобным терракотам служит статуэтка одной из таманских гробниц.⁴ Л. Э. Стефани считал, что эти терракоты имели апотропеическое значение.⁵ К курганам с обнаруженными в них следами кровавых жертвоприношений может быть отнесен, возможно, и каменный курган на горе Митридат в Керчи с так называемым «склепом пигмеев» II—I вв. до н. э. В насыпи кургана был найден П. П. Карейшей в 1932 г. ряд кувшинов, в одном из которых обнаружены были «бараньи кости и жертвенное орудие из меди, к концу загнутое полукружием», как сказано в отчете Карейши.⁶

Обряд тризны засвидетельствован не только большими боспорскими курганами. Следы его известны и в более скромных, рядовых курганах. Здесь следует упомянуть о находке, сделанной Веребрюсовым в 1880 г. в Керчи. На окраине города, в материке, под курганной насыпью обнаружена была плита квадратной формы со сквозным четырехугольным отверстием посредине, прикрывавшая собой верхнюю часть амфоры, врытой горлом в землю. Амфора была срезана ровно посредине туловища, ручки ее были отбиты почти у самого горла. Плита была положена на амфору так, что отверстие ее приходилось как раз над впущенным в землю горлом амфоры. Не трудно заметить, что плита, покрывавшая амфору, исполняла роль эшары, а перевернутая амфора — ботроса.⁷ В земле, заполнявшей амфору, находился пепел, что подтверждает использование ее в качестве ботроса, для возлияний в честь умершего и для

¹ АА, 1913, стр. 180, рис. 3.

² Там же, стр. 188, рис. 20.

³ ОАК, 1864, стр. VIII сл., табл. IV, 1, 2 е.

⁴ ДБК, табл. LXIX, рис. 7

⁵ ОАК, 1865, стр. 192 сл. В настоящее время имеется другой взгляд на присутствие подобных статуэток в гробнице, связывающий этот обычай с элевсинскими мистериями и культом Деметры (А. А. Передольская. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. СА, XIII). О назначении терракот в гробницах см. также: E. Pottier et S. Reinach. La Nécorpole de Myrina. Париж, 1887, стр. 107, прим. 4).

⁶ Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 138.

⁷ Такие случаи использования сосудов в качестве жертвенных ям не редки. Приведем хотя бы примеры из погребений Греции IX—VIII вв. до н. э., сообщаемые Брукнером, где подобные сосуды с отбитой нижней частью впускались в землю, играя роль ботросов, над которыми совершались возлияния мертвым. См.: AM, т. XVIII, 1893. стр. 155.

разведения в ней жертвенного огня. Факт нахождения эсхары и ботроса — весьма древних атрибутов культа мертвых — в данном кургане заслуживает особого внимания, так как последний датируется II в. н. э. Отсюда следует, что на Боспоре еще в первые века нашей эры продолжали совершать жертвоприношения в честь умерших, применяя при этом специальные приспособления для возлияний хтоническим богам.

Отдельные черты обряда тризны, следы которого сохранились в боспорских курганах, имеют определенное сходство с подобным же обрядом, являющимся частью погребального культа Греции в древнейших его стадиях. Попытаемся более подробно осветить эти сходные черты, насколько это позволяют сделать сохранившиеся археологические и литературные источники.

Мы уже упоминали о неперенном сопутствии обряду тризны в боспорских курганах жертвоприношений домашних животных и рыб. Об этом свидетельствует нахождение соответствующих остатков костей быков, баранов, овец, свиней и рыб на «жженных точках», т. е. в местах совершения тризны, иногда вместе с жертвенными алтарями, снабженными сквозным отверстием для стока жертвенной крови в землю — дар подземным богам, к которым приобщался покойник (Большая Близница, Васюринский курган). Сходные черты в совершении этого обряда — с кровавыми жертвоприношениями домашних животных — известны в Греции в так называемую «гомеровскую эпоху» и в последующий архаический период. Эпос Гомера свидетельствует, что быки и бараны на древнейшей стадии истории Греции были излюбленными жертвенными животными и пищей при трапезах в честь умерших.

Так, например, при похоронах Патрокла закалываются быки и бараны.¹ Одиссей, взывая к мертвым, закалывает над ботросом барана и овцу, и тени умерших слетаются к нему для насыщения жертвенной кровью.²

Павсаний говорит о принесении в жертву барана над могилой Пелопа.³ О принесении в жертву овцы, закалываемой над ботросом, говорит и Лукиан в описании прибытия Одиссея на остров Цирцеи. Он же упоминает о заклании Мениппом овцы при жертвоприношении теням умерших.⁴ Обычай кровавых жертвоприношений домашних животных при похоронном обряде сохраняется вплоть до VI в. до н. э. в погребальном культе Греции. Так, в раннеаттическом некрополе Афин встречаются следы этого обряда, сохранившиеся в виде жженных костей домашних животных, в том числе костей быка.⁵

Некоторые указания об отправлении тризны с кровавыми жертвами имеются у греческих авторов, что отражает, без сомнения, ранние традиции культа мертвых. Так, Павсаний описывает жертвоприношения и тризну в честь Орнитиона, сына Сасифа, фокейцами, убивавшими при этом жертвенное животное и выпускавшими его кровь через отверстие, сделанное над могилой, мясо же убитого животного делившими между собой. Тот же автор, описывая похороны Аристомена, рассказывает о принесении на его могиле в жертву быка.⁶ Афиней свидетельствует об употреблении рыбы при похоронной трапезе, устроенной хиосцем Теокритом в честь своей умершей жены.⁷ Тот же Афиней сообщает о принесении в жертву

¹ II., XXIII, 29 сл.

² Od., XI, 34, 48, 88, 95.

³ Pausan., I, 13, 1, 2.

⁴ Lucian. De astrol., 24. — Он же. Menipp, 9.

⁵ AM, т. XVIII, 1893, стр. 147, могила XIII.

⁶ Pausan., IV, 32, 3; X, 4, 7.

⁷ Athen., VIII, 344, b.

рыб умершему флейтисту Хармосу и герою Олиффу, а также и другим умершим.¹

Из древнегреческой литературы можно привести еще ряд примеров кровавых жертвоприношений над могилами, являвшихся неотъемлемой частью культа героя, истоки которого коренятся еще в эгейской эпохе.²

До нас дошли свидетельства об отправлении тризны и из эпохи более поздней, когда культ покойника-героя несколько видоизменяется и кровавые жертвоприношения отмирают, уступая место возлияниям вина с молоком или медом и бескровным жертвам, сжигаемым на кострах.³ Так, например, Лукиан устами Харона описывает сжигание на могилах роскошных яств и возлияния над ботросом вина и меда с молоком, причем в представлении Харона души умерших, летая вокруг, насыщаются запахами вина, жира и дыма и пьют льющуюся в ботрос смесь молока с медом.⁴

По приведенным примерам можно судить о большой близости обряда тризны на Боспоре и в ранней Греции. Отправление обряда на самой могиле или на полунасыпанном курганном холме; сопровождение его кровавыми жертвоприношениями над эсхарой и ботросом, что характерно для древнегреческих погребений типа героона;⁵ обычай разбивания сосудов и бросания их в огонь, как оскверненных при использовании на погребальном пиршестве,⁶ употребление для жертвоприношений быков и баранов, а также рыб,⁷ — вот наиболее характерные черты, сближающие обряд тризны, каким он рисуется в боспорских курганах, с аналогичным обрядом древнейшего периода Греции.

Обряд этот составлял неотъемлемую часть погребального ритуала Греции в так называемую «гомеровскую эпоху». В последующую архаическую эпоху следы его мы находим лишь в отдельных греческих некрополях, например, Афин, Феры и Самоса.

Среди могил VIII—VI вв. до н. э. некрополя Афин, расположенного вдоль Пирейской улицы, найдены жертвенные места с костями животных и большим скоплением разбитых сосудов.⁸ При исследовании могил VIII—VII вв. до н. э. найдены были сосуды с пробитыми в их доньшках отверстиями для стока в землю жертвенных возлияний умершим. Там же обнаружены разбитые сосуды, предназначенные для погребальных церемоний, о чем свидетельствуют соответствующие изображения на сосудах — похоронные процессии, сцены прощания с умершим и т. п. Следы тризны здесь обнаружены также в специальных загородках, устроенных по типу загоронок или траншей Марафонской гробницы, — из сырцовых кирпичей, в которых найдены разбитые сосуды и другие приношения покойнику, перемешанные с обгорелыми костями животных и птиц. Эти загородки были наглухо замурованы раствором из глины, смешанной с известью.⁹

В некрополе Феры конца VII—начала VI в. до н. э. рядом с могилами располагаются обыкновенно жертвенные ямы, содержащие слой золы и древесных углей, в котором находились жженные кости животных и черепки разбитых сосудов, преимущественно амфор, скифосов, ионий-

¹ Там же, 344, с.

² См.: E i t g e m. *Νῆρος*. RE, т. VIII, стлб. 1119 сл. — E. R h o d e, ук. соч., т. I, стр. 34 сл.

³ RE, т. VIII, стлб. 1124.

⁴ L u c i a n. *Charon*, 22.

⁵ Р о с т о в ц е в. *Античная декоративная живопись*, стр. 59 сл.

⁶ O A K, 1866, стр. 81 сл.

⁷ Т о ж е. — *A t h e n.*, VIII, 344, b, c, e.

⁸ A M, т. XVIII, 1893, стр. 74, 80 и 147.

⁹ G. K a r o. *An attic cemetery*. Филадельфия, 1943, стр. 11.

ских тарелок и блюд, энохой и сосудов для благовоний.¹ Нередко разбитые сосуды находились перед входом в могилу или над нею.² Ямы часто обложены по краям каменными плитами; на дне у стен имеются камни, которые служили опорами для бревен костра.³

Иногда рядом с могилкой устраивались жертвенные площадки. Они располагались на уровне самой могилы и были огорожены каменными плитами. При раскопках этих площадок в них обнаружены зола и кости животных, а также разбитые сосуды. Кости эти принадлежали по преимуществу мелкому рогатому скоту.⁴

Примерами сохранения обычая тризны в сопровождении жертвоприношений с сожжением могут служить и некоторые погребения архаического некрополя Самоса.⁵ Бёлау отмечает там неоднократные случаи нахождения в насыпях могил разбитых сосудов⁶ и четыре случая нахождения рядом с могилами следов костров, в которых зола и угли смешаны с обожженными разбитыми сосудами. Однако кости в этих кострищах отсутствовали, что дало право и Бёлау считать совершившиеся здесь жертвоприношения бескровными.⁷ Из сосудов, найденных в кострищах, Бёлау отмечает лекифы, кувшины типа энохой, чашки, тарелки, алабастры и ряд бронзовых сосудов.⁸

Не трудно заметить, что обряд тризны представлен в некрополе Самоса в несколько более измененном виде по сравнению с аналогичным обрядом, имевшим место в некрополе Феры. Если в этом последнем надгробные жертвоприношения, сопутствующие тризне, заметны почти у каждой могилы, то на 161 могилу самосского некрополя падает всего 4 находки следов этого обряда. И сам этот обряд в некрополе Самоса существенно изменяется, а именно отмирает обычай кровавых жертвоприношений, характерный для некрополя Феры. Это и не удивительно, так как погребения Феры датируются концом VII — началом VI в. до н. э.,⁹ в то время как некрополь Самоса относится к более позднему времени, а именно ко второй половине VI в. до н. э.¹⁰ На примере сопоставления этих двух некрополей можно проследить постепенное отмирание кровавого характера сопутствующих тризне жертвоприношений, запрещенных Солоном.¹¹ Под насыпью кургана в Бурбе VII в. до н. э. (рис. 4) найдены также следы тризны в виде костей птиц, золы, угля и обломков сосудов (блюд и энохой), которые удалось собрать полностью.¹² Робинзон в специальной работе, посвященной некрополю Олинфа, перечисляет случаи нахождения жертвенных алтарей-эсхар в отдельных некрополях Греции — на Родосе, в Афинах, Александрии, Фере, Танагре, — а также в курганах Фракии в различные эпохи, начиная со времен эгейской культуры и кончая римским временем.¹³ Однако, начиная с архаической эпохи, обряд

¹ E. P h u h l. Der archaische Friedhof am Stadtberge von Thera. AM, т. XXVIII, 1903, стр. 5—288.

² Там же, стр. 14, могила № 3 (9 A); стр. 17, могила № 65 (98); стр. 19, могила и жертвенная яма № 84 (65, 66).

³ Там же, стр. 20, яма № 6a (12); стр. 40, яма № 35 (16).

⁴ Там же, стр. 15, жертвенное место № 3a (9c); стр. 34, могила № 22; стр. 47, жертвенное место № 44 (2); стр. 68, могила и жертвенный слой № 81 (77).

⁵ J. V o e h l a u. Aus ionischen und italischen Nekropolen. Лейпциг, 1898, стр. 10—34, рис. 18, 20 сл.

⁶ Там же, стр. 22 и 31.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Там же, стр. 25 и 48.

⁹ P h u h l, ук. соч., стр. 284 сл.

¹⁰ V o e h l a u, ук. соч., стр. 52, 151 и др.

¹¹ P l u t., Solon, XXI, 359.

¹² В. Σ τ α η ς. "Ο τ μ β α ς ἐν Β ο υ ρ β α. AM, т. XV, 1890, стр. 318 сл.

¹³ D. M. R o b i n s o n. Excavations at Olynthus. Оксфорд, 1942, стр. 190 сл.

этот не является характерным для всех греческих некрополей. Так, для некрополя Врулии (о. Родос),¹ датируемого концом VII—началом VI в. до н. э., обряд тризны совершенно не характерен. В некрополе Ризоны (Беотия)² второй половины VI в. до н. э. и в некрополе Мирины³ II—I вв. до н. э. он также не представлен.

Итак, начиная с VI в. до н. э. отмирает обычай кровавых жертвоприношений, запрещенный законами Солона. Место их занимают бескровные жертвы.⁴ Однако к началу V в. до н. э. относится сооружение Марафонской гробницы, при исследовании которой в насыпи, имеющей форму монументального кургана, раскрыта была узкая траншея, огороженная

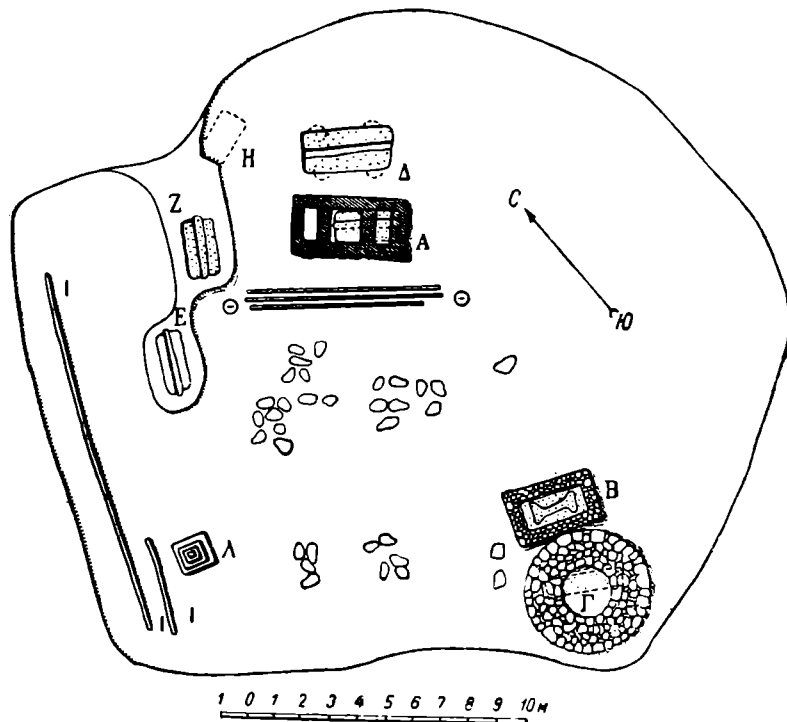

Рис. 4. План гробницы в Бурбе VII в. до н. э. (Атика).

А, В, Г, Δ, Е, Z, H, Δ — могилы; ⊕ — место тризны могилы А;
I — место тризны могилы Δ.

каменными плитами. Траншея наполнена была золой и остатками костей животных и птиц, плиты же, огораживающие траншею, носили следы действия огня (рис. 5). При снятии насыпи, в материке обнаружена была вторая траншея, аналогичная первой, и рядом с ней разбитая амфора — следы погребального пира.⁵ Без сомнения, это остатки жертвоприношения в честь павших при марафонской битве героев и того погребального пира, который устраивался в память их, причем сама тризна справлялась здесь не один раз.

Еще на один курган, расположенный на территории Греции (Фессалия), следует обратить внимание. Курган этот, носящий название «Пилаф-тепе», интересен еще и потому, что датируется он раскопавшим его Эдмондсом серединой II в. до н. э., т. е. временем, когда обряд тризны, представленный в нем, в подавляющем большинстве некрополей Греции отсутствует. В насыпи этого кургана обнаружены явные следы жер-

¹ K. S. Kinch. Fouilles de Vroulia. Берлин, 1914.

² R. M. Burrows and P. N. Ure. Excavations at Rhitzi in Boeotia. ABS, т. XIV, 1907/1908, стр. 226 сл.

³ Pottier et Reinach, ук. соч.

⁴ Ps. Plat. Minos.

⁵ AM, т. XVIII, 1893, стр. 46 сл.

твоеприношения и тризны в виде слоя жженой земли, в котором найдены характерные остатки — древесный уголь, кости животных и разбитые на мелкие куски сосуды.¹

Такие погребения, как Марафонская гробница и Пилаф-тепе, однако, не характерны для Греции классического и эллинистического периодов. По своей монументальности и погребальному ритуалу они напоминают скорее погребения эгейской эпохи и являются пережитками ее. В эллинистический период аналогиями им могут служить лишь боспорские курганы, дающие яркую картину обряда тризны, представленного также и в вышеупомянутых гробницах — Марафонской и Пилаф-тепе. Однако такое явление, как существование в Греции во II в. до н. э. гробницы, подобной Пилаф-тепе, нам кажется не случайным именно потому, что гробница эта обнаружена на территории Фессалии — области, где процесс разложения родового строя и становления рабовладельческого общества происходил с запаздыванием в сравнении с другими областями Греции, как, например, с Аттикой.² Это обстоятельство и могло послужить причиной того, что в области надстроечных явлений процесс развития происходил с заметным отставанием и отдельные черты

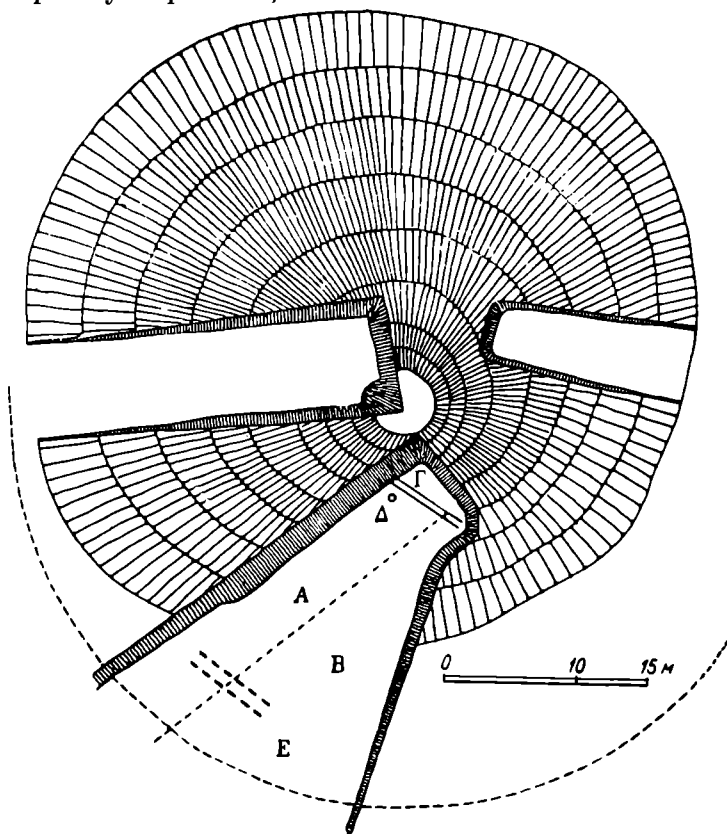

Рис. 5. План Марафонской гробницы.

А и В — раскопы; Г — жертвенное место (в материке); Δ — амфора; Е — жертвенное место (в насыпи).

религиозных культов, уже отжившие в передовых областях Греции, сохранились в более отсталых в социально-экономическом отношении районах.

Как видно из приведенных примеров, отправление тризны в греческих некрополях связано преимущественно с грунтовыми могилами. Таких монументальных гробниц, как боспорские курганы, — с монументальными склепами внутри их и пышным погребальным ритуалом, включавшим грандиозные тризны с кровавыми жертвоприношениями, — мы в Греции, за исключением упомянутых нескольких гробниц (Марафонская, Пилаф-тепе), не встречаем. Однако на территории Греции такого рода погребальные сооружения дошли до нас из эпохи, предшествующей появлению греков. — мы имеем в виду памятники эгейской эпохи. Не будем касаться здесь всей сложности проблемы взаимоотношений эгейской и греческой культур. Ограничимся лишь замечанием, что по многим своим чертам обряд тризны, которому посвящена данная работа и который, будучи свойствен погребальному культу Боспора,

¹ UHS, 1900, стр. 20 сл.

² Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии. ИГАИМК, вып. 101, М.—Л., 1934, стр. 75—115.

находит себе подобие и в Греции, близок к обрядам, представленным в погребениях эгейского общества. Так, например, над одной из шахтовых гробниц Микен Шлиманом был найден жертвенный алтарь (эсхара), сложенный из камня. В противоположность алтарям Большой Близницы и Васюринского кургана, алтарь этот имеет не четырехугольную, а круглую форму, принцип же устройства — наличие в нем сквозного отверстия для стока крови — тот же.¹ В гробницах эгейской эпохи (Паламиды, Вафио и Димини, а также Микен) имеются следы отправления тризны в дромосах, иногда перед самым входом в погребальную камеру,² как в Большой Близнице. Обряд этот, с сопутствующими ему кровавыми возлияниями над жертвенными алтарями и ботросами, выступает вполне отчетливо в ряде гробниц эгейской эпохи. Так, например, кости быка, наряду с костями овцы, козы и оленя, встречаются и в дромосах могил микенского некрополя.³

Можно привести ряд примеров нахождения следов тризны, а также алтарей-эсхар и жертвенных ям в погребениях эгейской эпохи. Таковы, например, купольные гробницы Димини,⁴ Мениди⁵ и Вафио,⁶ погребения некрополя Паламиды,⁷ гробницы на полях Бос-Ойюк во Фригии,⁸ курганы близ Херонеи, Драхмани и Церелеи,⁹ наконец, серия гробниц микенского некрополя.¹⁰ В насыпях и дромосах этих гробниц, иногда непосредственно над могилой обнаружены следы сожжения в виде обгорелой земли, золы и угля. На месте этих костров, а также в разных частях насыпи найдены жженные кости животных и фрагменты сосудов. Эсхары и ботросы находимы были у ряда могил Олимпии,¹¹ Лесбоса,¹² Крита,¹³ Микен.¹⁴ Так, на территории микенского некрополя, расположенного на акрополе, на месте агоры, над могилой IV находился, как уже было указано, алтарь-эсхара (рис. 6), а рядом с могилой — место тризны с разбросанными по нему костями домашних животных.

Не вдаваясь в исследование вопроса о преемственности наследия эгейской эпохи культурой древней Греции, надо все же признать, что в погребальном культе Греции на древнейших этапах ее истории имеются черты, родственные предшествующей эгейской эпохе. Правда, в греческом культе архаического периода, от которого дошли до нас археологические памятники со следами тризны, обряд этот приобретает, как правило, скромные масштабы. Только в гомеровскую эпоху мы слышим о пышной

¹ Th. Schliemann. Mycenae. Leipzig, 1878, стр. 246. — Ch. Tsountas. The Mycenaean Age. Лондон, 1897, стр. 89.

² 'Еф. 'Арх., 1888, стр. 129 сл. и 145. — АМ, т. IX, 1886, стр. 433 сл. — Tsountas, ук. соч., стр. 130.

³ 'Αθήναιον, т. VI, стр. 169 и т. VIII, стр. 523. — 'Еф. 'Арх., 1888, стр. 130. — АМ, т. III, 1878, стр. 278; т. V, 1880, стр. 155.

⁴ АМ, т. IX, 1884, стр. 435 сл.

⁵ JAI, 1899, стр. 103 сл.

⁶ Tsountas, ук. соч., стр. 130, 140 и 148.

⁷ АМ, т. V, 1880, стр. 156.

⁸ АМ, т. XXIV, 1899, стр. 1 сл.; т. XV, 1890, стр. 318 сл.

⁹ АА, 1911, стр. 125. — Практика, 1909, стр. 123.

¹⁰ 'Αθήναιον, т. VI, стр. 169; т. VIII, стр. 523. — 'Еф. 'Арх., 1888, стр. 129 сл. — АМ, т. III, 1878, стр. 278; т. V, 1880, стр. 155. — Schliemann, ук. соч., стр. 104 и 246 сл. — Tsountas, ук. соч., стр. 89 сл.

¹¹ См.: Eitrem, ук. соч., т. VIII, стлб. 1119.

¹² A. Conze. Reise in der Insel Lesbos. Ганновер, 1895, табл. 4, 5.

¹³ Eitrem, ук. соч., стлб. 1119.

¹⁴ Schliemann, ук. соч., стр. 246 и план. — F. G. Perrot. Histoire de l'art. Париж, 1882—1911, т. VI, стр. 370, 577 сл. — Tsountas, ук. соч., стр. 88 сл., 96 сл. — Mau. Bestattung. RE, т. III, стлб. 331 сл. — P. Stengel. Die griechische Kulturaltertümer. Handbuch der klass. Alttertumswissenschaft, т. V, ч. 3, стр. 144.

тризне на похоронах Патрокла, с ристаниями и гекатомбами. В архаический период обряд этот выступает, как уже указывалось, в более скромном виде. За исключением редких примеров, мы не знаем монументальных погребальных сооружений курганного типа со следами обряда тризны. Все почти примеры ограничиваются поэтому погребениями в грунтовых некрополях. В плане нашего исследования мы сознательно не касаемся грунтовых некрополей Боспора, во-первых, потому, что тема эта требует специальной разработки, а во-вторых, потому, что обряд тризны, прослеживаемый на рядовых захоронениях массовых некрополей боспорских городов, насколько можно судить по дошедшим до нас неразграбленным погребениям, не представлен там настолько ярко, как в курганах. Если кое-где в отчетах и встречаются упоминания о следах тризны, то они случайны и редки.

Однако нельзя не упомянуть здесь об одном памятнике, правда, находящемся вне пределов Боспорского царства, где данный погребальный обряд в системе массовых некрополей античных поселений северного Причерноморья выступает достаточно ярко. Таким примером сохранения обряда тризны с кровавыми жертвами и последующим сожжением их вместе со всей погребальной обстановкой в городских некрополях северного Причерноморья могут служить некоторые погребения некрополя на о. Березани, расположенные вдоль западного его берега. Раскопками Р. А. Пренделя в 1884 г. здесь обнаружен был на глубине ниже 1 м слой земли, заключавший в себе золу, обугленные кости и большое количество разбитых сосудов; в отдельных, особенно крупных фрагментах сосудов в свою очередь находились зола и жженные кости животных. Ниже этого слоя шли погребения. В 1904 г. Э. Р. Штерн открыл на том же западном берегу ряд воронкообразных ям, наполненных золой, углем, костями человека, животных и рыб; в одной из ям обнаружена была, по свидетельству Э. Р. Штерна, жертвенная лепешка. Ямы содержали, кроме того, большие скопления разбитых сосудов, преимущественно ионийских киликов и тарелок. Дымоход, обнаруженный в одной из ям, подтверждает предположение о совершавшихся в этих ямах трупосожжениях вместе с сожжением остатков жертвоприношения и тризны, оставивших свои следы в виде костей животных и разбитых сосудов.¹

Если в похоронных ямах Березани, по аналогии с могилами Феры и Самоса, обряд тризны теряет свою торжественность и грандиозность в архаическую эпоху, что связано со скромными масштабами самих погребений в отличие от эгейских купольных гробниц и курганов, а в некоторых античных центрах и вовсе не встречается в это время, то в эллинистических курганах Боспора обряд этот выступает во всей полноте, напоминая героический погребальный культ Микен.

Эта популярность героического культа на Боспоре в эллинистическое время станет нам понятной, если мы обратимся к местным погребальным памятникам в соседних с Боспором областях. В скифских курганах южного Приднепровья, Киевщины и Полтавщины мы встречаем следы

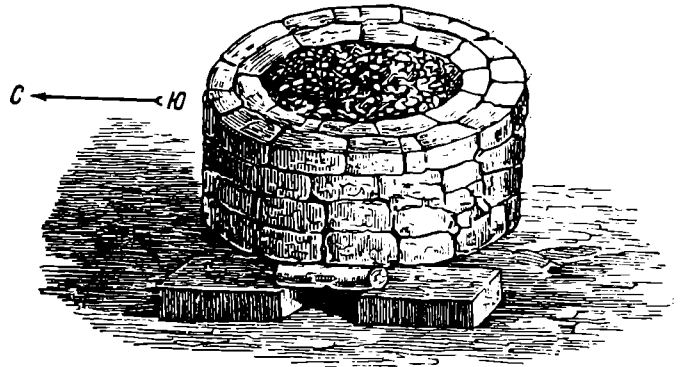

Рис. 6. Жертвенный алтарь-эсхара из Микен.

¹ Тр. VI АС, т. I, стр. 217 сл. — ОАК, 1904, стр. 43 сл.

аналогичного обряда, знакомого нам по курганам Боспора. В Чертомлыцком кургане, кроме обнаруженных в насыпи скоплений обломков посуды (амфор и др.) и лошадиных костей, в качестве указания на происходившую здесь тризну служат найденные 2 бронзовых котла, содержавшие лошадиные кости.¹ Правда, котлы эти, обнаруженные у устья грабительской лазейки, могли быть затащены сюда из самой могилы и тогда их следует рассматривать как положенные туда с напутственной пищей, но закопченная поверхность может служить доказательством использования их в обряде тризны.

В Александропольском кургане,² курганах Белозерки³ и близ с. Берестяги,⁴ в Краснокутском кургане,⁵ в Старшей могиле б. Роменского у.,⁶ в кургане I у с. Герасимовки б. Полтавской губ.⁷ встречены в насыпи скопления костей животных, часто со следами огня, а также разбитые сосуды. Следы костров, в виде площадок, покрытых золой и углями, перемешанными с жжеными костями животных и разбитыми сосудами, содержат ряд курганов упомянутых областей, начиная с очень глубокой древности и кончая первыми веками нашей эры. Таковы курганы б. Киевской губ. у Большого Деренговца,⁸ в урочище Криворукове,⁹ у местечка Смелы,¹⁰ курганы Бобринского могильника,¹¹ б. Каневского у.,¹² Рядные могилы,¹³ курганы у с. Рыжановки,¹⁴ б. Роменского у. Полтавской губ.¹⁵ и многие другие.

Если мы обратимся к таким курганам, как Костромской и Карагодеуашх, а также к курганам некрополя у ст. Елисаветовской на Дону, то в них мы найдем весьма яркие признаки обряда тризны, существовавшего у местных племен.

Таким образом, обряд тризны, характерный для погребального ритуала боспорских курганов, был присущ религиозным традициям местного населения северного Причерноморья, в том числе и Боспора, а не был привнесен «извне», как об этом говорит М. И. Ростовцев.¹⁶ Первые греческие переселенцы перенесли на Боспор аналогичный обряд, который, однако, постепенно изживался в метрополии. Но здесь на Боспоре он нашел благоприятную почву для дальнейшего существования, вследствие того, что подобный же обряд существовал в погребальном культе местного населения. Этот обряд, усвоивший много греческих черт в смысле своего внешнего оформления, что ярко выражено в погребениях Большой Близицы и Васюринском кургане, продолжал существовать вплоть до первых веков нашей эры, представляя наглядный пример культурного взаимовлияния между местным населением и боспорскими греками.

¹ ДГС, т. II, стр. 84 и 108 сл.

² ДГС, т. I, стр. 1 сл.

³ Тр. VIII АС, т. III, стр. 97 сл.

⁴ Б о б р и н с к и й, ук. соч., т. III, стр. 97 сл.

⁵ ОАК, 1860, стр. VIII сл.

⁶ Б о б р и н с к и й, ук. соч., т. III, стр. 60 сл. — Тр. VIII АС, т. IV, стр. 154 сл. — Д. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 97.

⁷ Самоквасов, ук. соч., стр. 111.

⁸ Б о б р и н с к и й, ук. соч., стр. 1 сл.

⁹ ИАК, вып. 14, стр. 1 сл. — Тр. VI АС, стр. 220 сл.

¹⁰ ИАК, вып. 49, стр. 94 сл.

¹¹ Б о б р и н с к и й, ук. соч., стр. 116.

¹² Там же, стр. 101 сл. и 134 сл.

¹³ ИАК, вып. 4, стр. 48.

¹⁴ ОАК, 1890, стр. 52.

¹⁵ Б о б р и н с к и й, ук. соч., т. II, стр. 168 сл.

¹⁶ Р о с т о в ц е в. Античная декоративная живопись, стр. 69.

Г. П. ГРОЗДИЛОВ

РАСКОПКИ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ В 1948 г.

В 1948 г. археологические работы в Старой Ладогѣ¹ были продолжены на недоследованном до материка участке раскопа 1945 г., имевшем размеры около 200 кв. м. Участок примыкал с восточной стороны к основному раскопу 1938—1947 гг. (рис. 1). Здесь был снят в 1945 г. верхний культурный слой на глубину 1.10—1.30 м, от дневной поверхности до горизонта *д*, определившегося сплошным залеганием остатков дерева. Однако планировка открытых тогда остатков дерева не была выяснена до конца, так как дождливая погода и, в частности, малые размеры участка раскопа не позволили установить, в полной мере, взаимное их расположение и назначение.

I. Остатки построек XVII в.

Из строительных комплексов верхнего горизонта, открытых в 1945 г., которые продолжали изучать в 1948 г., следует отметить остатки 3 построек, сохранившихся в основании, благодаря обугленности бревен и досок, составлявших их венцы и пол. Одна постройка, открытая еще в 1945 г.² в юго-западном секторе раскопа на уровне репера и ниже его на 10 см,³ являлась жилой избой, представлявшей в плане остатки нижнего венца четырехстенного сруба размером 4.40×4.40 м. Пол избы забран тесаными досками. В юго-восточном углу избы найдены остатки печи, сложенной из крупных валунов. Другая небольшая постройка, открытая в 1948 г., находилась к югу от вышеупомянутой и имела те же направление и планировку четырехстенного сруба, сохранившегося лишь в нижнем венце; основание было также забрано досчатым полом.

Размеры постройки 3.80×3.85 м. Сохранились 3 угла, рубленые в «обло»; юго-восточный угол сохранился на 2 венца. Доски пола плотно пригнаны друг к другу. Толщина их достигала 4—5 см при ширине в 30—35 см. Полная длина сохранившихся досок пола достигала 3.42 см.

¹ Староладожская экспедиция ИИМК производила раскопки в 1948 г. с 9 VI до 15 IX под руководством В. И. Равдоникаса. В работах приняли участие: научные сотрудники ИИМК — Я. В. Станкевич, Ф. Д. Гуревич, П. А. Раппопорт, лаборант М. В. Казанкова; научные сотрудники Государственного Эрмитажа — Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан, Б. Л. Мараш, В. П. Мизинова; сотрудники ЛГУ — аспирантка Истфака Н. В. Попова, ассистент Т. Д. Белановская, старшие лаборанты С. Н. Орлов, Е. Ф. Седякина, Е. Я. Дегтяренко и 20 студентов-практикантов Археологического отделения Истфака ЛГУ

² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). СА, XI, стр. 13, рис. 4.

³ Репер на глубине 0.60 м от поверхности восточной границы раскопа.

Доски были уложены на поперечные лаги. Внутри постройки, у западного бревна венца, найдена фигурная широкая доска, принадлежавшая, очевидно, основанию небольшого шкафа-поставца (длина 90 см, ширина 38 см). Постройка сгорела, и потому все деревянные части ее носят следы сильного обугливания. Внутри постройки и возле нее найдены фляга с зеленой поливой (рис. 2, 1), многочисленные обломки четырехгранных бутылок или штофов из светлозеленого и темнозеленого стекла, обломки поливной посуды (рис. 2, 2—5), близкой по технике выполнения чаше 1596 г., найденной в раскопках Н. Е. Бранденбурга.¹

Наконец, в изобилии найдены обломки темных горшков местного производства, глиняная игрушка-свисток в форме уточки (рис. 2, 6),

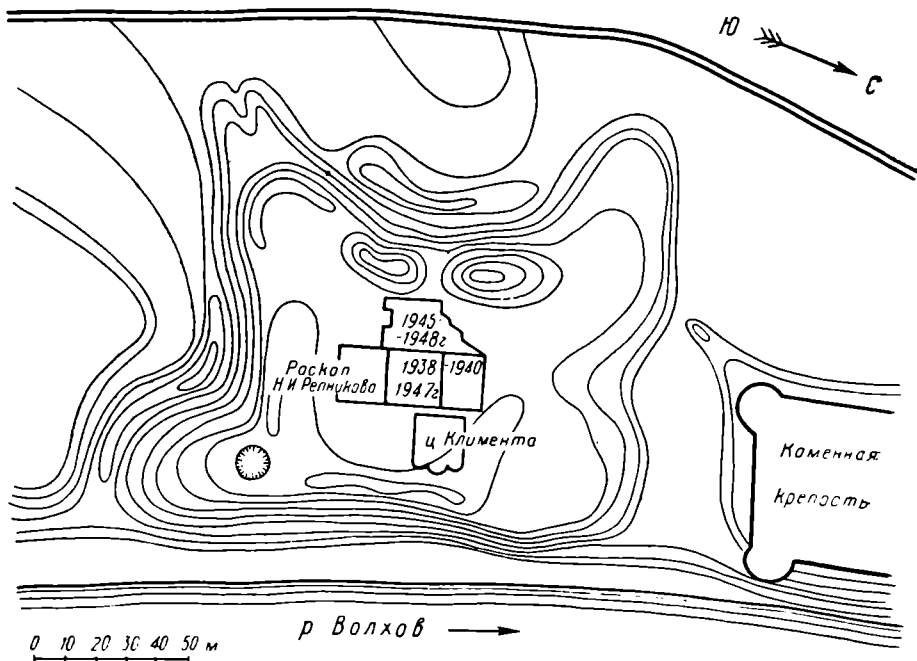

Рис. 1. Схематический глазомерный план земляного городища в Старой Ладоге с показанием места раскопок.

и золотой голландский дукат,² завалившийся в щель пола, что и позволяет бесспорно определить время существования этой постройки, а также и соседних с ней, залегавших в том же слое, XVII в.

II. Остатки построек горизонта δ

Ниже построек XVII в. в 1945 г. вскрыт большой досчатый помост горизонта δ , но его границы не были определены. Поэтому исследование вскрытого сооружения явилось в 1948 г. первоочередным делом. С этой целью старый участок раскопа 1945 г. увеличили с северной и южной

¹ Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, табл. LXIV.

² Определение произведено научным сотрудником Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа А. А. Марковой: Голландия. Провинция Гельдерн. Дукат 1607 г. (может быть 1603 г.). Липевая сторона: воин в броне и шлеме, в одной руке держит меч, в другой пук стрел или молний. Надпись: CONCORDIA RES PARVAE CRESCUNT — Согласием малые дела увеличиваются (цитата из Саллюстия), в конце легенды название штата или провинции «CEL» и знак минцмейстера. Обратная сторона: в украшенном картуше надпись в 5 строк: M. O. ORDIP | ROVINI | POEDER | BELC. AD | LEC. IMP. — Монета правительства провинций союзной Бельгии, согласно закону империи.

Рис. 2. Глиняные изделия, найденные в слое с постройками XVII в.
 1 — фляга с зеленой поливой; 2—5 — обломки западноевропейской фаянсовой посуды из серой глины; 6 — глиняный свисток.

стороны, что позволило полностью проследить не только границы помоста, но и выявить остатки сруба, ограничивавшего помост. От сруба сохранилась западная сторона нижнего венца и прилегающие к нему северо-западный и юго-западный углы с остатками бревен венцов, (рис. 3).¹ Длина западной стороны открытого основания сруба достигала 9.6 м, а с севера постройка, судя по сохранившимся остаткам бревна и концов досчатого настила, примыкавшего к нему, имела длину не менее 9.30 м. С южной стороны по остатку бревна установлено направление венца сруба. С восточной же стороны бревно, замыкавшее сруб, не обнаружено, так как оно было разрушено впускными позднейшими христианскими погребениями, а вместе с ним, по той же причине, оказался испорченным и досчатый настил пола восточной половины постройки. Исходя из общей планировки всех открытых остатков дерева, принадлежащих этой постройке, можно полагать, что она была в плане квадратной и достигала площади 80—90 кв. м. Столь большое сооружение, по сравнению с теми многими остатками построек, которые были открыты и изучены в том же слое на соседних участках, является несколько необычным для горизонта *d*.

При всей тщательности расчистки большого сооружения остался невыясненным вопрос о его назначении, поскольку здесь не было обнаружено никаких следов производственных отходов, каких-либо вещественных находок, которые указывали бы на использование этой постройки в качестве склада или для других хозяйственных целей. Так же нет у нас достаточных оснований считать этот комплекс жилым домом, так как печь отсутствовала, хотя слой содержал большое количество обломков глиняной посуды, кости животных, бусы и отходы, несомненно, связанные с жилищем. Но, как уже указывалось, остатки этого сооружения сохранились фрагментарно, а слой, в котором содержались остатки дерева, оказался значительно перемешанным в более позднее время, поэтому и находки разновременны.

Среди вещевого материала, собранного непосредственно с досчатого настила большого сооружения и вокруг него на уровне нижнего венца, найдены бусы из горного хрусталя, сердолика, стекла, обломки лепной керамики, а также керамики курганных форм с применением гончарного круга, с орнаментацией из волнистых и параллельных линий, причем лепная керамика и керамика, сделанная на гончарном круге, найдены в равном соотношении. Один из обломков керамики представляет часть стенки амфорного сосуда, сделанного из мелкоотмученной глины, красного хорошего обжига, с орнаментом из параллельных линий на внешней поверхности. Кроме перечисленных предметов найдены: обломок большого глиняного грузила с круглыми небольшими вдавлениями на одной поверхности; бронзовая литая пластинка с утолщенным продольным валиком (может быть обломок шейной гривны); бесформенные железные, сильно окислившиеся обломки кованых гвоздей; куски-заготовки из рога лося, с опиленными краями; костяная проколка; костяная накладка от составного гребня в виде узкой пластинки с отверстиями на концах, украшенная нарезными линиями, образующими геометрический рисунок; железный, сильно окислившийся, четырехконечный крест с острыми концами длиной 10 см, шириной 7 см. Время бытования подобных находок восходит к X—XI вв.

Из особых конструктивных деталей сооружения обращает на себя внимание устройство слани пола, составленной из тщательно пригнанных

¹ Постройка занимала площадь между линиями $П_1Ф_1—П_4Ф_4$; глубина ее залегания от 0.65 до 0.80 м ниже репера (см. рис. 3).

друг к другу сравнительно тонких длинных досок, лежавших внутри всей площади сооружения на системе многих поперечных лаг — бревен (6 рядов лаг). Досчатая слань пола открыта на глубине 0.70—0.80 м ниже репера. Ширина досок составляет в среднем от 15 до 28 см, толщина 2—3 см, наибольшая длина сохранившихся частей достигала 5.5 м.

С западной стороны, вдоль длинных бревен нижнего венца сруба примыкал с внешней стороны досчатый помост, устроенный на вертикально врытых столбах с балками (рис. 3, к востоку от линии $O_1—O_4$). Внешний помост с западной стороны сооружения соединялся с уличной деревянной мостовой, остатки которой впервые были открыты в 1948 г. На помосте, примыкавшем вплотную к мостовой, найдена выстилка длинными прутьями, лежавшими своими концами поверх деревянной мостовой. Помост, окружавший большое сооружение, оставлен на месте для дальнейшего исследования.

Наличие древнего христианского кладбища, зафиксированного многими погребениями на всей площади, исследованной во время предыдущих лет работы, наводило на мысль о существовании где-то здесь же древней деревянной церкви, и поэтому, в порядке рабочей гипотезы, остатки открытого в 1945 г. большого сооружения можно приурочить к той самой искомой древней деревянной церкви, которая существовала до сооружения каменного храма Климента, воздвигнутого здесь же поблизости в 1153 г. Этому не противоречат размеры открытой постройки и ее местоположение.

В северо-западном внутреннем углу большого сооружения, после удаления пола, открыта выстилка из 7 бревен различной длины, от 1.8 м до 5 м, при толщине 0.15—0.20 м. Бревна лежали одно возле другого на глубине 0.80—0.90 м ниже репера. Пространство между досчатым полом и этими бревнами оказалось заполненным плотно слежавшейся и разложившейся щепой. Здесь найдены обломки лепной керамики, многогранная буса из горного хрусталя и плоская буса из сердолика.

Выше досчатой слани пола большого сооружения к северу от линии A_3P_3 (на нашем рис. 3 не изображено), в основании слоя черного аморфного гумуса была обнаружена вымостка из бесформенных каменных плит, плотно уложенных на площади в 56 кв. м. Плиты лежали на глубине от 0.20 м до 0.50 м ниже репера, в некоторых участках образуя ряды кладки в 2—3 ряда. Размер плит от 25×30 см до 40×100 см. Возможно, плиты остались неиспользованными от штабелей строительного материала при сооружении церкви Климента (рис. 5).

С южной стороны большого сооружения (между линиями $O_{II}O_{IV}—C_{II}C_V$) в том же слое открыты одновременные ему остатки небольшой жилой избы (рис. 3), от которой сохранились нижние бревна квадратного сруба размером 4.8 м×4.8 м, с развалом глинобитной печи, находившейся на досчатой слани пола у восточной стороны. Северо-восточный угол постройки открыт раскопками 1945 г., остальная же ее часть открыта в 1948 г., после удаления остатков жилой избы XVII в. Ниже последней, в слое черного, аморфного по своей структуре гумуса обозначилось большое скопление валунного камня, принадлежащего, вероятно, развалу какой-то постройки или, может быть, ее фундаменту. Среди этого скопления камней встречены 2 обломка кирпичей великокняжеского времени (времени сооружения церкви Климента). Развал камней обозначился с глубины 0.10—0.20 м ниже репера, распространяясь к северу за пределы остатков упомянутой постройки. Наибольшая густота и плотность скопления камня прослеживались, главным образом, в верхнем слое, а ниже, на глубине 0.60—0.70 м от репера, камни встречались

Рис. 4.

1 — костяной гребень; 2 — литейная формочка из камня; 3 — грузило из глины (горизонт δ);
 4—6 — изделия из дерева (горизонт e_2).

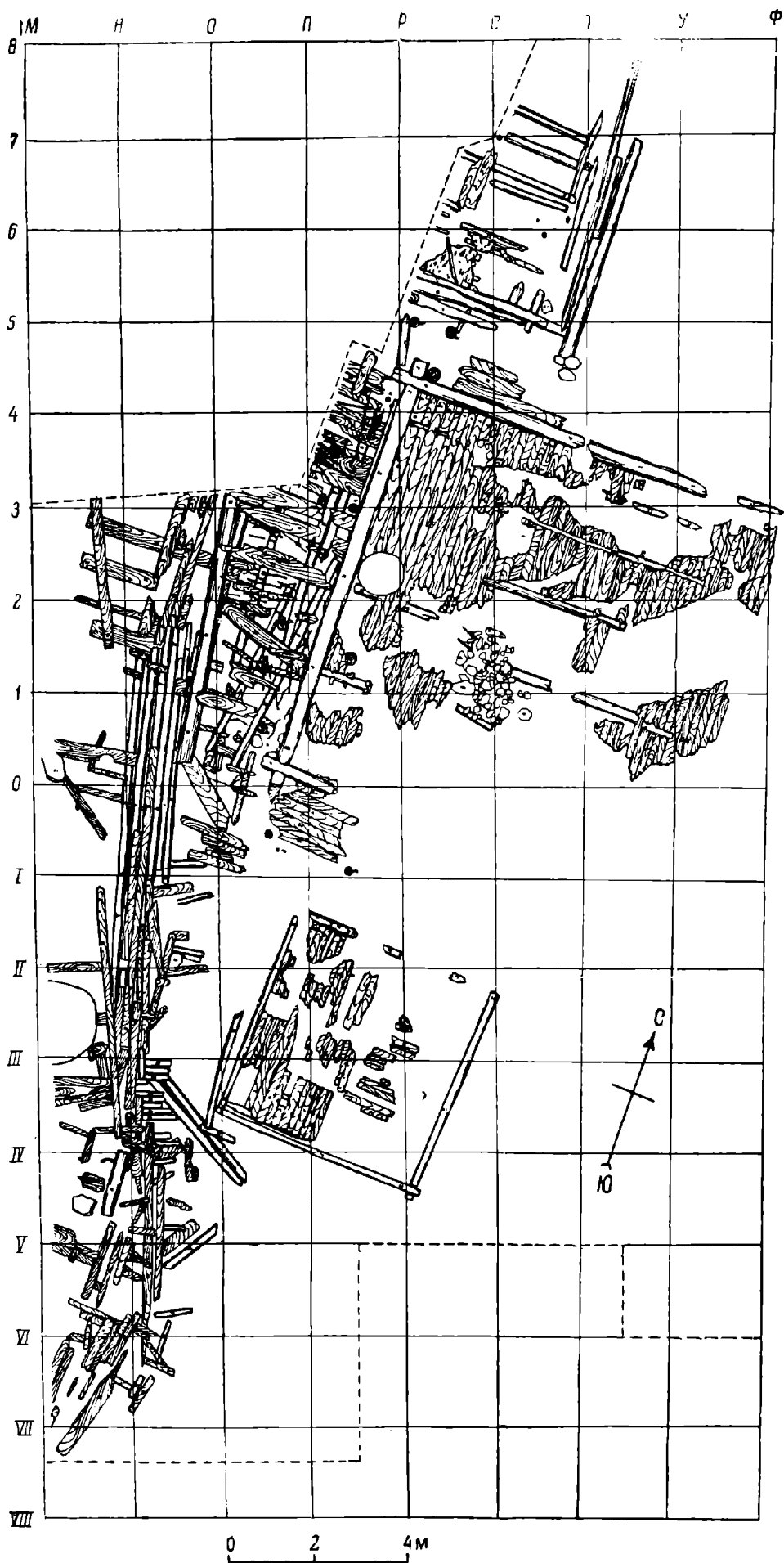

Рис. 3. План деревянных сооружений, открытых в верхнем слое горизонта δ на участке раскопа 1948 г.

(Шунктиром обозначена граница раскопа).

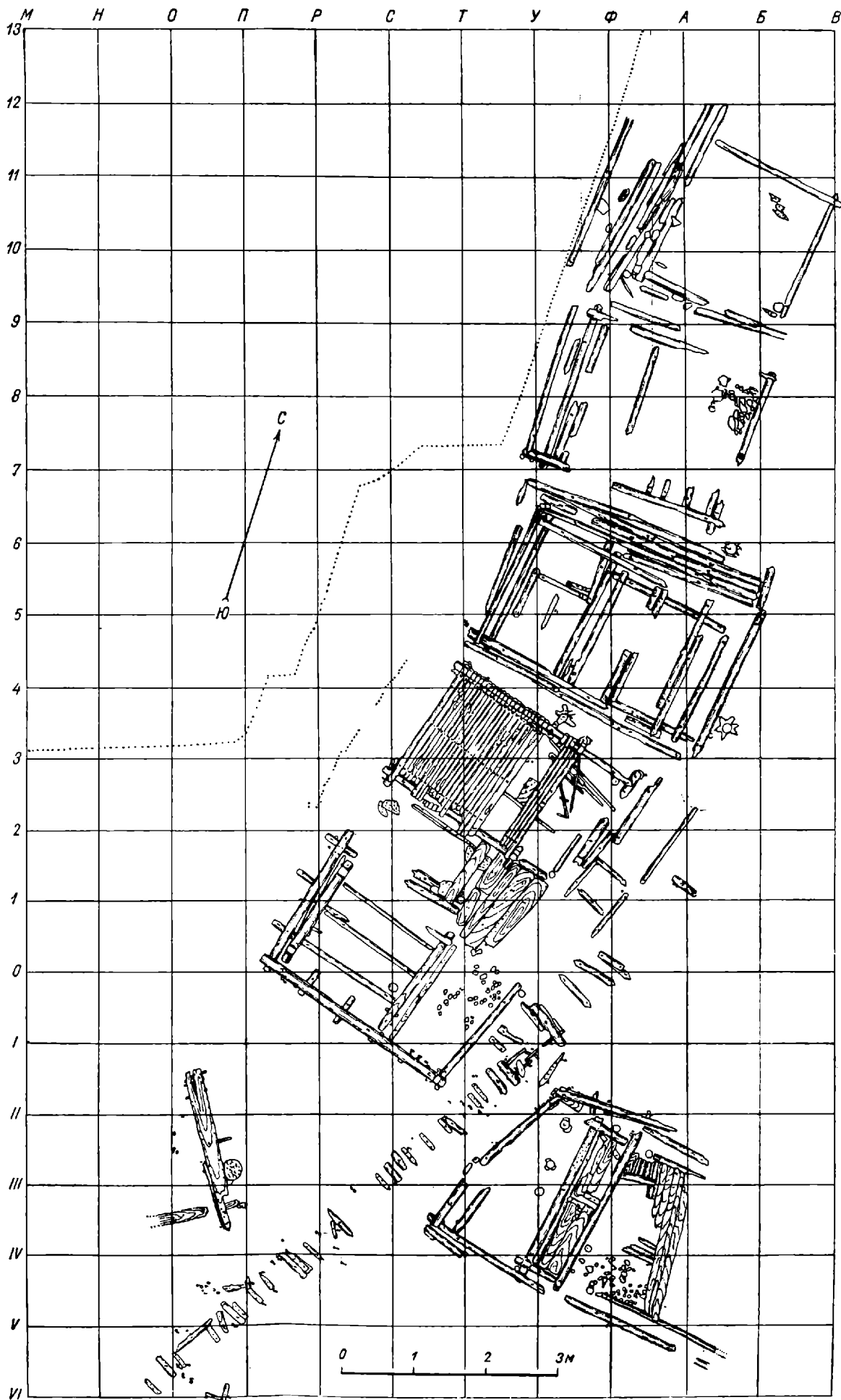

Рис. 6. Общий план остатков деревянных оснований построек нижнего слоя горизонта θ , открытых на участке раскопок 1948 г.
(Пунктиром обозначена граница раскопа).

разрозненно, и промежутки между ними оказались заполненными черным аморфным гумусом. Находки среди камней редкие и представлены обломками керамики, сделанной на гончарном круге, реже лепной. На глубине 0.67 м среди камней найдена костяная накладка гребня, украшенная по внешней поверхности резным орнаментом. Можно полагать, что развал камня относится к XII в.

Ниже камней, под темным гумусированным слоем прослежены остатки досчатой слани постройки, венец которой, как уже указывалось, довольно четко определен по всем четырем сторонам (рис. 3, ква-

Рис. 5. Скопление каменных плит, открытых в слое над постройками горизонта δ (XII в.).

драты между линиями $O_I O_{IV} - C_{II} C_V$). Светложелтая глина обозначалась также значительно выше, чем основной венец постройки — на глубине 0.35 м ниже репера. Ее толщина в различных участках доходила до 6—30 см. Скопление камней прослеживалось преимущественно на западной половине постройки, тогда как слой плотно слежавшейся светложелтой глины распространялся на восточной. В разрезе слой глины оказался неоднородным, так как представлял ряд линзообразных прослоек, перемежавшихся прослойками светлого и темного песка с включениями угля и золы. Следует полагать, что глина имела прямое отношение к постройке, так как она лежала непосредственно на досчатом полу ее и представляла бесформенные остатки развалившейся глинобитной печи.

Остатки постройки, представленные нижним венцом, открыты на глубине 0.66—0.80 м ниже репера, а досчатая слань пола этой постройки — на глубине 0.70—0.85 м.

К северу от большого сооружения, в том же горизонте открыты остатки сгоревшей жилой избы.¹ Ее размеры определились по сохранившимся обгоревшим бревнам, ограничивавшим основание постройки, и по характерному внутреннему заполнению, образовавшемуся в результате пожара. Пол постройки был досчатым; поверхность пола наблюдался слой белого кварцевого песка с включениями сильно обожженных кусков глиняной промазки и фрагментов обгоревшей бесформенной древесной массы. Не исключена возможность считать эти остатки потолочным перекрытием, а белый песок в данном случае был насыпан на потолок для утепления.

К северу от остатков сгоревшей постройки, между линиями $У_7У_{12}$ — $В_7В_{11}$ (рис. 6) раскрыты полностью основания еще 2 жилых сооружений, расположенных рядом. Оба комплекса изучались частично еще в предыдущие годы работ экспедиции.² Размеры построек обычные для типовой жилой избы горизонта d ; одна из них 5.40×4.80 м, а другая 4.20×4.20 м. В северо-восточных углах стояли печи, сложенные из булыжников. Пол в обоих комплексах не сохранился, но не исключена возможность, что он был глинобитным, так как во внутреннем заполнении венцов прослежены участки утрамбованной светлой глины.

После удаления досчатой слани большого сооружения и соседних с ним остатков оснований жилых изб (с юга и с севера), залежавших в верхнем слое горизонта d , на освободившейся площадке между линиями квадратов $П_1 П_4$ — $Ф_1 Ф_4$ при дальнейшем углублении культурного слоя открылись остатки оснований других более древних построек, принадлежащих нижнему слою горизонта d . На этом участке прослежены остатки жилого и хозяйственного сооружений, несомненно связанных друг с другом и составлявших в целом единый хозяйственный комплекс (рис. 6).

Жилая изба размером 3.60×3.40 м представляла в плане основание квадратного сруба (рис. 7), обнесенного с четырех сторон завалиной, которая была сооружена из более длинных бревен, чем жилой сруб, благодаря чему образовавшаяся площадка перед жилой частью использовалась для сеней, находившихся под общей крышей. По углам найдены остатки вертикально стоявших столбов, которые, вероятно, и поддерживали перекрытие. В целом изба с сенями имела размер 6.20×4.60 м.

При посредстве 3 настильных широких досок жилая часть этого сооружения через сени соединялась с хозяйственной постройкой, состоявшей из бревенчатого прямоугольного помоста или настила, лежавшего на 2 длинных лагах, под которые, в свою очередь, были подведены короткие чурки-лежни (рис. 7).

Размеры открытого бревенчатого настила достигали 4.00×5.60 м. Бревна настила тщательно подгонялись друг к другу, вплоть до подтесывания боковин некоторых бревен по продольной оси, а на концах каждого бревна оказались вырубленными небольшие чашеобразные выемки как снизу — для лучшей связи с нижележащими лагами, так и сверху — для закрепления поперечного бревна, лежавшего в вырубках сверху настила. Такой способ закрепления настила свидетельствует об отсутствии сруба или бревенчатых стен, ограничивавших эту постройку. Настил, вероятно, был выгорожен плетнем, а крыша покоилась на вертикальных столбах, вкопанных по углам. С западной стороны настила сохранились основания мелких кольев от частокола.

¹ Постройка открыта на площади квадратов $Т_4Т_6$ — $Ф_3Ф_6$ на глубине 0.55—0.65 м ниже репера (на рис. 3 не обозначена).

² В. И. Р а в д о н и к а с. Старая Ладога. КСИМК, XI, 1945 г.

Рис. 7. Остатки основания жилой пазы и хозяйственной пристройки (нижний слой горизонта *д*).

Длина бревен настила 3.80 м, диаметр 12—18 см, длина лаг 5.80 м, диаметр 20 см.

Настил был перекрыт бурым слоем разложившейся древесины с гумусом, включавшим местами плотно слежавшийся стойловый навоз. Над этим слоем, но под остатками вышеописанного большого сооружения были открыты в той же планировке остатки деревянной постройки также с настилом, но не бревенчатым, а досчатым. В плане постройка представляла прямоугольник размером 4.80×6.90 м. Для ее сооружения было использовано длинное бревно, ограничивавшее ниже залежавшую постройку с северной стороны, а также несколько бревен настила этой же постройки. Сохранность постройки плохая, но можно полагать, что сооружение состояло из двух помещений, разделенных внутренней стенкой. На углах сохранились чашечные врубки, а в средней части, по длинной оси постройки лежали бревна-лаги, на которые был уложен досчатый настил. Последний сохранился лишь частично, а именно на бревне, ограничивавшем комплекс с северной стороны, причем концы досок свисали на внешнюю сторону постройки. Досчатый настил, судя по сохранившимся концам, покрывал большую часть площади сооружения, тогда как на его восточной половине вместо досчатого пола лежал бревенчатый настил. Ширина сохранившихся досок — 14—16 см. Остатки этого разрушенного сооружения открыты на глубине 0.73—0.94 м ниже репера. Постройка, воспроизводя планировку более древнего сооружения, очевидно, была связана с той же жилой избой, но, однако, имела несколько большие размеры, чем первоначальная. Назначение постройки не определено; следует полагать, что она также использовалась для хозяйственных целей.

Из приведенных здесь описаний можно видеть, что в выделенном горизонте δ прослеживаются наслаивающиеся друг на друга разновременные комплексы. Этот факт свидетельствует о наличии в горизонте δ ряда строительных периодов, отразившихся в смене построек: на месте одного разрушившегося строения возводилось новое, по традиции повторявшее ту же планировку, нередко с сохранением размеров предшествующей постройки.

Подобное наслаивание сооружений горизонта δ прослежено также на соседнем (к северу) участке, ограниченном линиями квадратов T_4T_7 (с запада) и $B_3—B_6$ (с востока). На этой площади, после удаления ранее упомянутой постройки, разрушившейся от пожара, были открыты основания, как нам удалось установить, еще 3 построек, расположенных одна над другой, в слое толщиной не более 25—30 см. В раскопках 1940 г., одна из них, самая нижняя (постройка с пнем) была частично открыта и занесена на общий план остатков деревянных сооружений горизонта δ (к западу от линии B_3B_6 , рис. 6). Раскопками 1948 г. вскрыта вся оставшаяся неисследованной площадь постройки. На рис. 8 показаны в плане все остатки бревен, принадлежавших, как это выяснилось, 3 комплексам, и затем в отдельности показаны бревна каждого из них.

Нижняя постройка, обозначенная на плане буквой B (рис. 8), залегала в основании этих 3 комплексов. Она представлена остатками нижнего венца сруба, в плане квадратной формы, размером 4×4 м. Венец сруба с внешней стороны вокруг обнесен более длинными бревнами, служившими основанием завалины. Длина их 4—4.50 м, диаметр 18—21 см. Углы завалины, как и у всех ранее открытых построек, не врублены, а положены в притык. С северной стороны, рядом с бревном завалины лежали еще 3 бревна такой же длины. С восточной стороны (у юго-восточного угла завалины) в раскопках 1940 г. обнаружен пень (пикет A_3) и такие же пни с обрубленными концами найдены у северо-восточного

угла и с южной стороны завалины. Все бревна этой постройки залегали на уровне 0.69—0.82 м ниже репера.

Вторая (средняя) постройка, обозначенная на плане буквой *Б* (рис. 8), залегала непосредственно на бревнах постройки *В*, перекрывая главным образом ее западную половину. Она имеет в плане прямоугольные очертания размером 5.40 × 4.00 м. Сохранились углы и развал каменной печи, занимавшей северо-восточный угол постройки. Печь была

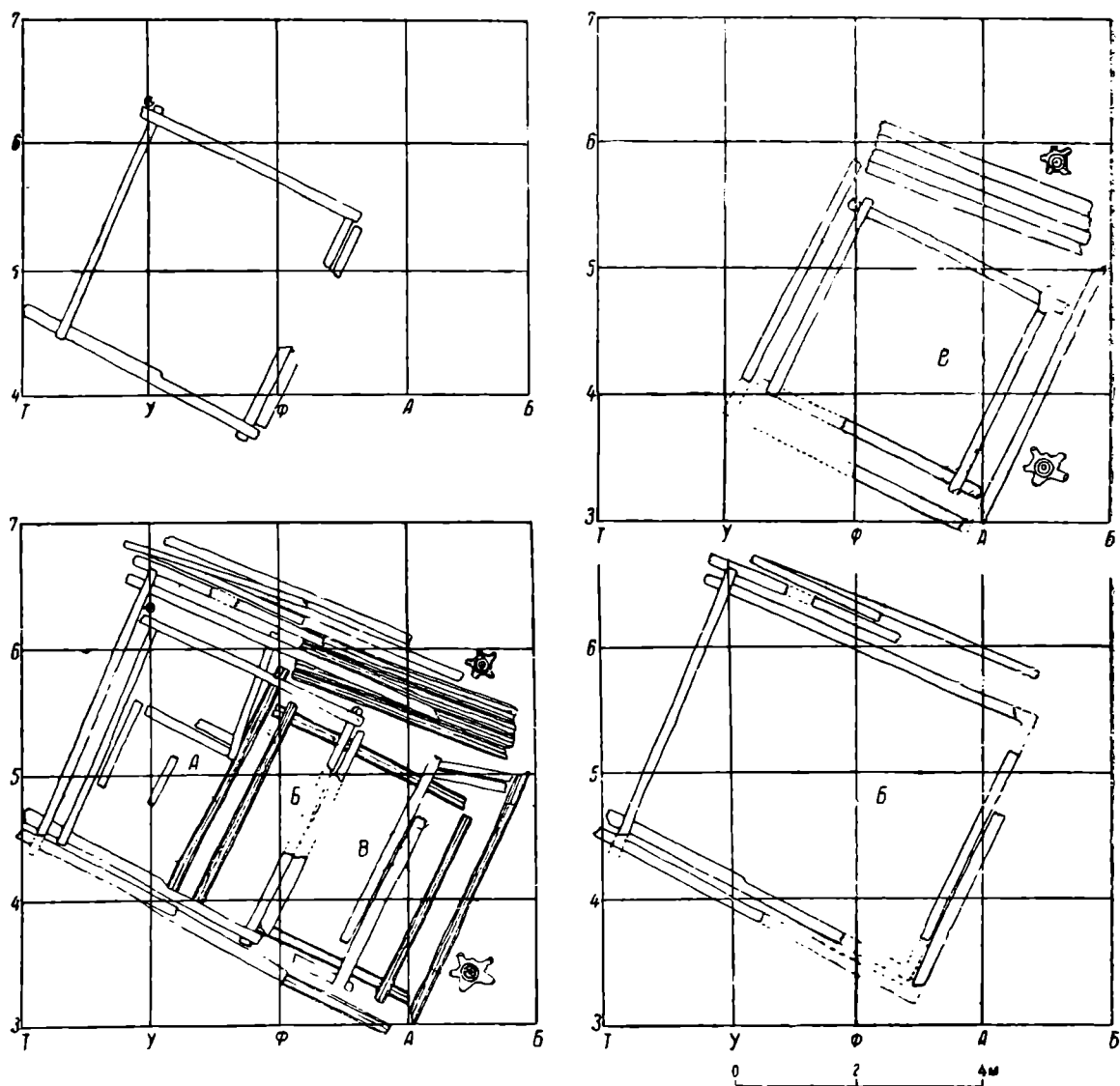

Рис. 8. Схема расчленения нескольких построек, залегавших в одном плане одна над другой (горизонт *д*).

выложена на деревянном помосте. Постройка в сохранившемся своем основании залегала на глубине 0.76—0.78 м ниже репера.

Наконец, третья (верхняя) постройка (рис. 8), перекрывавшая остатки 2 вышеописанных комплексов, представлена также бревнами, ограничивавшими основание, или, точнее, первый нижний венец квадратного сруба размером 4.50 × 4.30 м. Глубина залегания остатков этого венца 0.68—0.75 м ниже репера. Бревна сохранились значительно хуже, чем бревна нижних построек. Наиболее ясно прослежены северо-восточный, северо-западный и юго-восточный углы оставшегося венца. Под бревнами на углах лежали камни-подкладки.

Стратиграфия 3 вышеописанных комплексов оказалась усложненной еще дополнительными более поздними нарушениями, как, например, наличием большой ямы, вырытой на месте древних построек (к северу от $\Phi_4 A_4$).

На дне ямы стояли 2 больших глиняных горшка, а еще ниже найден железный сошник. Кроме того, на площади древних построек обнаружено позднехристианское погребение (к северу от линии $У_6 \Phi_8$). Могильная яма прорезала всю толщу культурного слоя от дневной поверхности, но не нарушила дерево горизонта δ . Бревна, составлявшие остатки 3 построек, лежали согласованно на всем вскрытом участке, не перекрывая соседних комплексов, остатки которых открыты с севера, с юга и с запада этих сооружений.

В основании построек, открытых в северном участке раскопа 1948 г., между линиями $У_6 У_{11}—B_6 B_{11}$, прослежены отдельные бревна более древних комплексов, залегающих еще ниже, но в том же, как это можно пока предполагать до дальнейшего изучения, горизонте δ .

При изучении вышеописанных остатков сооружений горизонта δ были выявлены новые данные, характеризующие некоторые строительные приемы, применявшиеся ладожанами. В частности, обращает на себя внимание досчатый помост, соединявший хозяйственную и жилую части дома (рис. 6 и 8, к востоку от линии $T_0 T_2$). Одна из этих досок имела вдоль всего края многочисленные сквозные отверстия, в большинстве случаев одного диаметра, очевидно, просверленные с помощью бурава; отверстия расположены на равном расстоянии друг от друга. На соседней доске такие же отверстия были сделаны в средней части, но в меньшем количестве. Широкие тесаные доски с просверленными отверстиями вряд ли могли здесь иметь какое-то особое конструктивное значение. Это доски вторичного использования. Первоначально же они, возможно, были использованы для ворот, при устройстве которых требовалось скрепление досок с рамой при помощи деревянных болтов.

В другом случае, под лагами бревенчатого настила, среди коротких чурок-лежней найдено несколько бревен такой же примерно длины, с «вилкообразными выемками» на концах. Такие бревна с выемками широко используются и в современной строительной технике для скрепления вертикально стоящего бревна или столба с положенной в эту выемку балкой, образующей в месте их соединения «замок». Здесь же они имели назначение лежней или подкладок под углы постройки. Несомненно, эти столбы также вторичного использования. Не исключена возможность, что первоначально они служили стояками или устоями, на которых могла удерживаться крыша постройки (рис. 18, 3).

Итак, раскрытый комплекс представляет собой отдельную хозяйственную ячейку. Планировка этого комплекса и строительные приемы возведенных соседних с ним построек выступают довольно ясно. Совокупность таких хозяйственных ячеек, как это вырисовывается на основании произведенных многолетних раскопок этого участка, повидимому, составляла древний уличный ряд.

Возводившиеся деревянные сооружения разрушались от времени или стихийных пожаров, выжигавших не только отдельные постройки, но и большие участки города IX—X вв. Следы таких пожаров неоднократно прослеживались в раскопках во всех горизонтах культурных отложений древней Ладogi. В частности, отметим следы пожара на вышеупомянутой постройке с бревенчатым настилом, на котором прослежены корытообразные выжженные углубления, а также крупные головешки и обгоревшие доски, от рухнувшего на настил перекрытия. Жилая изба

этого комплекса не имела следов воздействия огня, хотя она и находилась всего лишь в 2 м от хозяйственной пристройки.

В юго-восточном секторе раскопа 1948 г. на площади квадратов, заключенных между линиями $T_I T_V - A_{II} A_{VI}$, открыты остатки жилой

Рис. 9. Остатки деревянной мостовой, открытой на участке раскопа 1948 г.

избы (рис. 6). Восточная часть постройки была изучена Н. И. Репниковым в раскопках 1911—1913 гг.,¹ а западная частично была открыта исследованиями 1945 г.; однако в целом ее планировка осталась невыясненной, так как над ней была обнаружена часть остатков небольшого

¹ Н. И. Репников. Старая Ладога. Изд. Гос. Музея этнографии, 1948.

хозяйственного сооружения, исследование которого оказалось возможным завершить лишь в 1948 г.¹

Из сопоставления данных чертежей Н. И. Репникова и наших наблюдений, касающихся западной части постройки, можно полагать, что она имела прямоугольную форму размером около 9 м по северной стороне и 4.80 м по западной. От нее сохранилось лишь основание на 1 венец. С западной стороны жилой избы пристроены узкие сени (шириной 1 м). У южной стороны, внутри ее, прослежено небольшое скопление валунов, принадлежавших, очевидно, развалу печи. Пол избы и сеней забран подтесанными сверху слегами и досками. С западной стороны и частично с севера ($C_{IV} T_{III} Y_{II} \Phi_{II}$) открыты длинные бревна, которыми образован угол какого-то сооружения возле постройки. Возможно, этими бревнами ограждался навес, примыкавший к жилой постройке, или точнее, к ее сеням. Между бревнами ограждения и западным венцом найдены основания 3 вертикальных столбов, обложенных камнями. Бревна, входившие в состав ограждения, укреплены по сторонам вертикально вбитыми кольями.

III. Остатки мостовой горизонта δ

В раскопках 1948 г. были открыты остатки деревянной уличной мостовой на участке длиной в 21 м вдоль западной стенки раскопа на квадратах $M_{VIII} O_{VIII} - M_2 O_2$ (рис. 3 и 9). Мостовая состояла из длинных бревен, уложенных одно возле другого вдоль оси дороги на ширину в 1.30—1.40 м. Бревна мостовой лежали в слое черного аморфного гумуса на глубине 0.70—0.95 м ниже репера. Среди них находились тесаные доски нередко с просверленными отверстиями. Длина бревен 3—6 м при диаметре 18—20 см. На некоторых из них наблюдалась подтеска сверху. Кроме продольно уложенных бревен, на месте мостовой обнаружены участками остатки поперечного, возможно, более древнего настила мостовой (к востоку от линии $M_V M_{III}$). Для сооружения уличной мостовой материалом служили случайные строительные отходы, а иногда и части каких-то деталей от крупных деревянных предметов не всегда понятного для нас конструктивного назначения, использовавшихся за непригодностью их как при сооружении, так и при производившихся в дальнейшем частых ремонтах мостовой. Бревна мостовой несут следы изношенности, в частности бревно большого диаметра, лежавшее на краю мостовой (к востоку от линии $H_0 H_3$), имело явно выраженный продольный жолоб, образовавшийся, очевидно, в результате частых проездов по нему колесами. Бревна на мостовой укладывались своими торцами в притык друг к другу, а в некоторых случаях одно над другим.

В одном участке мостовой, на площади квадратов, заключенных между линиями $M_{VI} M_{VIII} - O_{VI} O_{VIII}$, прослежены остатки боковой платформы, служившей, вероятно, для разезда. Она сооружена из ряда длинных бревен, лежавших под углом к мостовой на тонких поперечных

¹ Верхняя небольшая постройка занимала площадь квадратов $\Phi_V \Phi_{VI} - Y_V Y_{VI}$. Она сохранилась в основании на 1 венец и лишь на южной стороне — на 2 венца. Постройка представляла квадратный сруб размером 3.30 × 3.20 м, лежавший на глубине 0.54—0.64 м ниже репера, в слое черного гумуса, заключавшего в себе находки керамики, сделанной на гончарном круге и резе лепной. Углы постройки рублены в «обло». Внутри постройки открыты остатки досчатого настила, на поверхности которого лежала ровным слоем подсыпка белого кварцевого песку толщиной 5—6 см. Доски пола (в количестве 9 штук) пригнаны друг к другу, а концы их плотно подогнаны к восточной и западной сторонам нижнего венца постройки, для чего они были слегка подтесаны на торцах. Длина досок 2.95 м, ширина 30—35 см.

подкладках-жердях. Остатки этого сооружения, а также и мостовой, были перекрыты слоем разложившейся бурой древесины с включениями навоза, а ниже, под бревнами мостовой и платформы, слой содержал только навоз, причем стойлового происхождения.

Под платформой обнаружены остатки пешеходных мостков, соединявшихся здесь с уличной мостовой в более раннее время, предшествовавшее сооружению упомянутой платформы.

IV. Пешеходные мостки

От пешеходных мостков на протяжении не менее 20 м сохранились лишь поперечные подкладки, продольные же доски, налегавшие на них, отсутствовали.

Бруски и лежни от мостков правильно чередовались по одной линии $O_{VI}P_{V}P_{IV}C_{III}T_{II}У_I\Phi_0A_1$ на глубине 0.75—1.25 м ниже репера, в направлении от уличной мостовой к задворкам построек (рис. 6 и 10). На каждом бруске, на подтесанной поверхности имелось 2—4 и более сквозных отверстия, очевидно, служивших для скрепления брусков с досками. Концы брусков в большинстве оказались небрежно обрубленными, а некоторые из них сохраняли обтесанную корневую часть дерева, воспроизводящую по форме одну из деталей ладьи — кокору (шпангоут). Из этого факта следует полагать, что сюда для сооружения пешеходных мостков были принесены и уложены на специальные чурки отрубленные части борта большой ладьи или корабля, вместе с прикрепленными к доскам кокорами (шпангоутами). Доски не сохранились, но на глубине 0.95 м ниже репера в районе пешеходных мостков (к востоку от линии O_1O_{IV}) была найдена одна тесаная доска; она достигала длины 5 м при ширине в 50 см и имела по обоим краям многочисленные сквозные отверстия (по одному краю 17 отверстий и по другому 15) точно такого же диаметра, как и на кокорах, с оставшимися в отверстиях деревянными гвоздями для скрепления. Расположение отверстий на равном расстоянии друг против друга и наблюдающаяся легкая искривленность края доски, а также следы стертости на одной из ее поверхностей, — являются признаками использования этой доски для большой ладьи или корабля.

Из совокупности произведенных наблюдений напрашивается вывод, что доски и кокоры могли принадлежать остаткам речного плоскодонного судна солидных размеров, возможно приспособленного к озерным маршрутам; для точного представления об его устройстве мы не располагаем достаточными материалами, так как пока в раскопках 1948 г. найдены лишь отдельные элементы судна.

В итоге изучения в 1948 г. остатков деревянных построек горизонта δ мы смогли внести значительные дополнения к общей планировке домостроительства древней улицы ремесленного города Ладogi IX—X вв., выяснившейся еще в предыдущие годы работ. Только в одном этом горизонте Староладожской экспедицией за все предшествующие годы раскопок открыто свыше 15 жилых и хозяйственных построек (рис. 11).

Постройки примыкали одна к другой и располагались в два ряда на значительном участке, будучи обращенными задворками друг к другу. К фасадам одного ряда, как это устанавливается раскопками 1948 г., примыкала уличная мостовая. Пешеходные мостки соединяли мостовую с общими «мостами» или настилами, покрывавшими свободные участки в задворочной части, между рядами построек.

Определились типы жилищ IX—X вв., оказавшиеся в своем устройстве и планировке близкими по форме к современным типам северных жилых изб. Срубы жилой части избы имели квадратную форму, со сторонами

4×4 м, реже прямоугольную форму размером 4×7 м. Часть построек имела сени, пристраивавшиеся обычно к задней стене жилой избы, или хозяйственные навесы, соединявшиеся с жилой избой, как это можно

Рис. 10. Участок с остатками брусков и лежней от пешеходных мостков (горизонт δ).

было видеть из материалов и наблюдений раскопок 1948 г. Пол жилых, а в некоторых случаях и хозяйственных построек застилался широкими тесаными досками или слегами, уложенными на поперечные бревна-лаги. Кроме деревянных, сооружались земляные, глинобитные полы. Каждая жилая изба внутри содержала печь-каменку, занимавшую один из углов

у ее входа. Печи складывались из булыжников. В нескольких случаях, вокруг жилища прослежены в основании срубов завалины из бревен, выгораживавших основание постройки с целью утепления жилища. Для строительства, как уже отмечалось и в прежних раскопках, использовались главным образом ель и сосна. Бревна, толщиной от 10 до 20 см, рубились во всех случаях топорами, без применения пилы. Очистка бревен от коры и подгонка их в сруб, вероятно, производилась на месте сооружения построек, так как строительная щепка и кора, слежавшиеся в мощные пласты, обнаружены в культурных напластованиях повсюду возле построек.

V. Остатки построек горизонта e_2

Под остатками построек горизонта δ лежали основания более древних построек, открытых раскопками 1947 г. и прошлыми раскопками Н. И. Репникова (1911—1913). Вся нижняя толща культурных напластований по данным раскопок 1947 г. названа «толщей e » и расчленена в свою очередь на 3 горизонта, обозначенных условно: e_1 , e_2 , e_3 .

В 1948 г. экспедиция из-за недостатка времени не могла организовать в полной мере изучение остатков толщи e на всей вскрытой площади раскопа и поэтому ограничилась частичным вскрытием культурного слоя ниже остатков горизонта δ лишь в центральной части раскопа 1948 г., на участке в 170 кв. м, смежном с площадью раскопа 1947 г.

Никаких строительных комплексов горизонта e_1 на этом участке не обнаружено.¹ Вскрытые же здесь основания двух построек и настила из массивных бревен стратиграфически принадлежат к более древнему горизонту — e_2 (рис. 12).

Обе постройки хозяйственного назначения, о чем можно судить пока предварительно, так как окончательная их расчистка и разборка в 1948 г. оставалась незаконченной. Постройки представляют остатки оснований квадратных в плане срубов, расположенных один возле другого (рис. 13). Их разделял узкий проход шириной не более 1 м. Слой, лежавший вокруг построек и над их бревнами, носит ярко выраженные следы большого пожара, прослеженного на всех строительных остатках, открытых прошлыми раскопками. Такого же рода наблюдения были сделаны Н. И. Репниковым при изучении остатков построек II яруса, соответствующего нашему горизонту e_2 . На основании этого признака, отмеченного В. И. Равдоникасом, можно вполне уверенно утверждать, что все открытые строительные комплексы горизонта e_2 абсолютно синхронны.

Одна из построек, открытая между линиями квадратов $P_0P_2-U_1U_2$ (рис. 12) на глубине 1.10—1.25 м ниже репера, имела размеры 5.25×5.75 м. От нее сохранились бревна нижнего венца сруба по 3 сторонам; четвертая же, северная сторона, ограничена бревном-подкладкой, лежавшим под первым (нижним) бревном венца. Толщина бревен, ограничивающих основание сруба, неодинакова. Так, восточное бревно постройки длиной 5.80 м у южного конца имеет диаметр 36 см, а у северного, образующего северо-восточный угол, диаметр равен 26 см. На северном конце бревна у пикета U_2 сделана боковая выемка, возле которой забит

¹ Возможно, к горизонту e_1 должны относиться 2 длинных бревна, открытых под постройкой горизонта δ на глубине 1.05—1.10 м ниже репера к северу от линии $П_1Т_1$. Оба бревна принадлежали остаткам какой-то постройки, о чем свидетельствует правильное параллельное положение их друг к другу и одинаковый размер как по длине, равной 5.35 м, так и по диаметру, достигавшему 23—25 см. Никаких следов воздействия огня бревна не имели, и залегали они в иной планировке, чем остатки верхней и нижележащей постройки.

вертикальный столб, отесанный на 7 граней. Близ столба забиты два кола диаметром в 4 и 7 см. На другом конце этого бревна сделана вырубка для угла, но не чашеобразная, а в виде длинного скола, на плоскую поверхность которого положен конец южного ограничительного бревна постройки, образующего юго-восточный угол. Восточное бревно венца укреплено с внешней стороны 4 вертикально забитыми колами.

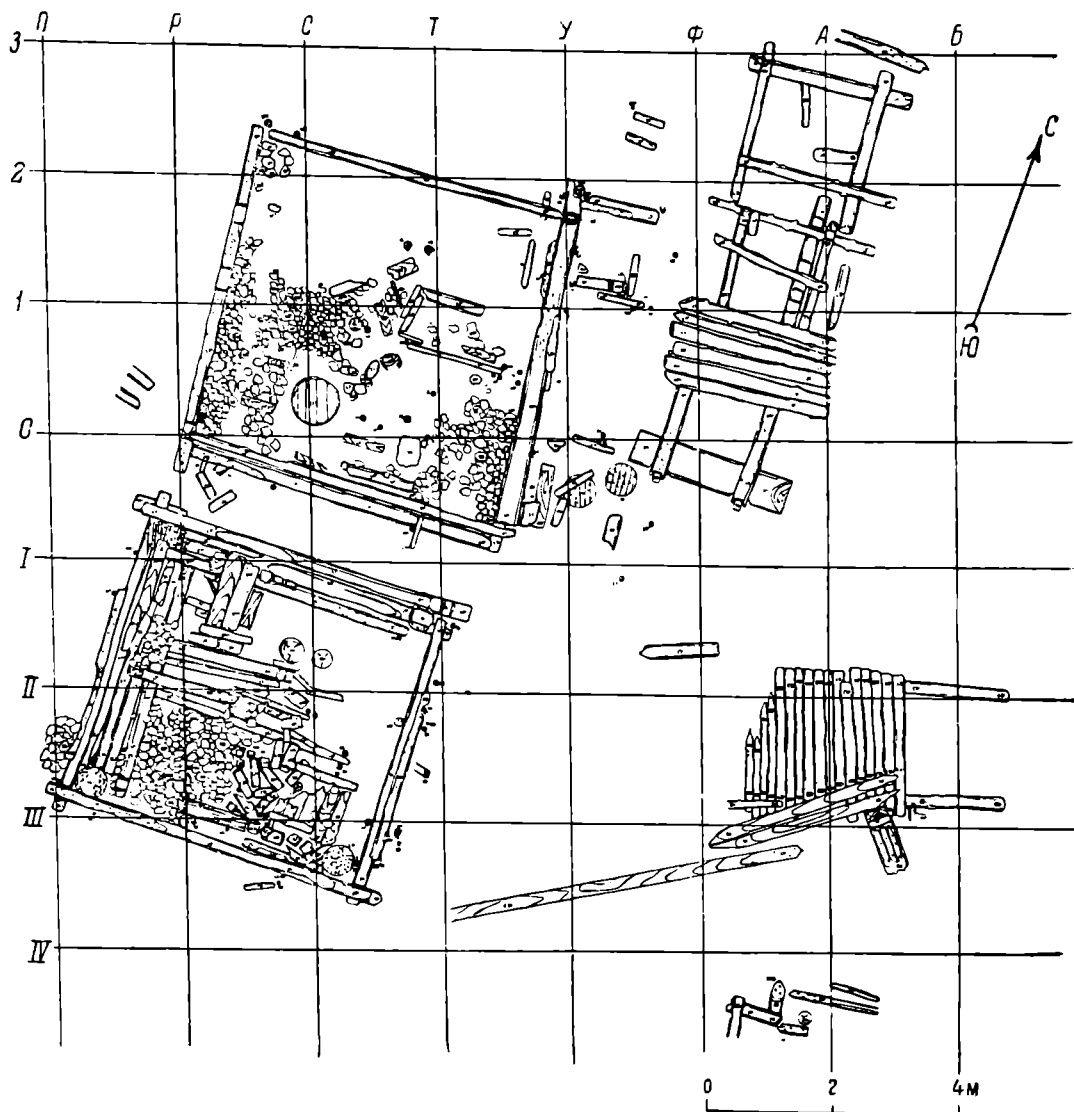

Рис. 12. План остатков деревянных сооружений (горизонт e_2), открытых в 1948 г.

С внешней стороны, у северо-восточного угла постройки (пикет $У_1$) в притык к ней лежат короткие бревна-чурки диаметром 13 и 19 см, использованные в качестве лаг для настила мостка перед ее входом.

Длина бревна, ограничивающего венец сруба с северной стороны, 4.75 м, диаметр 13 см. Один конец бревна не сохранился. На месте северо-западного угла стоял толстый вертикальный кол диаметром 8 см.

Длина западного ограничительного бревна венца 5.65 м, диаметр 20 см. Верхняя его поверхность открыта на глубине 1.25—1.38 м ниже репера. На бревне прослежены выжженные корытообразные углубления, образовавшиеся от пожара, и 3 специальные вырубki длиной 25, 28 и 37 см, с прямыми почти вертикальными стенками. Одна из вырубок

служила для связи юго-западного угла постройки, назначение же 2 вырубков, сделанных на середине бревна, — не ясно; вероятно это бревно вторичного использования.

Бревно, ограничивающее венеч с южной стороны, достигает длины 5.25 м, диаметр его 14—16 см; второе бревно, лежащее параллельно первому, имеет длину 4.80 м, диаметр 21—22 см, причем с внешней стороны оно укреплено 5 вертикально вбитыми кольями.

Внутри постройки, преимущественно на ее южной половине, открыт развал булыжников, как бы выстилавших пол постройки. Размер камней в среднем 10—20 см. Среди камней в юго-восточном углу наблюдались включения светложелтой глины. В центре открыты остатки долбленой

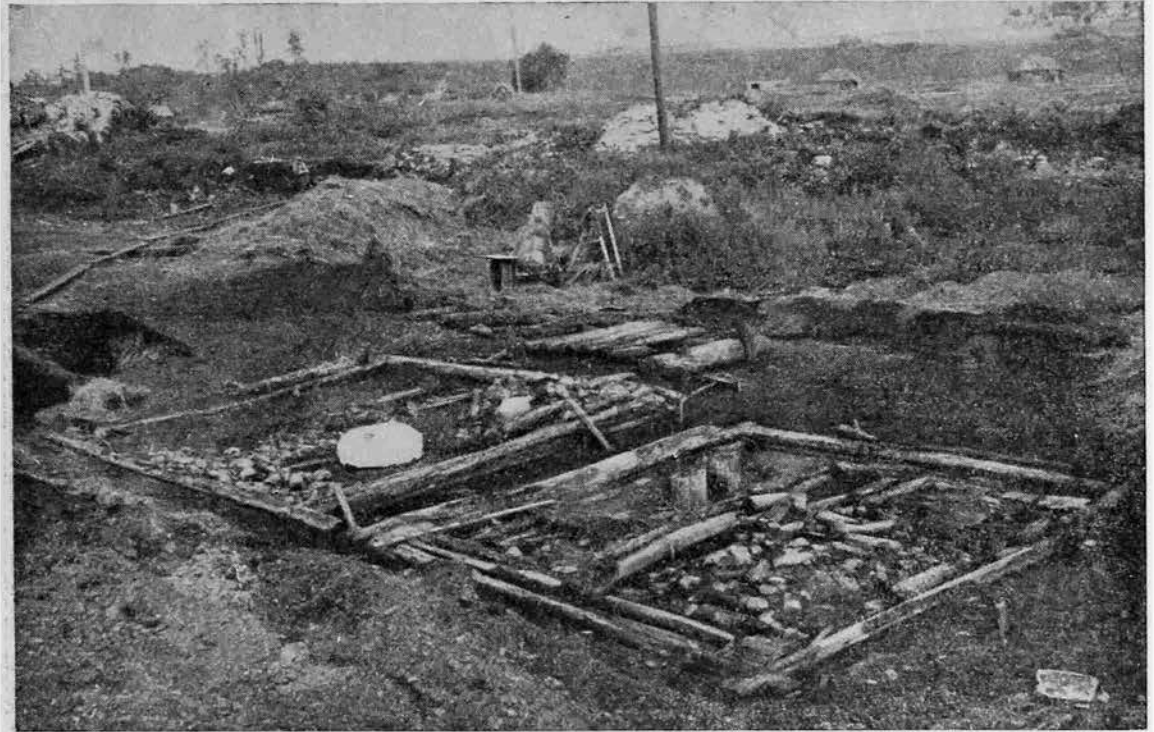

Рис. 13. Основания двух хозяйственных построек, открытых в 1948 г. (горизонт ϵ_2).

деревянной бочки диаметром 66 см, сохранившейся в нижней части на 15—20 см, так как она, очевидно, была заполнена водой. Толщина стенок бочки 2.5 см. Дно вставное, досчатое.

Остатки постройки, находящейся к югу от вышеописанной, открыты на площади квадратов, заключенных между линиями $II_{IV}II_1-T_{IV}T_1$ (рис. 12) на глубине 1.05—1.30 м ниже репера. Сохранилось основание в виде квадратного сруба размером 5.20×5.20 м. Углы рублены в «обло», с чашеобразными выемками на концах бревен. Не сохранился северо-восточный угол, юго-восточный имеет 2 венца. Постройка носит явные следы пожара, о чем свидетельствуют имеющиеся выжженные корытообразные углубления в бревнах, ограничивающих сруб, а также сильно обгоревшие участки досчатого пола, закрывавшего всю внутреннюю площадь постройки.

Размеры бревен, ограничивающих основание сруба: с южной стороны — длина 5.35 м, диаметр 18 см; с западной стороны — длина 5.25 м, диаметр 20 см; с северной стороны — длина 4.72 м, диаметр 16 см; с восточной стороны — длина 4.80 м, диаметр 16 см. Ширина досок, выстилавших пол, 20—25 см. На южной половине постройки открыт развал

камней в виде плотного скопления булыжников размером от 10 до 20 см, часть же скопления камней открыта у юго-западного угла с внешней стороны венца. Внутри постройки, в углах, лежали крупные берестяные круги диаметром 50 см, служившие поддонами бочек.

При расчистке восточной стороны сруба выяснилось, что постройка сооружена на остатках еще более древнего комплекса, имевшего такую же планировку, хотя углы их не совпадали, так как основание нижнего сруба было несколько меньшего размера¹ (рис. 14). Этот факт свидетельствует о частичном использовании бревенчатого основания нижнего

Рис. 14. Основания венцов построек из горизонта e_2 .

комплекса вскоре после его разрушения, но некоторые бревна верхней постройки и целый ряд коротких чурок, лежавших на уровне пола и несколько ниже его, не были конструктивно связанными с ней. Следует полагать, что и основания 2 вертикальных столбов крупного диаметра, стоявших друг возле друга внутри сооружения на линии $(C_{II}C_I)$, не имеют отношения к этой постройке. Столбы обозначались в раскопках с глубины 1.02 м ниже репера. Они, вероятно, были вкопаны после разрушения двух вышеописанных комплексов этого горизонта, когда на месте их был устроен большой скотный двор, возможно, открытого типа, что подтверждается тем, что над обоими основаниями срубов залегал слой навоза с включениями щепы, соломы, а также найденными в районе столбов обрывками лыковых веревок, употреблявшихся для привязи

¹ По нашим наблюдениям основание нижней постройки представляет собою квадрат со стороной 4.40 м.

скота. Не исключена возможность использования оставшихся после пожара бревенчатых оснований срубов для устройства ограды двора, так как об этом свидетельствует факт наличия вертикально забитых кольев по длинным сторонам бревен. Такие же кольца отмечены и внутри построек.

К числу своеобразных хозяйственных комплексов следует отнести остатки бревенчатого настила, обнаруженного к востоку от линии $\Phi_0\Phi_3$ (рис. 12) на глубине 1.00—1.30 м ниже репера, полностью еще не раскрытого раскопками 1948 г., в связи с чем окончательное представление о его назначении, вероятно, выяснится лишь при дальнейших работах.

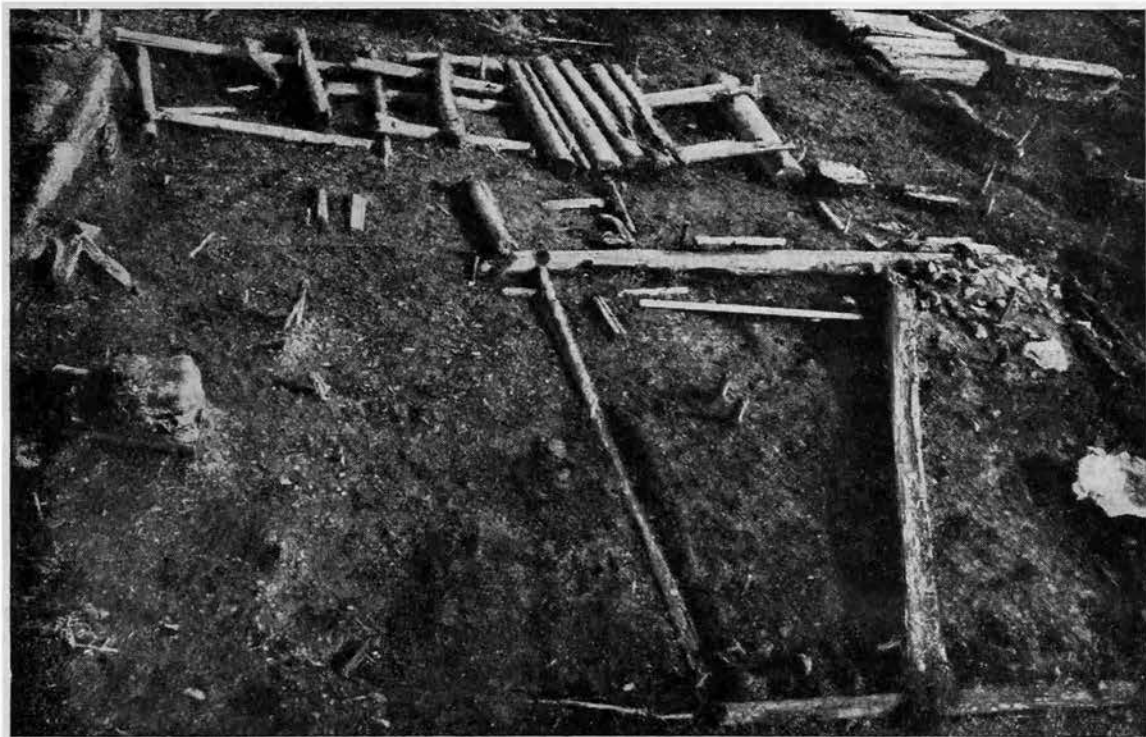

Рис. 15. Остатки сооружения из массивных бревен (горизонт e_2).

В кратком описании отметим лишь самые существенные детали его устройства. Настил устроен из массивных бревен, лежавших на продольных лагах, укрепленных на концах в вертикально поставленные упоры (рис. 15). Все сооружение в открытой части имеет в плане форму вытянутого прямоугольника длиной, в среднем, 7.25 м, шириной 2.45—2.70 м. Сверху оно было прикрыто толстым слоем строительной щепы, после удаления которой выяснилось, что все бревна, входившие в состав сооружения, имели сохранившуюся кору хвойных деревьев, преимущественно ели. Бревна настила и лаги имели местами выжженные углубления корытообразной формы, образовавшиеся в результате большого пожара, следы которого отразились также повсюду в слое, залегавшем ниже уровня верхней поверхности настила. Слой содержал древесную щепу, местами представлявшую плотную угольную массу толщиной до 15 см.

Начало описываемого сооружения открыто к северу от линии $У_1А_1$ (рис. 12), где находилось первое бревно, имевшее один прямой срубленный конец и противоположный с двухсторонней затеской. Длина бревна 2.45 м, диаметр на одном конце 38 см, на другом — 45 см. На боковой

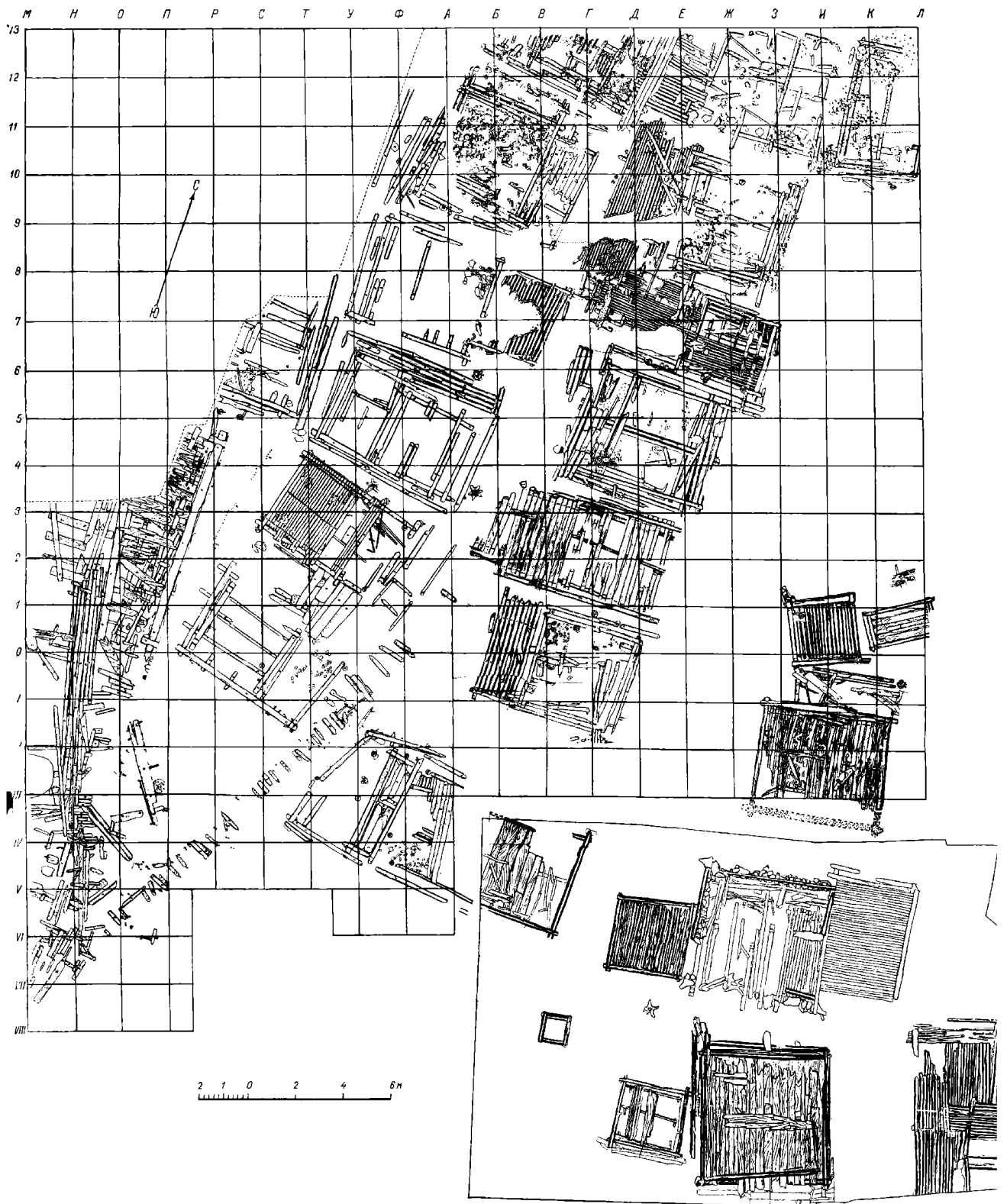

Рис. 11. Сводный план синхронных построек из горизонта *д* на участках раскопа 1911—1913 гг. и 1938—1948 гг.
 В правом нижнем углу рисунка площадь раскопа Н. И. Репникова без обозначения квадратной сетки.

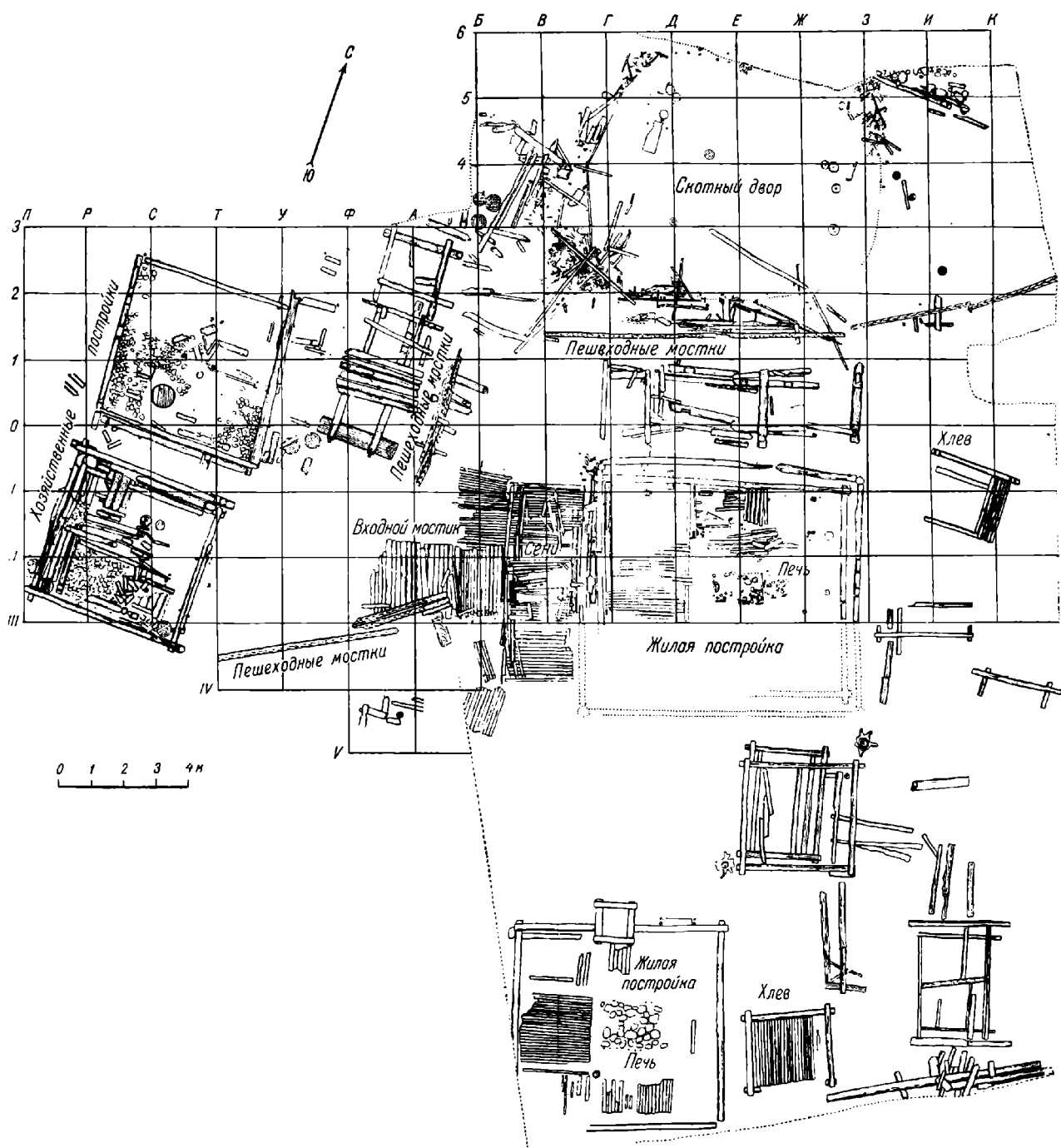

Рис. 16. Сводный план деревянных сооружений из горизонта e_2 по данным раскопок 1911—1913 гг. и 1947—1948 гг.
 В правом нижнем углу рисунка показана площадь раскопа Н. И. Репникова без обозначения квадратной сетки.

ших построек, принадлежавших населению ремесленного города ЛадогИ IX—X вв.

Жилые постройки горизонта e_2 , так же, как и нижние комплексы горизонта e_3 , залегавшие в основании культурных напластований ЛадогИ, отличаются прежде всего своими большими размерами, превосходящими по площади верхние постройки IX—X вв. не менее чем в 3 раза. Жилая изба, открытая в 1947 г., имела большие, закрытые со всех сторон, бревенчатые сени, пристроенные в притык к западной стороне. Пол сеней бревенчатый. Перед входом в сени сооружен бревенчатый мостик длиной 4 м при ширине в 2.40 м. Жилая часть постройки вокруг обнесена в основании завалиной. Печь помещалась в центре избы, а не в углу при входе, как это можно было наблюдать в постройках горизонта d . Во второй жилой избе, представлявшей остатки крупного сооружения, как отмечает Н. И. Репников,¹ печь помещалась также в центре. В обеих постройках печи, размером 1×1.5 м, сложены из крупных валунов и в основании укреплены бревнами и обставлены кольями. В жилой избе, открытой в раскопках 1947 г., были обнаружены невысокие обрубленные столбики, вкопанные в земляной пол. Столбики имели правильное взаимное расположение, что и позволило высказать мысль об использовании их для устройства скамеек и нар вдоль стен вокруг печи.² Внутри избы были выделены помещения для хозяйственных целей.

Возле дома размещался большой скотный двор, выгороженный вертикальным плетнем и, возможно, перекрытый крышей, удерживавшейся на вертикально врытых в землю столбах, остатки которых были найдены в разных местах двора. Внутри его залегал по всей площади мощный пласт стойлового навоза, сохранившего несмотря на тысячелетнюю давность свой натуральный цвет и даже запах.

От входного преддверия жилой избы до входа в скотный двор, а также и в других направлениях, были устроены узкие пешеходные мостки из 2—3 подтесанных сверху слег, положенных в одну линию на специальные поперечные подкладки или обрубки бревен. Мостки носят следы неоднократного ремонта, что свидетельствует о заботливости в деле благоустройства ладожанами своих приусадебных участков.

Кроме 2 хозяйственных построек, обнаруженных в 1948 г. и описанных выше, следует указать на остатки небольшого утепленного хлева, открытого в 1947 г. у восточной стороны жилой постройки. Такие же остатки хозяйственной постройки, с пнями по углам, и утепленного хлева были изучены в раскопках Н. И. Репникова с восточной стороны основания жилой избы, открытой им у западного края раскопа. Какие сооружения окружают эту жилую постройку с западной стороны — пока не известно, так как участок городища в этом направлении еще не подвергался раскопкам. Размеры жилых построек горизонта e_2 и намечившаяся планировка хозяйственных сооружений, окружающих эти постройки, с выделенными, но близко расположенными дворами как малыми утепленными типа хлева (для мелкого скота), так и большими, обнесенными плетневыми ограждениями, несомненно являются существенными признаками принадлежности такого рода усадеб большим семьям, состоявшим из гораздо большего числа членов, чем скажем, семья ремесленника IX—X вв., помещавшаяся, как мы видели, в небольших четырехстенных избах. Большая семья в Ладогe VII—VIII вв. является пережитком патриархально-родовых отношений, возникновение и расцвет которых падает на более раннее время. Однако собранный материал является

¹ Н. И. Репников, ук. соч., стр. 39.

² В. И. Равдоникас. Старая Ладогa. СА, XII.

яркой иллюстрацией жизни обособленных крестьянских большесемейных коллективов, хозяйственная деятельность которых проявлялась прежде всего в обработке земельных угодий, в разведении крупного и мелкого рогатого скота, а также в рыболовстве, игравшем, вероятно, далеко немаловажную роль в повседневных их занятиях.

Земледелие было пашенным, о чем свидетельствуют неоднократно найденные железные сошники в культурных отложениях Ладоги как из слоев с постройками горизонта δ IX—X вв., так и из самого нижнего горизонта e_3 VII—VIII вв. В массовом количестве найдены зерна проса, реже — ячменя и конопли. Вовсе не найдены пока в раскопках остатки ржи и пшеницы, из чего можно заключить о значении проса в хозяйстве ладожан как основной зерновой культуры.

Обрывки холщевой и шерстяной ткани, а также деревянные орудия типа трепалок, служивших для обработки волокна, и, наконец, найденные в 1947—1948 гг. в слоях горизонта e_2 мелкие детали ткацкого стана свидетельствуют о местной выработке ткани. Сырьем для пряжи служили шерсть и волокно конопли, выращиваемой древним населением Ладоги.

Многочисленные находки костей домашних животных в слоях толщи e являются ярким показателем значения скотоводства. Крупный и мелкий скот содержался в специальных хлевах и дворах, размеры которых свидетельствуют о большом поголовье, принадлежащем одной семье. Размеры двора из горизонта e_2 достигали 60 кв. м, тогда как двор ремесленника IX—X в. имел всего лишь 10—12 кв. м. Внутри двора в мощных пластах стойлового навоза найдены кольца с обрывками лыковых веревок, использовавшихся для привязи скота. Очевидно в зимнее время мелкий скот помещался в крытых утепленных хлевах с деревянным настилом в основании.

Особые условия почвы на раскопанном участке: присутствие постоянной влажности и содержание в культурных отложениях мощных пластов навоза, — способствовали сохранению не только бревен построек, но и многих бытовых предметов и орудий, сделанных ладожанами из различных материалов.

Кроме основной массы находок в отложениях горизонта e_2 , представленных многочисленными обломками больших и малых горшков, вылепленных вручную, без применения гончарного круга, из грубо промытой глины с дресвой, найдена деревянная посуда, представленная обломками чаш, ковшей и ложек (рис. 17, 3, 5, 9), большими и малыми поддонами берестяных ведер и бочек, диаметром от 10 до 50 см. В 1948 г. найдена, как уже указывалось, долбленая бочка с вставным досчатом дном, диаметром 65 см, а также отдельные клепки от кадушек, скреплявшихся по кругу деревянными обручами. Для ведер и легких ушатов выгибались из дерева дужки с зарубками на концах (рис. 18, 8) и устраивались досчатые крышки с желобками посередине и боковыми выемками для петель дужки.

Найденные в 1947—1948 гг. дубовые полозы саней представляли часть выгнутого бруска, затесанного на изгибе и утолщавшегося в прямой своей части, которая в сечении имела трехгранную форму, с выдолбленным в ней прямоугольным сквозным отверстием, служившим для укрепления стояка (рис. 18, 2). Задняя часть полоза обгорела при пожаре. Сохранившаяся часть (длиной 1.30 м) составляет, судя по расположению отверстия, лишь половину всего полоза. Ширина бруска полоза (в усохшем состоянии) равна 8 см. Длина отверстия для стояка 6.5 см, ширина 1.5 см. Из крупных предметов, найденных в толще e , следует отметить долбленные деревянные корыта для скота (рис. 18, 1), деревянные лодочные весла длиной 1.16 м (ширина лопасти 15 см), большие и малые дере-

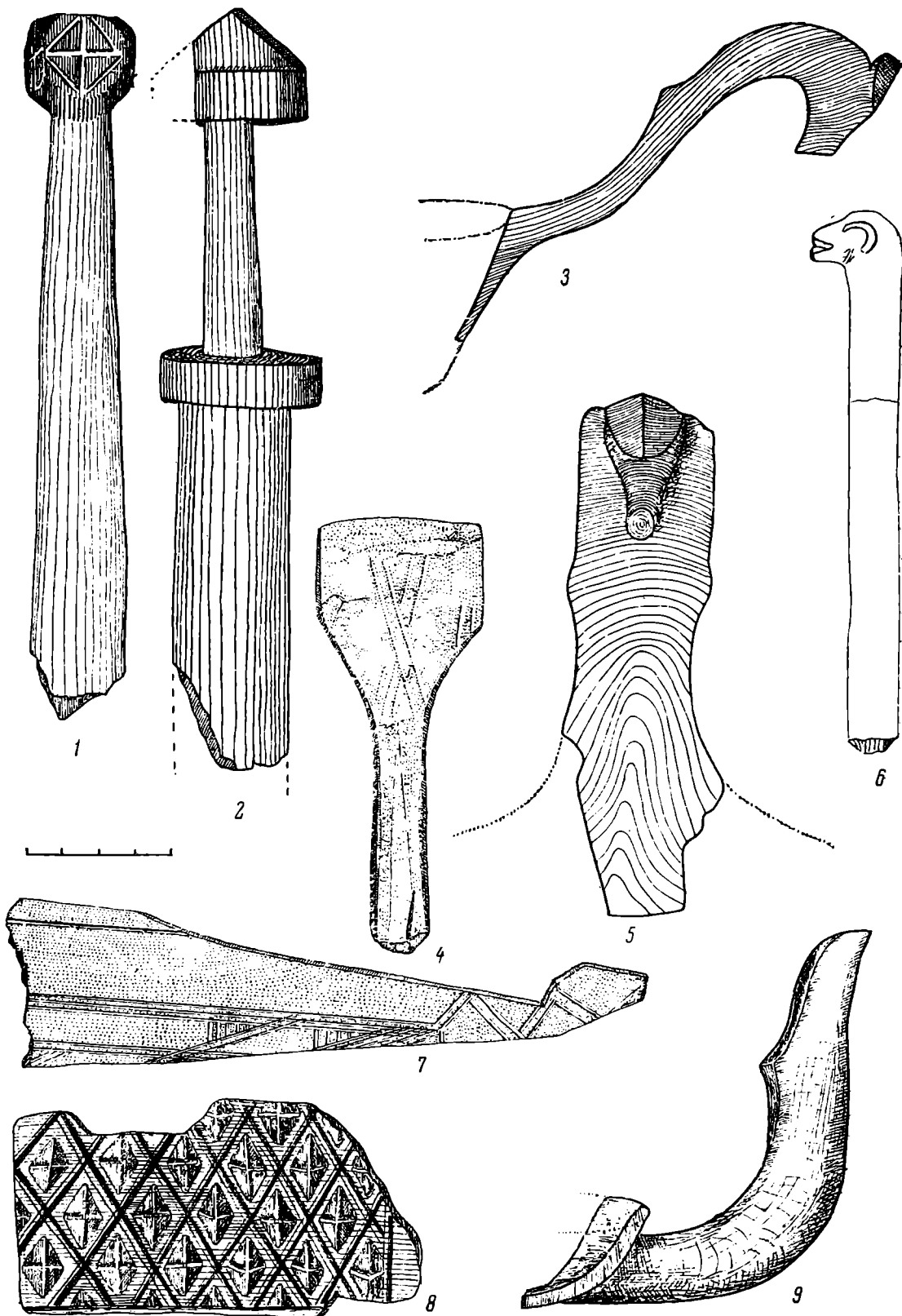

Рис. 17. Изделия из дерева, найденные в напластованиях толщи *e*.
 1 — наконечник; 2 — детский игрушечный меч; 3, 5, 9 — ручки ковшей; 4 — лопаточка с резным рисунком; 6—8 — резные изделия.

вянные крюки и проч. (рис. 18, 6). Из мелких предметов следует отметить обломки дощечек с резным орнаментом (рис. 4, 6), ручки ковшей, часть из которых украшена резными головами зверей (рис. 17, 3, 5, 9). Обращают внимание неоднократные находки деревянных мучовок (рис. 18, 5), употреблявшихся, очевидно, для изготовления масла, и многие другие предметы домашней утвари и их обломки, часто не вполне ясного для нас назначения.

В 1948 г. найдена резная деревянная фигурка бородатого мужчины, вероятно, культового назначения, может быть олицетворявшая скотье божество (рис. 4, 5). Наконец, к числу найденных в 1947 г. 3 игрушечных деревянных мечей прибавились еще 7 новых экземпляров из горизонта e_2 (рис. 17, 2). Как отмечал В. И. Равдоникас, по своему оформлению они воспроизводят в дереве форму железных мечей IX в. Эти игрушки подражают подлинному объекту и тем самым являются определяющим фактором для датировки горизонта e_2 . Несомненно, вопрос хронологии толщи e потребует еще многих дополнительных сборов материала. Однако частными темами, разрабатываемыми по материалам 1947—1948 гг. Ф. Д. Гуревич (Древнейшие бусы Старой Ладogi) и Я. В. Станкевич (Древняя керамика Старой Ладogi), в значительной мере проясняется и уточняется вопрос датировки отдельных горизонтов культурных напластований толщи e . Эти две категории массовых находок заслуживают особого внимания.

Под 1114 г. в летописи значится запись о вымывании из берега Волхова стеклянных бус. Отсюда можно сделать вывод, что «глазки», т. е. бусы, собранные летописцем от населения города Ладogi в 1114 г., являлись необъяснимой древностью для него. Очевидно население Ладogi XII в. не находило сходства в этих бусах-глазках с теми, какие, несомненно, были в общем употреблении в их время.¹

Древними типами бус являются крупные темносиние бусы с глазками, трехчастные и многочастные пронизки темносинего стекла и, наконец, цилиндрические темносиние пронизки мозаичной техники. Аналогичные бусы встречены в Томниковском и Салтовском могильниках, комплексы которых с такого рода бусами определяются не позднее VIII в. Ближайшими аналогиями ладожским бусам и некоторым украшениям, как, например, бронзовым трапециевидным бляшкам с выпуклым пунктиром по краям, спиральным бронзовым витушкам и др., являются находки из могильных комплексов длинных курганов и сопок, а также круглых курганов с ранним славянским обрядом трупосожжения, но, однако, от действия огня, при совершении сожжения, бусы, подобно многим другим предметам этих комплексов, как правило, деформировались, что, конечно, усложняет установление полного тождества.

Массовый керамический материал, найденный в толще e , также является весьма своеобразным по содержанию. Прежде всего в толще e вовсе нет керамики, изготовленной на гончарном круге (рис. 19, 1, 4—7, 12). И если для горизонта d характерно сосуществование двух технических приемов гончарного дела — гончарного круга и лепки от руки, с наличием привозной амфорной посуды, то в толще e вся керамика исключительно лепная, представленная широкогорлыми горшками с ребристыми стенками, большей частью закругленными и реже остросереберными, образующими в верхней части горшка слабо выраженные плечики. Размеры их самые различные, от больших приземистых, достигающих в диаметре до 30—35 см, до миниатюрных, диаметром 3—4 см, при высоте в 3 см. Орнамент на горшках встречается крайне редко и по своему офор-

¹ Летопись по Ипатьевскому списку. Изд. Археогр. комиссии, 1871.

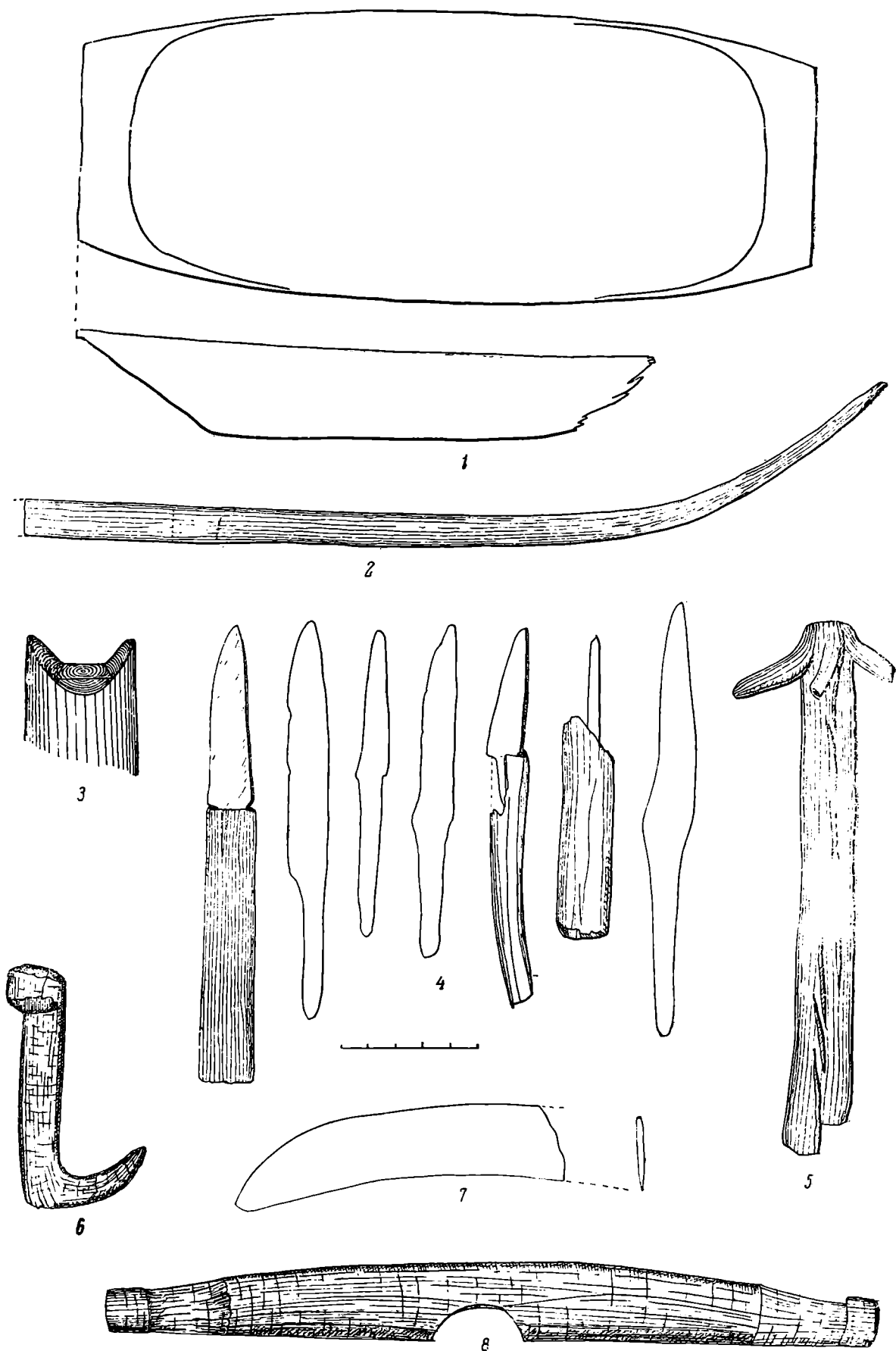

Рис. 18. Находки из напластований толщи *e*.

1 — план и разрез части деревянного корыта; 2 — обломок санного полоза; 3 — вырубка на конце бревна; 4 — железные ножи и шило; 5 — мутовка; 6 — крюк; 7 — обломок железного серпа; 8 — коромысло.

млению однообразен. Это косые оттиски гребенчатого штампа, иногда образующие ломаную линию, преимущественно на плечиках горшков или по верхнему бортику.

Характерные крупные прочерченные волнистые линии типа роменских орнаментов (рис. 19, 10, 11, 14) встречены лишь в горизонте δ . Подобный орнамент на керамике толщи e_2 не встречен. Керамика нижнего горизонта e_3 орнамента вовсе не имеет.

Форма горшков очень устойчива и близка керамике раннеславянских памятников, таких, как, например, длинные курганы и сопки, невысокие курганы с обрядом трупосожжения, известные по раскопкам в Новгородской обл.¹ и на Шексне в раскопках Абрамова городища на Смоленщине. Эти горшки также напоминают своим обликом раннеславянскую боршевскую керамику.

Перечисленные здесь категории вещественного материала, собранного из горизонта e_2 , могут быть датированы с большей или меньшей вероятностью VIII—IX вв. Эта дата подтверждается найденным в отложениях горизонта e_1 — в районе мостика перед входом в большую постройку — кладом куфических абассидских монет, относящихся по определению А. А. Быкова ко времени между 762—860 г.

Исследования земляного городища в Ладоге не закончились, и для их завершения потребуется еще много усилий. Однако уже и сейчас намечается та выразительная картина стыка двух исторических эпох, которая так ярко отразилась в характере домостроительства ладожан и во всем облике их культуры. С одной стороны, это можно видеть в остатках уличного ремесленного посада Ладоги IX—X вв. (горизонт δ) и, с другой, — в большесемейных домах поселения VIII—IX вв. (горизонт e_2), «материальными основами производства которого являлось сельское хозяйство, домашняя промышленность, выделяющееся ремесло и первичная торговля с соседями».²

Кроме основных работ на земляном городище в 1948 г. были произведены небольшие раскопки на берегу р. Волхова, к югу от земляного городища, где в 1938 г. под культурным слоем селища был открыт древний грунтовый могильник с обрядом трупосожжения.³

К площади раскопа 1938 г. дополнительно прирезаны 3 траншеи, из которых одна имела длину 7 м, вторая и третья по 6 м при ширине в 2 м каждая. Культурный слой во всех 3 траншеях лежал на глубине 0.90—1 м от поверхности и представлял аморфную массу чернозема, содержавшего в большом количестве керамику, кости и другие находки.

Под огородным слоем (0.20—0.25 м), в черном культурном слое наблюдались отдельные включения древесного угля и золы, иногда в виде тонких линз, наслаивающихся одна над другой. Культурный слой селища в основании имел сероватый цвет и сменялся затем тонкой прослойкой древней погребенной почвы с глинистым содержанием коричневатой окраски. Ниже древней погребенной почвы залегала материковая глина бурого цвета.

В толще отложений селища собраны во множестве обломки глиняных горшков XI—XII вв. и более поздних, сделанных на гончарном круге, а также керамика лепной техники, гладкая без орнамента, напоминающая по формам керамику из горизонта δ . В слое древней погребенной почвы наблюдались разрозненные вкрапления кальцинированных косто-

¹ ОАК, 1912, стр. 76.

² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII.

³ С. Н. Орлов. Староладожский могильник. Уч. зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып. 10, 1941.

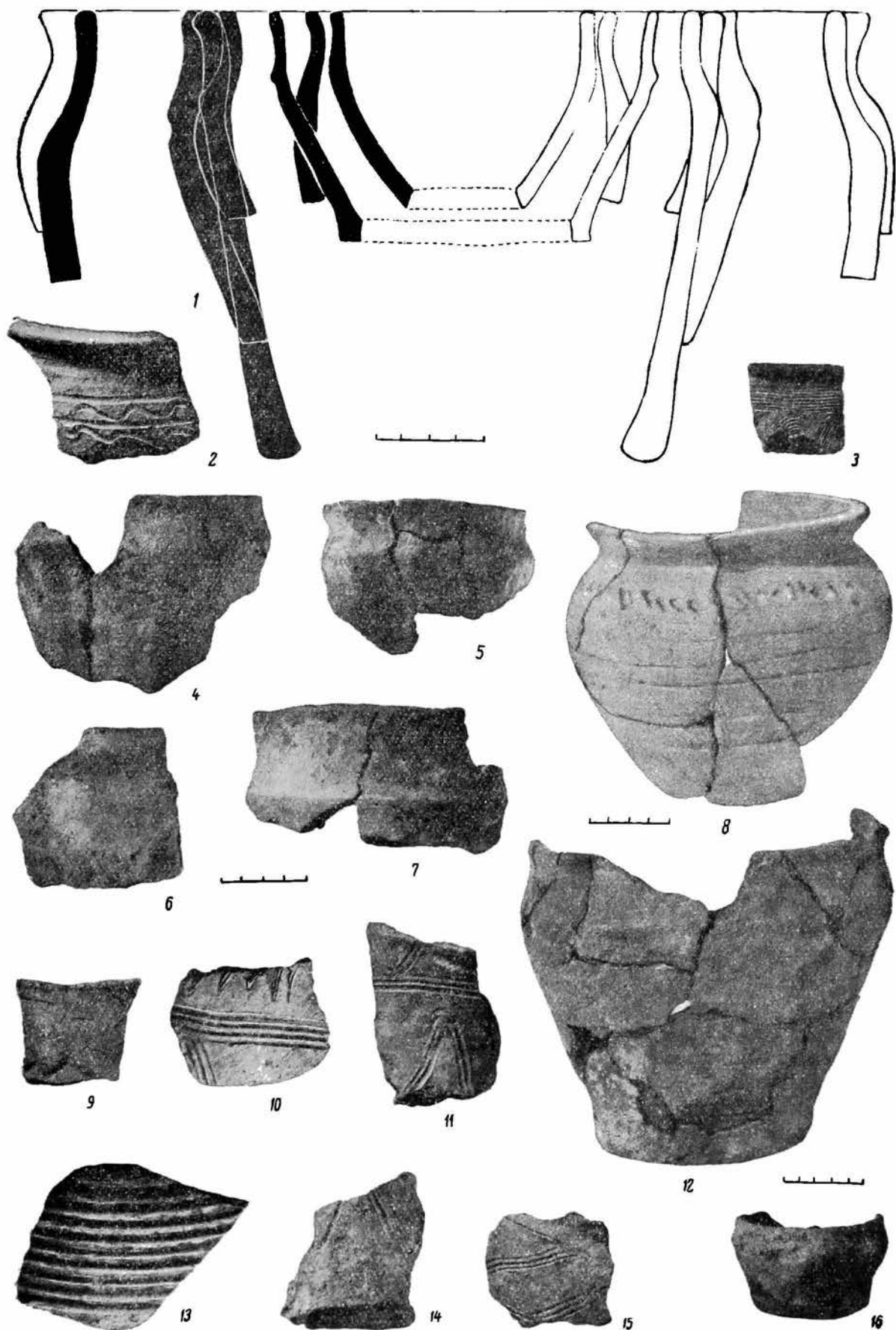

Рис. 19. Образцы керамики из раскопок земляного городища в Старой Ладоге. 1 — профиль горшков (горизонт d и e_2); 2, 3, 9—11, 13—16 — керамика из горизонта d ; 8 — горшок из слоя XIII—XIV вв.; 4—7, 12 — керамика из горизонта e_2 .

чек (в траншеях №№ 1 и 2) и только в траншее № 3 найдены скопления кальцинированных костей в двух могильных лунках, слегка углубленных в материковую глину. Одна из могильных лунок определилась наличием в ней светлого речного песка, в толще которого при разборке собраны пережженные косточки, в значительной степени уже растворившиеся в песке. Вторая могильная лунка не имела заполнения песком, а содержала кусочки пережженной глины с небольшим количеством кальцинированных косточек и непережженных рыбьих костей. Никаких находок могильного инвентаря не встречено.

В 1948 г. была совершена разведка неолитической дюнной стоянки в районе деревень Иссады и Юшново, где ранее было собрано небольшое

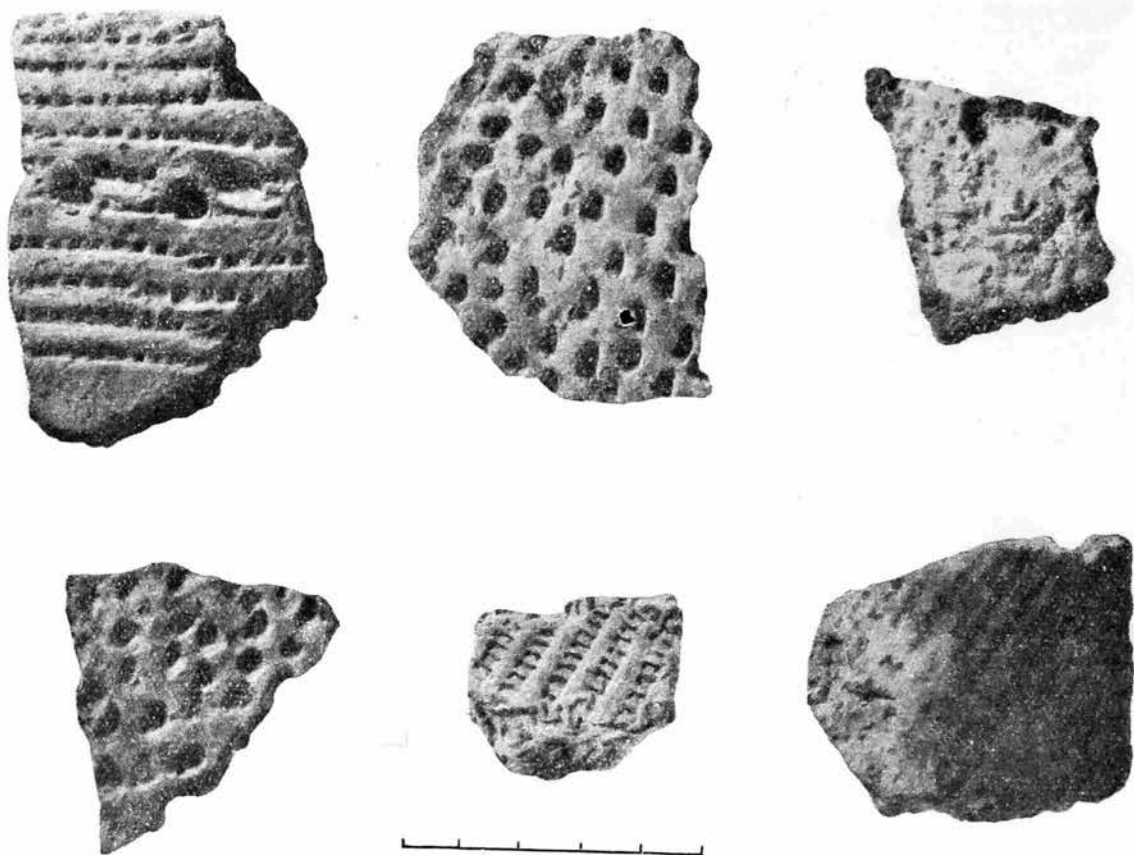

Рис. 20. Образцы поздненеолитической керамики, найденной на стоянке близ д. Иссады.

количество обломков керамики. Геологические напластования и выходы в районе этой стоянки торфяниковых отложений, приурочиваются к древним неолитическим стоянкам Иностранцева.¹

Стоянка расположена на дюнных всхолмлениях в 1 км к северу от д. Иссады на высоком правом берегу р. Волхова. Против старой пристани, на спуске к ней, в толще светлого дюнного песка выделяется темная погребенная прослойка, которая при зачистке обнажения прослежена на значительной площади. Из этой прослойки, представлявшей остатки культурного слоя стоянки, собраны обломки керамики поздне-неолитического облика. Ямочный орнамент в этой керамике является пережиточным и чаще сочетается с сетчатым орнаментом, покрывающим внешнюю поверхность сосудов. Наряду с ямочным орнаментом имеются оттиски гребенчатого штампа, воспроизводящего рисунок елочки (рис. 20).

¹ Julius Ailio. Die Geographie des Ladogasees in postglazialer Zeit und ihre Beziehung zur steinzeitliche Besiedlung. Fennia, XXXVIII.

По форме керамика также резко отличается от типично неолитической. Это в большинстве тонкостенные сосуды баночной и реже яйцевидной формы, с слегка профилированным венчиком. Внутренняя поверхность сосудов покрыта крупными штрихами, образовавшимися в результате заглаживания травой.

Стоянка в значительной своей части разрушена. Она занимает узкую полосу вдоль края высокого берега Волхова. Ее длина примерно 100 м, при ширине в глубь берега до 50 м. Под верхним, слегка задернованным слоем лежит пласт дюнного песка толщиной 25—40 см. Ниже его залегает культурный слой стоянки, имеющий тот же состав песка, но гумусированного и окрашенного слегка в темный цвет. Толщина культурного слоя от 20 до 25 см. находки керамики распределяются в слое равномерно. Кремень встречается редко. Культурный слой содержит мелкие древесные угольки.

Аналогичные остатки поселения на высоком берегу р. Волхова не единичны. К числу их относится стоянка близ Старой Ладоги, в районе сопок, где были собраны обломки керамики с сетчатым и ямочным орнаментом. Такая же керамика собрана в дюнных выдувах близ Новой Ладоги, на левом берегу Волхова. Дюнные всхолмления здесь сильно переветрены и не содержали культурного слоя.

На высоком левом берегу р. Волхова, в районе д. Юшново, на участке, называемом местными жителями «Вельсы», найдены обломки позднеславянских глиняных горшков. В районе находок керамики культурного слоя не обнаружено.

Наконец, упомянем об отдельных находках тщательно обработанных концевых кремневых скребков, собранных на поверхности намывного песка в устье р. Волхова, на его левом низком берегу, у пристани в черте г. Новой Ладоги. Происхождение их осталось невыясненным. Они, несомненно, выброшены рекой из размыва культурного слоя неолитического поселения, возможно, залегающего несколько ниже уровня воды реки.

Полевые документы Староладожской экспедиции, состоящие из дневников, чертежей, разрезов, рисунков и фотоснимков, находятся на хранении в Архиве ИИМК. Весь вещественный материал, собранный работами 1947—1948 гг., поступил на камеральную обработку и на хранение в Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Коллекции с вещественным материалом предыдущих лет работы Староладожской экспедиции, хранившиеся в археологическом кабинете Ленинградского Государственного университета, в 1948 г. были переданы на постоянное хранение в Эрмитаж.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНЕЙШИЕ БУСЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ

При исследовании нижних слоев Староладожского городища в 1947 г. найдено большое число бус. По материалу, из которого они изготовлены, бусы разбиваются на три группы: 1) стекло и паста, 2) янтарь, 3) горные породы.

Первой группе принадлежит большая часть находок.¹ Бусы из стекла и пасты встречены следующих типов:

Г л а з ч а т ы е — округлой формы, довольно крупных размеров, диаметром от 0.7 до 1.8 см. По черному полю вкраплены блестящие синие глазки, окаймленные белыми кружками. Некоторые из глазчатых вместо черного поля имеют темносинее или светлозеленое; глазки, наряду с синими, бывают и желтые.

К числу глазчатых следует отнести и бусу, найденную в единственном экземпляре. Это обломок яркожелтой стеклянной кольцевидной бусы диаметром 1.2 см. Глазки ее, в отличие от остальных бус этого типа, выпуклые.

Глазчатые бусы найдены, главным образом, на нижних горизонтах городища на глубине 1.20—2 м от репера (рис. 1, 1—4).

П а с т о в ы е — примерно, все одинаковой формы и размера, с круглыми бочками и плоскими срезанными верхней и нижней частями; длина бусы 1.2 см, диаметр 0.8—0.9 см. Всего встречены 3 бусы из темнокрасной пасты, по 1 экземпляру желтой и коричневой с зеленовато-голубыми разводами.

Найдена также буса из зеленой пасты с красным глазком, окаймленным тускложелтой полоской. На этой бусе, ближе к уплощенной части ее, наблюдается едва заметное ребро.

Отверстия пастовых бус проделаны односторонне, входное всегда шире выходного; в сломанных пополам экземплярах отчетливо видно, что каналчик бусы имеет конусовидную форму.

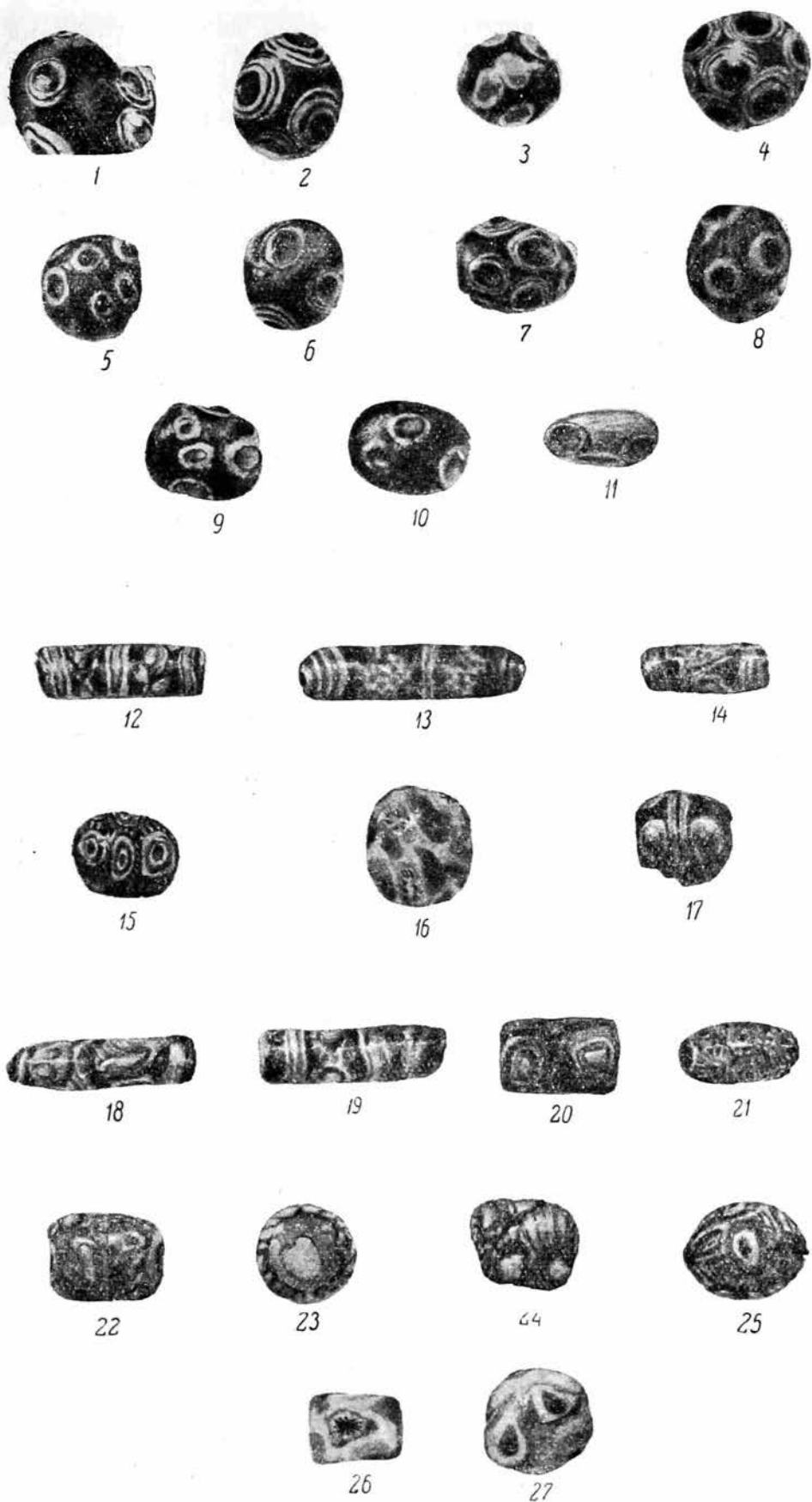
Пастовые бусы, как и стеклянные с глазками, встречаются, преимущественно, в нижних слоях Староладожского городища на глубине 1.39—2 м от репера.

М о з а и ч н ы е — очень красивые, различной формы и окраски. Среди них можно выделить:

1) Пронизки 1.2—1.5 см длиной, диаметром 0.5—0.7 см. Основной тон их синий; сверху и снизу они окаймлены белыми, красными и жел-

¹ Мы объединяем бусы из стекла и пасты в одну группу, так как иногда их трудно отличить друг от друга. Паста имеет, в общем, тот же состав, что и стекло (это особенно хорошо видно в изломе бус), но она не очищена от примеси металла и окиси марганца, и поверхность ее поэтому пориста.

Рис. 1. Бусы Старой Ладоги, сравнительно с бусами некоторых памятников Восточной Европы.

1—4, 12—17 — Старая Ладога; 5, 6, 11, 18, 23, 24, 26, 27 — Салтово; 7, 19, 22 — Подгоровна; 8, 20, 25 — Томниково; 9, 10, 21 — Лизгор.

тыми полосами; средняя часть бусы заполнена желтыми глазками и красными полосками; от глазков расходятся лучи, образующие род паутины; иногда в центре бусы вместо глазка имеется неправильный многоугольник, окаймленный красными полосами и заключающий в себе фигурный крест или шахматный узор на желтом поле.

2) Круглые крупные мозаичные бусы этих же типов, диаметром до 1.3 см. Здесь, в отличие от пронизок, пестрая полоса, состоящая из красных, желтых, белых и синих тонов, проходит посередине бусы, сверху же и снизу находятся красные глазки, которые окаймляет белая полоса.

Наряду с мозаичными бусами, в которых основу составляет синий тон, встречается разновидность их, где основной тон бусы зеленый. Это пронизки диаметром 0.4—0.6 см, 0.5—0.6 см длиной. У края бусы ряд перемежающихся полос синего, красного, желтого и белого цветов. Остальная часть бусы светлозеленого, травянистого цвета с темнозелеными прожилками; в центре бусы светлозеленый круг, окаймленный желтой или белой полосой, в середине которого, на поле белый крест с красной центральной частью.

Бусы подобной же расцветки, но иной формы, встречаются в виде круглых пластиночек — «облаток», диаметром до 1 см; отверстие в них проколото с одной стороны и в разрезе имеет коническую форму.

К числу мозаичных принадлежит и круглая, несколько удлиненная буса, по большему диаметру имеющая 1 см, по меньшему — 0.8 см. Поле ее светлозеленое, как и у предыдущего вида бус — с темнозелеными прожилками, украшено черными, белыми и красными концентрическими кругами.

Мозаичные бусы отмечены в нижних и средних слоях городища — от материка до глубины 0.44 см от репера (рис. 1, 12—17).

Сравнивая отдельные виды мозаичных бус, следует отметить зависимость их основного тона от техники обработки.

Так, синие мозаичные обработаны менее совершенно; как пронизки, так и круглые были слеплены, на каждой из бус отчетливо видны линии сраста ее отдельных частей.

Некоторые сорта зеленых мозаичных обработаны лучше, поверхность их блестящая, особенно у бус-«облаток», но, тем не менее, они тоже являются лепными.

Синие стеклянные встречаются чаще других. Синее стекло тонким слоем покрывает плотную бесцветную стеклистую массу. Большинство их круглые, диаметром 0.8 см. Отверстие этих бус, суженное у входа и выхода, в середине расширяется.

Значительно число пронизок из синего стекла. Встречены двухчастные пронизки, состоящие из круглых бус такого же устройства, как вышеописанная ординарная (каждая буса имеет диаметр 0.5 см и с обеих сторон как бы обрублена), и многочастные, имеющие от 3 до 10 отдельных долек, 0.3—0.4 см в диаметре, по виду своему напоминающие неразрубленный бисер. Вся масса темносиняя, блестящая, отверстия иногда сделаны с двух сторон пронизки, иногда только с одной, а с другой стороны лишь намечены. Одна из подобных многочастных бус имеет на боковых частях едва заметное рифление.

Среди многочисленных пронизок есть и более крупного размера, 0.5—0.7 см в диаметре, и несколько иной выделки. Голубовато-белую стеклистую непрозрачную массу покрывает тонкий слой стекла. Отверстие, проделанное в бусах, составляющих пронизки этого вида, суживается у окончания каждой части, расширяясь в середине; дырочки пробиты не во всех бусах.

У некоторых многочастных синих пронизок блестящий состав покрыт затем слоем тонкого синего стекла. Отверстия часто здесь тоже бывают только намечены, но не проколоты.

Простейшей формой синих стеклянных бус является бисер (диаметр 0.3—0.5 см), одна сторона его закруглена, другая уплощена. Стекло темное и блестящее. Отверстие прокалывалось лишь с уплощенной стороны.

При разнообразии форм синих бус можно заметить, что наиболее распространенными сортами являются бисер и многочастная пронизка, причем синие пронизки предшествуют бисеру, который появляется, в массе своей, на глубине 1.40—1.45 м от репера.

Желтый бисер такой же формы, как синий. Стекло его желтое, блестящее и непрозрачное. Встречается в средних и верхних слоях городища — от 1.50 м и выше. Наряду с бисером из этого же желтого стекла изготавливались и другие формы бус (круглые, удлиненные и др.). Пронизок, т. е. многочастных бус, из желтого стекла не делали.

Зеленый бисер по форме и размерам сходен с синим и желтым, но встречается реже других сортов бисера, хотя на глубине около 1 м было найдено ожерелье, состоявшее из 341 зеленой бисерной бусы. Зеленое стекло бус сходно с синим; если желтое стекло блестящее и непрозрачное, то зеленое, как и синее, прозрачно. На зеленом бисере часто можно различить шероховатости в виде полосок, свидетельствующие о недостаточной тщательности выработки (рис. 2).

Встречены также зеленые рубчатые бусы, ординарные и пронизки из непрозрачного стекла.

Среди позолоченных бус имеются как ординарные (диаметром 0.5—0.8 см), так и многочастные.

Техника выделки золоченых пронизок такая же, как и синих: непрозрачная стеклистая масса покрывается позолотой и сверху коричневым прозрачным стеклом. В середине — расширяющееся отверстие, что также роднит их с синими. Оба конца позолоченных бус уплощены и обрублены, и поэтому часто видно, что дырочки намечены, но не проколоты.

Наибольшее количество позолоченных бус и пронизок встречено на глубине 1.40 м от репера.

Посеребренные, такие же как золоченые, найдены на разных глубинах, но наиболее крупные экземпляры встречаются ближе к матерiku, в то время как в средних слоях отмечаются более мелкие (рис. 3). Набор их также многообразен: от ординарной посеребренной до пятичастной пронизки. Отверстия часто имеются только с одного края бусы, с другого они отсутствуют или едва заметны.

Из бус, встреченных единично, можно отметить пестрые, круглой и удлиненной формы (белая с коричневыми разводами; голубая, украшенная белым цветком, и т. д.). Все они из стекла.

Таковы типы стеклянных бус Староладожского городища.

Вторая группа бус представлена янтарем. Встречены: круглая крупная (диаметр 3 см), в середине ее проходит грань; поменьше (диаметр 1.9 см), биконической формы; есть просто круглые бусы с уплощенными краями; янтарные бусы, обработка которых только начата (такова находка на глубине 1—1.10 м, в виде куска янтаря, которому придана округлая форма и начато сверление отверстий); часто попадает янтарь в кусочках: непрозрачный, желтовато-коричневый или желтый. Наиболее древние находки янтаря встречаются на глубине 1.70 м (рис. 4).

Бусы горных пород встречены в незначительном количестве: 2 бусы из горного хрусталя (одна круглая, граненая, другая миндалевидная), 2 круглых сердоликовых, несколько бус светлоголубого, прозрачного

камня и 1 лиловато-сиреневая. Все они найдены, преимущественно, в верхних слоях городища.

Таковы основные виды бус нижних слоев Староладожского городища. Если провести условную границу между бусами, которые встречаются

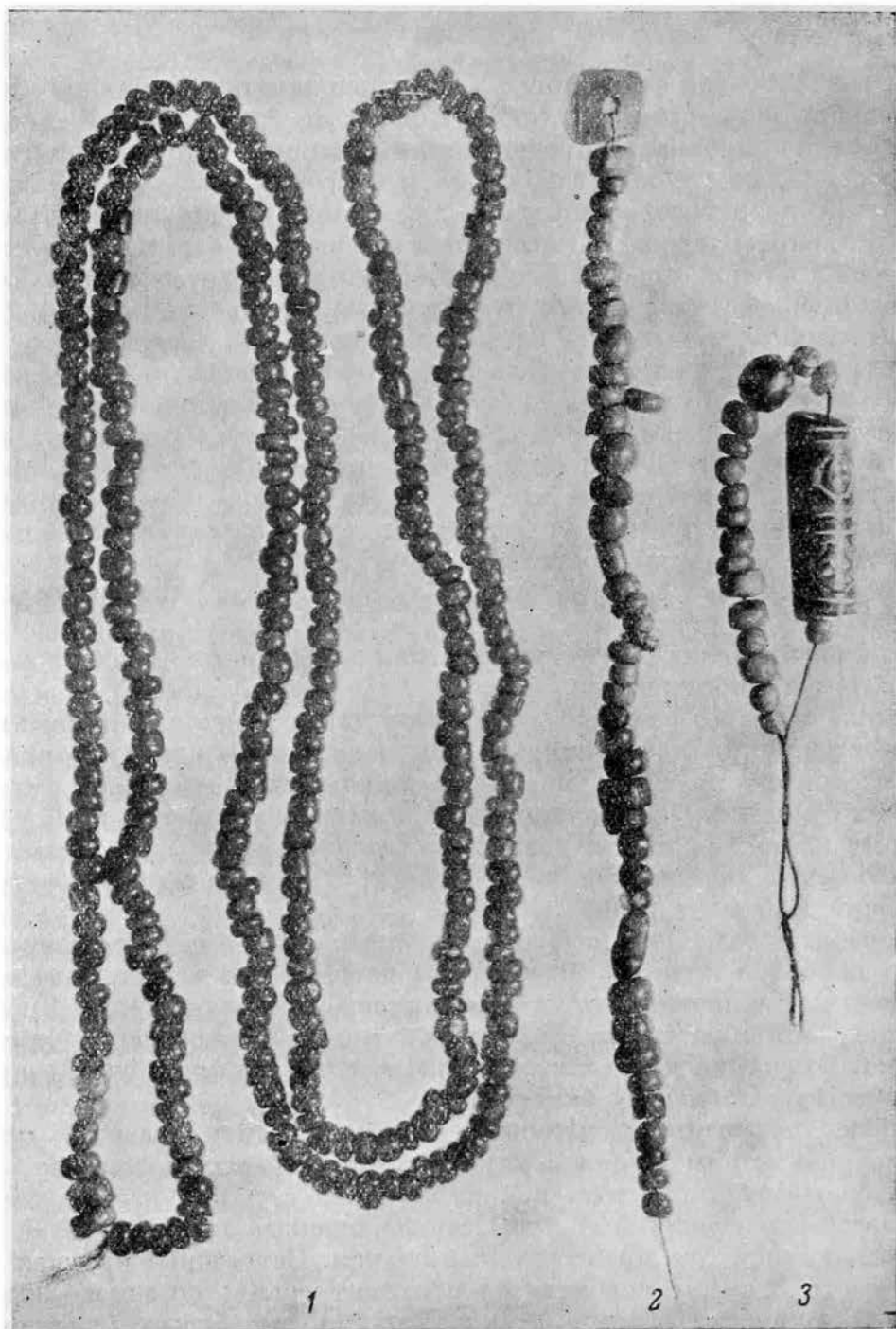

Рис. 2. Ожерелья (Старая Ладога).

1 — зеленый бисер, 2 — синий бисер, 3 — желтый бисер.

на глубине до 1 м и от 1 до 2 м, то окажется, что древнейшие бусы Ладожского городища — глазчатые, мозаичные и пастовые; с ними сосуществуют позолоченные, посеребренные и синие пронизки и бусы. В слоях от 1.50 до 1 м появляются синий и желтый бисер, кусочки янтаря и единичные бусы горных пород.

В слоях от 1 м и выше глазчатые и мозаичные встречаются меньше: здесь появляется зеленый бисер, который в самых нижних слоях

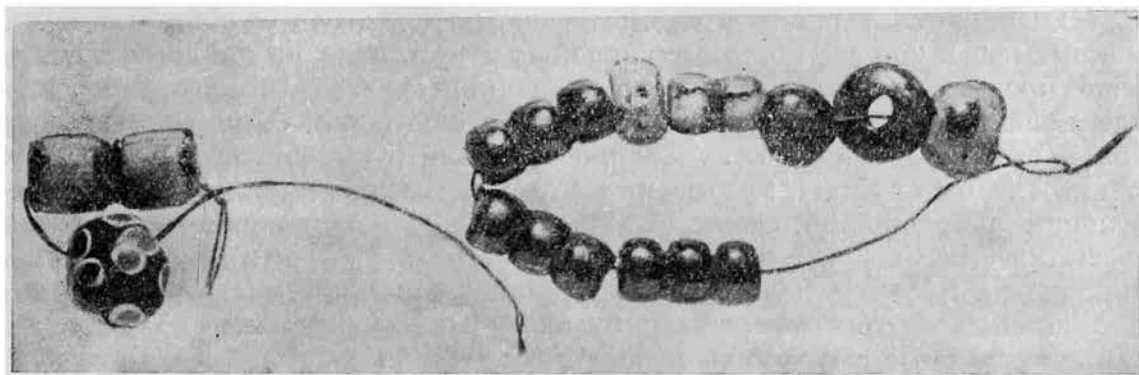

Рис. 3. Глазчатые золоченые и серебряные бусы (Старая Ладога).

не наблюдался, много синего и желтого бисера и единичные бусы горных пород.

Попытаемся проследить, сколь живучими оказываются типы ладожских бус в верхних, более поздних слоях городища, открытых раскопками 1938—1940 и 1945 гг.

Оказывается, что почти все типы бус, найденных в нижних слоях городища, повторяются и в верхних слоях, но в значительно меньшем количестве, несмотря на то, что площадь раскопок 1938—1940 и 1945 гг. во много раз превышает площадь раскопок 1947 г.

Так, за 1947 г. глазчатых бус собрано 14, в то время как за 4 предыдущих года найдено 11. Мозаичных круглых, типа древнейших ладожских, среди позднейших бус нет; там имеются другие типы их и других расцветок. Мозаичных цилиндрических найдено 7 в 1947 г. и 6 за предыдущие годы, золоченых бус и пронизок соответственно 40 и 51, синих пронизок 22 и 25.

В раскопках предыдущих лет преобладал желтый и синий бисер. Там были, кроме того, иные типы бус, неизвестные в нижних слоях — новые типы стеклянных, большее количество бус горных пород.

Таким образом, мы видим, что древние типы бус продолжают жить и в позднейших слоях, но там число их абсолютно и относительно падает.

Прежде чем попытаться найти экземпляры, сходные или тождественные с ладожскими бусами нижних слоев городища, и тем самым наметить

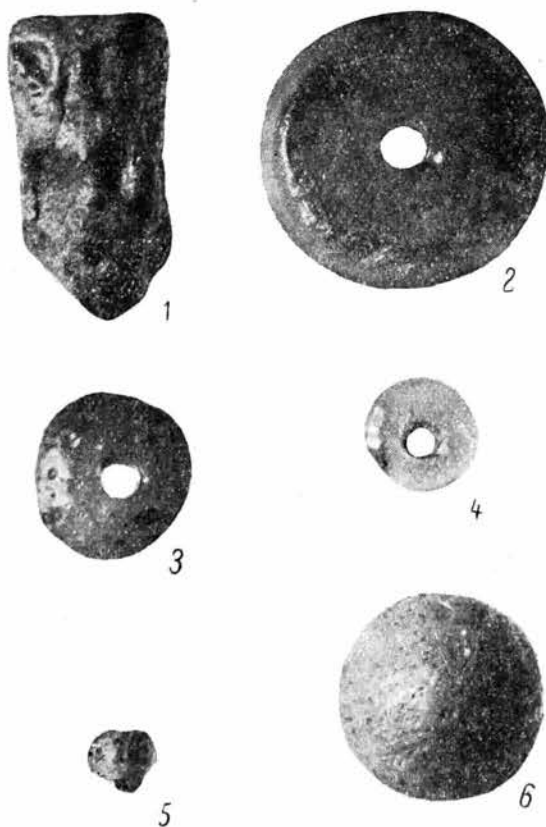

Рис. 4. Янтарь из Старой Ладоги. 1 — ваготовка; 2—5 — бусы, 6 — шарик.

пути для их, пусть даже примерной, датировки, следует обратить внимание на специфическое свойство этого предмета материальной культуры — необыкновенную живучесть его форм.

Как пишется в одном археологическом труде: «Из стеклянных и каменных вещей первое место принадлежит бусам. Едва ли найдется в целом свете предмет, более распространенный и консервативный. Всегда и везде, где цивилизация сталкивается с первобытной жизнью, первым предметом ввоза является буса. Распространение бусы так повсеместно, что она могла бы служить прекрасным материалом для карт народных переселений и сношений, если бы не косность, неизменность в форме и составе».¹

Уже на примере ладожских бус видно, что попытки датировать тот или иной слой отдельно взятой бусой могли бы ввести в заблуждение: так, например, хотя преобладающее количество глазчатых и сопутствующих им бус встречено в нижних слоях городища, но в виде отдельных экземпляров их можно обнаружить и в верхних слоях.

Если допустить, что в Старой Ладоге такое высокое залегание древних бус вызвано перекопанностью слоев, то весьма разительные примеры такой живучести форм можно проследить на памятниках, отдаленных друг от друга территорией и временем.

Наибольшим «коварством» в этом смысле отличается бисер. Перед нами два ожерелья. Одно состоит из зеленого, желтого и синего бисера и сердоликовых бус, другое — из мелких красных пастовых бус, желтого, голубого и черного бисера. Желтый бисер обоих ожерелий наглаз отличить невозможно; это тот же бисер из желтого блестящего, непрозрачного стекла, который в таком изобилии встречается в Старой Ладоге, а между тем первое из ожерелий найдено в кургане № 2 Зубовского хутора на Северном Кавказе и принадлежит I—II вв. н. э., а второе — из памятника VIII—X вв. с. Полом Удмуртской АССР.² Вздумай исследователь базироваться в своих датировках на находках в том и другом месте желтого бисера, он мог бы быть введен в заблуждение.

В Рязано-Окских могильниках на протяжении столетий, начиная с первых веков н. э. до VIII в., основным типом бус является золоченый бисер и бусы из пасты. П. П. Ефименко при хронологической классификации материала этих могильников отметил, что для стадии «А» характерен мелкий стеклянный золоченый бисер, слитый в четковидные палочки, и округлые бусы из пасты; в стадии «В» — мелкие бусы из красной пасты. В стадии «В₁В₂» встречаются низки рубленых красных бус и пастовых же средней величины, неправильно округлых, которые держатся до конца эпохи Рязанских могильников (и даже в раннюю пору Муромских и Тамбовских могильников стадии «ДС»), причем они иногда принимают грушевидную форму.³

Между стадией «В₁В₂», к которой относятся неправильно округлые из пасты, и временем появления ранних тамбовских бус проходит много столетий,⁴ а ведь этой же формы пастовые изредка можно встретить даже в верхних слоях Ладожского городища, и эти бусы, таким образом, взятые отдельно, сами по себе не могут быть точно датированы, а следовательно, не могут и сами служить датирующим материалом.

¹ Н. П. А в е н а р и у с. Дрогочин Надбужский и его древности. МАР, № 4, стр. 11.

² Коллекции находятся в Гос. Эрмитаже.

³ П. П. Е ф и м е н к о. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Мат. по этногр., т. III, стр. 67—68.

⁴ О н ж е. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. СА, II, 1937, стр. 50.

Различие в этих столь сходных по внешнему виду бусах смог бы указать только химический анализ, ибо, как установлено новейшими данными, египетское матовое стекло I в. до н. э. содержит 0.47—1.27% примеси свинца, тогда как стекло римского времени примеси свинца не содержит. Стекло же Византии и синхронное ему стекло Востока содержит примеси свинца до 2%.¹ Повидимому, изменения в технологии стекла могли отразиться и на наших бусах.

При попытке классифицировать староладожские бусы наиболее целесообразным казалось искать аналогии, выделив в первую очередь те их сорта, которые численно, возможно, и не так велики, но зато не известны в более древних, чем Ладога, памятниках Восточной Европы. Эти типы выделяются в виде ладожских мозаичных бус как цилиндрических, так и круглых, сине-зеленых тонов.

Вторым типом бус, на который можно было бы опираться при классификации, являются глазчатые круглые, с основным синим или черным фоном и, главным образом, синими глазками, окаймленными белой полосой. Отправляться же от золоченых и посеребренных пронизок, характерных, как уже отмечалось, для многих стадий Рязано-Окских могильников, так же как и от синих пронизок, широко бытующих во времени, было бы опасно, но в тех случаях, когда эти сорта бус выступали в ожерельях в сочетании с мозаичными и глазчатыми, они приближались к набору ладожских бус.

В свете этих требований следует упомянуть о двух больших могильных памятниках, набор бус которых близок ладожскому. Это, во-первых, Салтовский могильник и, во-вторых, Тамбовские могильники (Новотомниковский и Лядинский).

Бусы Верхнесалтовского могильника по своему характеру, по их сочетанию в ожерельях, в общем, сходны с теми, которые найдены в Старой Ладоге: мозаичные и глазчатые бусы встречаются в каждом погребении в виде отдельных, а не массовых бус; значительно число позолоченных и посеребренных пронизок (особенно первых); меньше встречается синих пронизок. Это та же картина, которая характерна для нижних слоев Ладожского городища, когда бисер еще не появляется как массовый тип бус² (рис. 1, 5, 6, 11, 18, 23, 24, 26, 27).

Правда, легко заметить и отличие салтовских бус от ладожских. Набор их гораздо богаче, постоянно встречаются круглые сердоликовые, почти не найденные в Ладоге в 1947 г., много расписных пастовых, прямоугольных синих, служивших разделителем в ожерельях, и т. д. Вместе с тем там нет такого изобилия бисера, как в Ладоге, желтый бисер почти вовсе не встречается, так же как и янтарь.

К Верхнесалтовскому могильнику примыкает могильник в Подгоровке, где в погребении в камере 5-й было 2 глазчатых бусы обычной расцветки вместе с цилиндрической синей; там же встречена мозаичная зелено-красно-желтых тонов, многочастные золоченые бусы и синий бисер³ (рис. 1, 7, 19, 22).

Другими большими памятниками, где встречаются бусы, аналогичные ладожским, являются Новотомниковский и, частично, Лядинский могильники.

Как и в Салтове, набор бус Новотомниковского могильника отличен от бус Ладожского городища, но основные типы ладожских бус повто-

¹ Greta Arwidson. Vendelstile Email und Glas im 7—8 Jahrhundert. Упсала, 1942, стр. 91.

² Коллекции в Гос. Эрмитаже.

³ Из раскопок С. Н. Замятниной. Материалы хранятся в ЛОИИМК.

ряются и здесь. Исключение составляет лишь бисер, внешний вид которого больше приближает его к пасте, чем к стеклу¹ (рис. 1, 8, 20, 25).

Что касается Лядинского могильника, то там встречаются мозаичные, зеленых и синих тонов, а также ожерелья из неправильно граненых синих бус. Вместе с тем в Лядинском же могильнике встречены бусы, попадающиеся в Ладого в раскопках предыдущих лет и, следовательно, относящиеся к верхним слоям городища, которые в настоящей работе не исследуются.

В свою очередь бусы Салтова, с одной стороны, и Тамбовских могильников, с другой, также не обнаруживают полного сходства между собой, а вместе с тем два столь различных по своей этнической принадлежности памятника по определенным видам бус обнаруживают сходство с такой, весьма отдаленной от них территорией, какой является Ладога.

Перечислим далее некоторые сорта бус, найденных в других памятниках, но близких к представленным в Ладого, Салтове и Тамбовских могильниках. При этом мы, конечно, не можем претендовать на полный охват аналогичных материалов.

Среди разнообразных кавказских бус можно отметить глазчатые, как известных уже нам тонов (черное поле, синие глазки), так и новых расцветок (желтые бусы с голубыми глазками, черные—с зелеными—могильники Рутха и Лизгор в Осетии) (рис. 1, 9, 10, 21).

Мозаичные зеленые с красно-желтой орнаментацией представлены в могильниках Лизгор, Чми, Рутха.

Зеленая мозаичная пронизка найдена в могильнике Лизгор. Синяя удлиненная с красно-желтой орнаментацией — в Рутхе.²

В Поднепровье, в числе опубликованных Ханенко в пятом выпуске «Древностей Поднепровья», встречаются глазчатые бусы, сходные с ладожскими.

Двигаясь в поисках аналогий по Волге на север, пришлось бы обратить внимание на разнообразные бусы болгар, но здесь сходство с ладожскими и уже отмеченными салтовскими и томниковскими меньше: встречено несколько глазчатых, отсутствуют мозаичные наших типов и расцветок, в огромном количестве встречаются синие многочастные пронизки и золоченые.³ Но, как уже приходилось отмечать, золоченые и синие пронизки являются весьма живучей формой.

Мерянские бусы приближаются по своему набору к болгарским, хотя некоторые типы золоченых и синих сходны с ладожскими.⁴

В памятниках с трупосожжением, наиболее близких Ладого территориально, бусы настолько деформированы, что определить их типы весьма затруднительно, тем более, когда речь идет о формах, широко и долго бытующих, в которых особенно важно установление специфических черт.

Наиболее удачными, в этом смысле, следует считать бусы из дер. Княжее село б. Боровичского уезда, найденные в сосуде совместно с кальцинированными костями. Там встречена мозаичная зеленая, которая является специфической формой и уже прослежена как в Старой Ладого, так и в Салтове и Томникове, а также и на Северном Кавказе; белая буса с коричневыми разводами (подобная обнаруженной в Ладого почти

¹ Коллекции в Гос. Эрмитаже.

² МАК, № 8, табл. ХС, ХСІ.

³ А. Ф. Л и х а ч е в. Бытовые памятники Великой Болгарии. Тр. II АС, 1876, стр. 34.

⁴ Тр. I АС, атлас, табл. XXV, 28, 30, 55.

на материке) и оплавленные синие бусы, насколько можно судить, близких Ладогe форм.¹

О других памятниках с трупосожжением на широкой территории (от Михайловского могильника на востоке до Гнездовского на западе) можно заметить в весьма общей форме, что там имелись бусы стеклянные (синие и желтые) и пронизки, часто расплавленные от действия огня.²

Желтые стеклянные и позолоченные бусы, сходные с кавказскими, встречены в Гнездове.³

Особняком стоят бусы длинных курганов и сопок (они тоже сильно попорчены огнем): среди них преобладают стеклянные, чаще всего синие, иногда зеленые и желтые.⁴

Довольно много бус найдено в Прибалтике, особенно в погребениях ливов; ⁵ часть их (синие и золоченые) обнаруживают сходство с ладожскими.⁶

Даже самый поверхностный экскурс в поисках аналогий бусам Староладожского городища приводит к выводу, что типы их, найденные в нижних слоях Ладogi, распространены достаточно широко; эти бусы не являются украшениями, свойственными определенной этнической группе, а встречены в памятниках славянских, болгарских, хозарских, народов Кавказа и т. п. При дальнейших поисках ареал их распространения, несомненно, расширится.

Ладожское поселение с начальных этапов своего существования, опосредствованно или непосредственно, оказывается связанным с центрами, эти бусы поставлявшими, как связаны были с ними другие, выше перечисленные.

При определении верхней хронологической границы бытования ладожских бус следует принять во внимание почти полное отсутствие экземпляров бус из горных пород, особенно отсутствие бипирамидальных сердоликовых, которые столь характерны для курганных древностей X в. и обычно встречаются в поздних слоях Ладожского городища.

По мнению А. В. Арциховского: 1) сердоликовые бипирамидальные бусы являются надежным этническим признаком русских славян времен сооружения курганов; 2) они производились в русской земле, из местного материала; 3) форма их возникла среди русских славян.⁷

Сердоликовых бус в Ладожском материале раскопок 1947 г. найдено всего две, да и то они круглой формы.

Отсутствует и вторая характерная для X в. форма бус — стеклянные бочонковидные позолоченные, которые прослеживаются в позднейших слоях Ладожского городища.

Для первой половины X в., по классификации, проведенной Я. В. Станкевич, бусы Приладожья дают набор, отличный от набора наших бус: это круглые, рубчатые из кварца, желтые — лимончики, круглые глазчатые с перекрестьем и стеклянные синие круглые.

¹ Коллекции в Гос. Эрмитаже.

² Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX ст. МИА СССР, № 6, стр. 80.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, стр. 53.

⁴ П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, № 6, стр. 38.

⁵ Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896, стр. XIV.

⁶ Подобные бусы встречены в Бирке (Швеция): Holger A g b m a n. Birka. Die Gräber. Стокгольм, 1940—1943, табл. 121, 7, 20; табл. 122, 7

⁷ А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. ТСАРАНИОН, М., 1926, стр. 53.

В нижних слоях Ладожского городища встречается исключительно лепная керамика. Гончарная посуда, помимо отдельных немногочисленных черепков, которые относятся к верхним слоям, отсутствует. Между тем, X в. для Ладоги знаменуется уже внедрением гончарного круга.

Анализ данных, который предоставляется самим ладожским материалом, приводит к убеждению, что X в. явился бы слишком поздней датой и что верхняя граница существования этих бус не переступает за IX в.

Это подкрепляется и находкой горшка с бусами из Княжего села, о котором мы уже говорили. Форма его ближе к VIII—IX вв. (см. табл. IV, 1 и 2 в статье Я. В. Станкевич).

В Салтовском могильнике в ряде погребений встречены совместно с бусами монеты: например в катакомбе № 7, погребения I—II вместе с глазчатыми, мозаичными и золочеными и другими бусами найден омайядский диргем 95—96 г. хиджры (717—718 гг.). Но так как большая часть монет использована в качестве украшений, то они могли быть старше инвентаря могильника, и при датировке бус поэтому лучше основываться на самом инвентаре.

В той же катакомбе № 7, в погребении I—II, где встречены диргемы из Васита, превращенные в подвески, имеются характерные салтовские украшения из бронзы: перстни с овальным щитком, неправильно шаровидные бубенчики с прорезью и фасеткой, проволочные несомкнутые браслеты с зарубками и без зарубок, накладки в виде пальметок с тремя срезанными, овально закрученными листьями, наконечник ремня с врезанным орнаментом и др.¹ Из бус здесь встречены глазчатые, мозаичные, позолоченные, синие, бисерные зеленые, голубая неправильно граненая и ряд бус, в раскопках Ладоги неизвестных.

На материале других салтовских погребений наблюдается то же явление; бусы, аналогичные ладожским, встречены с наиболее характерным инвентарем Салтовского могильника, центральное время которого падает, как известно, на VIII—IX вв.

В Салтове встречается много бус из сердолика, но бипирамидальных всего 2 экземпляра — этот тип бус появляется, в лучшем случае, в конце IX в. (вообще же он характерен для X в.). То, что в массе сердоликовых бус встречено только 2 бипирамидальных, подкрепляет положение, что бусы Салтовского могильника, мозаичные и глазчатые, золоченые и синие, должны были относиться ко времени до IX в. включительно.

Эта же взаимосвязь наблюдается в могильнике Подгоровка, где зеленая мозаичная буса встречена совместно с серьгой, бубенчиком и бронзовой орнаментированной пластиной, принадлежавшими салтовской культуре.

Нельзя не отметить, что серьги салтовского типа, встречающиеся повсеместно в Венгрии (могильники Мартели, Ширак, Беждед и др.), сопровождаются стеклянными позолоченными пронизками.²

В Томниковском могильнике, в погребении 106 глазчатая буса с черным полем и синими глазками, нанизанная на бронзовое височное кольцо, встречена совместно с маленькими и большими застежками с «усами». Застежки с «усами», обычное украшение Томниковского могильника, встречены в погребении 45, где найдено 30 мозаичных зеленых бус, синяя цилиндрическая и другие типы, неизвестные в Ладоге. В этом же погребении найдено другое характерное украшение — височное кольцо с гризком.

¹ Гр. XII AC, т. I, табл. XXI, 32, 24—26, 56.

² J. Hampe l. *Alterthümer des Mittelalters in Ungarn*. Брауншвейг, 1905, т. I, стр. 467.

Глазчатая и голубая округло граненая бусы встречены совместно с застежкой с «усами» и третьим характерным украшением — подвеской с «гусиными» лапками. Там же было ожерелье из синего бисера, в которое вкраплено мало желтого и очень мало зеленого, но бисер здесь иного состава, чем в Ладогe.

В погребении 35 зеленая мозаичная буса выступает вместе с височным кольцом с грузиком.

В Лядинском могильнике голубые неправильно гранчатые бусы встречены совместно с «самоварчиком» салтовского типа и подвеской с «гусиными» лапками, которые и датируют этот тип бус.¹

Томниковский могильник синхронен Салтовскому, и время его существования падает также на VIII—IX вв.

Сравнение ладожских бус с бусами двух больших, совпадающих между собою по времени могильников подтверждает их соответствие VIII—IX вв. При этом еще раз следует подчеркнуть, что в материале раскопок верхних слоев бусы нижних слоев встречаются, но в совершенно иной пропорции, и наиболее древние типы как бы «доживают» в сочетании с новыми сортами бус.

Если верхней границей описанного сочетания ладожских бус можно считать IX в., исходя из того, что нам более или менее известны бусы курганных древностей X в., которые в материале раскопок 1947 г. отсутствуют, то возникает вопрос: является ли VIII в. нижней хронологической границей и нельзя ли отнести эту границу к более раннему времени, а именно к VII в.?

В пользу этого соображения могло бы свидетельствовать наличие красных пастовых бус, являющихся основным видом Рязано-Окских могильников, доходящих, как известно, не выше VIII в. Но в материале находок 1947 г. их найдено всего 3 экземпляра, из них 2 на нижних горизонтах.

В стадии «СС₁» классификации П. П. Ефименко пастовые красные приобретают, преимущественно, форму капли с натеком, часто деформируются и слиты по 2—3 вместе.

Таких форм в нижних слоях Ладogi не найдено. Если же еще раз вспомнить, что в раскопках 1938—1945 гг. (т. е. в верхних слоях) обнаружено 11 красных пастовых, неправильно округлой формы, то станет очевидным, что ограничивать распространение этих бус временем, предшествующим VIII в., трудно.

Ранее отмечалось, что центральное время существования Салтовского и Томниковского могильников падает на VIII—IX вв., но вместе с тем известно, что возникновение их относится к VII в. Пока можно отметить, что набор бус соответствует инвентарю VIII—IX в.

Салтовские же погребения VII в. (с фибулой и янтарем) содержат иной набор бус, нежели тот, который встречается в Ладогe.

Наконец, для VII в. имеется инвентарь могильника Суук-су, который, можно предполагать, сконцентрировал в себе основные типы бус своего времени. Здесь первое место принадлежит янтарю, набор же стеклянных бус иной, чем в Ладогe.

Тем не менее, возможность существования в Ладогe форм бус VII в. совсем не исключена. Об этом прежде всего говорит находка кольцевой бусы с выпуклыми глазками, позволяющая все же сомкнуть бусы Ладogi с бусами могильника Суук-су.

В Томниковском могильнике гладким глазчатым бусам предшествуют бусы тех же расцветок, но с выпуклыми глазками.

¹ Характерные бронзовые украшения Томниковского и Лядинского могильников опубликованы в МАР, № 10, табл. I, 1—5; II, 3, 5; VIII, 2—4, 8.

Бусы с выпуклыми глазками встречаются и в Салтовском могильнике, там же встречены глазчатые, на которых можно заметить, как постепенно исчезают бородавчатые выпуклости, заменяясь гладкими глазками. Может быть, эти типы уходят в более древние времена, но таких бус в Ладоге нет, за исключением одного обломка кольцевой желтой бусы с голубыми выпуклыми глазками.

Следует подождать, какой материал дадут дальнейшие раскопки нижних слоев Ладоги. Пока же — по совокупности данных, основанных на отсутствии типичных бус для X в., на находке в 1947 г. бус в слоях, сопровождаемых лепной керамикой, на датировке этого рода украшений инвентарем Салтовского и Тамбовских могильников, на отсутствии сочетаний бус, специфических для памятников VII в., — можно прийти к выводу, что сочетание бус нижних слоев Староладожского городища соответствует времени VIII—IX вв.

Внутри этого периода тоже было, повидимому, свое дробление. Уже из описания бус Ладоги видно, что бисер появляется отнюдь не сразу, а лишь в середине нижнего слоя, и, таким образом, характерен скорее для второй половины указанного срока.

Если искать доказательств того, что в VIII—IX вв. славяне не только пользовались ввозными бусами, но умели и вырабатывать их сами, то лучше всего обратиться к янтарю. Это органическое вещество, вывозившееся из Прибалтики со времени неолита и попадавшее в самые отдаленные от места его добычи земли, в последние века I тысячелетия выступает в очень немногих памятниках.

Если в инвентаре могильника Суук-су и других южных древностей до VII в. янтарю принадлежит среди бус господствующее место, то, начиная с VIII—IX вв., он вовсе отсутствует в памятниках Восточной Европы. Прежде всего его почти нет в этот период в собственно прибалтийских древностях — на родине добычи янтаря. Нет его в древностях мордовских, финских и др. Почти нет его в Салтове. Янтарь имеется лишь у болгар, но какого времени он, сказать трудно. В Саркеле янтарь появляется не ранее X в.

Старая Ладога в этом смысле представляет исключение, ибо янтаря в ней встречается много. В свое время А. В. Арциховский писал: «При раскопках В. А. Городцовым в Старой Рязани найдены куски янтаря, выточенные из него болванки и янтарные зонные бусы. Старорязанские раскопки дали новые опровержения предвзятых теорий, считающих все курганные бусы привозными».¹ Таким образом, даже для времени курганных древностей считалось достижением то положение, что славяне сами обрабатывали янтарь.

Ладога дает гораздо более ранний материал этого рода.

Находки заготовок и бус на разной стадии обработки, а также мелких кусочков янтаря свидетельствуют о том, что ладожане начали обрабатывать его очень рано. Глубокое залегание янтаря, на уровне 1.70 м от репера, позволяет прийти к выводу, что уже в VIII в. жители Ладоги занимались этой отраслью ремесла. Много янтаря найдено и в раскопках предыдущих лет в Ладоге: здесь также в значительном количестве встречаются заготовки и начатые обработкой бусы.

На ладожских экземплярах вырисовывается следующий порядок обработки: первоначально заготовке придавалась округлая форма, затем с обеих сторон просверливались дырочки и, наконец, выглаживалась поверхность. Из других изделий этого материала найден шарик со срезанной нижней частью (диаметром 2.2 см), поверхность его шероховатая.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 41.

Несмотря на обилие янтаря, он все же ценился дорого: в материале раскопок 1938 г. найдена сломанная буса, которая была просверлена вторично. С подобным явлением можно было встретиться в могильнике Суук-су, где в числе обильно встреченных янтарных бус многие представляют собою сломанные экземпляры, сверленные вторично.¹

Обильные находки янтаря в раскопках Ладogi предыдущих годов несколько озадачивают.

Как известно, раскопки 1938—1945 гг. захватывали слои до X в. включительно, и, таким образом, находки тех лет могли приходиться на более позднее, чем IX в., время. Вместе с тем в памятниках Приладожья даже в конце IX в. янтаря нет. Остается предположить, что Ладoga и в X в. продолжала его ввозить.

Находки янтаря выделяют Ладogu из круга синхронных ей памятников как поселение, ввозившее его, в то время как в других памятниках Восточной Европы янтарь в VIII—IX вв. не известен. Наличие же бус в различной стадии подготовки является неоспоримым доказательством того, что не только в период курганных древностей, как отмечено находками в Старой Рязани, а уже в VIII—IX вв. славяне сами вырабатывали янтарные бусы, ввозя для этого из Прибалтики заготовки.

Такое же тяготение к собственному производству бус наблюдается в отношении кости.

Экземпляры из этого простого и всегда бывшего под руками материала встретились на глубине 0.93—1.23 м в виде круглых бус и просверленных зубов животных (последние к тому же, повидимому, играли роль амулетов) (рис. 5).

В настоящей работе, в силу ограниченности материала, не может быть поставлен вопрос о том, где производились те стеклянные бусы, которые попали в Ладogu. Несомненно, что одни и те же центры должны были снабжать славян, как и другие народы, где сохранились бусы этого времени. Этим центром должно было быть несколько. Свидетельством тому является многообразие технических приемов изготовления; мозаичные бусы были лепными и скатывались, большая часть пронизок, не только позолоченных и посеребренных, но и синих, имеет другой принцип изготовления (слой стекла покрывается золотом, серебром или синим составом). При выделке глазчатых бус стеклянный сплав обматывался вокруг палочки, затем в него вставлялись глазки.

Способ выделки бисера не совсем ясен. Существует предположение, что многочастные пронизки — этап, предшествующий выделке бисера: пронизки разрубались на составные части и только большим спросом на этот вид украшения можно объяснить то, что не успевали отделить одну бусу от другой. Повидимому, это не совсем так, ибо состав пронизок, по крайней мере ладожских, часто имеет отличную от бисера трехслойность: на слой светлого непрозрачного стекла наносится краска и сверху покрывается тонким слоем прозрачного стекла.

Если бы бисер производился разрубанием пронизки, он имел бы с обоих концов гладкие обрубленные поверхности, как это имеет место в ординарных золоченых и серебряных бусах, которые, действительно, должны были таким образом изготавливаться. У ладожского бисера, между

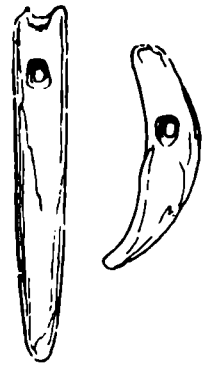

Рис. 5. Просверленные зубы животных (Старая Ладoga).

¹ Н. И. Р е п н и к о в. Некоторые могильники крымских готв. ИАК, вып. 19, стр. 45.

тем, одна сторона закруглена, а другая — уплощена; на этой последней под лупой видны как бы следы ударов.

Далее, если известны синие пронизки, которые могли служить своеобразной заготовкой для бисера, то желтых пронизок такого рода нет, а желтого бисера в Ладогe не меньше, чем синего. Поэтому, вероятнее всего, бисер имел свои особые приемы изготовления. Попадались некоторые экземпляры желтого и синего бисера, сросшиеся боковыми частями, по которым видно, что бисер не мог рубиться, а выдувался капельками, затем, надо полагать, в нем прокалывали каждую дырочку отдельно.¹

Что касается производства золоченых бус, то здесь можно было бы прибегнуть к трактату Феофила. Он следующим образом описывает приемы золочения у византийцев (правда, не бус, а сосудов): «Взяв листик золота. они делают [вырезают] из них изображения людей, птиц, зверей или листьев и накладывают с помощью воды на любое место на поверхности кубка. Этот листик должен быть несколько толще. Затем берут самое светлое, как кристалл, стекло, — которое они изготавливают сами и которое плавится, как только почувствует жар от огня, — и старательно толкут его на порфириновом камне с водой; затем наносят [эту кашицу] при помощи кисточки тончайшим слоем на весь листик, а когда он высохнет — помещают в печь. Когда они видят, что пламя нагрело кубок, что он принял слегка красноватую окраску, то затыкают печь, пока она не охладится; после этого золото никогда не отстанет».²

Из описания Феофила видны те же самые приемы, которые применялись при золочении и серебрении бус. Он подчеркивает здесь, что этим приемом пользовались греки (Византия).

Можно ожидать, что и мозаичные бусы происходят из Византии. Известно производство стеклянных бус менее совершенных форм и у волжских болгар (сорта из нечистого полупрозрачного стекла).

«Судя по примитивности их выделки и по тому, что попадают почковидные кусочки той же стеклянной массы, можно предположить, что они выполнялись самими болгарями, и как предмет торговли, шли на север, откуда они в обмен получали янтарь».³ Болгары были настолько искусны в стекольном производстве, что умели подделывать изумруд, бирюзу и янтарь. Несомненно, что и Кавказ мог быть одним из центров, где производились бусы раннего времени.

Множество бус отмечено в Ладогe в известном сообщении летописца, падающего на 1114 г., где говорится: «Где яко есть егда будет туча велика и находят дети наши глазки стекляныи и малыи и великыи, провертаны, а другыя подле Волхов берутъ, еже выпаласкивает вода, от них же взях боле ста; суть же различни».⁴

Здесь обращается внимание не только на обилие, но и на разнообразие стеклянных бус. Любовь к этому роду украшений засвидетельствована у Ибн-Фадлана, по данным которого руссы платили по диргему за зеленую керамическую бусу.⁵

Возможно ли предположить, что ладожане сами научились делать некоторые сорта стеклянных бус? Или, вернее, научились ли они этому искусству в IX в.? — Прямых данных об этом нет, имея в виду под прямыми данными следы мастерской. Но если крупные стеклянные много-

¹ А. С. Боброва. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, т. XXX, стр. 121, 122, рис. 15.

² Феофил. О различных ремеслах, гл. 13. Пер. Е. Ч. Скржинской.

³ А. Ф. Лихачев, ук. соч., стр. 34.

⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 277.

⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 79.

цветные бусы все отделаны до конца, то среди однотонных стеклянных наблюдается какое-то количество бракованных экземпляров: на глубине 1.40 м от репера найдено 5 бус, в которых дырочки проколоты не до конца; ряд синих пронизок либо имеет дырочку с одной стороны, либо дырочки не проколоты совсем; при расчистке и снятии остатков строительных сооружений на глубине до 0.9 м найден кусок закругленного желтого стекла, в форме личинки, со следами отверстия — это как бы неудавшаяся буса.

Учитывая, что дырочки в стеклянных бусах прокалывались палочкой в тот момент, когда стекло было горячим, совершенно непонятно, зачем понадобилось привозить бракованные изделия — совсем без дырочек или с едва намеченными отверстиями, свидетельствующими о том, что стеклянный состав застыл прежде, чем успели проколоть отверстие?

Мысль о том, что перед нами оплавленные бусы, побывавшие в огне, должна быть оставлена: в Ладогe есть и такие находки, но там деформируется все изделие, а здесь они хорошей сохранности, блестящие, отработанные, но отверстия в них пробиты не до конца. То же явление наблюдается и на некоторых экземплярах позолоченных и посеребренных бус и пронизок.

В связи с вопросом о пронизках и бисере, производящих впечатление недоработанных вещей, достойны внимания остатки строительного сооружения на глубине 1.40 м раскопок 1947 г., имевшие характер ремесленной постройки: здесь встречены куски шлакированной массы с включением угольков, железистые окислы со следами стеклистой массы и тигельки.

Последнее слово о том, относятся ли стеклистые оплавления на тигельках к производству стекла или нет, остается за химическим анализом состава. Пока же хотелось бы отметить, что описание стеклоплавильных горшков Феофила совпадает с формой ладожских тигельков: «За это время возьми белой глины, из которой делают горшки, и, просушив ее, тщательно разотри и [затем], налив воды, сильно промешай деревянной палкой и делай свои сосуды; наверху они должны быть широкими, внизу же узкими с маленькими загнутыми внутрь утолщениями по краю. Когда сосуды высохнут, захвати их щипцами и поставь в приспособленные для этого отверстия в накаленной печи, [потом] взяв ковшом спекшейся золы, смешанной с песком, вечером наполни сосуды и всю ночь подкладывай сухих дров, чтобы утром, к первому часу, расплавленное из золы и песка стекло кипело полностью».¹

Стеклоплавительные горшки в описании Феофила подобны нашим тигелькам, сверху широким, снизу узким, с утолщением по краю (рис. 6).

Если химический анализ подтвердит предположение, что оплавление на тигельках и шлаках имеет отношение к стеклу, то свидетельство летописца о множестве стеклянных бус в Ладогe говорило бы не только о завозе этих предметов украшения, но и о выделке их на месте.

Наблюдения над ладожскими бусами из раскопок 1947 г. дают возможность сделать следующее заключение.

Стеклянные и пастовые бусы, численно преобладающие в Старой Ладогe с момента возникновения там поселения, представлены теми же типами, которые встречаются в ряде синхронных ей памятников Восточной Европы и падают на VIII—IX вв. Отдельные типы бус известны как из более древних, так и из более поздних памятников.

Ввоз этих предметов украшения рождает стремление развить собственную выделку их, выразившуюся в изготовлении костяных и янтар-

¹ Феофи л, ук. соч., гл. XV.

ных бус, легче всего поддававшихся обработке. Ввоз и обработка янтаря в VIII—IX вв. выделяет Ладогу среди других памятников Восточной Европы, где в это время он не известен.

В настоящей работе было обращено внимание, главным образом, на те сорта стеклянных бус, которые отличались либо своей численностью (бисер и стеклянные пронизки), либо своими характерными формами,

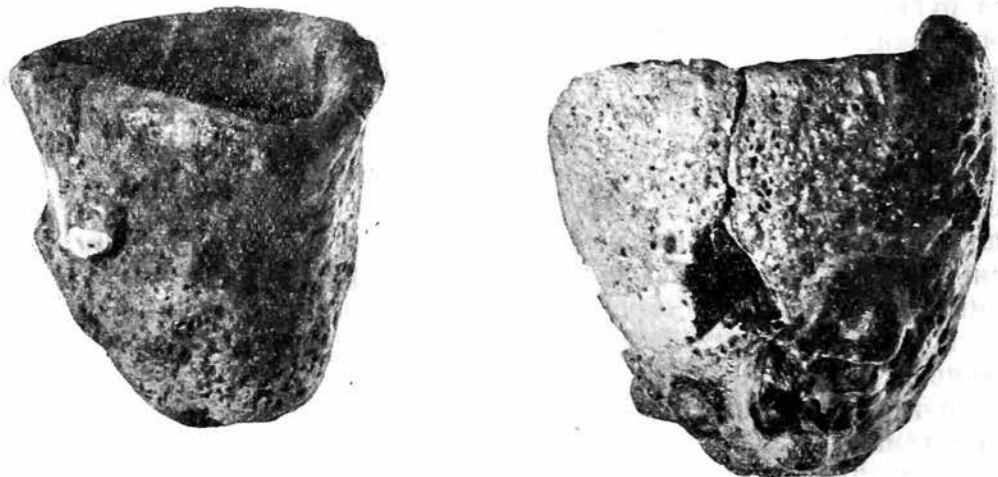

Рис. 6. Тигельки из Старой Ладоги.

позволяющими найти им аналогии (мозаичные, глазчатые и другие). Кроме описанных, надо упомянуть о ряде единичных бус, которые также не могут быть исключены из нашего обзора: рубчатые (синие, желтые, зеленые), стеклянные с пестрыми полосками, изготовленные в три слоя по принципу золоченых, и др. Дополнительный материал могут дать дальнейшие раскопки древних слоев Ладоги.

Что касается бус из горных пород, то в нижних слоях их было так мало и, появляясь преимущественно в верхних слоях городища, они столь несомненно связаны с последующими периодами его жизни, что правильнее было бы рассматривать их в связи с бусами позднейших эпох.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

КЕРАМИКА НИЖНЕГО ГОРИЗОНТА СТАРОЙ ЛАДОГИ

По материалам раскопок 1947 г.

Старая Ладога — один из древнейших и целостных памятников северо-западной территории СССР, раскрывающий важные страницы истории северной ветви славян.

Наибольший интерес заслуживает нижний культурный слой городища, соответствующий основному периоду древнейших жилых построек, от которых до нас дошли сравнительно хорошо сохранившиеся части фундамента и нижние венцы. Богатый по содержанию археологических остатков этот слой особенно насыщен древней лепной керамикой, представляющей наиболее рядовой, массово повторяющийся материал. Обилие и достаточное его многообразие определяют важное значение данного составного элемента культуры при изучении памятника в целом, при установлении его относительной и абсолютной датировки, а также, до известной степени, при определении этнического характера его населения.

В процессе исследования частного вопроса общей проблемы истории древнейшего на территории северо-запада СССР русского города Старой Ладоги — керамики нижнего культурного слоя городища, ее классификации и датировки — мы имели возможность четко выделить наиболее древние комплексы керамики, связанные с древнейшими жилыми сооружениями городища. Основой для подобного исследования послужил, главным образом, керамический материал из раскопок 1947 г., затронувших наиболее древние горизонты культурного слоя городища, материал к тому же наиболее точно фиксированный и документированный. Раскопками предшествующих лет (1938—1940 гг.) нижние горизонты городища были затронуты лишь частично и незначительно, а поэтому соответствующие остатки керамики привлекаются нами только в качестве сравнительного материала.

Данные разработанной нами (на основе анализа всего керамического материала нижнего слоя Старой Ладоги) классификации и распределения ведущих форм сосудов по горизонтам, выраженные графически в корреляционной таблице, целиком совпали с данными ранних комплексов керамики из древнейшего горизонта жилых построек, расположенных на материке.¹

Настоящая статья представляет собою лишь первую часть нашего исследования, посвященного керамике Старой Ладоги,² и имеет целью, как отмечалось, дать подробный анализ древнейшей ее группы, проис-

¹ Корреляционную таблицу и анализ керамики древнего культурного слоя в целом см. в следующем выпуске Советской археологии.

² В дальнейшем тексте Старую Ладогу будем сокращенно именовать «Ладога».

ходящей из нижнего горизонта культурного слоя. Сопоставление этих форм с близкими материалами синхронных археологических памятников и привлечение некоторых этнографических параллелей дает возможность поставить вопросы о технике производства керамики, ее относительной датировке и ряд других вопросов, связанных с соответствующими элементами материальной культуры.

Древнейшая группа лепной керамики Ладоги выделяется достаточно четко как в отношении стратиграфии, так и в отношении определения ее ведущих форм.

К данной группе относится керамика древнейшей части нижнего культурного слоя городища (на глубине 1.40—1.60 м от репера), условно обозначенного в процессе раскопок горизонтом e_3 и в основном увязывающегося с остатками жилого комплекса, так называемого «большого дома» на материке (рис. 1). Последний значительно отличается своими большими размерами и конструктивными особенностями — наличием двух рядов столбов и очага из известняковых плит, расположенных в центре постройки, — от обычных жилых сооружений Ладоги. Однако нет никаких сомнений, что «большой дом» представлял собою именно жилье: об этом говорят в первую очередь значительные культурные отложения и наличие среди них обычного набора очажной и настольной глиняной посуды.

Общий характер большой постройки (№ 1) с окружающими ее хозяйственными сооружениями и в том числе двором открытого типа, свободно расположившимися на довольно значительной территории, дает, как отмечает В. И. Равдоникас, цельную и яркую картину поселения отдельной семейно-производственной ячейки сельскохозяйственного типа.¹

Вещественный материал, происходящий из нижней части горизонта e_3 , непосредственно соприкасавшийся с заболоченной почвой, зачастую покрыт голубоватым налетом вивианита (особого химического образования болотистой почвы), что в ряде случаев сигнализирует о принадлежности материала именно к древнейшему жилому комплексу этого горизонта (e_3) и помогает более четко определить его верхнюю границу.

Таким образом, можно констатировать, что как стратиграфически благоприятные условия залегания непосредственно на материке, так и общая картина древнего жилого комплекса, свободно раскинувшегося на довольно значительной площади, не затемненная нагромождением более поздних построек, — дают возможность вполне четкого выделения древнейших для Ладоги групп керамики, представляющих весьма важный и полноценный материал. Это обстоятельство имеет существенное значение. Изучение древнейших остатков гончарного производства Ладоги должно помочь при решении следующих вопросов: 1) о нижней хронологической границе данного памятника и, следовательно, о времени возникновения поселения на территории Ладожского городища; 2) в известной мере, о путях колонизации этой территории. В связи с поставленными вопросами древнейший керамический материал городища должен быть подвергнут особенно тщательному анализу.

В общей массе керамики из нижнего культурного горизонта e_3 основную часть ($\frac{2}{3}$ общего количества) составляют раздавленные, но легко восстанавливающиеся сосуды, и лишь $\frac{1}{3}$ часть ее — единичные и случайные фрагменты. Так, отсюда было извлечено до 50 битых и (в отдельных случаях) целых сосудов.

При детальном изучении данной группы керамики бросается в глаза простота форм сосудов, почти полное отсутствие орнаментации, относительная грубость материала.

¹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологического исследования в 1938—1947 гг.). СА, XII.

Довольно характерен в этом отношении комплекс очажной посуды из большой постройки на материке. Здесь мы имеем целостную и разнообразную керамику самых различных размеров, назначения и формы. Наиболее распространена биконическая форма сосудов с резким переломом профиля; среди них выделяется широкая чаша, покрытая лощением; встречены также крупные сосуды цилиндрической и других форм.

Особенно грубы и массивны по своему внешнему виду наиболее крупные по размерам корчаги с широким венчиком и толстыми стенками, составляющие $\frac{1}{4}$ часть общего количества керамики данной группы;

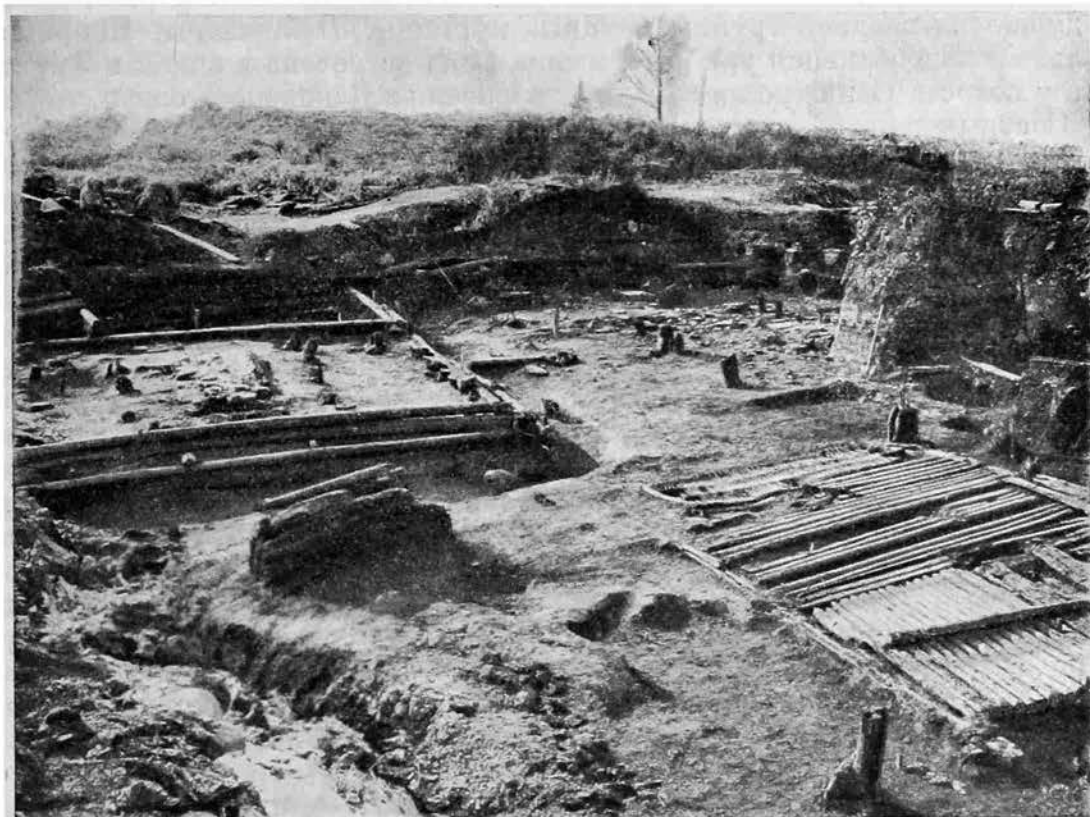

Рис. 1. Общий вид деревянных сооружений горизонта e_3 .

их диаметр зачастую достигает 50 см, толщина стенок обычно равняется 1.5—2 см.¹

Наиболее просты по форме корчаги цилиндрической формы с прямым венчиком и небольшим утолщением плечиков (типа 1а), их отвесные стенки едва заметно суживаются книзу. Высота подобных корчаг обычно превышает их ширину (рис. 2, 1).

В описываемом горизонте, в вымостке северо-восточного сектора раскопа были встречены 2 корчаги отмеченного типа, а также аналогичные крупные сосуды и лишь в одном случае подобный сосуд был обнаружен в вышележащем горизонте e_2 . Сосуды этого же типа были найдены и в нижнем ярусе построек в раскопе Н. И. Репникова 1913 г.

Для всех этих сосудов характерна довольно грубая глина, содержащая значительные включения зерен кварца; чернорыжий оттенок черепка

¹ Реконструкция формы сосудов производилась с помощью прибора для вычерчивания профиля сосуда по его фрагментам, разработанного М. П. Грязновым; см. его работу: Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам. СА, VIII, 1946.

и отсутствие на стенках нагара свидетельствуют об использовании подобных корчаг, видимо, не для варки пищи, а для хранения сухих запасов.

Если бы мы попытались обратиться к широким аналогиям, нам следовало бы отметить лишь то, что сосуды цилиндрической формы достаточно известны в раннеславянских памятниках Средней Европы, как, например, в Польше, причем некоторые польские археологи (Ю. Костржевский и др.¹) считают эту форму производной от деревянных ведер, распространенных в предшествующее время на территории Польши.²

Среди керамики, найденной на территории, соседящей с Приладожьем, в первую очередь надо отметить сосуды цилиндрической формы, происходящие из поздней группы длинных курганов Псковщины. Например, большая погребальная урна этого типа была встречена в одном из курганов у погоста Овинище на западном побережье Псковского озера.³

Сосуды аналогичной формы прослеживаются и на территории верхнего Поднепровья и Белоруссии в целом. К числу наиболее ранних относятся большие урны из поля погребения под Могилевом.⁴ Более обычны находки цилиндрических сосудов на данной территории в древних курганах с сожжением, например у М. Точилища б. Борисовского у. Могилевской губ., исследованных в 1923 г. А. Н. Лявданским.

Так, в кургане № 3, как отмечает А. А. Спицын, была встречена «очень грубая посуда с прямыми стенками с дресвой», среди сопровождающих находок отмечены сапфирного цвета буса и фрагменты бронзовой бляшки трапецевидной формы с точечным орнаментом. Под соседней с курганом № 3 разрушенной насыпью была встречена круглая прорезная бронзовая фибула, украшенная радиально расположенными в виде сияния прутиками и покрытая красной эмалью.⁵ Это давало известное основание для датировки данного памятника VI—VII вв. н. э.

Следует указать, что 2 сосуда цилиндрической формы происходят из длинных курганов у д. Верхне-Гаревые Полоцкого района Белорусской ССР (курган № 1).⁶ Однако основная масса керамики здесь относится к более позднему времени; среди нее имеются экземпляры, приближающиеся к типам обычных раннеславянских горшков. В числе сопровождающих находок были бронзовые подвески узкой трапецевидной формы, украшенные с боковых сторон двойными выпуклыми валиками, и бронзовая пластинчатая гривна серповидной формы, орнаментированная насечкой. Все это давало основания А. Н. Лявданскому, исследовавшему данный памятник, датировать его VIII—IX вв. Любопытно, что украшения, весьма близкие вышеописанным, встречены в соответствующих по времени горизонтах Ладоги.

Однако аналогии древним сосудам цилиндрической формы не ограничиваются сосудами, найденными в могильных памятниках, мы встречаем их также в ряде древних селищ и городищ того же Верхнего Поднепровья. Так, близкий материал дает селище у с. Рудня Полоцкого района БССР, на территории которого впоследствии возникает группа длинных и круглых курганов. Здесь грубые сосуды цилиндрической формы сочетаются с сосудами со штрихованной поверхностью, что давало основание

¹ «Старая Ладога». Сб. Гос. Этнографич. музея. Л., 1948, стр. 107.

² Józef K o s t r z e w s k i. Ceramika słowiańska między Łabą a Odrą w zagarniu dziejów. Przegląd archeologiczny, т. VII, ч. I, Познань, 1946, стр. 32.

³ Н. Н. Ч е р н я г и н. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, № 6, М.—Л., 1941, табл. III, 1.

⁴ Архив ИИМК, ф. 5, д. № 329, л. 42.

⁵ То же.

⁶ А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. Працы Археолёгічнай камісіі, т. II. Минск, 1930, стр. 184, рис. 1.

А. Н. Лявданскому сравнивать эту керамику с материалами Бельчицкого селища под Полоцком и считать ее предшествующей керамике старейших Белорусских городищ.¹

К числу древнейших форм посуды Ладожского городища относится обнаруженный в небольшой постройке № 2 на материке сосуд отвесно-биконической формы с ребром, проходящим по плечикам и отделяющим нижние $\frac{2}{3}$ сосуда от широкого прямого венчика диаметром 15 см, с чуть скошенным наружу краем (рис. 2, 2). Всего в нижнем горизонте отмечено 4 сосуда этого типа; в вышележащих горизонтах сосуда подобной формы не были встречены.

Наиболее обычное для данных сосудов соотношение высоты и ширины 1.5—2 : 1; изготовлены они из плотной глины хорошего обжига и не носят следов употребления на огне (нагар на стенках отсутствует).

Достаточно близкую аналогию этой форме посуды мы находим среди керамики Банцеровского городища Белорусской ССР.

Среди материалов, происходящих из Мощинского городища и близлежащих от него курганов с сожжением у дд. Маньково и Почепок б. Калужской и Смоленской губерний, в районе водораздела верхних притоков Днепра и Волги,³ мы находим несколько более отдаленные аналогии нашим сосудам (отвесно-биконической формы). Однако любопытно, что и здесь обычные грубые лепные сосуды сочетаются с керамикой гладкой, лощеной, черного или коричневого оттенка; в большинстве случаев это миниатюрные сосуды отвесно-биконической формы, с ребром, проходящим в нижней их части. На основании сопровождающего набора украшений, преимущественно предметов с эмалью, они датируются серединой I тысячелетия н. э. Среди этих украшений следует особо отметить древние прототипы бронзовых круглых бляшек, трехлопастных подвесок-лунниц, пластинчатых трапециевидной формы подвесок со штампованным орнаментом в виде шишечек и кружков.⁴ Все эти формы повторяются в более поздних их вариантах в нижних горизонтах Ладожского городища.

Возвращаясь к описанию керамики Ладоги, перейдем к наиболее распространенной в нижнем горизонте городища группе посуды обычной здесь широкогорлой биконической формы, встреченной в постройках №№ 1 и 2 на материке.

Для крупных корчаг и широкогорлых сосудов этого типа характерна четкая профилировка стенок; нижние $\frac{2}{3}$ сосуда отделены резко выраженным ребром — плечиками, широкогорлый венчик имеет чуть отогнутый, утолщенный край; стенки сосуда обычно полого суживаются к днищу (рис. 2, 3).

Размеры корчаг колеблются от 36 до 46 см, диаметр дна обычно равен 18—20 см, высота сосуда относится к наибольшей его ширине как 2 : 3.

В древнем горизонте встречены 3 корчаги этого типа, кроме того прослеживается переходная их форма, описание которой мы дадим далее. Эту же широкогорлую биконическую форму повторяют сосуды крупных и средних размеров, составляющие более половины общей массы керамики, и иногда даже миниатюрные сосуды-чашечки. Так, небольшой сосуд этого типа был встречен у восточной стороны постройки № 2.

¹ Там же, стр. 162, табл. I, 15—19.

² Архив ИИМК, ф. 5, д. № 378, л. 186 сл.

³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. III, 3, 9—11; XVI, 12.

⁴ Там же, табл. XI, 1—8.

В отдельных случаях подобные сосуды отличались более тонкими стенками; среди них наиболее характерный снабжен по наружному краю венчика карнизообразным выступом; ребро, проходящее по плечикам сосуда, подчеркнуто чуть выступающим утолщением — валиком (рис. 3, 4).

Размеры этой группы сосудов варьируют; диаметр венчика от 18 до 28 см, диаметр дна обычно в половину меньше, ширина верхней части сосуда в $1\frac{1}{2}$ раза превышает его высоту.

В составе инвентаря этой же, видимо, хозяйственной постройки (№ 2) было встречено до 10 корчаг и сосудов различного размера вышеописанного типа.

Однако необходимо отметить, что общий облик всего комплекса утвари и характер культурных отложений, значительно менее мощных, чем наслоения уже упоминавшейся большой постройки № 1, производит едва уловимое впечатление того, что постройка эта возникла несколько позднее и просуществовала относительно меньший промежуток времени.

Среди извлеченного отсюда комплекса глиняной посуды имеются и миниатюрные сосуды-чашечки. Один из них имеет обычные пропорции, ребро, проходящее по плечикам, разделяет его на две почти равные части (рис. 2, 4). Следы нагара на темнобурого оттенка стенках свидетельствуют об использовании этой чашечки для варки пищи. Второй миниатюрный сосудик светложелтой глины с округлым туловом и чуть отогнутым венчиком не носит следов нагара. Он несколько выделяется из описанной группы и приближается к обычной форме славянских горшков, распространенных в вышележащих горизонтах Ладожского городища (рис. 2, 5; 3, 1).

Сравнительно небольшое разнообразие настольной глиняной посуды (широких сосудов-чаш и миниатюрных чашечек) в значительной мере дополняла различного рода деревянная посуда — как то: деревянные чаши, ковши и т. п., неоднократно встречавшиеся в нижних горизонтах городища.

В основном аналогичный вышеотмеченному комплекс сосудов дает и другая, «большая постройка» на материке. Однако здесь выделяется один сосуд с более грубо очерченной прямой шейкой и отвесными стенками, имеющий неуклюжую приземистую форму (рис. 3, 2).

У этого сосуда несколько иное соотношение высоты и ширины, равное 1 : 1.5. Массовое распространение этот вариант биконической формы получает в последующее время, что находит отражение в комплексах керамики из жилых сооружений верхних горизонтов городища.

По составу глины и качеству обжига керамика нижнего горизонта подразделяется на две основные группы. К первой из них можно отнести все корчаги, сосуды крупных и средних размеров и реже небольшие сосуды-чашечки.

Все они обычно имеют сизо-черный цвет, иногда варьирующий от серо-черного до черно-бурого оттенка; глина содержит, как правило, значительную примесь крупных зерен кварца или дресвы. Керамика этой группы относительно хорошо обожжена, стенки сосудов благодаря их значительной толщине достаточно прочны.

Внутренняя поверхность крупных сосудов и, особенно, корчаг покрыта, как правило, значительным черным нагаром, иногда заходящим даже на наружный край венчика, и лишь небольшая часть сосудов данной группы не имеет нагара.

Отсюда достаточно ясно функциональное назначение этой группы посуды: в основном она составляет «очажный» инвентарь и предназначена для варки пищи и лишь частично — для хранения запасов; внушительные размеры соответствуют ее назначению.

Вторую, менее значительную группу составляет настольная и парадная посуда в виде небольших сосудов и чашечек, изготовленных из несколько менее грубой глины; сюда же входят единичные привозные сосуды из тонкой глины с лощением.

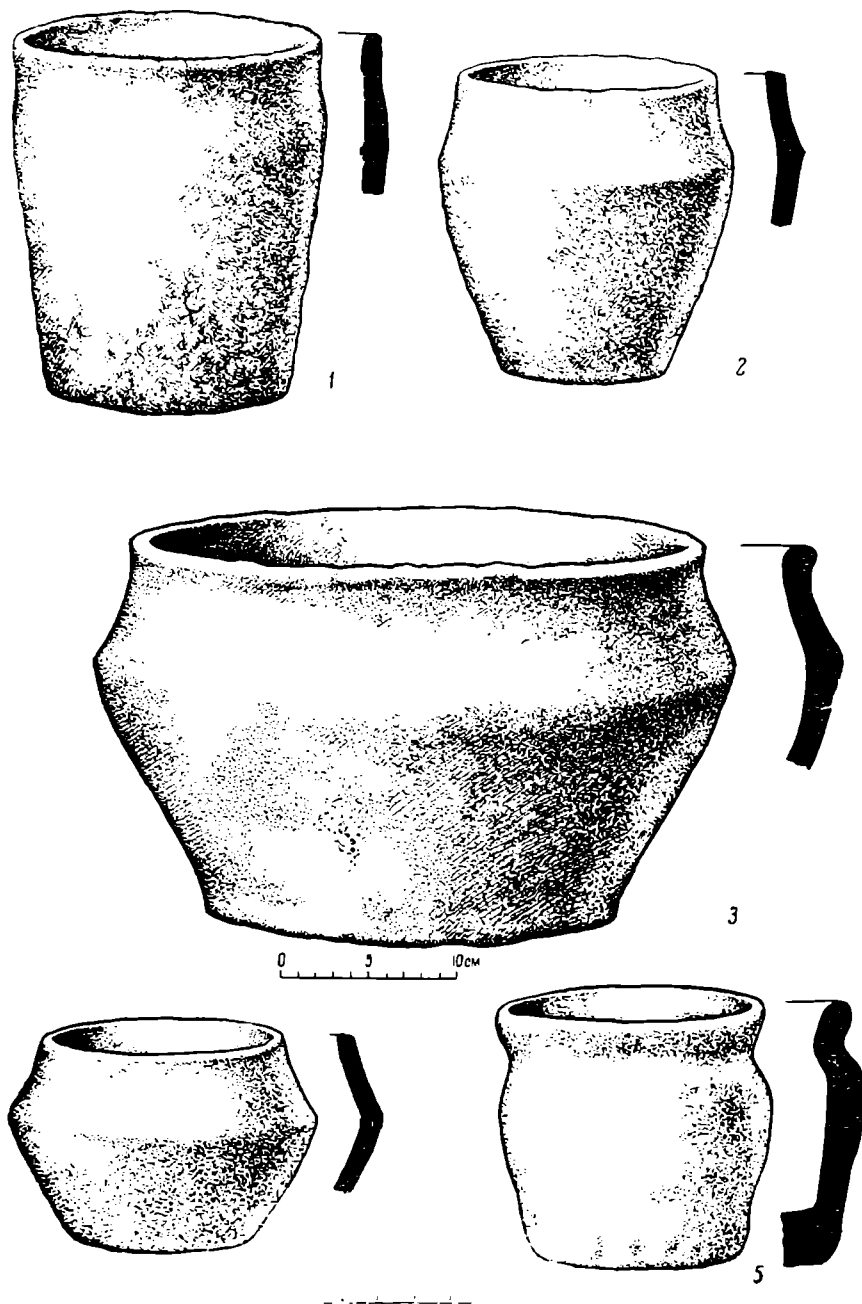

Рис. 2. Реконструкция форм сосудов из древних жилых построек Старой Ладоги.

Особого внимания заслуживает встреченный в жилом комплексе большого дома фрагментированный сосуд-чаша (диаметр 24 см) прекрасно выраженной биконической формы, отличающийся от основной массы керамики городища тщательностью изготовления и хорошим качеством глины.

Этот сосуд имеет резко профилированную широкую чашеобразную форму, четко подчеркнутую проходящим по плечикам ребром, разделяющим его как бы на две равные части. Верхняя половина тщательно отде-

лана, покрыта лощением в виде косых перекрещивающихся линий или так называемой сетки, нижняя же часть отделана более небрежно и имеет обычную шероховатую поверхность без лощения; высота сосуда относится к ширине как 1 2. (рис. 3, 3). Выделяет его из общей массы керамики городища и хорошее качество темнокоричневой глины, прекрасного

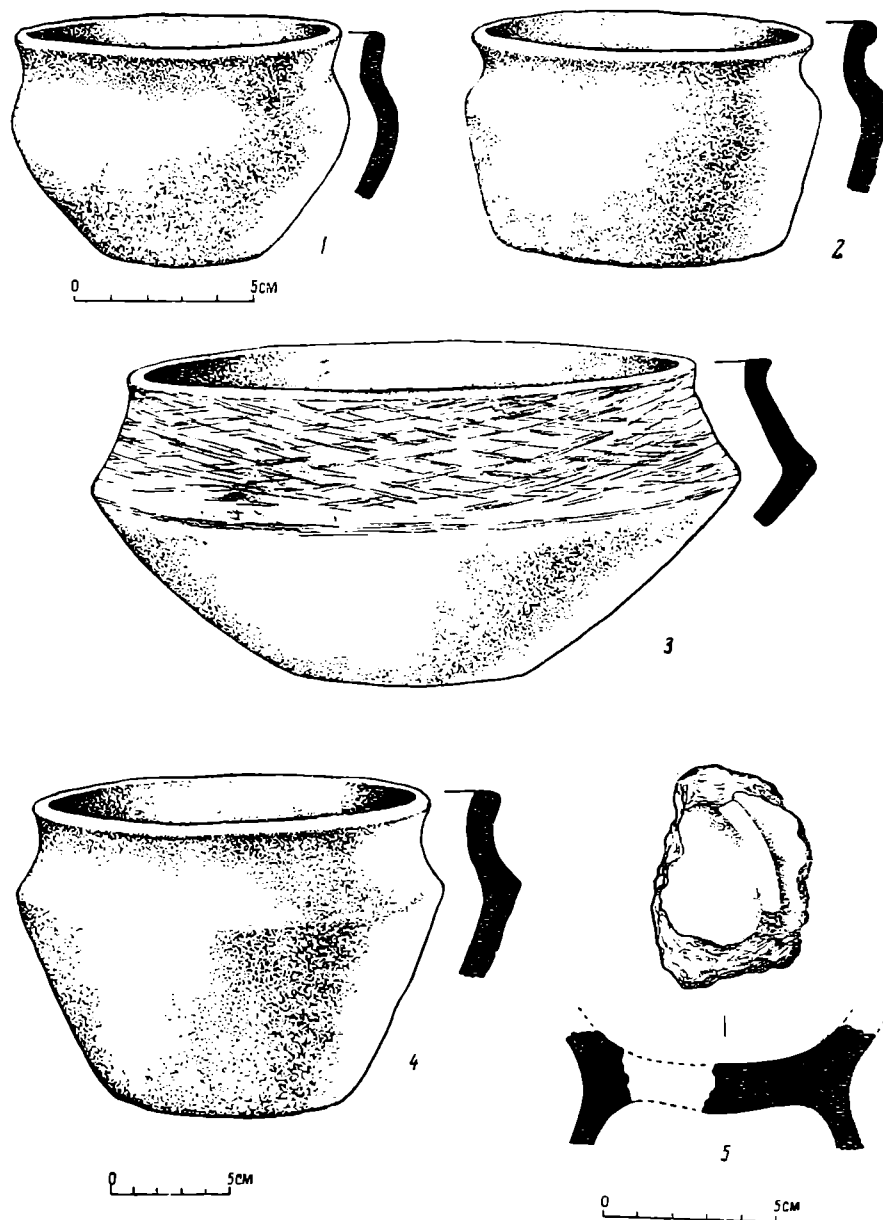

Рис. 3. Реконструкция форм сосудов из древних жилых построек Старой Ладоги.

обжига; черепок в изломе имеет красноватый цвет, тесто содержит небольшое количество мелких примесей. Тщательность отделки, хорошее качество глины и отсутствие нагара на стенках данного сосуда свидетельствуют не только о его принадлежности к числу парадной настольной посуды, но и говорят о неместном происхождении.

В данном случае мы, очевидно, имеем дело с предметом привоза. Сосуд явно относится к древнейшей постройке, хотя фрагменты его частично залегали и в вышележащем промежуточном горизонте. Однако решение вопроса о пути попадания этого изделия на северо-запад довольно сложно

и требует тщательного изучения аналогичных находок на соседней территории. Выделение описанного выше сосуда из общей массы грубой лепной керамики Ладogi еще не дает оснований считать его случайным элементом в ее составе. Этому противоречат не только сопровождающие его находки других сосудов также из тонкой и даже лощеной глины, но и повторение биконической формы с резким переломом плечиков на грубой лепной керамике Ладogi. Невольно возникает вопрос: не являются ли местные лепные сосуды со слабо выраженными следами лощения, отмеченные в нескольких случаях в нижнем горизонте Ладogi, подражанием привозному лощеному сосуду?

Среди остальной керамики описываемой группы также выделяется из общей массы материала днище тонкостенного сосуда зеленовато-серой глины, снабженное с нижней стороны тонким в разрезе поддоном (рис. 3, 5). Не менее любопытен встреченный здесь фрагмент венчика, повидимому, лепного сосуда с широкой горловиной (диаметр около 28 см), имеющей горизонтально срезанный утолщенный край; стенки сосуда несколько утончаются книзу и украшены под венчиком 2 узкими и одним более широким горизонтальными ребровидными выступами (рис. 4, 7).

Выделяется этот фрагмент и по составу хорошо обожженной глины коричневого, а на внутренней стороне черного цвета. Лицевая блестящая его поверхность, жирная наощупь от присутствия в глине примеси талька, кроме того покрыта лощением. Вместе с тем, в изломе черепка ясно выступает различимая наглаз вторая примесь в глине — отдельные волокна асбеста.

Сочетание в керамическом тесте двух столь различных примесей встречается довольно редко. Правда, древняя посуда с аналогичными примесями известна еще в эпоху энеолита и бронзы как в районе Прикамья и Западного Приуралья в целом, так и на территории Карело-Финской ССР, Скандинавского полуострова и частично Польши, т. е. в районах, где существовали древние ломки асбеста.

Тем не менее, аналогии вышеописанному экземпляру в северной керамике пока что нам неизвестны. Неизвестной считалась до сего времени посуда с примесью талька и асбеста и для территории юго-запада СССР, а также Западной Европы.

Между тем, еще В. В. Хвойко в работе, посвященной полям погребений среднего Поднепровья, при описании древнейшей керамики зарубинского типа отмечает, что на многих темных сосудах «блестящая поверхность достигалась с помощью употребления талька, а не графита, так как сосуды не отливают свойственным графиту аспидным блеском».¹

Очевидно, что материалы, близкие нашему фрагменту, следует в первую очередь искать в памятниках Поднепровья середины I тысячелетия н. э., даже среди типов черных лощенных сосудов-чаш, известных в памятниках полей погребальных урн Черняховского типа.²

Широко распространенные в древнейших жилых комплексах Ладogi и подробно описанные выше сосуды биконической формы с большим или меньшим изломом плечиков находят многочисленные аналогии в керамике раннеславянских памятников середины I тысячелетия н. э. на территории Западной Европы как то: Германии, Поморья, Польши, Чехии и ряда других стран.

Так, подобные формы керамики широко бытуют в указанное время, как отмечает ряд авторов, на обширной территории между реками Вис-

¹ В. В. Хвойко. Поля погребений в среднем Поднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, СПб., 1901, стр. 135.

² См., например, черную лощеную чашу, происходящую из Бароснянской Ольшанки близ Триполья. Архив ИИМК, ф. 5, л. № 329, л. 160 сл.

лой, Одером и Эльбой.¹ Исследователь раннесредневековой культуры Поморья В. Ленга связывает биконическую форму сосудов с территорией распространения позднеримской культуры в Западной Европе.²

Относительно датировки ранних форм биконических сосудов данного круга памятников существуют различные точки зрения. Так, Г. Кнорр в отмеченной его работе, бросая упрек некоторым немецким и другим авторам (в частности Э. Кункелю и др.) в том, что они относят древнеславянскую керамику к слишком позднему времени, в дальнейшем сам впадает в ту же ошибку, явно неправильно датируя древнейшие ее формы — биконические сосуды — лишь серединой IX в.³ Между тем, придерживающийся противоположного мнения Ю. Костржевский в рецензии на цитированную работу Г. Кнорра отмечал, что биконические формы керамики известны на территории Польши уже в VII в. и даже в конце VI в., но бытуют в течение длительного времени, сохраняясь частично и в IX в.⁴

Следует отметить и тот факт, что и среди западнославянского материала, в частности раннеславянской керамики Чехии, в качестве древнейшей группы выделяется категория ранней неорнаментированной керамики, однако отличающейся вытянутыми формами и слегка округлым профилем.⁵

Однако в настоящей работе, как уже отмечалось, мы не ставим перед собой задачи поисков широких аналогий рассмотренным нами древним формам керамики: это увело бы нас слишком далеко от основной цели. Суть дела заключается не в прослеживании широкого распространения отдельно взятой формы, ибо без учета остальных признаков она не имеет решающего значения, а в сопоставлении культурных комплексов в целом и в выяснении специфических локальных особенностей керамики интересующего нас памятника. Поэтому мы ограничимся лишь рассмотрением основного круга памятников, не только территориально и хронологически, но и по культурным остаткам в целом близких Ладогe.

В процессе описания материала уже было выяснено, что древнейшим элементом керамики нижнего горизонта Ладожского городища являются немногочисленные экземпляры привозных лощеных сосудов-чаш с резким перегибом плечиков, форму которых в известной мере повторяют и грубые лепные сосуды местного производства.

Ближайшие аналогии отмеченному лощеному сосуду — как по форме и качеству изделия, так и территориально — мы найдем в наиболее вклинившихся на север немногочисленных памятниках типа полей погребений, так называемых «миниатюрных» или «малых полях погребений», верхнего Поднепровья. Среди представленного в них керамического материала лепная посуда, покрытая лощением и близкая сосуду, отмеченному в Ладогe, является столь же обычной и общераспространенной, как и сопровождающая ее грубая лепная керамика. Так, сосуды этого типа из тонкой серой глины хорошего обжига были отмечены А. Н. Лявданским при исследовании им поля погребальных урн у с. Нлижние Нямы-

¹ Н. К н о р р. Die slavische Keramik zwischen Elbe und Oder. Лейпциг, 1937, табл. 12—13.

² W l e g a. Kultura Pomorza. We wczesnem średniowieczu na podstawie wykopalisk. Торунь, 1930, стр. 52.

³ К н о р р, ук. соч., стр. 2 и сл.

⁴ K o s t r z e w s k i, ук. соч., стр. 42 сл.

J. B o r k o v s k y. Nejstarši slovanská keramika ze strednich Čech. Památky Archaeologické za 1936—1938 гг., т. VI—VIII, Прага, 1939, стр. 106.

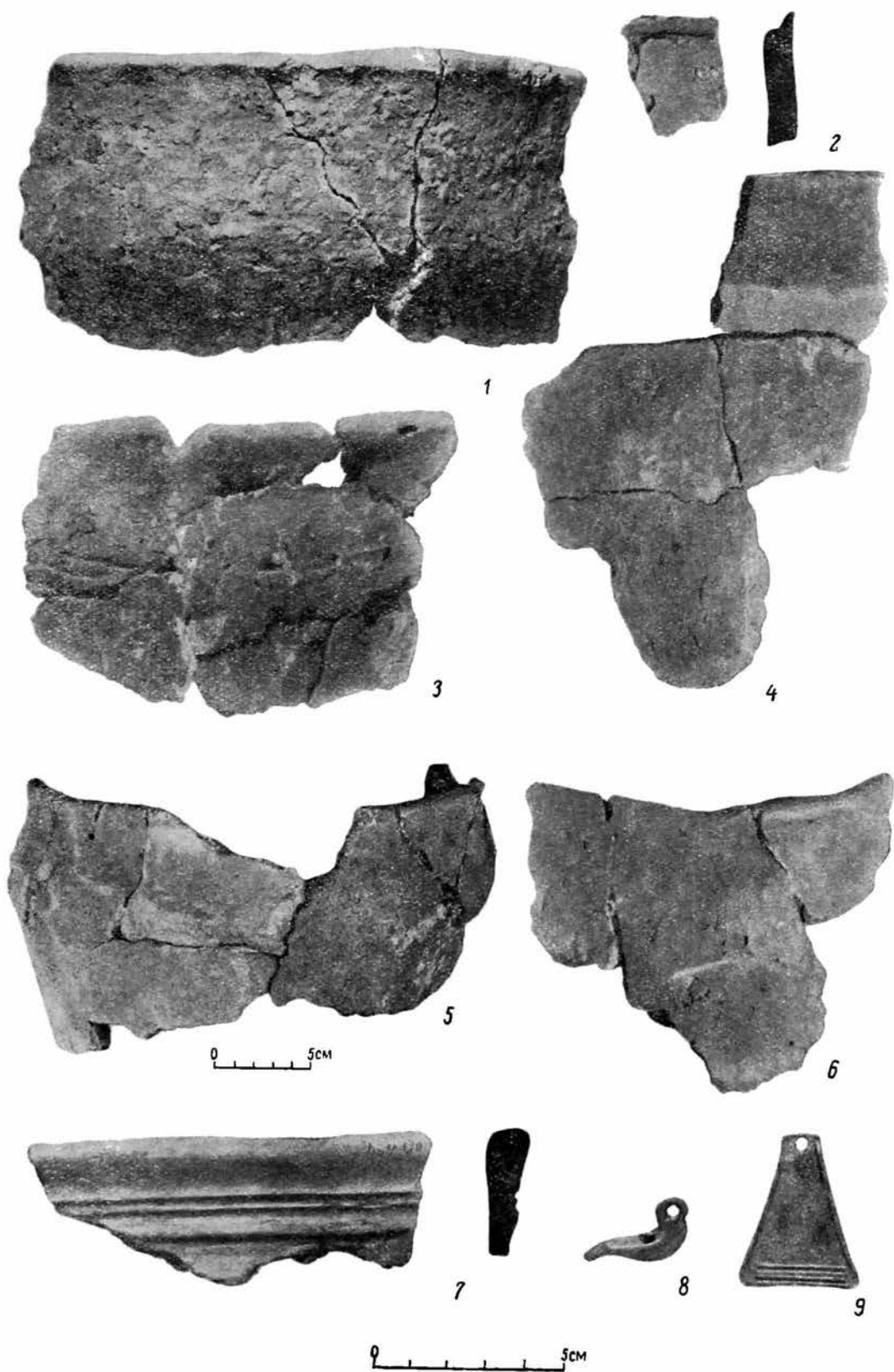

Рис. 4. Древний слой. Старая Ладога.
 1—7 — образцы керамики; 8 — костяная уточка; 9 — трапециевидная бронзовая подвеска.

кары Переснянского района Смоленской обл., где они сопровождались грубыми лепными сосудами крупных размеров из черной глины.¹

Значительно более близкую аналогию ладожскому экземпляру дает поле погребальных урн под Туровом в урочище Казаргац (исследования Шутова и А. Ковалени в 1927 г., продолженное в 1929 г. А. Н. Лявданским, С. А. Дубинским и И. Р. Колодкиным) в южной части БССР.

На данном памятнике среди хорошей по качеству керамики были встречены широкогорлые, резко профилированные сосуды-чаши из черной гладкой глины, повторяющие форму ладожского лощеного сосуда-чаши и отличающиеся разве лишь несколько более широким венчиком.

Среди сопровождающих их находок имелась бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная по краю одним рядом шишечек. Следует отметить, что А. Н. Лявданский относил культуру полей погребальных урн Смоленщины типа Нижних Нямькар и Казаргаца к эпохе раннего железа.²

Необходимо также указать, что фрагменты лепной посуды с лощеными стенками нижненямькарского типа встречаются, правда значительно реже, как отмечает А. Н. Лявданский, в нижних слоях городищ Смоленщины и частично на территории Северной Белоруссии, например на Банцеровском городище под Минском.

Однако вопрос о том, синхронны ли нижние слои упомянутых городищ культуре полей погребений Смоленщины, не является еще вполне ясным.

Довольно близки по форме вышеописанному лощеному сосуду из Ладоги несколько более грубые по качеству сосуды из курганов с сожжением Прикарпатья.³

Значительно больше аналогий массовому ладожскому материалу, т. е. обычным широкогорлым биконическим сосудам грубой глины с резким переломом плечиков, дает керамика среднего (II) культурного слоя Банцеровщины⁴ и аналогичных городищ Смоленской обл. Среди сопровождающих находок имеются бронзовые подвески уже отмечавшихся выше форм и проволоочная фибула римского типа с подвернутой ножкой. Все эти данные в целом давали возможность А. А. Спицыну ориентировочно отнести средний культурный слой Банцеровского городища к эпохе переселения народов, т. е. датировать его V—VIII вв. н. э.

В заключение для большей полноты картины многочисленных аналогий древнейшей ладожской керамике, встреченных в разнообразных могильных памятниках, а также городищах Смоленщины, подробнее остановимся еще на характерной находке, обнаруженной в одном из длинных курганов у д. Русанова гора б. Духовшинского у., раскопанных И. С. Абрамовым в 1905 г.⁵ Так, в длинном кургане № 31 отмечен сосуд-урна отвесно-биконической формы с едва отогнутым краем венчика, заключавший в себе остатки трупосожжения. Любопытно, что данный сосуд украшен по выступающему на плечиках ребру рельефными треугольными выступами-защипами, причем один такой выступ ритмично чередуется с группой из двух аналогичных выступов (рис. 5, 8). Здесь

¹ А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя доследы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Косплі ў Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, стр. 284, и сл., табл. IV, 1 и 2. Минск, 1930.

² Там же, стр. 285.

³ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. Архив ИИМК, ф. 5, д. 329, лл. 97—100.

⁴ А. А. Спицын. Днепровские городища. Архив ИИМК, ф. 5, д. № 378, лл. 185—201.

⁵ Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 193.

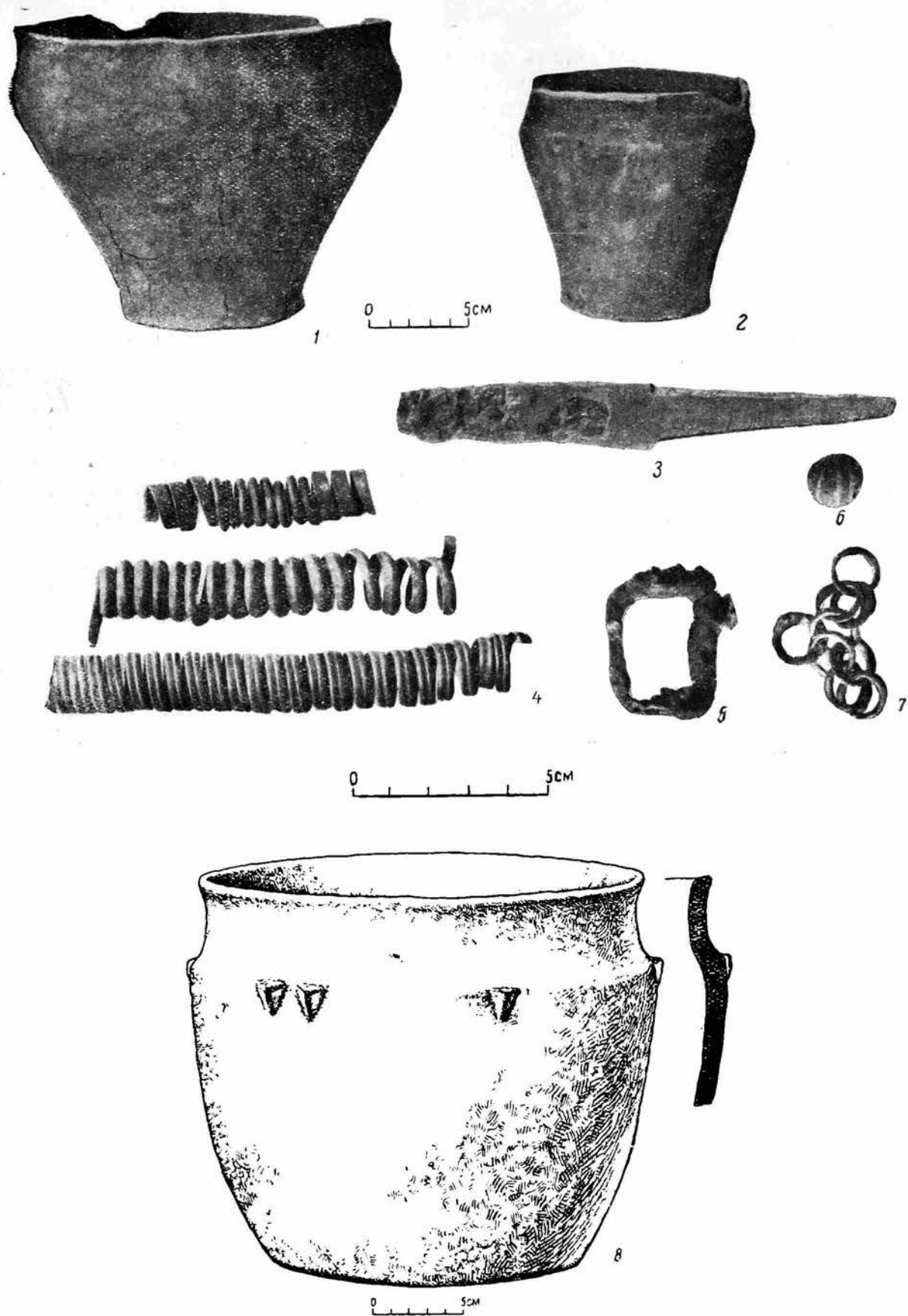

Рис. 5.

1, 2 — глиняные сосуды; 3 — железный нож; 4 — бронзовые спиральные пронизки; 5 — железная пружка; 6 — буса стеклянная; 7 — фрагмент кольчуги, грабительские раскопки курганов у д. Княжое село Боровичского района; 8 — глиняный сосуд из длинного кургана № 31 у д. Русанова Гора Духовищенского у., раскопки И. С. Абрамова.

мы имеем оригинальную деталь орнаментации ранней лепной керамики.¹ Данный сосуд средних размеров (диаметр венчика 20 см); изготовлен он из глины краснобурого цвета с черным оттенком, в изломе черепка отчетливо выступают зерна кварца.

В целом древнейшая группа ладожской керамики находит непосредственные и многочисленные аналогии среди материалов определенной группы памятников Поднепровья, а именно древнейших городищ Смоленщины и связанных с ними могильных памятников. Насколько можно судить по незначительным раскопкам, для них характерна, как правило, посуда, лишенная орнаментации, в отличие от керамики городищ бассейна р. Припяти. Это дало основание П. Н. Третьякову высказать предположение о том, что территория верхнего Поднепровья была заселена особой верхнеднепровской племенной группой славян.²

В то же время среди материалов, происходящих из длинных и круглых курганов на территории северо-запада, мы находим сравнительно немногочисленные аналогии древним типам керамики биконической формы. К их числу относится широкогорлый сосуд с прямым венчиком и округлым, суживающимся книзу туловом и четким ребром в верхней части сосуда; происходит он из кургана № 6 у д. Ярцево³ (раскопки В. И. Сизова в 1903 г.).

Второй сосуд, близкий по форме предыдущему, но значительно меньших размеров, происходит из кургана № 2 у д. Обрыня б. Демянского у. Новгородской губ. (раскопки П. А. Садикова в 1911 г.⁴). Он имеет сглаженнобиконическую форму, чуть отогнутый венчик; изготовлен из сравнительно тонкой светлой глины. На нижней стороне дна имеется вогнутое округлой формы углубление.

Наконец, небольшой сосуд чуть более вытянутой формы, с четким ребром в верхней его части был встречен в сопке № 1 у д. Золотое Колено по нижнему течению р. Мсты (раскопки П. Г. Любомирова в 1910 г.⁵); он сопровождался обломками сердоликовых бус октаэдрической формы, фрагментами бронзовой спирали и железных круглых звеньев цепи.

Значительно разнообразнее представлены в отмеченных памятниках несколько более поздние, переходные типы керамики.

Все эти данные свидетельствуют о длительном переживании древних форм. Так, можно отметить, что среди керамики, происходящей из круглых курганов с сожжением IX—X вв. юго-восточного Приладожья, имеется несколько массивных толстостенных сосудов приземистой биконической формы с широким венчиком, с ребром в верхней части.⁶

В значительной мере сохраняет древнюю форму сосудов с ребристым, несколько сглаженным профилем набор горшков, происходящих из грабительских раскопок курганов с сожжением у д. Княжое село Боровичского района Новгородской обл. (рис. 5, 1—2, 5).

На основании сопровождающих находок — бронзовых спиральных пронизок, изготовленных из плоской в сечении орнаментированной пластины, ранних типов ножей с расширенной средней частью, крупных

¹ Гос. Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры, колл. 812/464.

П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, № 6, М.—Л., 1940, стр. 14.

³ Архив ИИМК, д. № 76, 1903 г. Материал хранится в 3-м отделе Гос. Исторического музея.

⁴ Гос. Эрмитаж, ук. отдел, колл. 851/8.

⁵ П. Г. Любомиров. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях. ЗОРСА, т. IX, П., 1915, стр. 232 сл., рис. 5—6.: см. также: Чернягин, ук. соч., МИА СССР, № 6, табл. IX, 4.

⁶ Гос. Исторический музей, 3-й отдел, № 1357; номер кургана не известен.

синих и мозаичных стеклянных бус и проч. — комплекс можно ориентировочно датировать VIII — началом IX в.¹ В основном он увязывается с последующим горизонтом Староладожского городища.

Весьма близкий только что описанной керамике сосуд сглаженно биконической формы имеется среди материалов из раскопок Н. И. Репникова в 1909 г. на р. Сяси; сосуд был обнаружен в основании сопковидного кургана № 2 у д. Городище² и сопровождался костяной гребенкой типа, характерного для IX—X вв.³ Отметим, что данная курганная группа является одной из наиболее древних в Приладожье и содержит ряд сожжений, датирующихся IX в.

* *
* *

Итак, рассмотренная нами древнейшая группа лепной керамики Ладожского городища значительно выделяет данный памятник из общей массы других, наиболее обычных для территории северо-запада раннеславянских могильников и поселений.

Поиски аналогий не помогли пока что найти среди доступных нам материалов достаточно многочисленных и более или менее четко прослеживающихся звеньев, связывающих Ладожское городище с древнейшими могильными памятниками северо-западного края — длинными курганами (более позднего типа) Псковщины, сопками и древними курганами Новгородчины и Ленинградской области. Исключение составляют лишь могильные памятники самой Ладogi, непосредственно связанные с поселением на территории городища. Среди них древнейшими, синхронными нижнему горизонту поселения можно считать столь характерные для окрестностей Ладogi сопки волховского типа. Что касается древнего могильника с сожжениями, расположенного на южном конце городища, то немногочисленный могильный инвентарь позволяет ориентировочно увязывать его с вышележащими горизонтами городища.⁴

Таким образом, наибольший интерес в этой связи для нас представляют древнейшие классические сопки волховского типа, отличающиеся мощной (конусовидной или полусферовидной формы) насыпью, содержащей обычно каменную кладку и остатки неоднократных захоронений. К сожалению, все они дают немногочисленную аморфную керамику; значительная часть ее была утрачена, все сохранившиеся же сосуды — баночной формы, слеплены от руки из грубой глины.

Однако остальной могильный инвентарь из сопок дает опорные данные для их датировки. Так, в древнейшей группе сопок у урочища Победище (погребение 140-V) был встречен набор блюшек раннеприкамского типа: тройчаток, полуовальных и круглых прорезных с радиальной штамповкой и удлиненных с накладкой, орнаментированной елочкой.⁵ Он находит полную аналогию в инвентаре могильников у д. Горбунята и Броды Кунгурского района Пермской обл. и представляет наиболее ранние из известных в Приладожье привозных прикамских изделий, датирующихся, в основном, VII—началом VIII в.

¹ Гос. Эрмитаж, ук. отдел, № 852. См. также: ОАК, 1912, Отд. II, Случайные находки и приобретения, стр. 77—78, рис. 86—87

² Н. И. Репников. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уу. ЗОРСА, т. XI, П., 1915, стр. 39, рис. 5—3.

³ См.: Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, МАР, № 18, табл. V, 3.

⁴ См.: С. Н. Орлов. Могильник в Старой Ладoge. Уч. зап. ЛГУ, Серия историч. наук, вып. 10, Л., 1940.

⁵ Бранденбург, ук. соч., табл. VI, 6, 11, 13, 20 и VII, 4.

Отметим, что аналогичный набор бляшек был встречен в курганах Каавонтонка и Изокиро в Финляндии и датировался А. Гакманом на основании характера памятника и сопровождающих находок концом VI—VII вв.¹

Все эти данные, а также находки, сделанные в других древних сопках Ладogi, — ранние типы железных ножей с расширенной средней частью, круглый гофрированный бубенчик, близкий по типу к известным бубенчикам из могильников Северного Кавказа,² и ранние формы круглых синих стеклянных бус с желтыми и красными глазками и проч. — дают некоторое основание для датировки древнейших погребений сопки VII — началом VIII в.

Среди материалов других, близких нижнему горизонту Ладogi памятников северо-запада можно лишь отметить встреченные нами в виде исключения случаи переживания древних форм керамики — например, цилиндрические сосуды-урны из курганов у погоста Овинище и дериваты миниатюрных биконических сосудов из курганов у д. Обрыня Демянского района Новгородской обл., а также биконические сосуды с несколько сглаженной профилировкой из грабительских раскопок у д. Княжое село Боровичского района.³

В то же время, что особенно важно, многочисленные аналогии для наиболее древних элементов культуры Ладogi уводят нас к памятникам, расположенным на территории Смоленщины и верховьев Днепра. Самые древние связи памятников этих территорий устанавливаются на основании аналогий древнейшим формам, встреченным в Ладoge, видимо привозным лощеным сосудам-чашам биконической формы; подобные сосуды мы находим не только в далеко заходящих на север памятниках полей погребальных урн, типа Нижних Нямыкар на территории Смоленщины, но также в поле погребений Казаргац на р. Припяти в Южной Белоруссии, частично увязывающемся с Деснинской группой городищ. Напомним, что миниатюрные поля погребений Белоруссии относятся в основном к эпохе раннего железа.

Более многочисленные связующие звенья между памятниками Смоленщины и Ладожским городищем прослеживаются по цилиндрическим и биконическим формам грубых лепных сосудов, являющихся ведущими в керамике нижнего горизонта Старой Ладogi.

В процессе исследования и сопоставления материала нами было установлено, что аналогичные формы посуды широко известны в древнеславянских могильных памятниках Смоленщины, как то в длинных и древнейших круглых курганах с сожжением типа Русановой горы и Точилища, а также в древних культурных слоях старейших белорусских и смоленских городищ и селищ Банцеровского типа (например, селения у д. Рудня, Бельчицком городище и др.).

Сопровождающие упомянутую керамику находки, например круглая ажурная фибула с красной эмалью, обнаруженная в кургане у д. Точилище, и трапециевидные орнаментированные подвески сравнительно ранних типов, известные из Казаргаца, Точилища и Банцеровщины и др., а также сопоставление всех этих памятников давали возможность датировать их VI—VII вв. (А. А. Спицын, А. Н. Лявданский).

Однако эта ориентировочная датировка древнеславянских памятников Смоленщины не может быть механически перенесена на древнейшую

¹ A. H a c k m a n. Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyro. Finska Fornminnesfören:ngens Tidskrift, XLI. Хельсинки, 1938, стр. 186, рис. 58.

² Б р а н д е н б у р г, ук. соч., табл. VII, 6 и VIII, 7

³ ОАК, 1912, Отд. II, Случайные находки и приобретения, стр. 77—78, рис. 86—87. — Гос Эрмитаж, Отд. истории первобытной культуры, колл. 852.

группу ладожской керамики. Опорные данные для датировки последней могут быть получены лишь при сопоставлении хронологически четко определяющихся материалов Смоленщины с древнейшими формами керамики Ладоги. Детальный анализ последней с учетом сопровождающих ее датирующих находок [например, литейная формочка для отливки трехлопастной фигурной подвески-лунницы, представляющая поздний дериват подобных древних подвесок с эмалью, неоднократно встреченные здесь трапецевидные подвески, украшенные шпичками, костяные миниатюрные подвески-уточки (рис. 4, 8, 9), находящие аналогии в длинных курганах, и ряд других предметов] позволяет несколько уточнить датировку описанной группы керамики. Все отмеченные данные и соображения предоставляют, по нашему мнению, возможность датировать эту группу, в основном, VII в. н. э., с вероятным ее продолжением (конец VI в., начало VIII в.).

Необходимо напомнить что В. И. Равдоникас в статье, посвященной итогам раскопок Старой Ладоги в 1938—1947 гг., останавливаясь на вопросе определения нижней хронологической границы городища, отмечает пока еще недостаточное количество опорных данных и ограничивается приблизительной, но весьма вероятной, по его мнению, датой VI—VII вв.¹

Результаты исследования древнейшей группы лепной керамики Ладоги, как нам кажется, несколько расширяют возможности для обоснования нижней хронологической границы данного памятника.

Приведенная ранее ориентировочная датировка древних погребений из волховских сопок в известной мере подкрепляет предлагаемую нами датировку нижнего горизонта культурного слоя Ладоги VII — началом VIII в. Однако естественно, что выдвинутое нами определение нижней хронологической границы носит в известной мере предварительный характер и должно быть уточнено и детализировано в процессе дальнейшего поступления материала и его исследования. Тем не менее уже сейчас на основании общего характера материала и установления его связей с соответствующим материалом других памятников можно предположить, что уточненная нижняя дата городища будет более древней.

* * *

Непрерывность и продолжительность существования на территории земляного городища Ладоги древнего поселения нашли свое отражение в его материальной культуре, в непрерывности ее развития и процессе постепенной смены форм, а также в длительном сохранении старых традиций. Этот процесс сказался, в частности, на развитии и смене древних форм керамики и длительном переживании старой лепной техники, сохраняющейся почти до конца X в.

Вместе с тем наблюдающаяся здесь обычная для славянских памятников конца I тысячелетия н. э. лесной полосы СССР картина сосуществования в середине X в. лепной керамики и керамики, сделанной на гончарном круге, и затем полное вытеснение первой к концу X в. — лишь грубо и односторонне отражает происходивший в это время сложный процесс технического прогресса.

Пристальное изучение керамического материала Ладоги с точки зрения его производства дает возможность, в силу массового характера

---

¹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. Из итогов археологического исследования в 1938—1947 гг. СА, XII.

этого материала, сделать некоторые ценные наблюдения, раскрывающие новые, до сего времени остававшиеся в тени стороны техники производства. На основании данных этого анализа мы имеем право утверждать, что техника производства керамики на гончарном круге не была принесена извне, а развивалась здесь же, на месте.

Весьма важным и взаимосвязанным с предыдущим является вопрос о выделении и развитии гончарного дела в самостоятельное ремесло из доминировавшего до X в. домашнего производства.

Однако эти сложные вопросы связаны с изучением керамического инвентаря Ладоги в целом и могут быть поставлены и в какой-то мере разрешены лишь в процессе дальнейшего накопления и исследования материала.

Настоящий раздел работы мы посвящаем вопросу техники изготовления наиболее древней группы лепной керамики Ладоги и частичной реконструкции самого процесса производства, исходя, в первую очередь, из самого материала и дополняя эти данные привлечением близких этнографических параллелей.

К сожалению, в нашей археологической литературе весьма скромное место до сего времени отводилось вопросам техники производства раннеславянской лепной керамики. В ряде археологических работ все эти вопросы затрагиваются лишь попутно, не составляя основную часть исследования. Что касается работы М. В. Воеводского, посвященной гончарной технике первобытно-коммунистического общества, представляющей большой интерес и содержащей ряд весьма ценных наблюдений исследователя, то, как говорит уже название, она построена в основной части на неолитическом материале.¹ Правда, архаическая техника гончарного производства бытует чрезвычайно длительно. Однако вопросы техники производства керамики более позднего периода затронуты автором лишь вскользь и не всегда правильно ориентируют читателя в данном вопросе.

Значительно более разработанным и полнее освещенным в археологической литературе является вопрос техники производства славянской керамики, изготовленной на гончарном круге. Наиболее свежий и насыщенный содержанием материал в этом отношении дают соответствующие разделы монографии Б. А. Рыбакова, посвященной ремеслу древней Руси.²

Ряд ценных исследований, посвященных вопросам истории гончарного производства и построенных на археологическом материале, появился за сравнительно недавний промежуток времени в польской археологической литературе. Среди них наибольший интерес представляют работы В. Голубовича, к которым мы будем обращаться в дальнейшем.

При анализе техники изготовления древней лепной керамики Ладоги существенное значение имеет не только сравнительное сопоставление керамики раннеславянских памятников лесной полосы СССР, но и привлечение сравнительных этнографических данных, зачастую включающих элементы архаического гончарного производства. Наиболее близкие параллели по производству керамики на ручном круге дают этнографические материалы широкой полосы северных лесных областей.

Изучение бытовавших до недавнего времени у жителей Ленинградской области, Карелии, Белоруссии и смежных районов примитивных при-

¹ М. В. Воеводский. О гончарной технике первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА, I.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 71—77, 163—181, 342—373 и 661—662.

мов горшечного производства с применением архаического ручного гончарного круга в значительной мере помогает реконструировать процесс производства древней лепной керамики.

При изучении древнего гончарного производства многие исследователи почти совсем не обращали внимания на состав керамического теста и примеси. Правда, изучение этих данных, казалось бы, требовало довольно сложной методики микроскопического исследования шлифов, применявшейся отдельными польскими археологами, например Т. Рейманом.¹ Однако знаток древней гончарной техники В. Голубович, применявший в начале своих исследований в этой области указанную методику, в итоге своих многолетних работ приходит к выводу о возможности достаточно точного определения состава глины простым механическим способом, в том случае, если материал происходит из одного памятника и содержит значительное количество примесей.²

Применение при исследовании массового и в известной мере однородного керамического материала Ладogi механического способа, с использованием более усовершенствованной бинокулярной лупы, оказалось вполне достаточным для составления полного представления о составе керамического теста. Подобному анализу благоприятствовало изучение самого материала в процессе предварительной обработки, окончательно не восстановленного, позволяющее просматривать изломы черепков и их соединение по стыкам полос.

По составу керамического теста посуда нижнего горизонта Ладogi делится на четыре основные группы:

1) массивная толстостенная очажная посуда сизо-черного цвета с примесью остроугольных или несколько окатанных зерен кварца, среднего обжига. В общей массе керамики нижнего горизонта она составляет 64%;

2) грубая посуда черно-бурого цвета с примесями зерен кварца и частично песка, плохого обжига, составляет 20%;

3) посуда из плотной темносерого цвета глины с мелкими примесями, хорошего обжига, составляет лишь 12%;

4) образцы привозной посуды из тонкой глины хорошего обжига (часто покрыты лощением) составляют всего 4%.

Как уже ясно видно из приведенных данных, наиболее характерную и многочисленную группу керамики нижнего горизонта представляют достаточно массивные и грубые очажные, или «кухонные» сосуды и корчаги. Анализ состава керамического теста показал, что в качестве отощающего вещества в глину примешивались остроугольные или несколько окатанные зерна кварца, которые либо получались искусственно, либо брались из флювиогляциальных или речных отложений.³

Черный цвет очажной посуды с углистым блеском, ясно выступающим в изломе черепка, по видимому, объясняется наличием в тесте какой-то органической примеси, пронизывающей все его поры, следовательно вводившейся в виде органической жидкости, на которой замешивалась глина (предположительно навозная жижа).⁴ Применявшаяся здесь

¹ T. R e y m a n. Problem ceramiki siwej na kole toczonej, na tle odkryć w górnym dorzeczu Wisły. Wiadomości Archeologiczne, т. XIV, 1936, стр. 152.

² W H o ł u b o w i c z. Technika obróbki gliny w eneolitycznej osadzie ceramiki malowanej w Szypienicach na Bukowinie. Przegląd Archeologiczny, т. VII, тетр. 2, 1947, стр. 131 и 157, прим. 4.

³ Определение механического состава керамического теста было произведено сотрудником ИИМК В. А. Петровым; кроме того, ряд наблюдений мне удалось сделать в процессе работы над материалом в Отделе первобытной культуры Гос. Эрмитажа с помощью бинокулярной лупы, дающей 10-кратное увеличение.

⁴ По предварительному определению В. А. Петрова.

сравнительно небольшая температура обжига была недостаточна для минерализации органического вещества, в силу чего происходило лишь его обугливание, что и придавало черепку в изломе черно-углистый оттенок. В отдельных случаях при более сильном действии огня происходило сгорание органического вещества и образование множества мельчайших полостей или пустот, ясно различимых через лупу в изломе черепка.

Наряду с вышеотмеченной, выделяется менее значительная группа керамики черно-бурого цвета с крупными, неравномерно распределенными в керамическом тесте примесями, отличающаяся плохим обжигом и рыхлыми, легко расслаивающимися стенками. Она составляет всего около 20% в общей массе керамики нижнего горизонта.

Среди последней выделяются образцы с включениями в качестве отошающих примесей двух различных плохо перемешанных в керамическом тесте веществ: 1) крупных остроугольных кристаллов кварца, полевого шпата и зачастую также мелких чешуек золотистой слюды, полученных обычно из размельченного гранита; 2) мелкого кварцевого песка, происходящего из слоев кембрийских белых стекольных песков. Выходы этих песков на поверхность имеются в береговых разрезах рек Волхова и Ладожки как в районе Старой Ладogi, так и в 3—4 км ниже ее.

Впрочем, примесь песка в сосудах данной группы скорее всего естественная, что подтверждается наблюдениями над некоторыми образцами аналогичной керамики близких памятников, в то время как примесь зерен кварца безусловно искусственная.

Плохое качество отмеченной нами керамики и отсутствие нагара на стенках сосудов указывают на употребление подобной посуды лишь для подсобных целей (хранение сухих запасов).

Наиболее обычны в грубой лепной керамике Ладogi минеральные примеси в виде остроугольных зерен кварца, видимо полученных из искусственно раскрошенных кусков гранита путем быстрой смены нагревания и охлаждения его.

При более тщательном способе выделки посуды полученные подобным путем зерна кварца просеивались через редкое сито, чем достигалась равномерная их сортировка. Гораздо реже употреблялись в качестве примесей несколько окатанные зерна кварца из моренных песков.

Наличие этих грубых отошающих примесей в лепной керамике Ладogi служило своего рода костяком; хотя они и придавали глиняному тесту большую грубость (характерна потрескавшаяся, разорванная зернами кварца поверхность готовых сосудов), но в то же время служили опорой, предохраняющей изделия от значительной усадки и деформации при их обжиге (рис. 4. *а* и *б*).

Особенно необходимы были эти грубые примеси в наиболее ходовой очажной посуде, так как они придавали ей огнеупорность и предохраняли от быстрого растрескивания. Вопросу неправильного применения условных терминов «отмученная» и «грубая глина» посвящена небольшая заметка В. Голубовича. В ней автор вполне резонно отмечает, что самый факт применения глины с искусственными примесями свидетельствует о больших знаниях, опыте и доле затраченного на это дело труда, в сравнении с тем, чего требовало применение в гончарном производстве естественной жирной глины.¹

Применение в древнем гончарном производстве минеральных примесей к глине в виде искусственно полученных неокатанных зерен кварца

¹ W. Hołubowicz. Gлина «szlamowana» i «grubej roboty» w garncearstwie przedhistorycznym. Przegląd archeologiczny, т VII, тетр. 1, 1946, стр. 91.

или «дресвы» широко практиковалось в древнеславянской лепной керамике лесной и лесостепной полосы СССР, а также известно и по синхронным западно-славянским памятникам (например, Польша).

Эти же приемы широко известны в гончарном производстве по этнографическим данным. Так, например, гончары б. Мартыновской волости юго-западной части б. Краснохолмского у., работавшие до недавнего времени на ручном гончарном круге, примешивали в глину, кроме песка, специально приготовленный битый «декарный» камень, просеянный через сито.¹

Однако наличие грубых примесей в керамике еще не обуславливало ее огнеупорности и прочности. Для придания керамике этих качеств необходимо было второе условие — равномерное распределение примеси в керамическом тесте, что достигалось лишь хорошим перемешиванием. В том случае, если последнее правило не соблюдалось, изделия получались не только грубые, но и непрочные, не обладающие качеством огнеупорности, столь необходимым для очажной посуды.

Среди описываемой нами группы керамики мы имеем небольшое количество подобной непрочной посуды, очень быстро получающей трещины, расслаивающейся и приходящей в негодность. Возможно, она является делом рук неопытного мастера.

Как можно судить по данным этнографии северо-западных районов СССР, перемешивание глины относилось, пожалуй, к самому физически тяжелому моменту в процессе гончарного производства.² Оно обычно производилось на полу босыми ногами, способом, известным еще в древнем Египте.

Заслуживает внимания лично наблюдавшийся Д. К. Зелениным и описанный им процесс архаического гончарного производства в с. Зеренде б. Кокчетавского у. Акмолинской обл. Автор отмечает, что нужный для производства ком глины замешивают с $\frac{1}{5}$ частью воды, размягчают и мнут на куске толстой ткани на полу, надавливая на глину пяткой ноги. Легкое отставание глины и шелканье под ногой служат признаками того, что глина умята.³

Жители Западной Белоруссии перед тем, как приступить к выделке гончарной глины, тщательно очищали рабочее место, мыли посуду, связанную с производством, и пол, на котором эту глину должны были мять босыми ногами.⁴ В качестве примесей и здесь также широко употреблялись просеянные через сито зерна толченого гранита.

В основном те же приемы перемешивания глины применялись до недавнего времени и в процессе кустарного горшечного производства населением Ленинградской области; этот способ был отмечен в гончарные братьев Аносовых в г. Боровичи⁵ (рис. 6).

Можно предположить, что применявшиеся древними жителями Ладogi способы замешивания глины мало чем отличались от вышеописанных. Характерной особенностью являлось лишь замешивание глины для изготовления корчаг и другой очажной посуды на органической жидкости, что, видимо, придавало большую прочность. Несомненно, это свидетельствует об известных навыках древних гончаров.

¹ Н. С. Р о з о в. Народная техника гончарного производства в Тверской губ. (По материалам Верхне-Волжской этнологической экспедиции Академии истории материальной культуры). «Тверской край», № 5 (9), май, 1926, стр. 42.

² П. С т е п а н о в. Гончарное производство Саратовской мордвы. Листовка № 16 Саратовского Гос. Областного музея, стр. 2.

³ Д. К. З е л е н и н. Прimitивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. Этнография, № 1 и 2, 1927 г. М.—Л., стр. 92.

⁴ P o ł u b o w i c z, Przegląd Archeologiczny, т. VII, тетр. 2, 1947, стр. 142.

⁵ Фотоархив ИИМК, № А 10276.

Из остальных групп керамики, менее характерных для нижнего горизонта Ладоги, можно отметить также следующие.

Посуда из темносерой, иногда черного оттенка глины с тонкими примесями из хорошо перемешанного в керамическом тесте некрупного речного кварцевого песка или реже мелкого белого кембрийского песка. Отличается она средним, не всегда достаточным обжигом и использовалась преимущественно в качестве посуды настольной; составляет $\frac{1}{5}$ часть керамики нижнего горизонта.

В целом для местной посуды Ладоги наиболее обычны минеральные примеси, применявшиеся в керамике на территории северо-восточной Европы с древнейших времен. В виде исключения отмечены образцы с растительными примесями, различимыми по характерным пустотам и отпечаткам растительных волокон (травы) на стенках сосудов (рис. 4, 3).

Незначительная по количеству (4% в общей массе керамики) и выделяющаяся по прекрасному качеству привозная, преимущественно лощеная посуда (в отдельных случаях с примесью талька и асбеста), уже достаточно подробно описана нами и не может быть принята во внимание при анализе техники производства местной керамики Ладоги.

После подготовки глины следующим ответственным этапом в процессе гончарного производства являлась лепка сосуда, требующая известной сноровки и умения мастера.

Существуют различные приемы формовки сосудов, но все они построены на принципе:

а) лепки сосуда по частям из валиков или полос (так называемая техника налепа) вручную или на примитивном ручном круге;

б) «вытягивания» сосуда из одного куска глины на более усовершенствованном ручном или ножном круге.

В настоящем разделе работы мы остановимся на первом более архаичном способе лепки, в котором различаются две разновидности: кольцевой налеп и спиральный налеп. Зачастую определение техники налепа на основании древней фрагментированной керамики бывает довольно сложно. Основным критерием здесь является способ накладывания полос при формовке сосуда: в одном случае в виде сомкнутых кольцевых полос, накладывающихся одна на другую, в другом в виде сплошной ленты, палепляющейся по спирали. И та и другая техника является достаточно древней.

Так, последний способ применялся в эпоху неолита при формовке больших круглодонных сосудов.¹

Однако уже упоминавшийся нами В. Голубович на основе своих продолжительных исследований в области техники лепки по археологическим и этнографическим данным на территории северо-восточной Польши (главным образом Виленщины) выдвигает в качестве основного критерия не столько способ накладывания полос, сколько самый способ их скрепления, а именно — производится ли это с помощью короткого нажима пальцев с последующим перенесением руки дальше вдоль стенок сосуда или более совершенным непрерывным скользящим движением пальцев вдоль линии стыка полос.

В связи с этим он выдвигает две основные группы техники налепа с различными их вариациями. В первой группе, основанной на технике налепа с помощью нажима, различается до шести вариантов различных приемов, от кольцевидной жгутовой до спиральной жгутовой; во второй группе, основанной на технике скользящего движения, различается

¹ Воеводский, ук. соч., стр. 52 сл.

кольцевой и спиральный ленточный способы налепа.¹ Эту же схему, еще более усложненную, с привлечением этнографического материала данный исследователь дает в одной из своих последних работ.²

Основными обобщающими исследованиями по древней технике гончарного производства на территории северной лесной полосы СССР

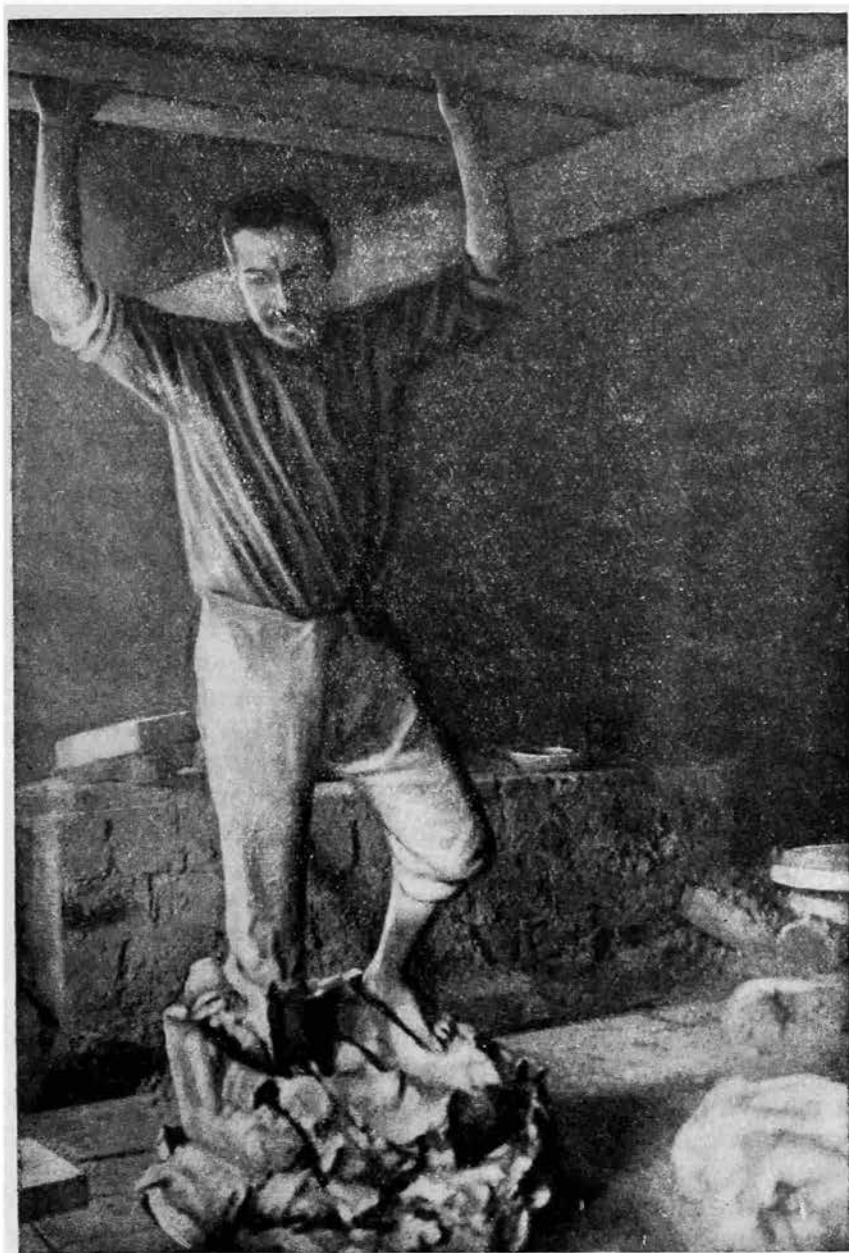

Рис. 6. Замешивание глины. Боровичи.

являются уже отмеченная статья М. В. Воеводского, а также вторая, более ранняя его работа, построенная на сравнительных данных этнографии. В ней автор пытается на основании ретроспективного рассмотре-

¹ W. Hołubowicz. *Garncarskie techniki lepienia na terenie ziem północno-wschodnich Polski w świetle ostatnich wykopalisk*. Ateneum Wileński, т. XIII, Вильно, 1938, стр. 199 и сл.

² Hołubowicz, *Przegląd Archeologiczny*, т. VII, тетр. 2, 1947, стр. 148, схема.

ния истории гончарной техники выделить пять основных локальных районов распространения различных технических приемов. Для интересующей нас северо-западной территории, по мнению автора, характерна ленточно-спиральная техника,¹ причем он пытается опровергнуть высказанное Д. К. Зелениным² положение о параллельном существовании здесь техники кольцевого налепа.

В связи с существованием в археологической литературе столь противоречивых суждений по данному вопросу мы поставили перед собой задачу проследить, что нового дают материалы Ладоги и группирующихся вокруг нее памятников для подкрепления или уточнения намеченной М. В. Воеводским схемы локального распространения различных приемов древней гончарной техники.

Массовый керамический материал Ладоги в этом отношении имеет немаловажное значение, поскольку он дает возможность проследить ряд мелких деталей, отражающих последовательное развитие и совершенствование техники лепки, чего не могут дать материалы могильных памятников.

При детальном анализе нескольких сотен раздавленных сосудов и их фрагментов из нижнего культурного слоя Ладоги, на большинстве из них совершенно четко прослеживается распадение по швам или стыкам полос, что, видимо, объясняется лепкой сосудов из несколько провянувших полос глины. Края полос обычно резко отличаются от механических изломов черепка более гладкой, несколько закругленной поверхностью (рис. 4, 2), чаще всего с уступом или вдавленной бороздкой посередине, наносившейся с целью более плотной пригонки следующей полосы. Не исключена возможность и естественного образования подобного уступа в процессе обжимания краев соединения полос пальцами. На целом ряде фрагментированных сосудов можно проследить распадение полос по всей окружности сосуда, причем в процессе реставрации особенно наглядно выявляется кольцевидная лепка из сомкнутых полос глины, накладывавшихся одна на другую (рис. 4, 4, 5).

На большинстве сосудов прослеживается также первоначальная лепка дна и основания стенок будущего сосуда из цельного куска глины, к верхнему краю которого подлеплялась изнутри первая кольцевидная полоса с помощью короткого нажима пальцев руки, передвигающейся вдоль стенок. Об этом свидетельствуют имеющиеся на наружной стороне сосуда горизонтальные ряды вдавлений — отсков пальцев гончара вдоль стыка полос по всей их окружности, причем число рядов таких отпечатков соответствует количеству налепленных полос.

Корчаги и крупные сосуды изготовлялись в 4—5 приемов; небольшие и миниатюрные сосуды лепились из двух частей или даже одной.

Применение совершенно аналогичной техники кольцевого налепа прослеживается и на большинстве сосудов из близких Ладоге могильных памятников северо-запада. Так, упоминавшиеся лепные сосуды, найденные у д. Княжое село, имеют кольцевидные трещины по стыку полос, а на поверхности сосудов ясно заметны горизонтальные полосы отпечатков пальцев.

О достаточно широком распространении техники кольцевого налепа в лесной и даже лесостепной полосе СССР свидетельствуют материалы раннеславянских могильников и городищ Верхней Волги и среднего течения р. Дона.

¹ М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, № 4, 1930, стр. 55 и сл.

² Д. К. Зеленин. Прimitивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. Этнография, № 1—2, 1927.

Следует отметить, что этой же кольцевой техникой изготовлены огромные, грубые лепные сосуды баночной формы, происходящие из курганов (№ 3 и др.) с сожжением у д. Борисово на Валдае, раскопанных Т. Н. Никольской.¹ Эти сосуды дают распадение на полосы по всей их окружности.

Точно также сосуды, происходящие из землянки № 1 городища Кузнецова дача на р. Дон в районе с. Боршева под Воронежем, имеют ясные следы подлепа кольцевидной полосы снаружи к нижней части сосуда;² совершенно очевидно, что они изготовлялись способом, аналогичным применявшемуся Зерендинскими горшечницами.

В качестве отдельных примеров применения кольцевидного налепа по материалам более поздних памятников можно указать на налеп валиков (прием, прослеживающийся на керамике курганного могильника у д. Навры на Виленщине; аналогична и техника лепки голосников Гродненского замка).³

Весьма существенные указания о технике лепки дают те или иные отпечатки и следы, имеющиеся на наружной стороне днищ. Большинство лепных сосудов нижнего горизонта Ладogi формовалось на твердой подставке — простой доске, как об этом можно судить по отпечаткам на днищах полос годового прироста древесины. Наличие мелких зерен песка и выпуклого ободка — закраины — на наружной стороне у ряда днищ свидетельствует, с одной стороны, о закреплении изготавливаемого сосуда на основе путем плотного примазывания краев днища, с другой — о песчаной подсыпке, обеспечивающей легкое отставание сосуда от основы после его изготовления.

Вместе с тем, на днищах целой серии древнейшей керамики Ладogi нами были обнаружены отпечатки сетки и грубого рогожного плетения, свидетельствующие о частичном сохранении здесь архаических способов лепки сосудов на мягкой основе в виде куска грубой ткани или рогожи.

Так, на нижней стороне днища одного из массивных разбившихся сосудов нижнего горизонта, находившегося, судя по выбоине в центре внутренней стороны днища, в длительном употреблении, ясно различимы крупные квадратные отпечатки, видимо, рогожного плетения. Очевидно данный сосуд был вылеплен на мягкой рогожной основе, частично продавившейся от тяжести глины, благодаря чему нижняя сторона его днища получилась несколько выпуклой. На нижней стороне нескольких миниатюрных сосудов также прослеживаются мелкие сетчатые отпечатки (повидимому ткани, на которой формовался сосуд), причем для этой группы характерна закругленная форма закраины дна или достаточно массивное ступообразное дно зачастую с утолщенной закраиной.

Известную аналогию подобному архаическому способу мы найдем в гончарном производстве племен Западной Африки. Здесь при формовке круглодонных сосудов последние вставляются в ямку, вырытую в земле, причем поверхность обкладывается куском рогожи, соответственно чему на стенках и днище сосуда получается рогожный отпечаток.⁴

Следует отметить, что на внутренней поверхности днищ некоторых сосудов Ладogi имеются ряды продольных вдавлений, получившихся в результате формования — выдавливания днища сосуда с помощью зажатой в кулак кисти руки. Все эти черты свидетельствуют об извест-

¹ С материалом я ознакомилась в реставрационной мастерской ИИМК.

² МИА СССР, № 8, рис. 47, часть материала хранится в ЛОИИМК.

³ W. Hołubowicz. Ceramika słowianska... koło wsi Nawry. Rocznik archeologiczny, т. 1, Вильно, 1937, стр. 57.

⁴ Man, 1931, September, тетр. XXXI. — W. Nicholson. The Potters of Sokoto, стр. 188, рис. 1 и 3.

ной близости древнейшей керамики Ладоги к керамике более древних памятников, поселений городецкого и позднедьяковского типа.

После окончания лепки производилось заглаживание стенок пучком травы или куском грубой ткани, как об этом свидетельствуют идущие в разных направлениях штрихи на наружных стенках ладожских сосудов. Более гладкая поверхность получалась при ее заравнивании деревянной палочкой или лопаточкой типа, близкого к инструментам, употреблявшимся зерендинскими горшечницами. При плохо рассчитанном движении гончара лопаточка соскальзывала и проводила более глубокий след, соответствующий ее ширине, на основании чего можно судить о ее форме. Повидимому, среди деревянных поделок Ладоги мы найдем инструменты, связанные с гончарным производством, хотя точное определение их назначения представляет известные трудности.

Представление о заключительных процессах гончарного производства древних жителей Ладоги — предварительной сушке и обжиге посуды — мы можем составить, обращаясь к тем же параллелям на основании этнографического материала.

Можно предположить, что специальных приспособлений для обжига посуды ладожане не знали, и он производился в черных печах избы, аналогично тому, как это практиковалось до наших дней многими кустарями в ряде районов севера. При этом температура обжига, как можно судить по экспериментам, произведенным В. Голубовичем над курганной керамикой, не превышала 700—750°.¹ Об этом же свидетельствует неравномерный обжиг большинства ладожских черепков, определяющийся наличием темной полосы в изломе черепка.

Любопытно отметить, что краснохолмские гончары б. Тверской губ. предпочитали пользоваться для обжига глиняной посуды черной печью, поскольку наличие одного устья более удобно при обжиге.²

Черно-сизый цвет у большинства ладожских сосудов возможно свидетельствует о применении способа их «обдымливания» в наглухо закрытой печи — способа, известного по этнографическим материалам, хотя в данном случае прокапчивание посуды могло получиться естественным путем в результате длительного ее использования на огне.

Таким, в основных чертах, мы должны представлять процесс древнего гончарного производства Ладоги.

Сопоставление наблюдений, полученных на ладожском материале, с этнографическими материалами лесной полосы, в значительной мере помогает реконструировать последовательные этапы древнего гончарного производства.

Так, любопытный в этой связи случай сохранения элементов древней лепной техники был обнаружен в 1930 г. во время поездки Э. Д. Лепер в деревни Звягино и Тимошкино Минецкого района Ленинградской обл. Сосуды здесь также лепились путем наращивания скалок с последующим обтачиванием на ручном круге на деревянном ходу.

Первоначально гончар берет ком глины, округляет его в руках, кладет на середину круга и сильным нажимом тыльной стороной сжатой в кулак руки выбивает в нем углубление (рис. 7, 1, 2), затем, нажимая пальцами, формует, утончает стенки, несколько раз заглаживает их изнутри и вытягивает вверх (рис. 7, 3, 4; 8, 1). Вторым этапом работы является наращивание «скалок» на край основы сосуда с предварительным их раскатыванием руками (рис. 8, 2). Затем гончар формует верхнюю часть стенок, зачищает венчик (рис. 8, 3, 4). Во время работы руки

¹ Hołubowicz, Rocznik Archeologiczny, т. I, стр. 60.

² Розов, ук. соч., стр. 42.

смачиваются водой. Весьма характерно, что уже в процессе первоначальной формовки, при незначительном вращении гончарного круга, достигалась известная профилировка сосуда и выпуклость его тулова путем соответствующего изгиба налепных полос. На этом заканчивается ручная работа и дальше следует процесс обтачивания сосуда на круге с помощью деревянного ножа.¹

В основном аналогичный способ применялся русским населением д. Станки б. Молодотудской в. Ржевского у. Тверской губ. при изготовлении серой «налипчной» посуды на ручном круге. Как отмечено в описании, «гончар не спирально налепляет катыш, а накладывает один катыш на другой, заранее отрезая полосу нужной длины в соответствии с диаметром сосуда в том или ином месте».²

Более примитивный способ изготовления сосудов применялся упоминавшимися выше русско-мордовскими горшечницами с. Зеренда Кокчетавского у. Акмолинской обл. Работа здесь производилась на очень примитивном, слабо вращающемся ручном круге; самый процесс кольцевой лепки отличался от вышеописанных лишь способом налета верхней полосы снаружи, а не изнутри, к основе сосуда, причем эта полоса или лента соответствующей длины заранее раскатывалась скалкой и концы ее слеплялись вместе.³ Путем чередования подлепа к основе снаружи и изнутри и выпуклости средней полосы достигалась профилировка стенок сосуда.

Более развитую стадию представляет гончарное производство саратовской мордвы; однако и здесь сохраняется техника кольцевого налета с применением ручного круга: из куска глины делается теми же приемами нижняя часть сосуда и к ней налепляются валикообразные «короткие сосульки»; число их различно в зависимости от размера сосуда.⁴

О том, насколько широкое распространение имеет техника кольцевого налета у народов СССР, свидетельствует применение ее при изготовлении больших сосудов-иомов и тандуров гончарами Ташкента, что отмечает наблюдавшая здесь современное гончарное производство Т. М. Девель в 1929 г.⁵

Наряду с уже отмеченными, известны исключительные случаи сохранения реликтового гончарного производства у населения более отдаленных уголков северной лесной полосы. Так, следует отметить наблюдавшийся В. Голубовичем в 1937—1939 гг. в д. Василюки около Вильнюса древний способ изготовления посуды без всякого применения гончарного круга.⁶ Аналогичные случаи отмечены у населения горного Таджикистана (Дорваз, Ягноб).

Техника кольцевого налета была известна также некоторым отсталым народам: она отмечена у индейнок Гвианы, у корая в Бразилии, причем здесь по нижнему краю венчика выдавливалась продольная бороздка, которая способствовала более плотному соединению верхней полосы с уже сформованной частью сосуда.⁷

Весьма близкий способ соединения полос практиковался и гончарами Старой Ладogi.

¹ Фотоархив ИИМК, № О 283.

² Розов, ук. соч., стр. 47.

³ Зеленин, ук. соч., стр. 92—96.

⁴ Степанов, ук. соч., стр. 3—4.

⁵ Т. М. Девель. О гончарном производстве Ташкента (материалы и наблюдения). Доклад, читанный в 1929 г. в Разряде археологии и искусства средневекового Запада ГАИМК.

⁶ Nowicz, Przegląd Archeologiczny, т. VII, тетр. 2, 1947 г. схема на стр. 148.

⁷ Зеленин, ук. соч., стр. 100.

Таковы некоторые, не исчерпывающие всего материала, данные о достаточно широком распространении техники кольцевого налепа не только на территории северной лесной полосы, но и за ее пределами, прослеживающиеся как по археологическим, так и по этнографическим материалам.

Между тем в нашей археологической литературе, как уже частично отмечалось, общепризнанным является одно из положений, выдвинутых

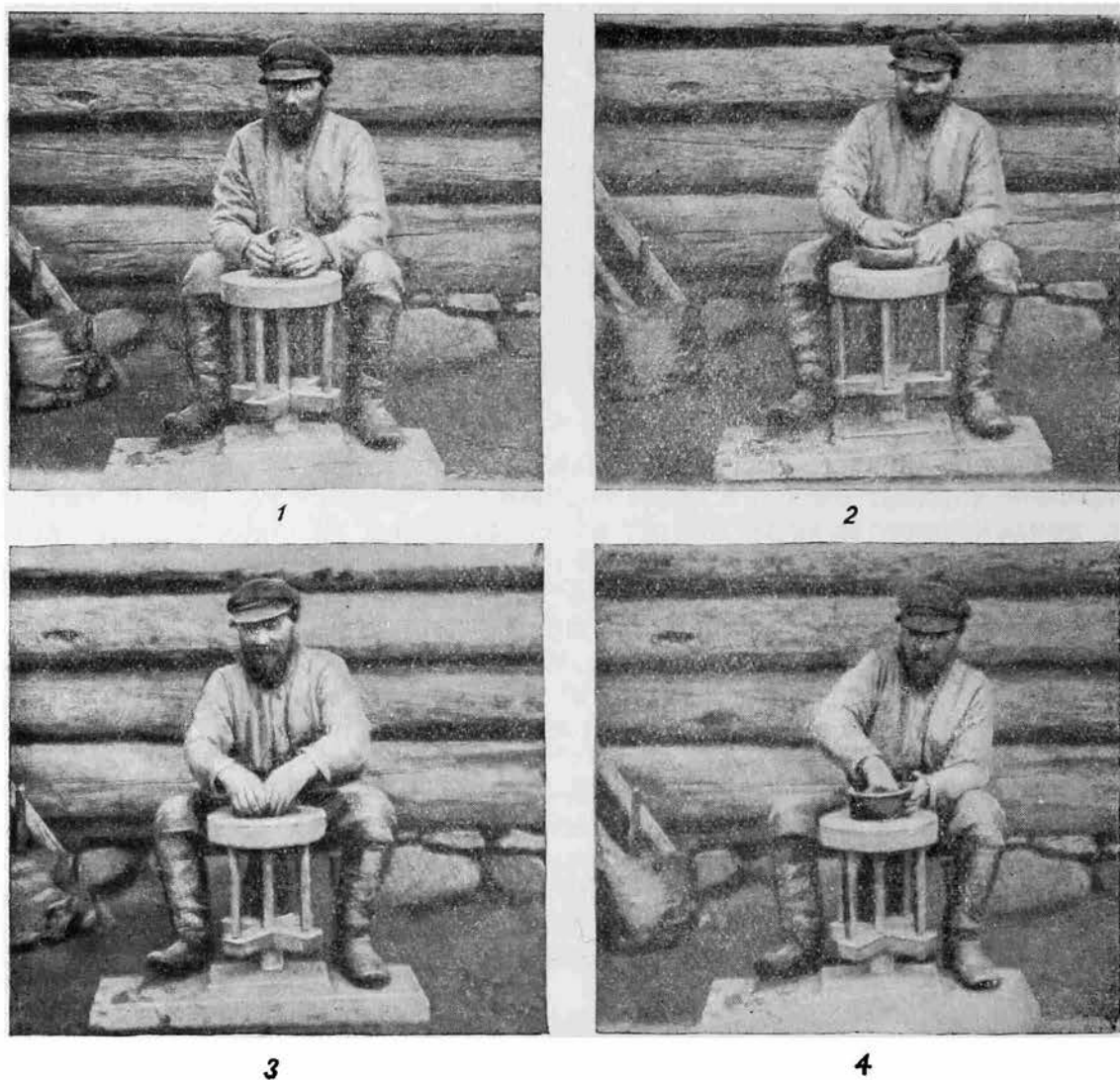

Рис. 7. Гончарное производство в д. Тимошкино Минецкого района Ленинградской обл.

Первые стадии лепки сосуда: 1 — гончар мнет ком глины на круге; 2 — делает углубление в коме глины; 3 — лепит нижнюю часть стенок сосуда; 4 — выглаживает дно и стенки сосуда внутри.

М. В. Воеводским, о широком распространении основной характерной для северной лесной полосы техники спирального налепа.

Пытаясь опровергнуть выдвинутые Д. К. Зелениным факты для доказательства существования в Восточной Европе техники кольцевого налепа, М. В. Воеводский допускает лишь единственный, по его мнению, случай в с. Зеренде б. Кокчетавского у. в качестве особого варианта ленточной техники и отрицает все остальные случаи, приведенные Д. К. Зелениным.

Однако в свете последних археологических исследований отпадает утверждение М. В. Воеводского о том, что для суждения о широком распространении кольцевого налепа наряду со спиральным в Восточной Европе пока нет «достаточного материала».

Между тем к правильному заключению о достаточно широком распространении кольцевого налепа и его древности на территории Восточной Европы пришли уже отдельные польские исследователи, в частности В. Голубович.

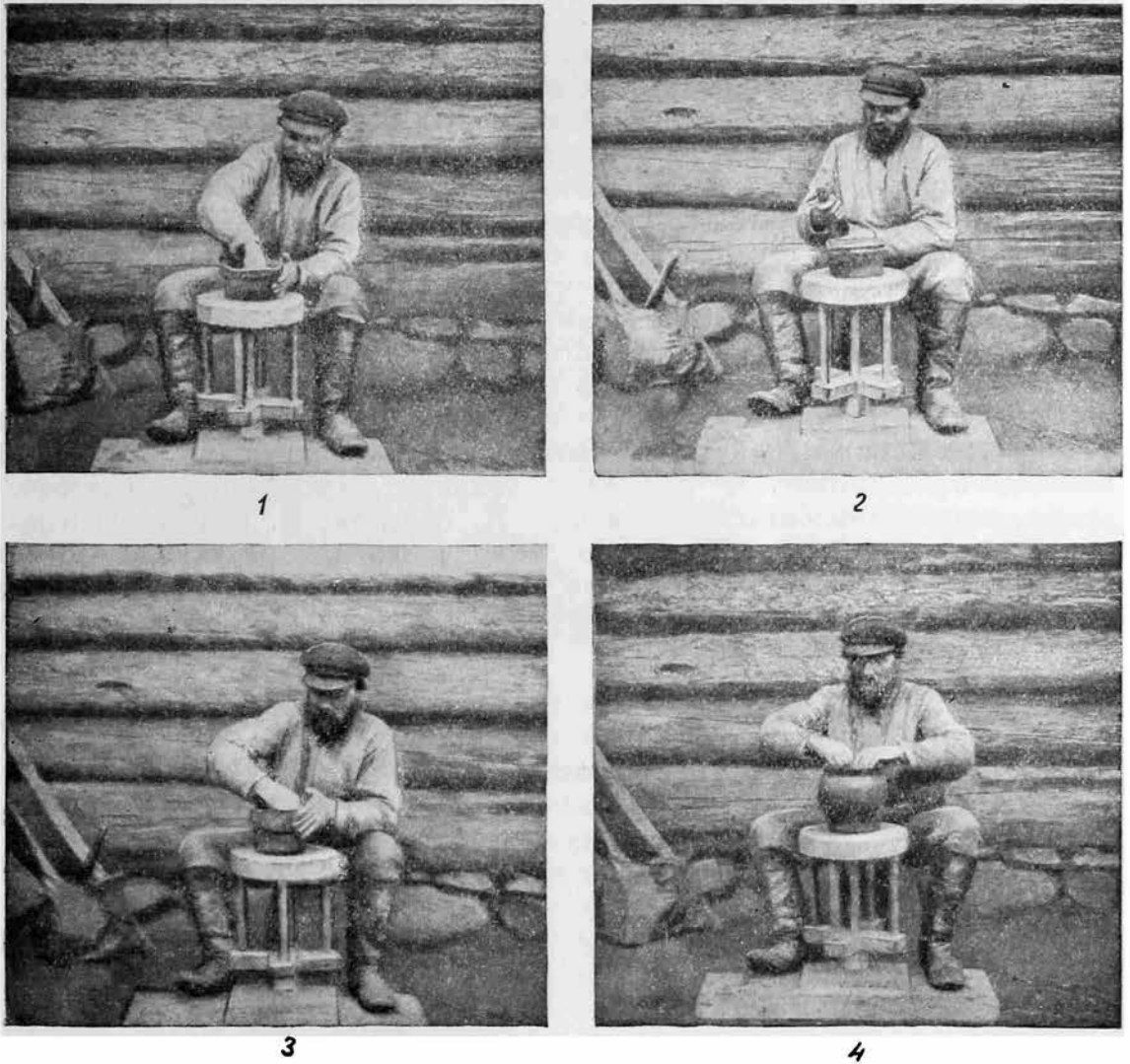

Рис. 8. Гончарное производство в д. Тимошкино.

Последующие стадии лепки сосуда: 1 — гончар повторно заглаживает стенки сосуда изнутри; 2 — раскатывает в руках «скалку»; 3 — прикрепляет «скалку» к стенке сосуда; 4 — зачищает венчик.

В итоге анализа техники производства древнейшей группы ладожской керамики было установлено, что сосуды изготовлялись здесь вручную, техникой более древнего кольцевого налепа из глины, содержащей искусственные минеральные примеси (дресву). Формовка их производилась или на мягкой основе в виде ткани или рогожи, или, что наблюдается чаще, на твердой основе (простой доске), причем, для легкого отставания сосуда от основы, на доску подсыпали песок. Аналогичный способ прослеживается на материалах близких Ладогe могильных памятников.

Наиболее архаичные черты этой техники свидетельствуют о частичном сохранении древними жителями Ладogi старых традиций, известных нам по памятникам городецкого и позднедьяковского типа.

Господствовавшая в области гончарного производства Ладogi исключительно лепная техника изготовления посуды свидетельствует о домашнем характере этой отрасли производства, находившейся, повидимому, в руках женщины и существовавшей почти в каждой патриархальной большой семье.

Все эти данные являются косвенным доказательством в пользу выдвинутой нами датировки древней группы керамики и нижнего горизонта городища в целом — VII в.

Вместе с тем эти свидетельства, а также привлеченные в этой связи этнографические параллели, по-новому освещают вопрос об основных приемах лепки в северной лесной полосе СССР в конце I тысячелетия н. э. Эти материалы позволяют внести известную поправку и уточнение в общепринятую у нас схему локального распространения различных приемов лепной техники в том отношении, что для Северо-Запада в прошлом была наиболее характерна не спиральная, вопреки мнению отдельных исследователей (М. В. Воеводского, Б. А. Рыбакова), а, повидимому, более древняя, кольцевидная техника лепки, доживающая в отдельных ее элементах в области кустарного гончарного промысла у русского населения северных лесных районов до современности.

Вопрос о том, существовали ли в определенный промежуток времени оба приема (спиральной и кольцевой лепки) параллельно и было ли вызвано применение той или иной техники определенным качеством глины, как это склонны объяснить Д. К. Зеленин, В. Голубович и др., или тут имеются соответствующие внутрелокальные различия, что нам кажется более вероятным, — можно разрешить лишь в процессе дальнейшего исследования на базе привлечения широкого материала.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

КИЕВСКИЕ ЮВЕЛИРЫ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО
ЗАВОЕВАНИЯ

Великокняжеский Киев, как ни один другой древнерусский город, славен своими памятниками художественного ремесла. Многочисленные и разнообразные мастерские, расположенные вокруг Десятинной церкви и в некоторых других районах города, свидетельствуют о существовании в Киеве самых разнообразных ремесел, начиная от производства строительных материалов и кончая тончайшими изделиями из золота и серебра. Киев в течение двух столетий был тем художественным центром, из которого во все концы древней Руси расходились сначала готовые изделия, а затем, с образованием мелких самостоятельных княжеств и возникновением в них своих ремесленных мастерских, отсюда перенимались лучшие технические достижения, заимствовались формы и приемы декорации.

Каждому новому периоду в развитии Киевского государства сопутствовало изменение в характере парадного убора знати, хорошо известного нам по многочисленнымкладам. Все изменения в уборе тесно связаны с Киевом, бывшим законодателем мод для всей древней Руси. Ювелирные мастерские Киева то создавали совершенно новые типы украшений, то видоизменяли старые, то давали бесконечные варианты в пределах одного и того же типа.

К числу таких новшеств, возникновение которых должно быть безусловно связано с Киевом, принадлежит и группа памятников, рассматриваемая в настоящем очерке. Речь идет о литейных формах для отливки различных украшений. В настоящее время нас интересуют литейные формочки, предназначавшиеся для отливки простейших, большей частью плоских украшений — лунниц, круглых подвесок, крестиков, семилопастных и других височных колец, пуговиц, шариков зерни и проч. Такие формочки известны с глубокой древности и бытуют даже еще в XVII в. (Якутия, раскопки А. П. Окладникова 1946 г.). Встречаются они везде, где в какой-либо мере было развито мелкое литейное производство. Поэтому часто вместе с ними находят и глиняные льячки с заостренным носиком и короткой глиняной ручкой. Формочки эти сделаны либо из камня, либо из обожженной глины; иногда их изготовляли путем простого оттискивания в глину готовой вещи. Такие формочки и изделия, отлитые в них, широко известны на всей территории Восточной Европы и за ее пределами.

Нас интересует в данном случае особая группа литейных формочек, отличающаяся от всех остальных рядом следующих признаков:

1) вырезанные только в камне (серый известняк, черный жировик, шифер). Камень очень мелкозернистый, плотный, но мягкий, вследствие чего в нем можно вырезать мельчайшие детали украшений;¹

2) составляющиеся из 2 и 3 створок. При отливке односторонних плоских вещей пользовались плоской каменной крышкой;

3) предназначенные большей частью для отливки сложных, объемных, полых внутри украшений. Отливка их производилась с установкой внутри формы ядрища.

Украшения, послужившие оригиналом для вырезанных на формочках предметов, являются самыми богатыми и сложными в домонгольской Руси; из них состоял княжеско-боярский убор, известный нам, в основном, покладам.

Можно указать еще ряд второстепенных признаков, характеризующих эту группу формочек.

Они сделаны очень тщательно. Даже наружная, нерабочая поверхность старательно отделана, а места, соприкасающиеся при наложении друг с другом, идеально ровные. Для скрепления частей, формы снабжены круглыми сквозными отверстиями, в которые продевались скрепляющие шпильки.²

Литейные формочки этой группы либо прямоугольные, либо трапециевидные. Круглые, овальные или иные литейные формочки этого типа не известны.³

На некоторых формочках на нерабочей стороне имеются надписи и рисунки.

Перечисленные основные и второстепенные признаки относятся:

1) к внешнему виду; 2) к технике отливки (створчатые формы, полые отливки); 3) к типам вырезанных украшений (украшения, типичные для княжеско-боярского убора). Последний признак чрезвычайно существен, так как именно данная черта, характерная для этой группы формочек, будет интересовать нас в особенности.

На табл. 1 перечислены все известные нам формочки великокняжеского времени. К сожалению, нам остались неизвестными неизданные формы Государственного исторического музея в Москве (в дальнейшем — ГИМ).

Подавляющее большинство литейных форм великокняжеского времени найдено в городах, больших и малых. Находка их в Райках, который нельзя считать городом, все же понятна. Райки — ярко выраженный ремесленный центр, характер которого определять в данном очерке мы не будем. Если не считать нескольких беспаспортных или полубеспаспортных формочек (Харьковский и Черниговский музеи), то вне ремесленных и городских центров найдено меньше десятка экземпляров, из них два, повидимому, старше остальных (XI в., Григоровка б. Каневского у. Киевской губ. и Еменец б. Невельского у. Витебской губ., формочки для отливки подражаний диргемам).⁴ Очень может быть, что и они происходят из каких-то неизвестных нам пока городищ. Так или иначе,

¹ Исключение составляет одна формочка для колта, сделанная из бронзы, найденная на Княжей Горе (табл. 1, № 101).

² Обычные, более простые формочки не всегда имеют такие отверстия; повидимому, их связывали шнуром или проволокой. На киевских глиняных формочках для кистеня сохранились даже следы от врезавшихся в нерабочую поверхность нитей, скреплявших части литейной формы.

³ Исключение составляет бронзовая круглая формочка для колта с Княжей Горы. По самому материалу, из которого она сделана, форма эта представляет редкое явление.

⁴ Формочка для отливки диргема найдена также в Венгрии; дата ее, повидимому, XI в. (Hampe, 1907, стр. 116).

совершенно очевидно, что формочки великокняжеского времени связаны с ремесленными центрами. Некоторые из них совершенно непохожи на экземпляры интересующего нас типа: на них бессистемно расположены углубления для нескольких мелких предметов — крестиков-тельников, пуговок, шариков, иногда непонятных вещей; бывают формы односторонние, например из обожженной глины с грубым изображением креста (Саркел и Киевский исторический музей, в дальнейшем — КИМ). Известны предметы, отлитые в них: крестики изготовлены из свинца, между рукавами имеются перепонки от разлившегося металла, обратная сторона втянута как у монетных гривен — признак отливки в односторонней открытой форме.¹

Существует небольшая, совсем особая группа формочек. Пока их известно только три. Они сделаны не из камня или глины, а из бронзы или красноватой меди. Одна бронзовая форма найдена на Княжьей Горе (для колта, № 101), другая в Саркеле (для крупных шариков, № 127), третья не имеет паспорта (для круглой подвески с ушком, № 142). О них будет речь далее.

Некоторые формочки по своему внешнему виду довольно близко подходят к интересующему нас типу, например для трехбусинных серег и перстней из Райков, для подвесок (?) из Витичева, для пуговок и небольших перстней с литым щитком и проволочной дужкой. Такие перстни из бронзы или низкопробного серебра иногда встречаются и вкладах, но там они представляют собою наименее богатые и изысканные украшения. Чаще же их находят в рядовых погребениях или просто в культурных слоях городищ. Сюда же могут быть отнесены и формочки для больших крестов, подобных энколпионам, но не створчатых.² Таким образом, мы не можем провести абсолютно резкой грани между интересующей нас группой формочек и всеми остальными. Поэтому проведенная на табл. 1 граница между экземплярами интересующего нас типа и всеми остальными должна рассматриваться только как максимально приближенная.³

Таким образом, некоторые формочки для простых украшений приобрели внешний вид форм для изделий более сложных, что объясняется, по видимому, их синхронностью; в некоторых же случаях эта общность форм безусловно связана с узостью района, в котором они были изготовлены. Иногда этот район может быть сужен до пределов одной мастерской.

Для того, чтобы яснее представить себе, с каким количеством формочек интересующей нас группы нам придется иметь дело и как они распределяются по местам находки, мы сделали выборку из табл. 1, именно из ее верхней части, в которой перечислены экземпляры для

¹ Колл. Государственного Русского музея в Ленинграде (в дальнейшем — ГРМ), инв. № 10820; колл. КИМ, в-966 и колл. Кундеревича, № 1 и № 9.

² Б. А. Рыбаков неправильно называет их формами для энколпионов (1948, стр. 262; 1946, стр. 90—91). У вырезанных крестов отсутствуют шарнирные петли. Попутно отметим, что Б. А. Рыбаков ошибочно считает одну из них, а именно найденную в Киеве, формочкой, в которую были отлиты энколпионы с обратной надписью «Бобче помогай». Изображения и надписи на этом экземпляре не имеют ничего общего с указанными энколпионами. Изданный в «Истории культуры древней Руси» (1948, рис. 78, 5) рисунок этой формочки неверен. Изображение ее см. у Д. И. Багаля (1914, рис. 167).

³ На табл. 1 верхняя часть с указанием формочек интересующего нас типа отделена от нижней жирной чертой. Нижняя часть табл. 1 (под жирной чертой) ни в коем случае не претендует на полноту, особенно для районов, не связанных со средним Поднепровьем. В верхней части (над жирной чертой) она ближе к исчерпывающей полноте. В одном горизонтальном ряду таблицы помещены формочки для одинаковых изделий.

отливки в них наиболее сложных и богатых украшений, типичных для кладов:

К и е в																
Усадьба Петровского	Усадьба Десятиной церкви	Усадьба Трубецкого	Усадьба на Житомирской улице	Угол Б. Владимирской ул. и Ирринского переулка	Флорова Гора	Галич	Вышгород	Княжая Гора	Райки	Гродно	Черниговский музей	Увек	Митяеве б. Московской губ.	Новгород	Неизвестного происхождения	Всего
27	16	5	1	1	9	2	1	2	2	2	1	1	1	1	1	73
59						14										

Следовательно, подавляющее большинство таких форм найдено в Киеве — 59 из 73; только 14 найдено вне Киева, к тому же одна с неизвестным мне местом находки могла быть найдена также в Киеве. Поэтому экземпляры данного типа с полным правом могут быть названы формочками «киевского типа».

В пределах территории древнего Киева (включая сюда и Флорову Гору) формочки «киевского типа» найдены в шести пунктах то большими группами, то поодиночке. Основная масса находок происходит с территории б. усадьбы Петровского и б. усадьбы Десятиной церкви, которые только условно можно считать двумя различными территориями. Фактически это один район древнего Киева. Рядом с ним лежит б. усадьба Трубецкого, а к ней близка усадьба № 4 по Б. Житомирской улице. Таким образом, четыре района Старого Киева могут быть объединены в один большой район. Формочки, найденные в его пределах, очень однородны, тщательно сделаны и предназначены для отливки самых изысканных украшений киевской знати.

Отдельно расположен пятый район — Флорова Гора. Здесь в разное время было найдено более 30 формочек, но только 9 из них могут быть отнесены к интересующему нас типу. Все же остальные предназначались для отливки самых простых поделок — пуговиц, шариков, тельников, бляшек, иногда просто каких-то непонятных мелких предметов. Некоторые из формочек сделаны из обожженной глины. Утверждение Б. А. Рыбакова, что формочки Флоровой Горы более аристократичны по сравнению с найденными на территории Старого Киева, основано на целом ряде недоразумений, разбор которых отнял бы у нас слишком много места. В основном они сводятся к неправильному отнесению формочек к тому или иному району Киева, что вместе с рядом недостаточно обоснованных предположений приводит упомянутого автора к совершенно неверным выводам (Рыбаков, 1948, стр. 269—278). Из табл. 1 видно, что формочки интересующего нас типа — для изящных звездчатых, а также круглых колтов — на Флоровой Горе являются как раз случайными гостями среди большого количества грубых экземпляров для простейших поделок.

Однако в данном очерке нас интересуют вопросы не социальной топографии Киева, а ряд других вопросов, связанных с литейными формочками «киевского типа».

Особенностью всей группы формочек «киевского типа» является одно обстоятельство. В то время как украшения, отлитые в простейших литейных формах, известны нам в тысячах экземпляров (лунницы, круглые

подвески и др.), мы до сих пор не знаем, какие отливки производились в формочках для сложных украшений, типичных для кладов. Считается, что до сих пор не найдено ни одного литого серебряного или бронзового колта, звездчатого колта, трехбусинной серьги, колодочки, наруча¹ и т. д., отлитых в формочках «киевского типа». Еще в 90-х годах прошлого столетия, когда в собраниях киевских коллекционеров только начали появляться первые литейные формочки «киевского типа», Н. П. Кондаков обратил внимание на то, что в них должны были отливаться дешевые имитации вещей из меди или дурного серебра, но тут же отметил и то, что таких изделий до сих пор не найдено ни в могильниках, ни на городищах (Кондаков, 1896, стр. 143). С тех пор прошло 50 лет, и вновь, обращаясь к киевским литейным формочкам, Б. А. Рыбаков (1948, стр. 273) должен был констатировать тот же факт: «Налицо инструменты литейщика (формочки. — Г. К.), а сделанные при помощи этих литейных форм колты и браслеты не найдены». Попытка Б. А. Рыбакова дать объяснение этому явлению на основании социальной топографии Киева мало убедительна по причинам, изложенным нами ранее.

Не берясь полностью объяснить причину, вследствие которой до сих пор неизвестно, какой вид имели украшения, отлитые в формочках «киевского типа», мы хотим обратить внимание на ряд обстоятельств, которые, быть может, прольют свет на это загадочное явление.²

* * *

Нельзя сказать, что появление формочек «киевского, типа», или, как их удачно называет Б. А. Рыбаков, «имитационных формочек», явилось полной неожиданностью. Оно было подготовлено целым рядом явлений. В какой-то момент в различных пунктах древней Руси начали отливать украшения, весьма отдаленно напоминающие лучшие городские украшения. Существует некоторое количество литых украшений, воспроизводящих в весьма упрощенном виде и в уменьшенных размерах типы богатых украшений кладов.

На Княжей Горе найдена бронзовая литая звездчатая подвеска, маленькая и простая, по сравнению с нарядными звездчатыми колтами кладов, тисненными из серебра. На лучах этого подобия звездчатой подвески все же имитирована зернь, а на остриях лучей — шарики (рис. 1, 1).³

На Княжей Горе найден плоский маленький колт, отлитый вместе с дужкой и украшенный по краю точечным орнаментом (рис. 1, 2).⁴

В окрестностях Корсуня в Поросье найден плоский литой из желтой меди колт с изображением двух сопоставленных птиц по сторонам опрокинутой вниз лилии. Дужка отлита вместе с колтом. По краю — кайма

¹ Б. А. Рыбаков (1948, стр. 265 сл.) ошибочно утверждает, что серебряные браслеты-наручи, известные в большом количестве экземпляров, отливались в литейных формах. На самом деле все они сделаны из тонких кованных пластин.

² Нельзя предположить, что в формочках отливались не самые украшения, а штампы, матрицы для тиснения. Тисненные украшения кладов спаивались из множества деталей, изготовленных каждая на отдельной матрице. Нельзя себе представить звездчатый колт, вытисненный из одной пластины. Известные бронзовые матрицы для бус, колодочек, колтов и др. представляют собою только части этих украшений — один щиток колта, половину бусы и т. д.

³ Ханенко, 1902, табл. XVII, 357; колл. КИМ, инв. № с. 66107 и 13805.

⁴ Колл. КИМ, инв. № с. 65790 и 30859.

из шишечек, имитирующая обнизь из полых серебряных шариков (рис. 1, 3).¹

В 1926 г. С. С. Гамченко на территории б. усадьбы Трубецкого в Киеве нашел интересную формочку (рис. 1, 4; № 57). По своему внешнему виду она безусловно принадлежит к «киевскому типу»: трапециевидная, с отверстиями для скрепления, тщательной работы (из серого известняка). На ней с обеих сторон изображены колты, по размерам и орнаменту (плетенка) имеющие аналогии среди серебряных тисненых колтов с чернью (например с Княжей Горы; см.: Ханенко, 1902, табл. XXVIII, 973а). Эти колты уже совсем близки богатым украшениям кладов, но отличаются от последних тем, что они плоские, а не полые.²

В 1894 г. на Флоровой Горе в Киеве было найдено вместе 13 формочек, среди них одна для плоского колта с зубчатой каймой. Орнамент на щитке колта был, повидимому, неизобразительный (формочка сохранилась не полностью; № 66).

В 1938 г. в Киеве на территории б. усадьбы Михайловского монастыря (раскопки М. К. Каргера) был найден фрагмент свинцового створчатого браслета типа наруча, но значительно более узкого. Он украшен арочками из выпуклых точек (рис. 1, 7).

Чрезвычайно интересно, что в 1910 г. на территории б. усадьбы Трубецкого во время раскопок Д. В. Милеева был найден фрагмент формочки для отливки подобного же створчатого браслета, жалкого подобия известных по кладам наручей (рис. 1, 5; № 60).

В ряде городов и ремесленных центров найдены формочки для трехбусинных сережек и перстней (Райки, Княжая Гора, Новгород, Митяевские курганы). Вещи, отлитые в этих формочках, близки украшениям даже кладов, но в кладках они представляют самые простые украшения, не идущие в сравнение с колтами, наручами, ожерельями из медальонов и проч. Подобные литые перстни часто встречаются в рядовых погребениях и в культурных слоях городищ в виде отдельных находок (см., например: Ханенко, 1902, табл. XXIII, 424, 444, 1020 и др.).

Еще более близка украшениям кладов находка, сделанная на территории б. усадьбы Михайловского монастыря в Киеве. Здесь во время раскопок Института археологии АН УССР в 1940 г. найден литой полый сумкообразный колт, украшенный с обеих сторон плетеными мотивами (рис. 1, 6). Особенностью этого колта является то, что он отлит, как и вышеописанный узкий «наруч», из свинца. Он очень груб — шероховат и тяжел, но все же совсем близок колтам из кладов.

В коллекциях ГРМ хранится свинцовый двухсторонний крест из собрания Н. П. Лихачева, бывший прежде навершием какого-то предмета. На кресте грубоватые изображения распятия, оранты и святых в медальонах с искаженными надписями. Все изображения и надписи выполнены выпуклыми линиями (рис. 2, 1).³ На территории усадьбы Десятинной церкви в 1910 г. Д. В. Милеевым найдена формочка (фрагмент) с изображением креста; в центре креста было, повидимому, распятие (видна кисть руки), на концах — неизобразительный орнамент (рис. 2, 2; № 53). Все изображения сделаны врезанными линиями, что в отливке давало линии выпуклые. По общему виду отливка в этой формочке должна была походить на свинцовый крест Лихачевского собрания.

¹ Бобринский, 1887, стр. 161, табл. VI, 8; случайная находка. Колл. КИМ, инв. № с. 66230—24730.

² Гамченко, 1927, рис. 16 и 18. Формочка хранится в КИМ, инв. № с. 68271 и 1759 (Гамч. 4978).

³ Колл. ГРМ, инв. № 13943 а, б, в; поступил в Музей 18 XII 1940 из Музейного фонда. Место находки не известно.

Желание иметь украшения, похожие на украшения знати, толкало киевских горожан на использование более дешевого металла, чем серебро и золото. С этой целью применялся свинец.

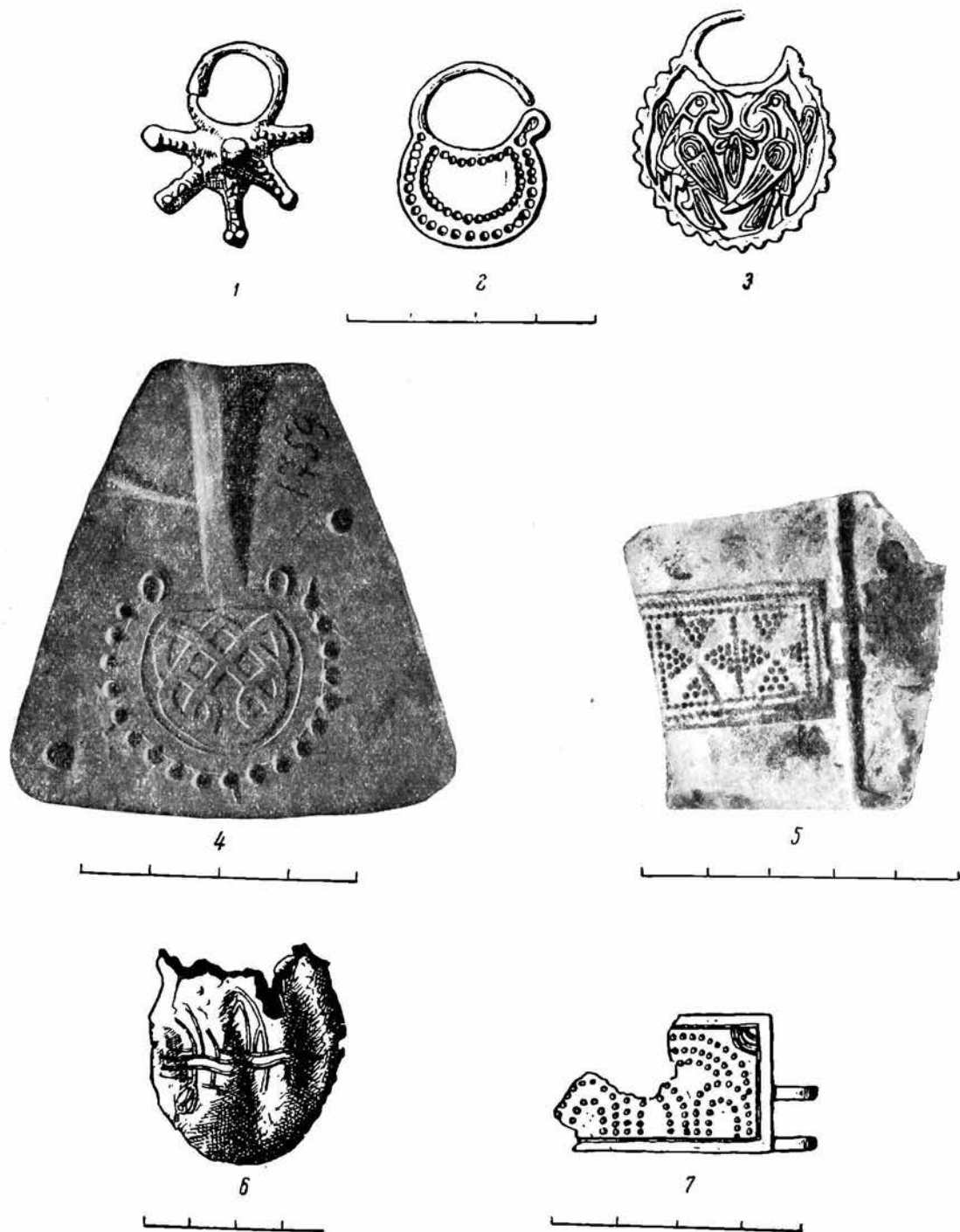

Рис. 1.

1 — звездчатая подвеска с Княжей Горы, бронза; 2 — плоский колт с Княжей Горы, бронза; 3 — плоский колт из Поросья, желтая медь; 4 — формочка для плоского колта из Киева, камень; 5 — формочка для створчатого браслета из Киева, камень; 6 — полый колт из Киева, свинец; 7 — створчатый браслет из Киева, свинец.

Находка свинцовых украшений — узкого створчатого браслета, колта и креста — как будто подводит нас к разрешению загадочного вопроса об отливках в имитационных формах. Однако итти только по

этому пути в отыскании отливок в формочках «киевского типа» было бы опасно.

Существует небольшая группа формочек — бронзовых и из красной меди, — предназначавшихся специально для свинцовых отливок. Их известно пока только три. В бронзовую форму можно отливать вещи только из легкоплавкого металла, каким является свинец, но никак не серебро или бронза. Первая бронзовая литейная форма найдена на Княжой Горе. Она предназначалась для отливки полого колта с таким же орнаментом (плетенка), как на каменной формочке, найденной С. С. Гамченко (рис. 2, 3, № 101; ср. рис. 1, 4). Вторая бронзовая формочка найдена в Саркеле (для крупных шариков, № 127; см.: Рыбаков, 1940, рис. 86—87) и третья из красной меди (для круглой подвески, № 142).¹

Во всех этих формочках отливались только свинцовые вещи. Но ранее мы указывали, что свинцовые вещи отливались и в каменных формах. Поэтому можно считать, что свинцовые изделия отливались как в металлических, так и в каменных формах, но утверждать, что в каменных формах отливались только свинцовые изделия было бы необоснованно.

Вряд ли можно считать, что лучшие каменные формочки киевских ювелиров для звездчатых и круглых колтов с изображениями животных или с плетенкой были предназначены для отливки свинцовых украшений. Несколько еле уловимых признаков позволяют предположить, что отливки эти делались из бронзы.

На б. усадьбе Трубецкого в Киеве И. А. Хойновским (1893, табл. XIV, 144, 145) найдена каменная формочка, как считал упомянутый автор, для гвоздя (№ 61). Там же был найден и отлитый в ней «бронзовый гвоздь». Плохой рисунок, изданный И. А. Хойновским, лишает нас возможности говорить с окончательной уверенностью, что это не гвоздь и что формочка предназначалась не для гвоздя. Повидимому, им был найден фрагмент литейной формочки, ее литник — узкий канал с воронкообразным раструбом вверху, а «гвоздь» — это застывший в литнике металл (бронза). Если наше замечание верно, то мы получаем прямое указание, что в имитационных каменных формах украшения отливались не только из свинца, но и из бронзы.

Характер нанесения орнамента на некоторых формах также позволяет считать, что некоторые украшения отливались из бронзы. На свинцовых украшениях орнамент делался либо из выпуклых линий, либо из выпуклых точек (например, на свинцовом колте 1940 г., рис. 1, 6; на свинцовом створчатом браслете 1938 г., рис. 1, 7; на кресте Лихачевского собрания, рис. 2, 1). На формочках эти линии делались врезанными, а точки сверленными (например, формочка для створчатого браслета, рис. 1, 5; для широкого наруча с б. усадьбы Петровского, рис. 4, 2; для креста из раскопок Д. В. Милеева 1910 г., рис. 2, 2), но на некоторых формочках изображения животных или плетенка сделаны в виде плоских гладких силуэтов. На формах они сделаны углубленными, следовательно, в отливке изображения получались выпуклыми на углубленном фоне (колт из тайника Десятинной церкви, № 38—39; колты с б. усадьбы Трубецкого, № 57, рис. 1, 4; два колта с б. усадьбы Петровского, №№ 1 и 4, рис. 3, 1; колт с Флоровой Горы, № 65). Края у изображений резкие, вертикальные. Подобный же характер имеют изображения на

¹ Формочка, повидимому, не связана с территорией среднего Поднепровья, а происходит из северо-западных районов. В коллекцию ГРМ поступила из ГАИМК, материалы которой состояли в основном из памятников северных районов.

бронзовых энколпионах, украшенных выемчатой эмалью.¹ Повидимому, на этих колтах углубленный фон вокруг выпуклых изображений так же, как и на энколпионах, заполнялся цветной эмалью. Подобный бронзовый

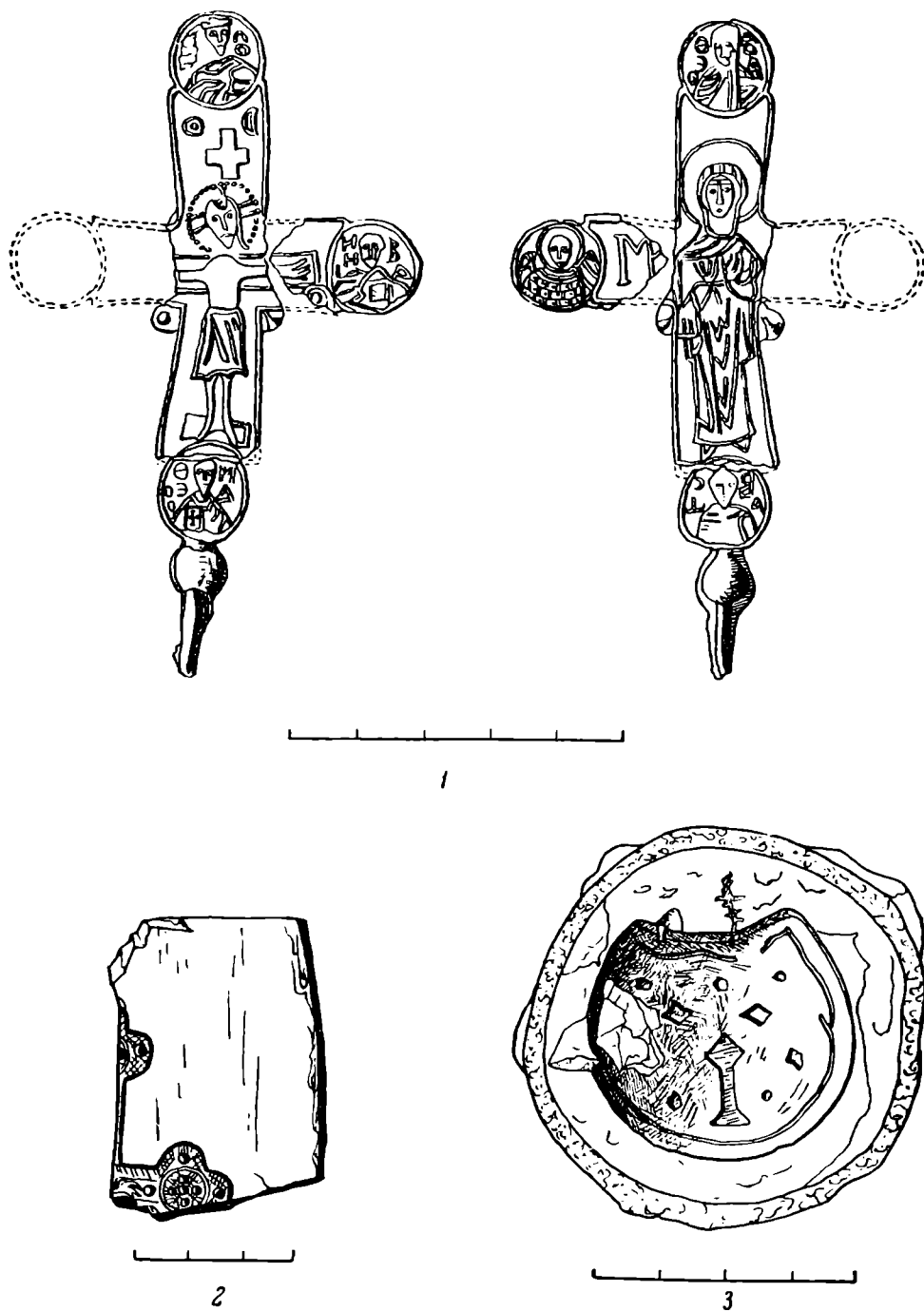

Рис. 2.

1 — крест из собрания Н. П. Лихачева, свинец; 2 — формочка для креста из Киева, камень; 3 — формочка для свинцового колта с Княжей Горы, бронза.

полый колт с птицей и пальметтой на красном эмалевом фоне найден на Княжей Горе (рис. 3, 2; см.: Ханенко, 1902, табл. XXVIII, 349). Правда, он меньше тех, что вырезаны на литейных формочках, но величина в дан-

¹ Леопардов, 1890, табл. I, 3; Ханенко, 1899, табл. XII, 143; ряд неизданных крестов см.: собр. ГРМ, инв. №№ 8068 (Киевская губ.), 13654 (Владимир на Клязьме), 4138, 10404, 11776; собр. Гос. Эрмитажа, инв. № 828/12 (Княжая Гора).

ном случае не имеет значения, принцип же его декорации тот же, который мог быть применен на колтах, отлитых в формочках «киевского типа».

В 1910 г. на усадьбе Трубецкого во время раскопок Д. В. Милеева был найден бронзовый колт с эмалью, по размерам уже совсем обычный для серебряных колтов (ширина 0.034 м). На лицевой стороне изображена птица в профиль, в позе, обычной для птиц золотых украшений, с одним крылом перед грудью и высоко поднятым другим крылом. На обороте орнамент — четырехлепестковая розетка в кольце, окруженная каймой из городков.¹

Кроме колтов с птицами, известно 2 одинаковых бронзовых колта с эмалью, с неизобразительным орнаментом на обеих сторонах. Один из них найден на Княжей горе (орнаментирован двумя concentрическими кругами и радиально расположенными линиями, см.: Каталог. В. В. Тарновского, 1898, стр. 14, № 319), другой — в Екатеринославской губ. (аналогичен предыдущему; красная выемчатая эмаль; рис. 3, 3; см.: Петров, 1915, табл. VIII, 8).

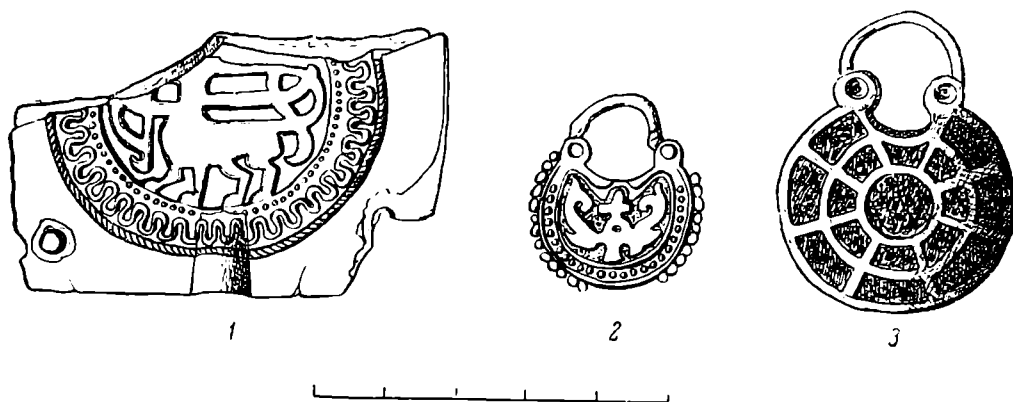

Рис. 3.

1 — формочка для бронзового с эмалью колта из Киева. камень; 2 — бронзовый колт с эмалью с Княжей Горы; 3 — бронзовый колт с эмалью и позолотой из б. Екатеринославской губ.

Кроме того, известно несколько бронзовых и один золотой колт с перегородчато-выемчатой эмалью; один найден в Райках (с неизобразительным орнаментом),² второй — в Галиче (золотой, по орнаменту близок предыдущему), третий находится в ГИМ (с изображением святого или святой на лицевой стороне и орнаментом на оборотной) и два последних — в ГРМ (парные, по изображениям аналогичны предыдущему, но по качеству исполнения лучше).³ Бронзовые колты были позолочены (имеются следы позолоты).

Эта группа колтов и примыкающая к ней серия бронзовых изделий с эмалью (кресты, энколпионы, булавки и некоторые другие вещи) являются потомками другой серии ювелирных изделий: не серебряных, тисненых, с чернью, а золотых украшений с перегородчатой эмалью. Колты же, отлитые в формочках «киевского типа», имитировали серебряные украшения с чернью. Следовательно, генетически это два разных течения в ювелирном деле. Однако в какой-то момент произошло скрещение этих двух течений. Типичный для серебряных тисненых колтов орнамент (зверь, плетенка) вместо черни декорируется эмалью.

¹ Колл. Эрмитажа, инв. № 928/624, негат. II—3447

² Не издан.

³ Колт ГИМ издан С. Г. Матвеевым (1928, стр. 113—117); парные колты ГРМ (инв. № 4603) изданы М. П. Боткиным (Собрание М. П. Боткина, 1911, рис. на стр. 36).

Таким образом, из всего сказанного видно, что существующее мнение об отсутствии отливок в имитационных формах не соответствует действительности. Известны литые перстни, створчатый браслет, плоские и полые колты. Часть отливок сделана из свинца, часть из бронзы, некоторые бронзовые украшения декорированы эмалью. Однако количество отливок, по сравнению с количеством найденных имитационных форм, крайне незначительно. Следует учесть, что при массовом изготовлении литых украшений их должно быть значительно больше, чем формочек, т. е. как раз обратное тому, что мы имеем в наличии.

Одной из причин малого количества отливок могло быть использование такого хрупкого материала, как свинец. Но это не может полностью объяснить указанное явление. Очень возможно, что вторая причина связана с вопросом о времени появления имитационных форм.

* * *

Обычно киевские имитационные формочки датируют XII—XIII вв. Дважды была сделана попытка уточнить их датировку. Очень кратко, буквально в нескольких словах, коснулся этого вопроса А. С. Гуцин (1927, стр. 74—75), датировавший формочки, на основании вырезанных на них украшений, временем «не позднее первой половины XII в.» (с середины XI по середину XII в.). Свою датировку А. С. Гуцин мотивировал тем, что «Киев, как экономический центр, перестал уже играть роль с первой половины XII в., а после полного разгрома Андреем Юрьевичем в 1169 г. растерял и все свои богатства и окончательно захирел». Поэтому «расцвет массового производства серебряных изделий может быть отнесен только к XI в.»

Б. А. Рыбаков (1948, стр. 271—272 и 278) считает, что появление имитационных форм относится к XII в. Из текста, предшествующего окончательному выводу, следует, что он склоняется к концу XII в., но окончательно в этом не уверен.

В истории древнерусского парадного металлического убора можно различить три вида убора, последовательно сменявшие друг друга. Каждый состоял из множества различных по форме и назначению, но стилистически единых украшений. Первый убор возник во второй половине X в. и был в употреблении еще в самом начале XI в. Он состоял из серебряных тисненых украшений с зерновым неизобразительным орнаментом. Убор середины XI в., т. е. эпохи Ярослава, нам пока не ясен, но в конце XI в. возник новый, совсем непохожий на убор X в. Он состоял из исключительно богатых золотых украшений со сканью очень сложной техники, драгоценными камнями, жемчугом и небольшими эмалевыми вставками. Постепенно в начале XII в. эмаль почти вытеснила все другие виды декорировки и стала единственным декоративным убранством вещи. В середине XII в. этот золотой убор уступает место третьему стилистически единому убору, характерному для периода феодальной раздробленности. Типологически украшения третьего убора очень близки золотым, но они выполнены в серебре, а вместо эмали декорированы чернью. Этот третий убор живет с середины XII в. до самого монгольского завоевания. За эти 80—90 лет характер украшений несколько менялся. Работа над датировкой кладов, которая являлась темой моей диссертации, дала возможность проследить эти изменения и выяснить, какие украшения относятся к началу, середине или концу этого периода. Было бы слишком долго перечислять все доводы, позволяющие датировать вещи тем или другим временем. Приведем здесь только основные черты одной

из групп украшений, относящихся к концу периода, т. е. к первой половине XIII в.

В XIII в. трехбусинные серьги часто делались разнобусинными: средняя буса по величине и орнаментации отличалась от боковых; часто средняя буса (а иногда и все три) делалась овальной.

Колты в XIII в. делались очень маленькими, гораздо меньше, чем прежде. Иногда они становятся сумкообразными, вытянутыми книзу. Кайма вокруг колта в XIII в. становится чрезвычайно разнообразной. Наряду с традиционными крупными шариками, имитировавшими жемчужную обнизь, появились самые разнообразные комбинации из мелких шариков, толстой рубчатой проволоки, тонкой плющеной проволоки и т. д. Наряду с прежними изображениями — грифонами, птицами — в XIII в. появляется неизобразительный орнамент — плетенка и другие орнаментальные композиции.

Звездчатые колты в конце XII в. становятся очень крупными. Лучи их из конических превращаются в грушевидные. Вместо маленьких шариков на концах лучей или пирамидок крупной зерни, на их концы насажены огромные полые шары или конусы. Под дужкой появляется дополнительный луч или отросток в виде усеченного конуса. Лучи покрыты зернью.

На тех украшениях, где изображается человеческое лицо (святые, сирины), оно изображается в профиль, а не в фас, как раньше.

Если присмотреться к украшениям, вырезанным на литейных формах, то сразу же можно заметить, что все они отмечены чертами, свойственными только поздним украшениям — первой половины XIII в. Колты маленькие, щитки у них часто покрыты неизобразительным орнаментом; кайма очень разнообразна — из проволочных петель, шариков и проволоки, зерни и т. д. Серьги разнобусинные или с овальными бусами и даже многобусинные (см. №№ 11 и 51). Звездчатые колты с грушевидными лучами. Лица изображаются в профиль.

Все эти данные приводят нас к датировке имитационных формочек довольно узкой датой — началом XIII в. (до 1240 г.).

Ко всем перечисленным признакам можно добавить еще один, говорящий в пользу этой же датировки. Выемчатая эмаль в бронзе появляется в Киевской Руси только в XIII в.¹ и заходит в XIV в. В этом убеждает изучение бронзовых энколпионов, среди которых энколпионы с выемчатой эмалью являются одними из самых поздних для домонгольской поры и заходят в послемонгольский период.

Незначительное количество украшений, отлитых в имитационных формах, известных в настоящее время, быть может объясняется отчасти поздним появлением имитационных форм. Повидимому, производство украшений в имитационных формах началось незадолго до монгольского завоевания, а сама идея изготовления литых украшений, подобных тисненым, была в руках опытных ювелиров наиболее крупных ремесленных центров, в частности ювелиров Киева, где найдено подавляющее большинство имитационных форм.

* * *

Как уже говорилось, литейные формочки, найденные в Киеве, происходят, в основном, из двух районов — с Флоровой Горы и с б. усадьбы Петровского и смежной с ней территории Десятинной церкви.

¹ Несколько раньше, в пределах второй половины XII в., появляются вещи со смешанной перегородчато-выемчатой эмалью в бронзе.

С Флоровой Горы происходит 31 формочка. Найдены они в разных местах, группами и поодиночке. На основании архивных данных удалось уточнить сведения о флоровских формочках. В описи коллекции В. В. Хвойко, составленной 28 августа 1894 г. и присланной в Археологическую комиссию с предложением приобрести коллекцию, указано:

«№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, каменные формочки, найдены в настоящем 1894 г. в месяце июне после проливного дождя все совместно в городе Киеве на Флоровой Горе [всего 13 формочек, Г. К.].

«№№ 2, 16, 17, 19, 23, каменные и глиняные формы, найдены на той же горе в разных местах.

«№ 10, каменная форма, приобретена в г. Киеве, от торговца, место находки не известно».¹

В деле имеется фотография, сделанная в Археологической комиссии. На ней 14 каменных и глиняных формочек (следовательно, сфотографированы формочки из разных групп описи). К сожалению, никаких номеров на формочках не видно, поэтому по фотографии невозможно определить, какие из них найдены вместе, а какие в разных местах Флоровой Горы. Все 19 формочек коллекции В. В. Хвойко были куплены Археологической комиссией для Эрмитажа, а впоследствии переданы в ГРМ.² К сожалению, ни в инвентаре Эрмитажа, ни на самих формочках не сохранилось старых номеров коллекции В. В. Хвойко, поэтому 13 формочек, найденных вместе после дождя и принадлежавших, несомненно, одной мастерской, и по данным музеев не могут быть выделены из остальной массы флоровских форм. Однако в фотоархиве ИИМК удалось разыскать фотографию, сделанную в 1894 г. В. В. Хвойко в Киеве и присланную им в Археологическую комиссию. На фотографии среди ряда вещей (стрелки, фрагменты глиняных игрушек и др.) имеется и 13 каменных формочек, повидимому, именно тех, которые были найдены все вместе после ливня.³ На нашей табл. 1 эти 13 формочек обозначены под №№ 65—67, 69—72, 74, 75, 77, 85, 86, 89. Это формочки для 3 колтов, трехбусинной серьги (литник), большого медальона, 2 перстней (один со знаком Рюриковичей) и ряда мелких простых украшений, а также 2 крышки для односторонних форм — плоские каменные плитки с дырочками для скрепления и небольшой выемкой сверху — воронкой литника.

Таким образом, восстанавливается инструментарий ювелирной мастерской на Флоровой Горе. Подбор формочек показывает, что в ней наряду со сложными полыми отливками и изделиями типа украшений кладов производились и простые мелкие изделия — подвески, крестики, пуговицы. Об особой аристократичности украшений, выходивших из этой мастерской, по сравнению с мастерскими на б. усадьбе Петровского, не может быть и речи.

Формочки с б. усадьбы Петровского происходят из раскопок В. В. Хвойко (1907—1908) и Института археологии Академии Наук УССР (1936). На территории б. усадьбы Десятинной церкви, не считая нескольких отдельных находок, большая часть формочек была найдена в 1939 г. М. К. Каргером (1941) в тайнике Десятинной церкви, куда они попали в связи с падением церкви в 1240 г.

К сожалению, неизвестно точное место находки формочек из раскопок В. В. Хвойко на б. усадьбе Петровского, составляющих самую крупную группу киевских находок. На основании опубликованных В. В. Хвойко

¹ Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122, л. 7.

² Эрмитаж, инв. №№ $\frac{95}{48-54}$; ГРМ, инв. №№ 11421-11424, 11426, 11429-11440, 11672.

³ Фотоархив ИИМК, F-114.7

(1913) сведений о раскопках невозможно установить, относятся ли все найденные формочки к одной или нескольким мастерским. Однако, судя по выпискам из дневников упомянутого автора, сохранившимся в Киеве в частных руках, видно, что формочки найдены в пределах одной ювелирной мастерской, местонахождение которой по этим выпискам установить не удается.

При сличении формочек из тайника Десятинной церкви и из раскопок В. В. Хвойко выяснилось, что одна формочка из тайника (№ 46) и одна из раскопок В. В. Хвойко (№ 10) являются частями одной литейной формы для трехбусинной серьги (рис. 4, 1).

Следовательно, если бы установить, с какого участка территории б. усадьбы Петровского происходят формочки В. В. Хвойко, то можно было бы узнать, где находилась мастерская ювелира, пришедшего спастись в 1240 г. в Десятинную церковь и погибшего под ее обрушившимися сводами.

Оказывается, что для решения этого вопроса у нас имеются некоторые данные.

В 1936 г. во время работ Киевской археологической экспедиции Академии Наук УССР на б. усадьбе Петровского, на «дільянке S, раск. А», т. е. на границе б. усадьбы Петровского с усадьбой Слюсаревского (метрах в 50 к северо-западу от Десятинной церкви), были найдены 4 литейные формочки: одна — для какой-то конической подвески (№ 23), вторая и третья — для трехбусинной серьги (рис. 5, 1; № 13 и 14) и четвертая — для наруча (рис. 4, 2, б; № 16).

Последняя, четвертая, оказалась частью формочки для наруча из раскопок В. В. Хвойко (рис. 4, 2, а, № 15). Это дает возможность установить местонахождение ювелирной мастерской, раскопанной упомянутым автором, а тем самым, и место, где жил и работал ювелир, укравшийся в Десятинной церкви и захвативший с собой часть литейных формочек как последнюю новинку ювелирной техники. Его мастерская находилась совсем близко от Десятинной церкви, всего в нескольких десятках метров на северо-запад от нее.

Исключительный интерес представляет то обстоятельство, что мы, оказывается, в состоянии определить не только место, где жил и работал этот мастер, не только время и место его гибели, но и его имя.

На одной из формочек, происходящей из его мастерской (формочка для трехбусинной серьги, найденной в 1936 г., № 13) напарапано несколько букв, расположенных в две строки, которые читаются следующим образом: «МАКОСИМОВ» (рис. 5, 2), т. е. формочка Максима. Повидимому, древнее название формочки было мужского рода. Для древнерусского художественного ремесла, крайне бедного именами мастеров — творцов «узорочья», появление нового имени, снабженного краткими «биографическими» данными, безусловно, можно считать счастливой и интересной находкой. Следует считать, что имя «Макосимов» относится к ювелиру, литейщику, но не к резчику формы. Притяжательная форма написания имени подчеркивает факт пользования ею, но не факт ее изготовления.

Таким образом, в Киеве XIII в. зафиксировано существование двух крупных ювелирных мастерских — на Флоровой Горе и на б. усадьбе Петровского. Несколько формочек найдено вне этих комплексов, и прямых данных для увязывания их с этими же мастерскими нет. Повидимому, они принадлежали другим мастерским. Одна из них могла находиться на б. усадьбе Трубецкого к югу от Десятинной церкви. Здесь был найден упомянутый ранее фрагмент формочки — литник и застывшая в литнике бронза, принятая И. А. Хойновским за бронзовый гвоздь. Совместная их

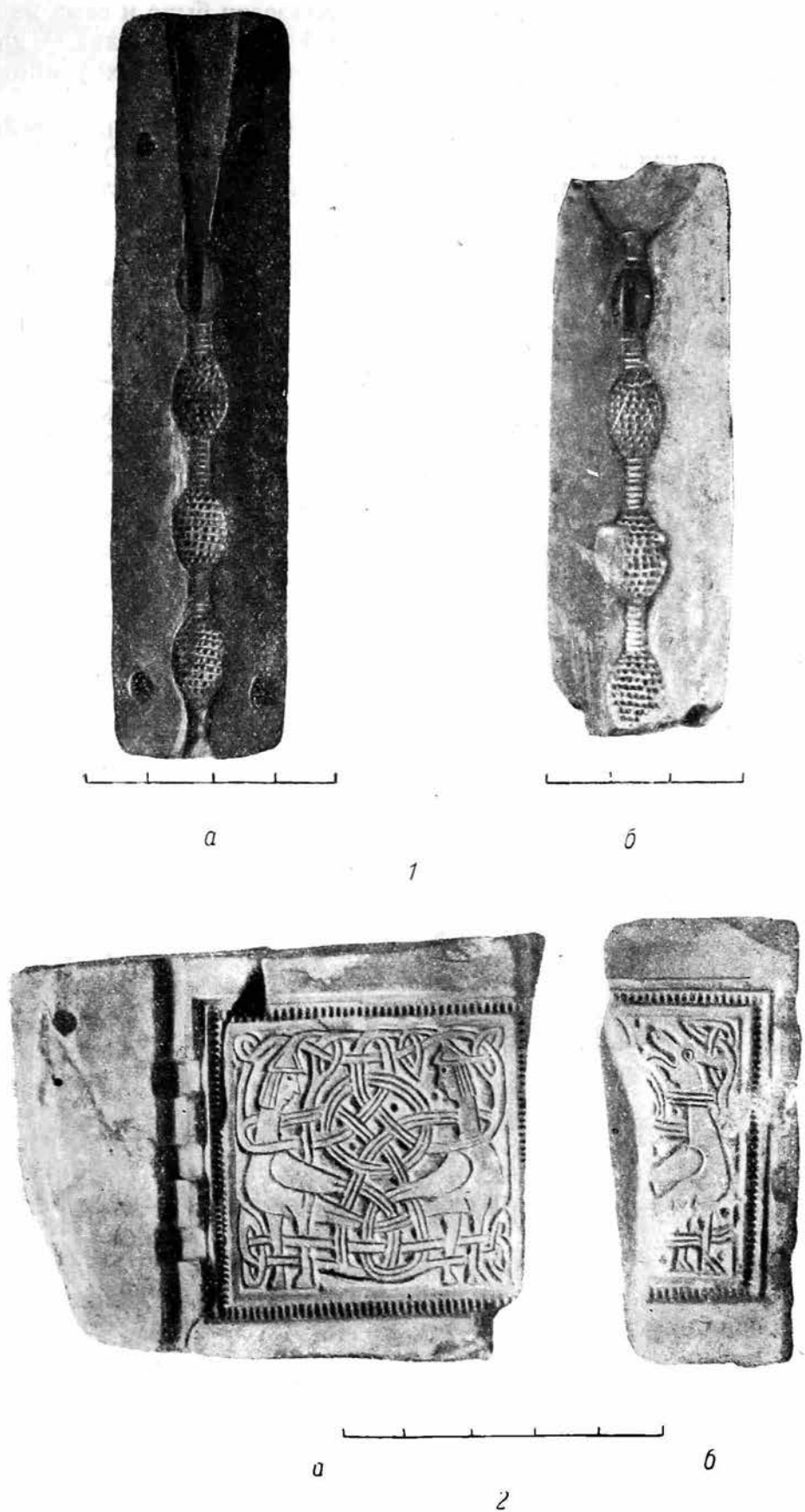

Рис. 4.

1 — части формы для серьги из Киева: а — из тайника Десятинной церкви.
 б — с б. усадьбы Петровского; 2 — части формочки для наруча из Киева:
 а — найдена в 1908 г., б — найдена в 1936 г.

находка наводит на мысль, что где-то поблизости была и сама мастерская.

С усадьбой Трубецкого связаны еще 4 формочки: одна — для колта (№ 57), другая — для наруча (№ 60) и две — для трехбусинных серег (№№ 58 и 59).

Пока не ясен вопрос о том, сами ли ювелиры резали литейные формочки или их делали специалисты, резчики по камню. Обнаруженные за последние годы на территории Киева ремесленные мастерские говорят

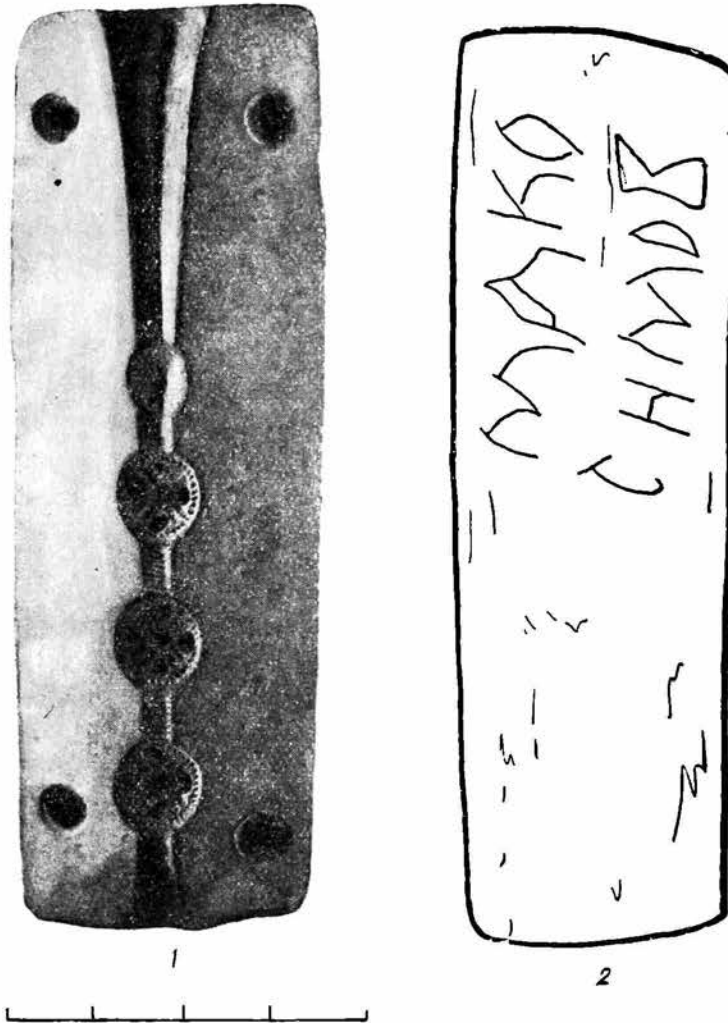

Рис. 5.

1 — формочка для трехбусинной серьги из Киева; 2 — надпись на формочке.

о большой разносторонности киевских мастеров. Различные виды ремесел соединялись в одних и тех же руках. Поэтому мы вправе предположить, что ювелиры сами резали для себя формы. Однако если обычные литейные формочки бесконечно разнообразны по своему внешнему виду, то формочки «киевского типа» чрезвычайно близки друг другу. Повидимому, это объясняется узостью территории, на которой они были изготовлены, и краткостью времени, в течение которого они были в употреблении, что еще раз подтверждает наше предположение о появлении имитационных форм накануне монгольского завоевания.

Формочки Галича (№№ 96, 97) отличаются от киевских. Они проще, грубее их, а украшения, вырезанные на них, иного стиля. Очевидно

в Галиче существовало совершенно самостоятельное производство украшений этого рода.

Гродненские формочки (№№ 112, 113) очень плохо изданы, но известный некиевский валет, кажется, присущ и им (малый размер звездчатого колта, мелкие и острые лучи и меньшее, чем обычно, число их).

В Новгороде, Райках и других пунктах найденные формочки проще киевских.

Наоборот, формочка для звездчатого колта из Увека на Волге (№ 129) не отличается от киевских ни по внешнему виду, ни по ее украшению, ни по безукоризненной технике резьбы. Повидимому, она была сделана в Киеве и занесена на Волгу уже в годы, следовавшие за монгольским завоеванием.

На Княжей Горе, безусловно, существовало самостоятельное и к тому же сильно развитое производство ювелирных изделий.

* * *

Чем же можно объяснить появление имитационных форм? Что означало появление их для истории древнерусского художественного ремесла? Можно ли считать начало массового изготовления дешевых украшений признаком прогресса в ремесле или, наоборот, признаком упадка?

Явление это, повидимому, следует считать, с одной стороны, прогрессом, с другой стороны — упадком киевского художественного ремесла. Если сравнивать литые украшения предмонгольской поры с лучшими ювелирными изделиями, входившими в убор киевской знати XI—XII вв., то производство первых нужно было бы признать, конечно, регрессом высокой культуры ювелирного искусства среднего Поднепровья. Литые изделия были грубоватые и тяжелые и только слегка напоминали дорогие украшения знати. Однако нельзя сравнивать друг с другом эти две группы вещей, так как они предназначались для совершенно различных социальных категорий: тисненные из драгоценных металлов — для знати, литые из бронзы и свинца — для рядовых горожан. Не случайно вкладах серебряных и золотых вещей никогда не попадаются украшения, отлитые в имитационных формах.

Чтобы установить наличие или отсутствие регресса в ювелирном искусстве Киева XIII в., по сравнению с XII в., нужно сравнивать украшения знати XII в. с такими же XIII в. или украшения горожан XII в. с такими же XIII в. И вот, при подобных сопоставлениях с совершенной очевидностью выясняется, что в XIII в. украшения, входившие в убор киевской знати, стали значительно хуже, а убор рядовых горожан значительно разнообразнее, так как он пополнился целым рядом новых типов, бывших ранее в употреблении только среди наиболее богатых слоев населения. Перемещение центров активной политической жизни на север и северо-восток в период феодальной раздробленности лишило среднее Поднепровье его прежнего значения — важнейшего политического и культурного центра Киевской Руси. Жизнь в городах среднего Поднепровья постепенно затихала. Благодаря устойчивости древних художественных традиций, хранителями которых были ювелиры Поднепровья, в прикладном искусстве изменения сказались несколько позднее, чем в других областях городской культуры. Во второй половине XII в. ювелирное искусство живет еще полнокровной, творческой жизнью и только с конца XII в., а особенно в XIII в., в нем намечаются признаки упадка. В это время не создается ничего нового. Ювелиры живут дости-

жениями лучших времен, комбинируя орнамент, приемы декорации, выработанные их предшественниками. Нередко замечается даже как бы сознательная архаизация украшений и декорации. Наряду с этим уменьшается количество производимых украшений, ухудшается техника изделий и качество металла.

В то же время убор рядовых горожан пополняется в XIII в. целым рядом новых украшений, передающих в упрощенном виде украшения знати. Проникновение в убор широкого слоя населения упрощенных, более дешевых украшений княжеско-боярской верхушки можно было наблюдать и раньше. Так, например, в первой половине XI в. появляются бронзовые литые украшения, передающие в более простой технике основные черты тисненых серебряных украшений с зернью, входивших в X в. в самый богатый парадный убор. Таковы большие и средних размеров литые бронзовые лунницы, круглые полусферические подвески с зернью и др. Такие украшения делали отливкой в формах, полученных путем простого оттискивания дорогой готовой вещи в глине.

Отливка украшений в каменных формах в XIII в. качественно отличается от того, что делали мастера, оттискивая готовую вещь в глине. Как правильно указывает Б. А. Рыбаков (1948, стр. 271), «только наличие широкого и гарантированного круга заказчиков или наличие рынка могли способствовать появлению таких дорогих и трудоемких приспособлений, как эти литейные формы». Поэтому появление имитационных каменных форм есть следствие широко и разносторонне развитого ремесла и не может считаться признаком упадка ремесла в целом. Во второй половине XII в. и в XIII в. во всех древнерусских городах развивается свое местное, в частности и художественное ремесло. Художественное ремесло новых княжеских центров, конечно, менее аристократично, чем прежнее киевское. Таким же менее аристократичным становится в этот период и киевское художественное ремесло, участвующее наравне с ремеслами всех других княжеств в сложении новой культуры, характерной для периода феодальной раздробленности.

Имитационные формы интересны еще тем, что вещи, отлитые в них, отражали вкусы своих непосредственных исполнителей, мастеров. Великолепно знавшие вкусы своих «высоких» заказчиков, но в то же время всецело связанные с городскими массами, киевские ювелиры в последний раз и на короткое время становятся законодателями мод, создателями своеобразных украшений. Монгольское завоевание прервало дальнейшее развитие ремесла в среднем Поднепровье. В послемонгольский период развитие убора пошло совсем иными путями.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935.
- Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
- Багалея Д. И. Русская история, т. I. М., 1914.
- Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. I. СПб., 1887.
- Гамченко С. С. Розкопи 1926 р. в Києві. Коротке звітження за 1926 р. Киев, 1927.
- Гущин А. С. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. Сб. «Изобразительное искусство», ГИИИ, Л., 1927.
- Он же. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.
- Довженко В. И. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. Археологія, т. III, Киев 1950, табл. VI, 10.
- История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. Материальная культура. М.—Л., 1948.

- К а р г е р М. К. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, X, 1941.
- Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве. Киев, 1899.
- Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898.
- К о н д а к о в Н. П. Русские клады. СПб., 1896.
- Л е о п а р д о в Н. А. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, вып. 1, Киев, 1890.
- М а т в е е в С. Г. Медный колт Государственного исторического музея. Тр. секц. археологии РАНИОН, II, М., 1928.
- М о л ч а н о в с к и й Ф. Н. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. ПИДО, № 5, 1934.
- П е т р о в Н. И. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V, Киев, 1915.
- О н ж е. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1897, изд. 2-е.
- Р ы б а к о в Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940.
- О н ж е. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Уч. зап. МГУ, вып. 93, М., 1946.
- О н ж е. Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Собрание М. П. Боткина, СПб., 1911.
- С п и ц ы н А. А. Новые приобретения Саратовского музея. ИАК, вып. 53, П., 1914.
- Т а р н о в с к и й В. В. Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1899.
- Х а н е н к о Б. И. и В. И. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902.
- О н и ж е. Древности русские, кресты и образки, вып. 1, Киев, 1899.
- Х в о й к о В. В. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в до-исторические времена. Киев, 1913.
- Х о й н о в с к и й И. А. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893.
- D u r c z e w s k i, Z. Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937—1938. Гродно, 1939.
- Н а м р е l. Ujabb tanulm nyok a honfoglalási kor emlékeiről. Будапешт, 1907.
- Н о ł u b o w i c z W. Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie. Slavia Antiqua, I, Познань, 1948.
-

П о я с н е н и е к т а б л и ц е 1

№№ пп	Для какого предмета	Чья раскопки или откуда поступили	Место хранения	Издание, архивные данные
К и е в, б. усадьба Петровского				
1	Колт с изображением зверя; на торце 3 буквы	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28105 и ф. 20010	Багалей, 1914, рис. 173.
2	Колт с растительным орнаментом (часть формы № 3)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28106 и ф. 20012	Багалей, 1914, рис. 167; Рыбаков, 1948 рис. 58.
3	Колт с растительным орнаментом (часть формы № 2)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ	—
4	Колт с изображением зверя; на обороте колт с изображением крестика	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № с 3034, ф. 20013 и 28107	Багалей, 1914, рис. 167.
5	Колт (фрагмент)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ	Багалей, 1914, рис. 173; Рыбаков, 1948 рис. 58.
6	Колт (фрагмент)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ	—
7	Серьга трехбусинная	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28113 и ф. 20018	Багалей, 1914, рис. 167.
8	Серьга трехбусинная	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28112 и ф. 20017	Багалей, 1914, рис. 167.
9	Серьга трехбусинная	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28115 и ф. 20020	Багалей, 1914, рис. 167.
10	Серьга трехбусинная (часть формы № 4б)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28111 и ф. 20016	—
11	Серьга многобусинная (фрагмент)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ	Багалей, 1914, рис. 167; Рыбаков, 1948, рис. 58.
12	Серьга трехбусинная	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ	—
13	Серьга трехбусинная; на наружной стороне надпись «МАКОСИМОВ»	АН УССР, 1936 г.	КИМ	—
14	Серьга трехбусинная (литник)	АН УССР, 1936 г.	КИМ	—
15	Наруч с изображением сиринов (часть формы № 16)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28103 и ф. 20004	Багалей, 1914, рис. 169; Гуштин, 1927 табл. III, 25; 1936, стр. 25, рис. 1; Рыбаков, 1948, рис. 62.
16	Наруч с изображением зверя (часть формы № 15)	АН УССР, 1936 г.	КИМ	—
17	Колодочки; на обороте крест.	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 28108 и ф. 20009	Багалей, 1914, рис. 167.
18	Крест; на обороте крест	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ	Багалей, 1914, рис. 167, 169.
19	Энколпион; на обороте энколпион	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № 56702	Багалей, 1914, рис. 167.
20	Перстни; на обороте кружки	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № с. 68268	—
21	Перстни	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ № с. 6827 и № 1	Ср.: Каталог выставки XI АС, 1899, стр. 47, № 1, из Десятиной церкви.

22	Дужки для перстней	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
23	Коническая подвеска	АН УССР, 1936 г.	КИМ
24	Литник	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
25	Литник	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
26	Литник	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
27	Литник	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
28	Крестик; на обороте крестик и буса	АН УССР, 1936 г.	КИМ № 33 424 и с. 68266
29	Пуговки	—	КИМ ф. 20023
30	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ ф. 20024
31	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ ф. 20027
32	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
33	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
34	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
35	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
36	Кистень (глина)	Хвойко, 1907—1908 гг.	КИМ
37	Неопределенный предмет	АН УССР, 1937 г.	КИМ

Киев, б. усадьба Десятинной церкви

38	Колт с изображением зверя (часть формы № 39)	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	Каргер, 1941, рис. 24е.
39	Колт с изображением зверя (часть формы № 33)	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	Каргер, 1941, рис. 24б.
40	Звездчатый колт (часть формы № 41)	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	Каргер, 1941, рис. 24а.
41	Звездчатый колт (часть формы № 40)	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	Каргер, 1941, рис. 24а
42	Звездчатый колт	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
43	Серьга трехбусинная	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
44	Серьга трехбусинная	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
45	Серьга трехбусинная (часть формы № 10)	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
46	Серьга трехбусинная	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
47	Серьга трехбусинная	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
48	Серьга трехбусинная	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
49	Серьга трехбусинная	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
50	Серьга трехбусинная (литник)	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	Каргер, 1941, рис. 24а.
51	Серьга многобусинная	Милеев, 1912 г.	Хранилась в Гос. Эрмитаже (инв. № 928,504), передана в Харьк. Ист. Музей 31 I 1932 г., поглябла в 1941 г.	Фотоархив Гос. Эрмитажа, негатыв III—236.
52	Браслет витой	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	Каргер, 1941, рис. 24е.

№№ пп	Для какого предмета	Чьи раскопки или откуда поступили	Место хранения	Издание, архивные данные
53	Крест	Милеев, 1910 г.	—	—
54	Неопределенный предмет	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
55	Неопределенный предмет	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
56	Неопределенный предмет	Каргер, тайник, 1939 г.	КИМ	—
К и е в, б. у с а д ь б а Т р у б е ц к о г о				
57	Колт с плетеным орнаментом; на обороте такой же колт	Гамченко, 1926 г.	КИМ № с. 68271 и 1759	Гамченко, 1927, рис. 16 и 18.
58	Серьга трехбусинная	Хойновский, 1892 г.	—	Хойновский, 1893, табл. XIV, 71, стр. 29—30.
59	Серьга трехбусинная	Колл. Трубецкого	ГИМ	Кондаков, 1896, стр. 143, рис. 91; Рыбаков, 1948, стр. 261, рис. 58.
60	Наруч с точечным орнаментом	Милеев	Гос. Эрмитаж № 637/69	—
61	Литник	Хойновский, 1892 г.	—	Хойновский, 1893, табл. XIV, 145.
К и е в, Б. Ж и т о м и р с к а я у л., д. № 4				
62	Колт с растительным орнаментом; на обороте колт гладкий	Каргер, 1946 г.	КИМ	—
К и е в, у г о л Б В л а д и м и р с к о й у л. в И р и н и н с к о г о п е р.				
63	Медальон с изображением богоматери с младенцем; на обороте предтеча	Лохвицкий, 1833 г.	КИМ № 57527 и 29	Каталог выставки XI АС, 1899, Отд. церковных древностей, стр. 6, № 66.
К и е в, П р о р е з н а я у л.				
64	Неопределенный предмет	—	КИМ № 65521 и 286	—

К и е в, Ф л о р о в а Г о р а

65	Колт с изображением зверя	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11436	ОАК за 1894 г., рис. 36; Бага-лей, 1914 рис. 170; Матвеев, 1928, рис. 1; Кондаков, 1896, рис. 94; Рыбаков, 1948, рис. 58; Фотоархив ИИМК П—35786 и F-114. 7; Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. №122. Фотоархив ИИМК F-114. 7; Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
66	Колт (фрагмент)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11422	Фотоархив ИИМК F-114.7; Архив ИИМК ф. I, 1849 г., д. № 122.
67	Колт (фрагмент); на обороте пуговики нарная к № 77)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11440	ОАК за 1894 г., рис. 34; Бага-лей, 1914, рис. 172; Кондаков, 1896, рис. 92; Рыбаков, 1948, рис. 58; Фотоархив ИИМК П—35 786; Архив ИИМК, ф. I 1894 г., д. № 122.
68	Звездчатый колт	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11426	Фотоархив ИИМК F-114.7
69	Серьга трехбусиная (литник)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11424	ОАК за 1894 г., рис. 34; Бага-лей, 1914, рис. 172; Кондаков, 1896, рис. 92; Рыбаков, 1948, рис. 58; Фотоархив ИИМК П—35 786; Архив ИИМК, ф. I 1894 г., д. № 122.
70	Медальон	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11423	Фотоархив ИИМК F-114.7
71	Перстень со знаком Рюриковичей	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11433	Фотоархив ИИМК F-114.7
72	Перстень; на нерабочей стороне граф-фитты — мужская голова	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11430	Рыбаков, 1940, рис. 89; 1948, рис. 58; Фотоархив ИИМК F-114.7; Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
73	Подвеска-сионец	Колл. Кибальчича	КИМ № 56754	ОАК за 1894 г., рис. 35; Кондаков, 1896, рис. 93; Рыбаков, 1948, рис. 58; Фотоархив ИИМК F-114.7; Архив ИИМК, ф. I. 1894 г., д. №122.
74	Подвеска миндалевидная	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11421	ОАК за 1894 г., рис. 35; Кондаков, 1896, рис. 93; Рыбаков, 1948, рис. 58; Фотоархив ИИМК F-114.7; Архив ИИМК, ф. I. 1894 г., д. №122.
75	Литник? (неоконченная форма?)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11438	Фотоархив ИИМК F-114.7
76	Крестик и шарик	Хвойко	—	Рыбаков, 1948, рис. 58; Архив ИИМК, ф. I, 1896 г., д. № 199.

№№ пп	Для какого предмета	Чьи раскопки или откуда поступили	Место хранения	Издание, архивные данные
77	Крестик; на обороте пуговицы (парная к № 67)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11435	Фотоархив ИИМК F-114.7; Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
78	Крестик	—	КИМ	—
79	Бусинка?	Хвойко	—	Архив ИИМК, ф. I, 1896 г., д. № 199.
80	Подвеска круглая с ушком	Хвойко	КИМ № с. 68262 и 573	Архив ИИМК, ф. I, 1896 г., д. № 199.
81	Подвеска круглая с ушком	—	КИМ № 20416	—
82	Пуговицы, шарики	—	КИМ	—
83	Шарики крупной зерни	Колл. Кибальчица	КИМ № 56753	—
84	Матрицы для пуговиц	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11432	Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
85	Крышка формы	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11431	—
86	Крышка формы	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11429	Фотоархив ИИМК F-114.7
87	Неопределенные предметы	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11672	Фотоархив ИИМК F-114.7 Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
88	Неопределенный предмет	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11437	—
89	Неопределенный предмет	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11439	Фотоархив ИИМК F-114.7; Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
90	Неопределенные предметы	—	КИМ № с. 68391 и 570	—
91	Неопределенные предметы	—	КИМ № ф. 20001 и 10440	—
92	Неопределенные предметы; на обороте неопределенные предметы (глина)	—	КИМ № ф. 68390 и 10441	—
93	Неопределенные предметы (глина)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11434 а	Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
94	Неопределенные предметы (глина)	Хвойко, 1894 г.	ГРМ № 11434 б	Архив ИИМК, ф. I, 1894 г., д. № 122.
95	Неопределенные предметы (глина)	—	КИМ № с. 68393 и 27517	—
96	Колт с 2 птицами; на обороте колт с клетчатым орнаментом; на торце — орнамент	Урочище Юрьевское, 1941 г. Г а л и ч	Львовский музей	—

97	Медальон с изображением оранты	Урочище Золотой Ток	Львовский музей	—
98	Крестик; на обороте лунница	Урочище Юрьевское, 1941 г.	Львовский музей	—
99	Крестик	Урочище Юрьевское, 1941 г.	Львовский музей	—
В ы ш г о р о д				
100	Колт с изображением крестика	АН УССР и ГИМ 1934—1937 гг.	—	Довженко, 1950, табл. VI, 10.
К н я ж а я Г о р а				
101	Колт, орнаментированный плетенкой (бронза)	—	КИМ № с. 68273 и 32298	—
102	Перстень; на обороте крестик.	—	КИМ № с. 65760 и 30842	—
103	Крестик с выемчатой эмалью	—	КИМ	Петров, 1897, стр. 255, № 404; 1915, стр. 27.
104	Подвеска со звездой	Колл. Тарновского	—	Тарновский, 1898, стр. 29, № 1564.
105	Крышка преддуги с формой	Колл. Тарновского	—	Тарновский, 1898, стр. 29, № 1564.
Р а й к и				
106	Серьга трехбусинная	АН УССР 1932—1934 гг.	—	Молчановский, 1934, стр. 91—92.
107	Перстень	АН УССР » »	—	—
108	Крестик	АН УССР » »	—	—
109	Подвеска круглая с ушком	АН УССР » »	—	—
В и т я ч е в				
110	Бляшка продолговатая с орнаментом	Хвойко, 1897—1899 гг.	—	Архив ИИМК, ф. I, 1900 г., д. № 29.
111	Бляшка продолговатая с орнаментом	Хвойко, 1897—1899 гг.	—	Архив ИИМК, ф. I, 1900 г., д. № 29.

№№ п/п	Для какого предмета	Чья раскопки или откуда поступили	Место хранения	Издание, архивные данные
Г р о д н о				
112	Звездчатый колт; на нерабочей части рисунок (часть формы № 113)	Дурчевский, 1937—1938 гг.	Музей г. Гродно	Durczewski, рис. 95; Hołubowicz, рис. 11a.
113	Звездчатый колт (часть формы № 112)	Дурчевский, 1937—1938 гг.	Музей г. Гродно	Durczewski, рис. 95; Hołubowicz, рис. 11e.
114	Литник	Дурчевский, 1937—1938 гг.	Музей г. Гродно	—
115	Бусина с зернью; на нерабочей стороне знак Рюриковичей	Дурчевский, 1937—1938 гг.	Музей г. Гродно	Durczewski, рис. 96; Hołubowicz, рис. 8.
116	Две круглых бляшки (щитки перстней?) с изображениями зверька и птички; на нерабочей стороне плетеная за- ставка	Дурчевский, 1937—1938 гг.	Музей г. Гродно	Hołubowicz, рис. 10.
Г р и г о р о в к а б. К а н е в с к о г о у. К и е в с к о й г у б.				
117	Диргем	—	КЦИМ № с. 68267 и 33427	—
Ч е р н и г о в с к и й м у з е й				
118	Два браслета со змеиными головами.	—	—	—
119	Подвеска круглая с ушком	—	—	—
120	Крышка предыдущей формы	—	—	—
121	Неопределенный предмет	—	—	—
122	Неопределенный предмет	—	—	—

Харьковский музей

123	Крестик	—	—	—	—
124	Лунница	—	—	—	—
125	Неопределенный предмет	—	—	—	—
Саркел					
126	Крестик (меловой камень)	Славов, 1884—1885 гг.	ГИМ	Артамонов, 1935, рис. 4. 4, стр. 21.	
127	Шарики крупной зерни (бронза); на нерабочей стороне знак Рюриковичей	Веселовский, 1887 г.	Гос. Эрмитаж	Артамонов, 1935, рис. 4. 1, стр. 21; Рыбаков, 1940, рис. 86—87, стр. 253—254, прим. 2; 1948, рис. 58; Артамонов, 1935, стр. 21.	
128	Шарики крупной зерни	Веселовский, 1887 г.	Гос. Эрмитаж		
Увек					
129	Звездчатый колт	—	Саратовский музей	Спицын, 1914, рис. 24, стр. 102.	
Митяево б. Можайского у. Московской губ.					
130	Серьга трехбусинная; на обороте крестик	Арциховский 1925—1930 гг.	ГИМ	Арциховский, 1930, стр. 182, № 125; История культуры древней Руси, рис. 52, стр. 92.	
131	Крестик и восьмерка; на обороте восьмерка	Арциховский » »	ГИМ	Арциховский, 1930, стр. 182, № 125; История культуры древней Руси, рис. 52, стр. 92.	
132	Крестик	Арциховский » »	ГИМ	Арциховский, 1930, стр. 182, № 125.	
133	Крестик и восьмерка	Арциховский » »	ГИМ	Арциховский, 1930, стр. 182, № 125.	
134	Подвеска; на обороте восьмерка	Арциховский » »	ГИМ	Арциховский, 1930, стр. 182, № 125.	

№№ пп	Для какого предмета	Чья раскопки или откуда поступили	Место нахождения	Издание, архивные данные
Новгород				
135	Перстни; на обороте крест	Репников	ГРМ № 11671	—
136	Литник	Репников	ГРМ № 11669	—
137	Бусина; на обороте бусина	Колл. Квашенкина	ГРМ № 11427	—
138	Пуговка	Колл. Квашенкина	ГРМ № 11428	—
139	Пуговка	Репников	ГРМ № 11670	—
Емонец б. Невельского у. Витебской губ.				
140	Диргем	—	Гос. Эрмитаж	ОАК за 1891 г., стр. 129; Рыбаков, 1948, рдс. 58; Ар- хив ИИМК, ф. I, 1891 г., д. № 119.
Место находки неизвестно				
141	Крестик	—	КИМ	—
142	Подвеска круглая с ушком (медь)	—	ГРМ № 4771, из ГАИМК	—
143	Подвеска или маленький колт	—	КИМ	—
144	Пуговки (часть формы № 145)	Колл. Романченко	ГРМ № 11425а	—
145	Пуговки (часть формы № 144)	Колл. Романченко	ГРМ № 11425б.	—
146	Лунница	Колл. Хвойко	КИМ № с. 68272 и 10290	—

А. Л. ЯКОБСОН

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА¹V. АРМЯНСКИЕ МОНАСТЫРИ XIII в. ХОРАКЕРТ И МШКАВАНК²

Армянское зодчество XII—XIII вв., бесспорно, одна из наиболее ярких страниц художественной культуры средневекового Кавказа. Это время, как известно, отмечено экономическим подъемом страны и небывалым до того развитием городской жизни, в условиях которой на первый план выступили новые архитектурные задачи — в области светского, гражданского строительства. Индивидуальный талант зодчего получил новое и широкое поле своего приложения, выйдя за узкие рамки церковной архитектуры, сковывавшие его. Ясно обозначился отход от ее традиционных и застывших форм. Под эгидой города созревало новое искусство, новый архитектурный стиль. Светское городское искусство, получившее столь сильные импульсы для своего развития, в значительной мере определило и формы искусства церковного. Это время отмечено постоянными творческими исканиями и творческими дерзаниями. Не случайно, что так много индивидуального в архитектурных произведениях той поры. Почти нет памятника XII—XIII вв., где бы эта особенность не сказалась в той или иной степени: каждый вновь открытый или мало обследованный памятник прибавляет выразительные черты в художественном облике Захаридской Армении.

В этом заключается значение тех двух памятников, которые публикуются в настоящем сообщении. Оба они находятся в горной и лесистой, трудно доступной области Лори, в районе Ахпата и Санаина — двух крупных культурных очагов, созданных здесь в XI в., но получивших особенное значение в XII и XIII вв.

Хоракерт и Мшкаванк — два монастыря, уединившиеся в лесную чащу; оба состоят из собственно церкви и гавита — полусветского-получерковного притвора, воспроизводящего композицию бесстолпной залы, перекрытой двумя парами взаимно перекрещивающихся арок-нервюр. В этом — общая черта обоих гавитов, в остальном архитектура монастырей различна.

1

Монастырь Хоракерт³ находится вблизи армянского сел. Джилиз Алавердского района Армянской ССР (на границе с Грузинской ССР); ныне сильно зарос и гавит его частично разрушился.

¹ См. СА, VI, VIII и IX.

² Из материалов историко-архитектурной поездки в Армению летом 1946 г.

³ Ерванд Л а л а я н. Борчалинский уезд (монастырь Хоракерт). Этнографич. обозрение, кн. VII—VIII, Тифлис, 1901, стр. 425—426 (на арм. яз.).

Сама церковь сравнительно хорошо сохранилась. На ее западном портале, выходящем в гавит, по полю прямоугольной рамы и в тимпане арки над входом вырезана ктиторская надпись, которая в переводе гласит:

«В лето 701 [т. е. в 1251 г.] в патриаршество в[ладык]и Константина (?), в архиепископство Амазаспа, в миродержание и воеводство Садуна, в царствование Давида, я, Стефанос, сын Иоанна, купил Хоракерт и его селения, виноградник, что в монастыре Шулавер, навеки за 30 000 белых султанских и построил я это, начав с фундамента упованием бессмертного Б[ог]а, [дабы] был мне и братьям моим и сыновьям [моим] памятник живой, место упокоения до пришествия Х[риста] и соверша[т] [литургию] мне и моим во славу Его [т. е. Христа]. Ныне кто нарушит. . . церкви или места эти изымет от рода моего, [да будет] поколебен и отвержен от веры и христианства».¹

Судя по этой надписи, храм (а может быть имеется в виду и гавит?) полностью построен (окончен постройкой?) в 1251 г. Стефаном, сыном Иоанна, родственником атабека Садуна; монастырь Хоракерт был куплен им у Арцрунидов — владельцев Ахпата и Махканаберда (в районе Иджевана).

Портал 1251 г. очень прост и типичен для XIII в.: он состоит из широкого обрамления входа с двумя полуколонками, с килевидным верхом; эта внутренняя часть портала заключена в прямоугольную раму более сложного профиля. Орнаментальной резьбы, часто наблюдаемой на такого рода порталах, здесь нет.

Но столь же несомненно, что сам храм, который надпись объявляет постройкой того же 1251 г., на самом деле относится к значительно более раннему времени: в этом пункте надпись явно преувеличивает объем строительной деятельности Стефана.

На более раннюю дату храма указывает его плановая и пространственная композиция и скромное декоративное убранство.

Это сравнительно большое (наружные размеры 14.52—14.60 × 9.57—9.95 м) крестовокупольное здание (рис. 1 а, б); северная и южная ветвь креста — коротки, западная и восточная — немного вытянуты. Композиция эта, как известно, была уже вполне выработана к XI в. и почти без изменений воспроизводилась в храмовой армянской архитектуре на протяжении XI—XIII вв., и потому не дает определенных хронологических указаний. Зато отдельные черты здания весьма показательны. Так, угловые части здания заняты вытянутыми хоранами. Углы подкупольного квадрата как бы срезаны и обработаны тремя полуколонками, образующими 4 пучка тяг, тянущихся вверх. В таком виде эти пучки тяг, еще не измельченные, не характерны для зодчества XIII в. и, наоборот, напоминают храмы XI в.²

Более определенные указания дают декоративные детали, именно прямоугольные капители, завершающие полуколонки: капитель над юго-западным углом украшена на обеих смежных сторонах двумя (одна над

¹ Перевод надписи сделан С. Т. Еремяном, за что приношу ему свою благодарность.

² Например, церковь в сел. Бджни (Н. М. Токарский. Предварительный отчет о поездке в Армению. ИГАИМК, т. IV, 1925, стр. 342, рис. 27), в более торжественном виде — в храме в Мармашене (см. Т. Торамян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, 1942, рис. 228, 229; т. II, 1948, рис. 159, 179) и Анийском соборе (там же, т. I: рис. 249, 251).

другой) волютами, по сторонам которых — вертикальный ряд из трех кружков. Подобные волюты, опять-таки, типичны для архитектурной орнаментики именно XI в.¹

Интересен частично сохранившийся южный портал храма (его восточная сторона): две витые полуколонки, рядом с ними (с краю портала) — одна тонкая; капители — в виде бусы, над ними абак в виде двух тонких полуваляков, затем более широкого полуваляка и, наконец, широкой полочки с откосом; полуваляк украшен овами. Абак служит основанием полукруглой арки над входом; по низу монолитного тимпана арки протянут сильно выветрившийся орнамент в виде ряда аканфовых листьев со свешивающимися верхушками, образующими подковообразные ячейки, в каждой из которых помещено по одному четырехравноконечному кресту (рис. 2). Как композиция портала, еще лишенная сложной профилировки порталов XIII в. (образец которого имеется на западном фасаде того же здания), так и орнаментика — овы и аканфы — очень архаичны по своим формам и не могут быть отнесены ко времени позднее XI в.²

В связи с намечающейся датой первоначального здания важно отметить, что внутренняя сторона стен (т. е. обращенная внутрь здания) сложена не из штучных, гладко тесаных камней, как то обычно в XIII в., а из слегка подтесанного полубутового камня, выложенного плохо выдержанными рядами, и рассчитана на штукатурку, остатки которой местами сохранились (но от фресок не сохранилось и следов). Примеры такой кладки дают провинциальные армянские памятники IX—X вв. — церковь Григория в Агардине и церковь Апостолов на о-ве Севан. Описанная часть здания, таким образом, скорее всего относится к XI в.³

Совершенно иной характер носит верхняя часть храма, начиная со слегка стрельчатых арок подкупольного квадрата, имеющая вытянутые пропорции (высота внутри до свода 15.75 м). Эти арки несут весьма своеобразную ротонду, состоящую из 30 шестигранных колонн (рис. 3), из них 3 пары позднее заложены красным камнем (между остальными колоннами закладка выпала). Базы и капители колонн, выступающие наружу и внутрь углом, образуют звездчатый план этой ротонды (как внутри, так и снаружи). Внутри простые полурозетки дают переход к подкупольному кругу, основание которого отмечено слабо выступающим карнизом, а снаружи посредством подобных же полурозеток совершен переход к высокой (4.20 м) восьмигранной призме, увенчанной высокой восьмигранной пирамидой, покрытой каменными плитами. Колонны ротонды поднимаются лишь на половину высоты барабана (2 м) и как бы придавлены возвышающимся над ними монолитом тяжелой восьмигранной призмы. Вследствие этого легкость, свойственная ротонде, как архитектурной форме, здесь совершенно утрачена. Ощущение это усиливают пониженные пропорции часто расставленных массивных колонн — грузных и тяжелых. В целом ротонда Хоракертского храма производит скорее впечатление непрерывного ряда щелевидных просветов, чем собственно ротонды.

¹ Сошлюсь хотя бы на ту же церковь в Бджни (Н. М. Токарский, ук. соч., стр. 27), декорровку портала церкви 1026 г. в Анберде (Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, табл. 49), особенно на капители наружных фасадов церкви в Мармашене начала XI в.

² Мотив аканфов, образующих подковообразные ячейки, хорошо известен в орнаментике бровок в армянской архитектуре VII в. (Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении, рис. на стр. 125). В Хоракерте этот орнамент крайне сух и схематизирован, он утратил живость орнаментики VII в.

³ Отмечу, что северный пилястр — пилон восточной стены гавита, находящийся рядом с описанным западным порталом храма, прикрыл камень кладки с надписью (видна в щель).

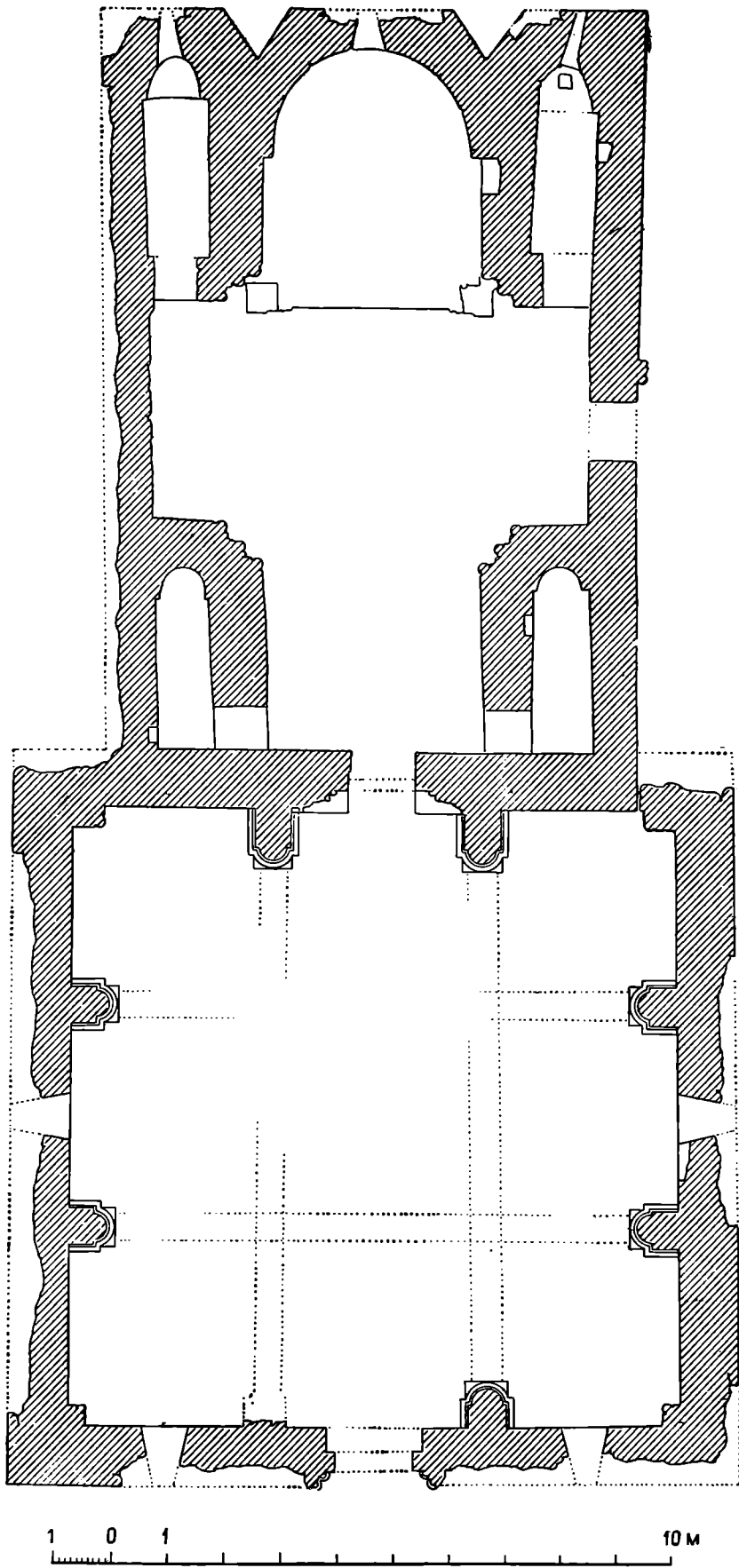

Рис. 1а. Хоракерт. План (обмер автора):

Как бы ни относиться к этому произведению, нельзя не оценить его оригинальность и своеобразие; оно носит индивидуальный характер: в позднесредневековой архитектуре Армении такая композиция беспрецедента.

Не менее оригинален сферический свод этой «ротонды», основанный на шести перекрещивающихся арках-нервюрах, образующих форму шестиконечной звезды. В центральный ее шестигранник, уходящий вверх в виде конуса, также вписана шестиконечная звезда.

Перед нами — интересная конструкция, имевшая несомненно и художественное значение: масса тяжелого свода как бы отступает обнажая паутину легких (именно так они воспринимаются снизу) нервюр.

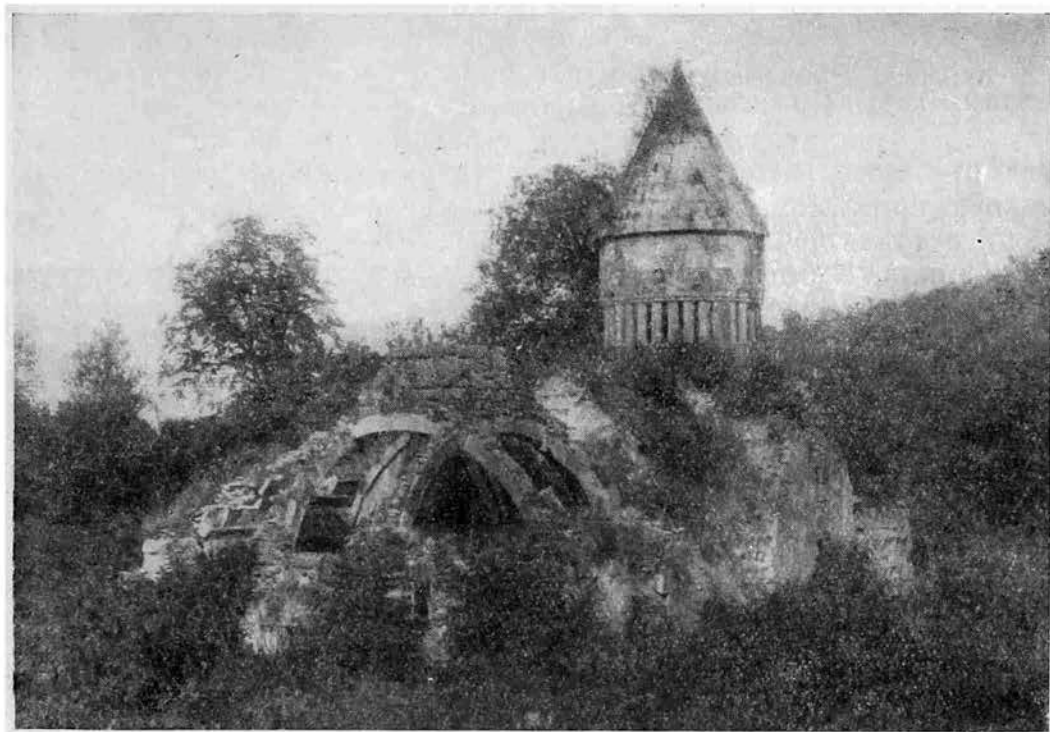

Рис. 16. Хоракерт. Общий вид с юго-западной стороны.

Нервюрный свод Хоракерта не единичен. Такой же свод имеет ротонда гавита (а не храма) в небольшом монастыре XIII в. близ сел Арзакан, Ахтинского района (точно не датирован и не издан) (рис. 4) и гавит монастыря Хоранашат (на севере Армении, Шемшадинский район).¹

Фасады храма крайне просты и почти лишены декорировки; зодчий ограничился простым прямоугольным обрамлением окон и лаконичным порталом с южной стороны. На восточном фасаде — две треугольные ниши с весрообразным верхом.

Сказанное убеждает в том, что в 1251 г. здание не было вновь построено, как утверждает надпись; была лишь надстроена нижняя часть, сохранившаяся от храма XI в. (при этом переложена была и апсида, отличающаяся кладкой). Собственно XIII в. принадлежит лишь верхняя часть здания, начиная от арок, включая ротонду и нервюрный свод, стилистически резко отличающаяся от нижней части.

¹ По сообщению М. И. Ильиной, обследовавшей этот памятник в 1946 г.

В XIII же веке построен и гавит (может быть, оконченный к тому же 1251 г.), представляющий собой квадратное в плане бесстолбное здание (наружные размеры 13.10×13.10 м), перекрытое двумя парами взаимно перекрещивающихся арок-нервюр (рис. 5), опирающихся на выступающие из стен 8 пилонов с полуколоннами на лицевой стороне. Между пилонами вдоль стен перекинуты арки. Вместе с арками-нервюрами они составляют скелет здания; все остальное (стены, перекрытие) является лишь за-

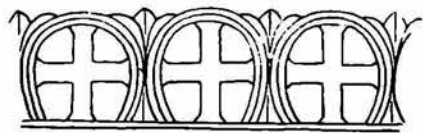

Рис. 2. Хоракерт. Орнаментация южного портала церкви.

полнением, играющим в конструктивном отношении пассивную роль, что ясно показывает современное состояние гавита: арки все целы, но плиты перекрытия почти не сохранились. Квадрат средокрестья между арками-нервюрами сужается посредством нависающего карниза, обработанного крайне упрощенными сталактитами (в виде двух рядов рельефных треугольников), и затем переходит к восьмиграннику, верх которого не сохранился; пояс перехода состоит из нависающих треугольных плит, украшенных филенками, как, например, в трапезной Агарцина и книгохранилище Ахпата. Восьмигранник этот, очевидно, имел отверстие в центре, а снаружи над ним, как обычно, возвышалась, вероятно, ротонда.

Весь художественный эффект здания заключается в его перекрытии арками-нервюрами, которые по сути дела составляют основу всей архитектурной композиции, а не только конструкцию перекрытия. Все в здании подчинено ей: пониженные пропорции пристенных пилонов еще больше выделяют смелый полет этих четырех арок-нервюр. Характерно, что зодчий почти отказался от декора; сложная профилировка членении восьмигранника не нарушает единство интерьера, скорее оттеняет монументальность арок-нервюр и их ведущую роль в композиции.

Гавит Хоракерта передает эту композицию в том «чистом» и вполне выработанном виде, в каком мы ее знаем в гражданской архитектуре примерно того же времени — однородных трапезных Агарцина (1248 г.) и Ахпата, хотя несомненно, что сложилась она еще в XII в., если не раньше, на что указывает большой гавит Ахпата (о нем далее), являющийся наиболее ранним памятником бесстолбной композиции с нервюрным перекрытием. В XIII в., особенно во второй его половине, в монастырской архитектуре Армении эта бесстолбная система перекрытия нашла себе широкое применение. В развитом виде наблюдаем ее в так называемом книгохранилище того же Ахпата, усыпальнице монастыря

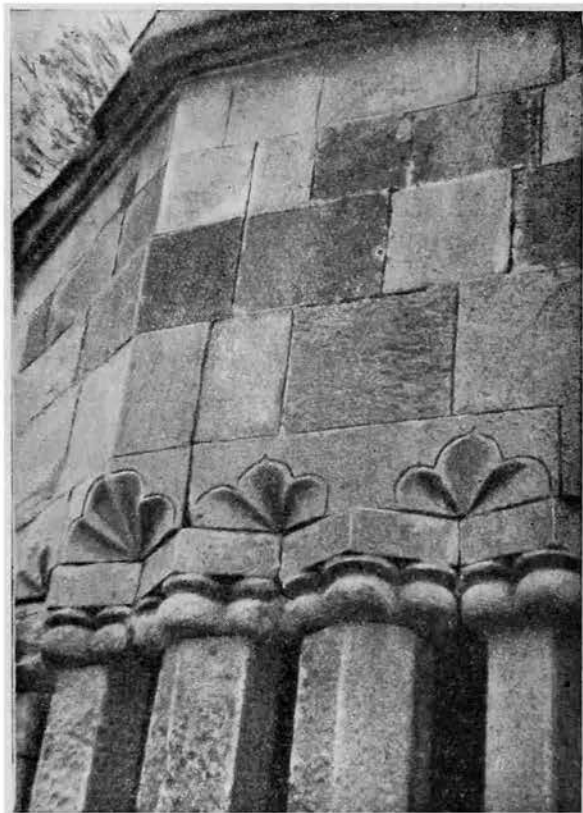

Рис. 3. Хоракерт. Колоннада ротонды.

Оромос (близ Ани), гавитах монастыря Варфоломея близ оз. Ван,¹ Гандзасарского монастыря (ныне на территории Азербайджанской ССР); в более скромном виде в гавитах монастыря Аракелоц и Дехцнутванка.² Своеобразный вариант нервюрного перекрытия дает небольшой гавит монастыря Аратес (Микояновского района)³ (1270 г.), где вдоль залы перекинута лишь 2 параллельные арки, укрепленные с двух других сторон полуарками. Композиция бесстолбной залы с нервюрным перекрытием была в XIII в. перенесена и в собственно церковную архитектуру, где, соответственно небольшой замкнутой площади здания, была сокращена и вследствие этого искажена; такова церковь богоматери

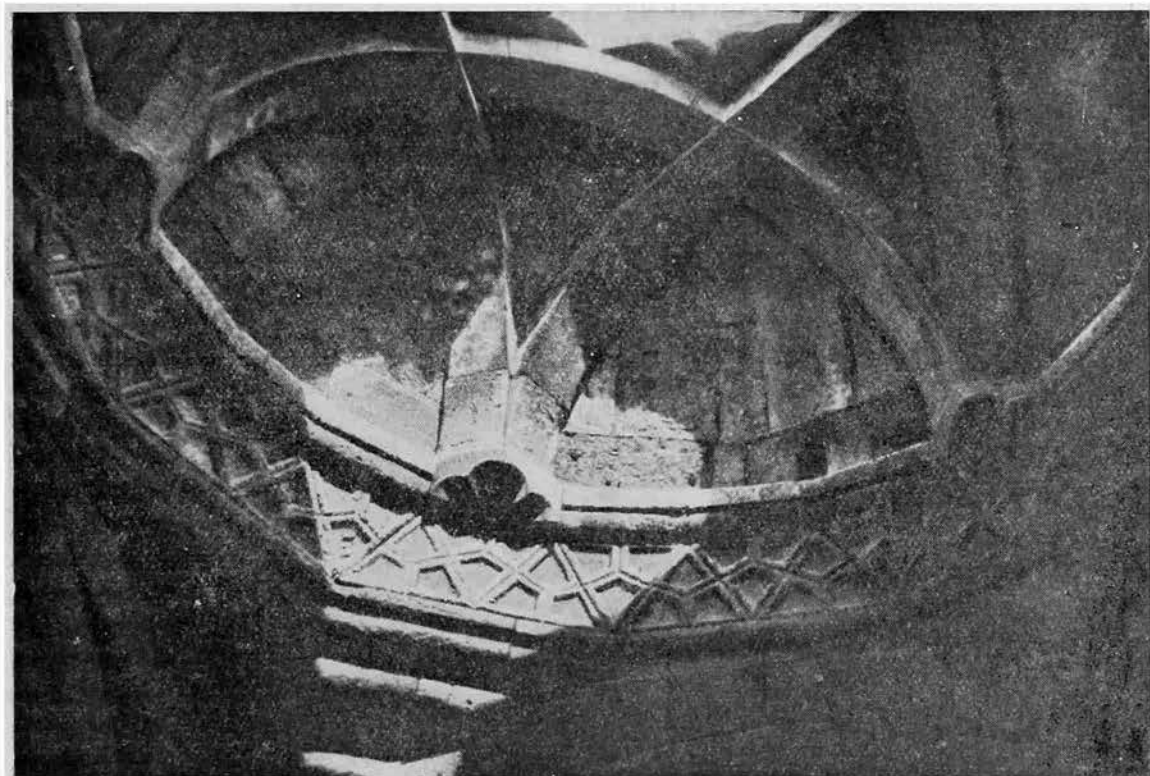

Рис. 4. Гавит храма близ сел. Арзакан. Нервюрный свод.

(названная в надписи книгохранилищем) в Сагмосаванке (Аштаракского района), 1235 г., и нижний этаж церкви-колокольни в Нор-Гетике (Делижанского района), 1291 г. Такое же перекрытие имеет верхняя капелла колокольни в Санаине. В поисках новых композиционных эффектов созданы были и другие варианты нервюрного перекрытия, где арки перекинута не вдоль залы и перпендикулярно им, а с угла на угол (в гавите монастыря Апостолов в Ани⁴ и небольшой церкви в Оромайре близ Узунлара Алавердского района). Наконец, появилось и миниатюрное воспроизведение нервюрного перекрытия в куполе (в виде шести перекрещивающихся арок, образующих шестиугольную фигуру), пример чего дает описанная церковь Хоракерта.

¹ W. B a s h m a n n. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Лейпциг, 1913, стр. 23—28, табл. 20 сл.

² Оба близ сел. Геташен Иджеванского района. См.: Исторические памятники Армянской ССР, вып. V, Иджеванский район, Ереван, 1947, рис. 22, 29.

³ МАК, XIII, табл. XXXIV.

⁴ См. реконструкцию Т. Тораманяна (Материалы по истории армянской архитектуры, I. Ереван, 1942, ст. 38 и 97).

Гавит Хоракерта следовал, таким образом, очень распространенной и излюбленной в позднесредневековой Армении бесстолбной композиции, переданной здесь в изначальном, не искаженном и полном виде.¹ Следует подчеркнуть, что возникла эта оригинальная и смелая система нервюрного перекрытия именно в сфере гражданской архитектуры, к памятникам которой (имею в виду упомянутые трапезные) гавит Хоракерта особенно близок.

II

Иное решение эта архитектурная тема получила в гавите Мшкаванка, также уединившегося в лесную чащу гор близ сел. Кохб Ноемберянского района.² От монастыря также сохранилась небольшая церковь, к которой

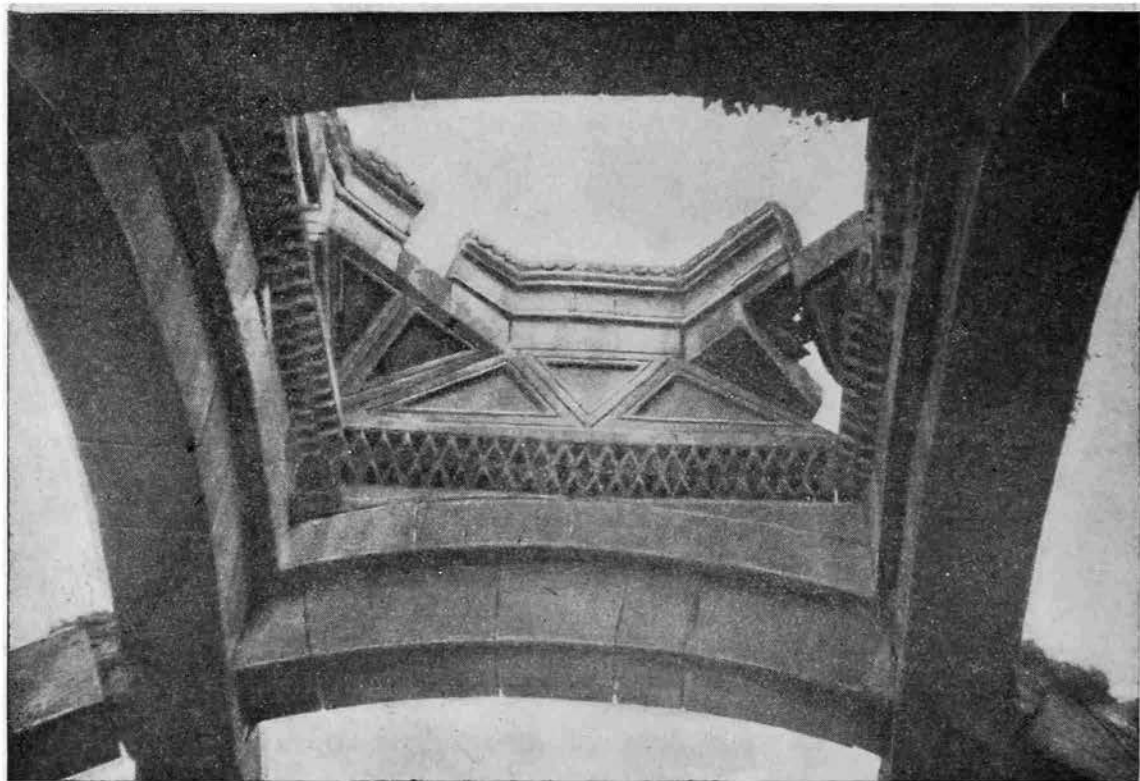
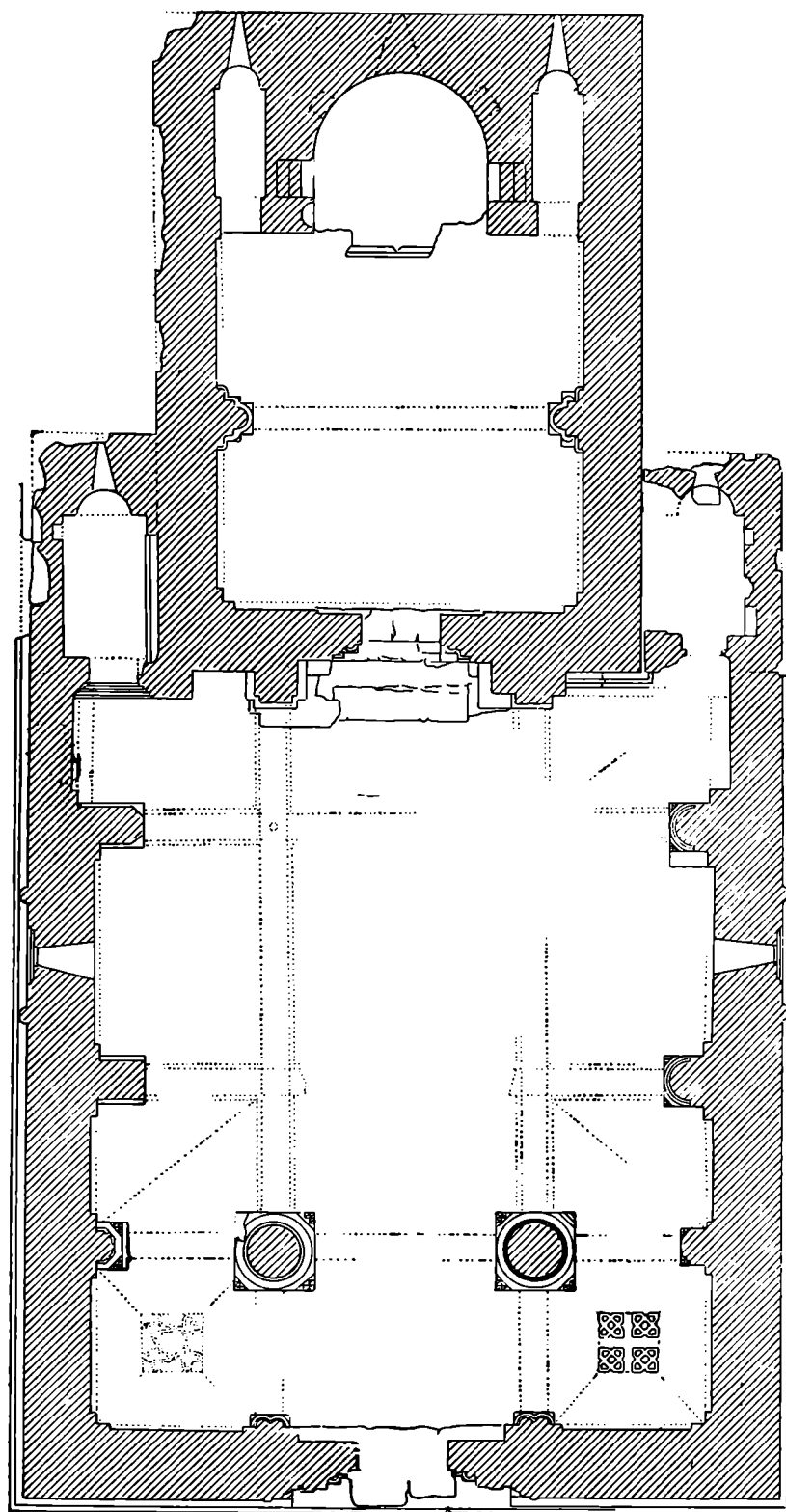

Рис. 5. Хоракерт. Перекрещивающиеся арки гавита.

примыкает гавит (рис. 6). Точной даты построек нет: надпись над входом в церковь — дарственная и года не содержит; зато дата 696 г. (=1247 г.) обозначена над входом в миниатюрную капеллу, примыкающую к юго-западному углу церкви; церковь, следовательно, возведена перед тем. Гавит построен п о с л е капеллы, так как южная стена наличника входа в нее была закрыта примыкающей к капелле южной стеной гавита. Однако, исходя из близости стиля всех этих построек монастыря (о чем ниже),

¹ Насколько была популярна эта композиция среди армянских зодчих XIII в., показывает воспроизведение ее в пещерном сооружении, т. е. высеченном в скале, где эта система перекрытия вообще не имеет конструктивного смысла и является, таким образом, фальшивой. Имею в виду маленькую церковь в монастыре Гегард (Котайского района), 1283 г. (см.: МАК, XIII, стр. 12—13).

² Краткая информация о поездке в Мшкаванк С. В. Тер-Аветисяна помещена в «Бюллетене Кавказского историко-археологического института в Тифлисе» (№ 5, Л., 1929, стр. 14).

1 0 1 10 м

Рис. 6. Мшкаванк. План (обмер автора).

трудно допустить большую хронологическую разницу: все они, вероятно, возведены в пределах нескольких десятилетий и вряд ли намного позже середины XIII в.

Особенно интересен гавит. В основе его — также квадратная бесстолбная зала, перекрытая двумя парами взаимно перекрещивающихся арок-нервюр (рис. 7). Но здесь эта бесстолбная композиция усложнена добавлением с западной стороны узкого, как бы входного, пространства, отделенного от залы двумя массивными круглыми столбами (рис. 8). Угловые части этого отделения (т. е. северо-западный и юго-западный углы гавита) перекрыты исполными крестовыми сводами с выложенными в верхней плоской их

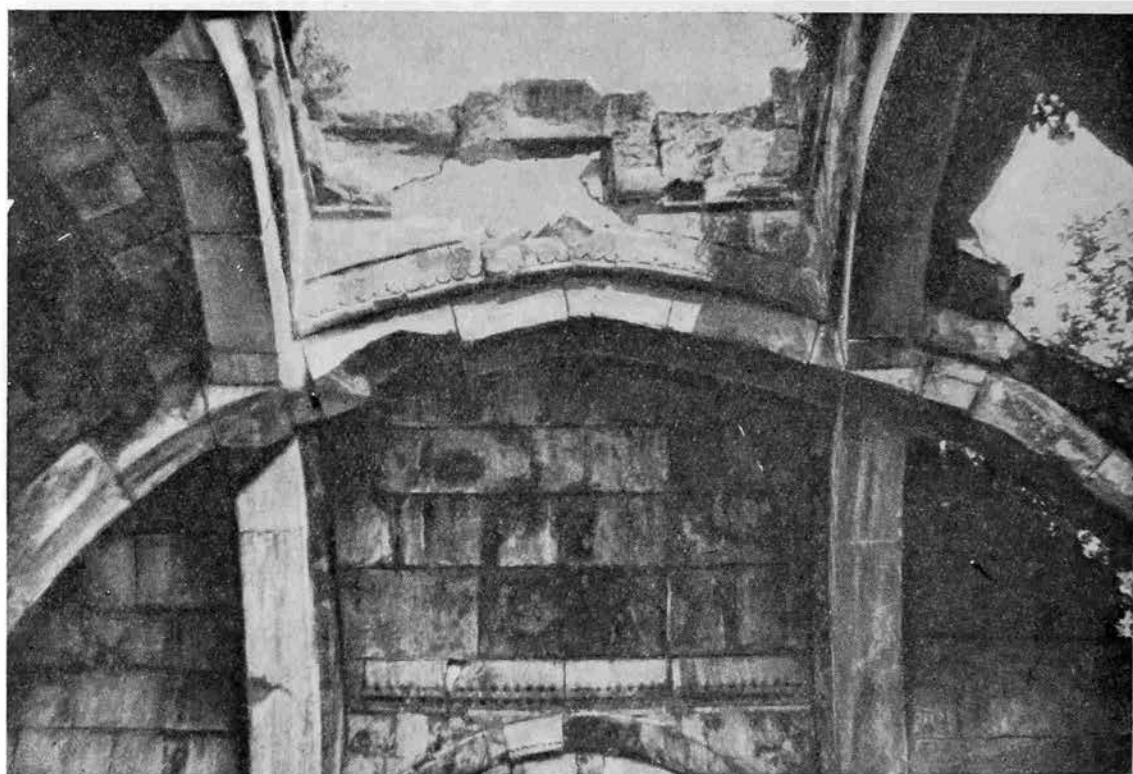

Рис. 7. Мшкаванк. Перекрещивающиеся арки гавита.

части крестами, а средняя часть — полуциркульным сводом. Арки основной залы опираются с южной стороны на массивные пилястры с полуколоннами, с северной и восточной стороны — на сильно выдающиеся из стены прямоугольные выступы; с западной стороны — на упомянутые круглые столбы.

Арки-нервюры имеют слегка стрельчатый контур. Перекрытие широкого средокрестья — центрального квадрата залы — не сохранилось, но на каждой его стороне ясно видны основания (пяты) двух узких арок, которые были перекинуты через этот малый квадрат. Его перекрытие, таким образом, в миниатюре повторяло перекрытие большой квадратной залы. Это — характерный для позднесредневекового армянского зодчества прием ритмического повторения основного композиционного элемента. Напомним хотя бы описанную церковь Хоракерта, где в куполе шестиконечная звезда из арок-нервюр в миниатюре повторена в центральном шестиугольнике этой звезды. Композиция гавита Мшкаванка с его западной частью, отделенной столбами, и с арками-нервюрами в средокрестье, полностью, хотя и в уменьшенном виде, повторяет компози-

цию большого гавита перед собором в Ахпате.¹ Сходство композиции настолько полное, что невольно вызывает предположение о непосредственном воздействии архитектуры Ахпата на зодчего Мшкаванка, находившегося, несомненно, в орбите влияния такого крупного и к тому же ближайшего культурного центра, каким был в то время Ахпатский монастырь.²

По сообщению армянского историка Киракоса Гандзакского, этот большой гавит Ахпата был по распоряжению Ивана и Захария Долгоруких заново построен ахпатским епископом Иоанном Хаченским (на месте малого гавита, сооруженного в 1185 г. дочерью Кюрике — царевной

Рис. 8. Мшкаванк. Западная часть гавита (столбы).

Марией).³ Иоанн был епископом в Ахпате с 1205 г. до начала 1230-х годов; в 1233 г. его место заступил другой Иоанн, племянник амирспасалара Захария. В 1221 г. гавит, повидимому, уже существовал, так как он упомянут в надписи Иоанна Хаченского с этой датой.⁴ Следовательно, постройку большого ахпатского гавита следует отнести к первым двум десятилетиям XIII в. и считать его одним из

¹ План и фото см. в альбоме: Л. Егизаров и Р. Мартиросянц. Памятники древнеармянской архитектуры. СПб., 1911, табл. III, IV. Схематическую аксонометрию см.: О. Шуази. История архитектуры, т. II, 1937, стр. 20.

² Кроме гавитов Ахпата и Мшкаванка та же композиция большой залы с перекрытием перекрещивающимися арками-нервюрами и с парой столбов, выделяющих с западной стороны узкое пространство, — представлена в упомянутом гавите Гандзасарского монастыря.

³ Иоанн «маленький гавит разрушил, что у врат Ахпатского собора, и построил великое и красивое здание, которое поражает видящего великолепием» (пер. С. Т. Еремяна).

⁴ Иоанн Крымский. Описание Ахпатского и Санаинского монастырей. СПб., 1863, стр. 43. — К. Костаянц. Летопись на камнях (= Bibliotheca armeno-georgica, II, СПб., 1913), стр. 64.

наиболее ранних в ряду армянских бесстолбных зал с нервюрным перекрытием и тем самым рассматривать его как бы во главе этой замечательной плеяды произведений армянского зодчества.¹ Композиция ахпатского гавита на редкость цельна и выработана и, кроме того, передана в громадном масштабе. В этом памятнике нельзя не видеть указания на то значение рассадника архитектурной мысли, какое приобрел Ахпатский монастырь в XIII в. Точки соприкосновения гавитов Ахпата и Мшканка имеются не только в композиции, но и в декоративном наряде здания, правда очень скромном, как обычно в такого рода гавитах, где ничто не должно было затушевывать эффект нервюрной композиции. Внутри гавита декоративный наряд сведен к минимуму: это портал самой церкви (о котором далее), простые капители столбов и южных пилястр, обработанные в углах сталактитами, и несколько резных хачкаров у стены церкви.

Не менее скромны и фасады здания, где господствует гладь стены, как проста и вся его наружная композиция: куб с четырехскатным покрытием, некогда увенчивавшимся в центре, как обычно, маленькой ротондой. На боковых фасадах декоративно оттенено лишь окно, которое выделено широким профилированным наличником, обрамленным мощным полуваляком, соединенным с таким же полуваляком, венчающим цоколь всего здания. Этот простой и несколько суровый наличник звучит в унисон с общей монументальностью здания. Западный фасад украшает портал, довольно обычный для XIII в.: две пары гранных полуколоннок, поставленные перспективно по сторонам входа и соединенные двойной аркой, заключены в широкую прямоугольную раму, нижние части которой украшены наборными крестами и восьмиконечными звездами (рис. 9); инкрустация эта многоцветна: кресты — из желтого камня, звезды — из красного. Система многоцветного набора, как известно, широко практиковалась в монументальном искусстве Армении, чему блестящие примеры дают памятники Ани (дворец парона и гостиница); но в данном случае важнее отметить то, что именно многоцветность, как один из принципов разработки архитектурной плоскости, особенно характерна для большого ахпатского гавита, где камнями чередующейся расцветки выложены сомкнутые своды западных углов, полусводы между арками основной залы и т. д. В Мшканке, как и в анийских порталах, многоцветная плоскость вынесена на внешний фасад.

Этот портал почти полностью повторяет другой, находящийся внутри гавита — портал собственно церкви: те же тонкие полуколонки (пара из них также гранная), фланкирующие вход и соединенные аркой, та же прямоугольная рама, узкий откос которой заполнен резным орнаментом, и та же широкая полоса, заполненная такими же наборными крестами и восьмиконечными звездами тех же цветов. Выше рисунок выкладки меняется и состоит из шестиконечных желтых звезд с красными ромбами в промежутках. Края портала с частью этой выкладки закрыты пристенными пилонами, на которые опираются арки, но тождество порталов указывает, мне думается, на отсутствие большой хронологической разницы между гавитом и церковью.

Сама церковь крайне проста. Это небольшая, но высокая квадратная зала с примыкающей к ней с восточной стороны полукруглой апсидой и узкими двухэтажными хорами по сторонам ее. В верхние хораны из апсиды ведет лестница в 3 высоких ступени. Квадратное помещение церкви перекрыто приподнятым полупиркульным сводом с од-

¹ Композиция бесстолбной залы с нервюрным перекрытием представлена в Ахпате еще двумя памятниками: трапезной и зданием так наз. «книгохранилища».

ной подпружной аркой, опирающейся на пристроенные двойные пилястры с полуколоннами. Все углы (угловых полупилястр и средних) украшены трехчетвертными тонкими полуколонками, придающими пилястрам характер пучка вертикальных тяг, усиливающих ощущение высоты. Господство вертикали в композиции здания—его основная стилистическая черта, что, опять-таки, типично для позднесредневекового армянского зодчества.

Рис. 9. Мшкаванк. Западный портал гавита с наборными звездами из разноцветного туфа.

В композиционном отношении особенно примечательна апсидальная часть. Довольно широкий карниз (в виде выкружки, зажатой между полуваликами и увенчанной узкой полочкой), обегая стены по основанию свода с раскреповкой над пилястрами, на восточной стене ступенями поднимается к триумфальной арке апсиды и затем продолжается по основанию конхи (рис. 10). Создается ступенчатый рисунок, явно повторяющий известные порталные композиции Армении XIII в.,¹

¹ Западный портал гавита в Гегарде (МАК, XIII, табл. IV, 8), портал гавита Макараванка (Иджеванского района), портал гавита Гавдзасарского монастыря, портал двухэтажной церкви в Нораванке (МАК, XIII, табл. XL, 89), и др.

переносимые иногда и на весь фасад;¹ из этих декоративных композиций, очевидно, и исходил зодчий Мшкаванк. Вся восточная стена внутри церкви трактована им как большой портал, обрамляющий алтарное полукружие. Это остроумное архитектурное решение выделяет церковь Мшкаванк среди многих однородных по общей композиции памятников и придает ей черты своеобразия и индивидуальности.

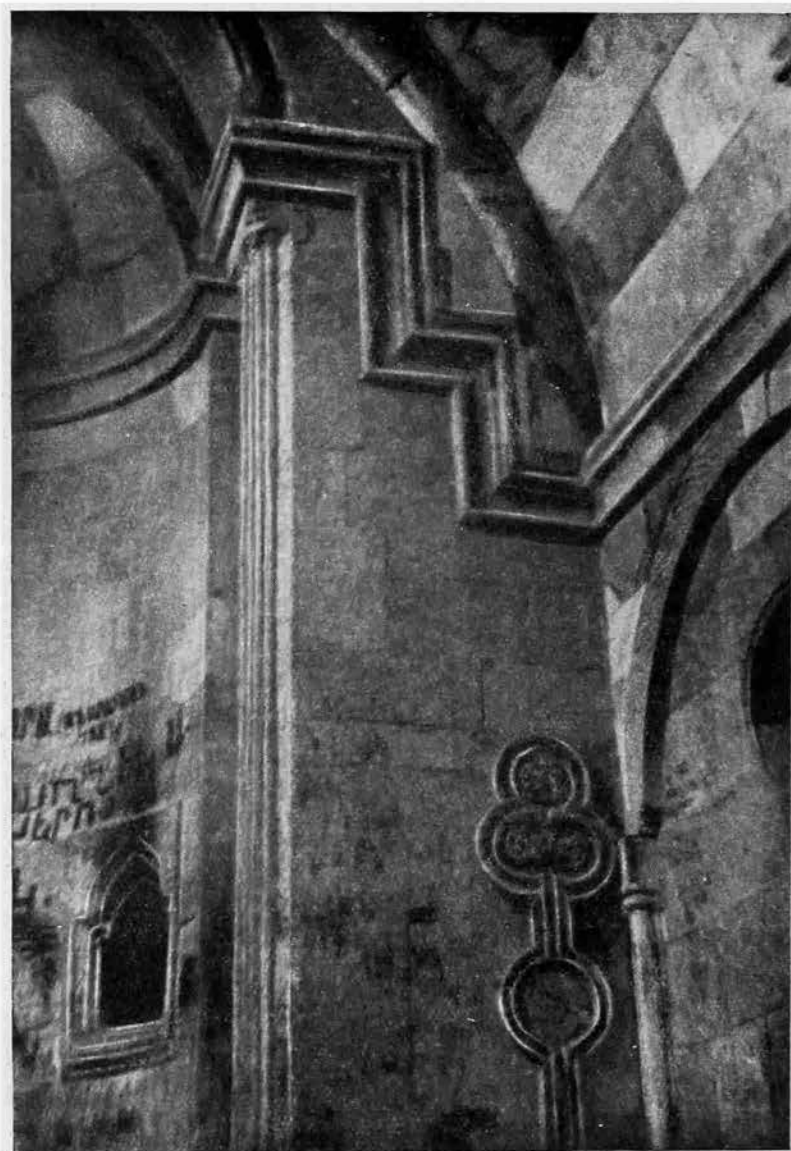

Рис. 10. Мшкаванк. Восточная часть церкви внутри.

Не менее своеобразен и остальной декоративный наряд восточной стены церкви. Апсидальное полукружие фланкируется трехгранными полуколоннами, усложненными жгутообразными парными полуколоннами на каждой грани: это целый пучок тяг, подчеркивающих вертикаль всего интерьера церкви. Но любопытно, что полуколонны эти начинаются на разной высоте: южная — от солеи, а северная — выше (на $\frac{1}{3}$ высоты южной), оставляя внизу место для полукруглой ниши. Получилось асимметричное построение, которому соответствует и различная декорировка вхо-

¹ Южный фасад южной церкви монастыря Кечарук в Цахкадзоре (Т. Т о р а м а н я н. Материалы по ист. армянск. архитект., I, рис. 97, стр. 133).

дов в нижние хораны: над северным — выкладка из разноцветных ромбов (чередуются плитки желтого, зеленого и красного тонов) под легким шипцом, а над южным хораном — фигурная вставка из красного камня, над которой возвышается рельефный крест с округлыми ветвями креста (трехлопастного контура), и круглым расширением в середине нижней ветви креста; в округлых верхних ячейках помещены резные шестиконечные звезды («знак Давида») — эмблема, типичная для Ближнего Востока (одинаково и мусульманского и христианского). Различна и декорировка симметрично расположенных ниш в апсиде; одна из них украшена арочкой с многолопастным подзором; тот же мотив в полукруглом завершении

Рис. 11. Мшкаванк. Церковь снаружи, вид с восточной стороны.

окна в верхней части апсиды. Наконец, следует отметить, что многоцветность нашла выражение не только в выкладках над хоранами (эти выкладки как бы перекликаются с наборным цветным порталом); нетрудно заметить, что вся облицовка стен внутри здания представляет определенный «живописный» подбор квадратов различных тонов красного и желтого туфа.¹ То же наблюдается и снаружи, особенно на восточном фасаде, где подобраны блоки самых различных оттенков желтоватого, красноватого и зеленоватого камня.

Асимметричность, сочетающаяся с многоцветностью, составляет вторую основную стилистическую черту здания, роднящую его с общим «живописным» стилем армянского зодчества XIII в., в котором разработка

¹ Вариантом многоцветных наборных фигур в армянском декоративном искусстве является рельефное иссечение этих фигур на одном камне, создающее игру светотени, т. е. преследующее тот же живописный эффект. Образцом такой декорировки в церкви Мшкаванка является украшение плоскости алтарного возвышения различными звездами и ромбами, чему армянское зодчество XIII в. дает многочисленные примеры (см., например, МАК, XIII, табл. XVI, 36).

архитектурной плоскости с помощью цвета и светотени стала одним из руководящих принципов.

Снаружи здание выглядит аскетически скромно (рис. 11): это простой нерасчлененный массив здания под высокой двускатной кровлей. На южном и северном фасадах помещены круглые окошки, на восточном — мелкие бровки миниатюрных окошек хоранов. В сущности декорирована только центральная часть восточного фасада: алтарное окно имеет глубоко профилиро-

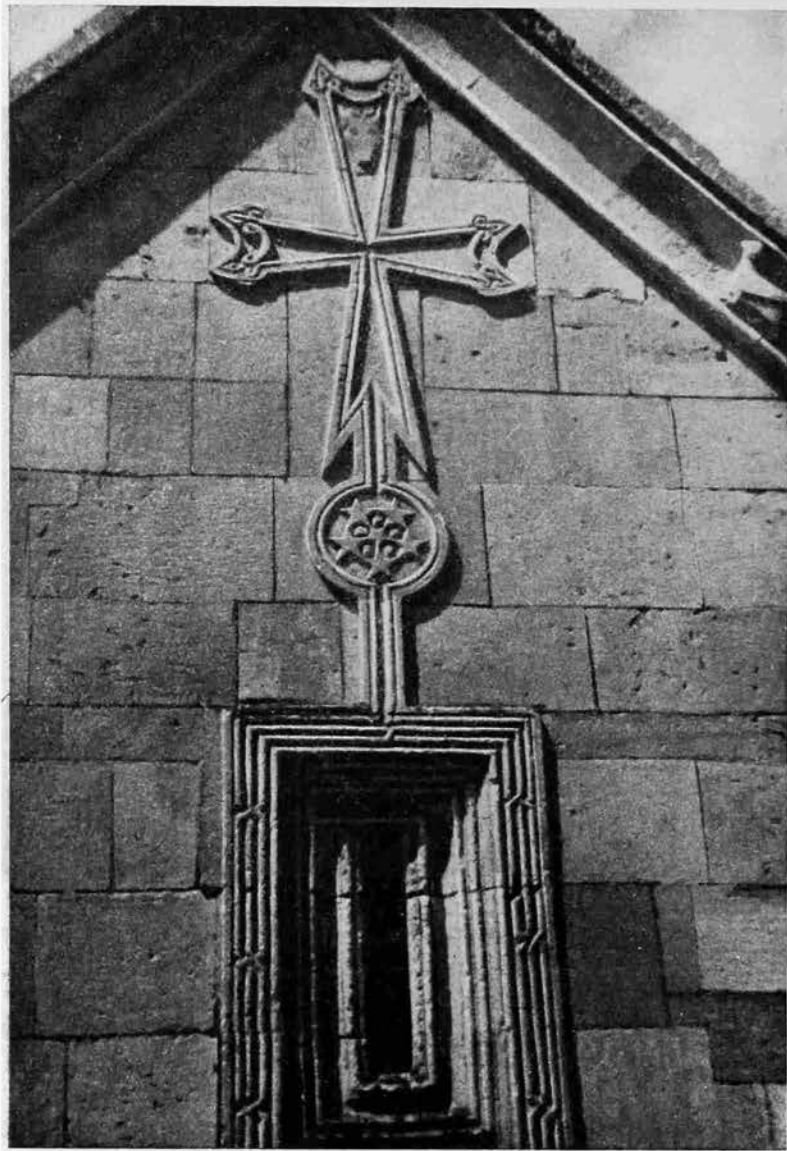

Рис. 12. Мшкаванк. Деталь восточного фасада церкви.

ванный наличник, заключенный в неширокую раму с тройной «сельджукской цепью», а над окном тянется вверх рельефная четверная тяга, образующая затем круг с 5 пятиконечными звездами внутри (сфера), а выше переходящая в четырехконечный рельефный крест с расширенными концами, украшенными в уголках рельефными петлями (рис. 12). Вся эта декорировка композиционно слабо выделена на фасаде, она плоскостна и потому не нарушает глади стены. Интерес ее — в изображении головы быка в верхней части креста, что следует сопоставить с обычными звериными изображениями на фасадах позднесредневековых армянских храмов, часто

в борьбе. Среди этих изображений бык встречается особенно часто, например в Гегарде,¹ в каравансарае Селима,² в Макараванке. Встречается и отдельное изображение головы быка — на барабане того же Гегарда,³ где оно совершенно тождественно нашему, а также в монастыре Хоранашат (на севере Армении), где бычья голова помещена на северном портале храма XIII в., между его прямоугольным обрамлением и стрельчатым тимпаном, с левой стороны (соответствующее место с правой стороны занято рельефом птицы).⁴

Важно отметить, что в западном портале гавита того же Хоранашата стрельчатую арку входа поддерживают две фигуры сидящих четвероногих животных в виде круглой скульптуры. Одно из этих животных — несо-

Рис. 13 Хоранашат. Деталь западного портала гавита. Фигура быка под тимпаном арки.

менно бык (рис. 13); фигура его выступает здесь в значении не только конструктивном, но наделена, вероятно, и определенным идейным содержанием: священное животное, может быть, трактовано было как опора здания. Такое объяснение находит подтверждение в другом, более древнем здании — малой церкви Санаина (X в.), где головы быков в виде горельефа помещены в подкупольных трюмах и где, следовательно, они имеют смысл зикдительного элемента.

Уже указывалось на изображения быков, как на переживание геральдической символики феодальной и более древней, еще родовой Армении и что они могли создаваться с определенным геральдическим значением, как своего рода родовые знаки армянских князей.⁵ Насколько оставалось реальным такое значение звериных изображений и

¹ МАК, XIII, 1916, табл. III, VII.

² Там же, табл. XXIX.

³ Там же, табл. IV, 7

⁴ По фотографии, показанной мне М. И. Ильиной, за что приношу ей благодарность.

в позднюю пору средневековья, в XIII в., — подскажет дальнейший сбор материала. Во всяком случае, голова быка, хотя и помещенная на кресте восточного фасада церкви, не может быть включена в круг собственно христианской символики. Светская, может быть еще близкая народному пониманию, звериная тема вошла здесь в сочетание с церковной формой, была как бы освящена церковью.¹

В той или иной мере Мшкванк отразил в себе все богатство позднесредневекового зодчества Армении. Своеобразие композиционного решения гавита с ритмическим повторением основной темы арок-нервюр, ставшей излюбленной в XIII в. (хотя все это в уменьшенном виде и повторяло гавит Ахпата), привлечение новых средств художественного воздействия — многоцветности и асимметрии — ставят Мшкванк в ряд полнокровных произведений армянских зодчих XIII в., воплотивших передовые архитектурные мысли своего времени; исходя из них, они создавали произведения, полные индивидуального своеобразия.

---

¹ На этой стороне дела останавливается Л. А. Мацулевич (Никорцминда и ее место в культуре Грузии. Сб. Руставели, Изд. Грузинского ФАН, Тбилиси, 1938, стр. 63 сл).

МАТЕРИАЛЫ

Л. Н. СОЛОВЬЕВ

СЕЛИЩА С ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКОЙ НА ПОБЕРЕЖЬЕ
ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

В 1934 г. на набережной г. Очамчире, в береговом валу, разрушаемом морскими штормами, автором были обнаружены черепки, принадлежавшие странным глиняным сосудам четырехугольной формы, наружная

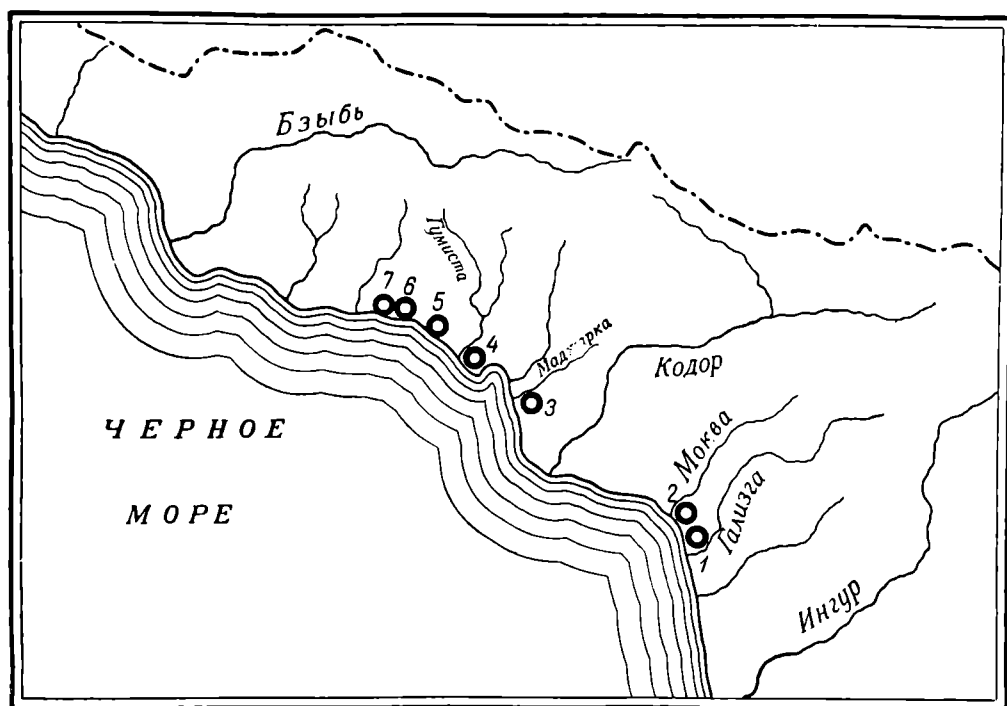

Рис. 1. Схема расположения селищ с текстильной керамикой на побережье Абхазии.

1 — Очамчире; 2 — Моква; 3 — Маднара; 4 — Сухуми; 5 — Шицкуара; 6 — Новый Афон; 7 — Псефча.

поверхность которых покрыта отпечатками ткани. Дальнейшее изучение береговой линии от г. Очамчире до г. Сухуми показало наличие подобных же селищ с текстильной керамикой в устье р. Моквы, к северо-западу от г. Очамчире и близ г. Сухуми (пос. Красный Маяк) (рис. 1). Тогда же автор сообщил об этих находках акад. И. И. Мещанинову и Б. А. Куфтину, которые отметили необычную форму и орнамент этой посуды, а также отсутствие каких-либо указаний на подобные находки в литературе. В конце 1935 г. селище у пос. Красный маяк было вторично

обследовано автором совместно с А. А. Иессеном, который дал краткое описание селища и текстильной керамики в рукописном отчете Сухумской экспедиции ГАИМК. Долгое время датировка и значение этого типа памятников оставались неясными и только сейчас накопившийся в Абхазском Государственном музее материал дает возможность их истолкования как промысловых поселений, служивших для добывания соли. Всего нам сейчас известно 8 пунктов нахождения текстильной керамики, к описанию которых мы и перейдем.

Второе Очамчирское селище¹ расположено в пределах самого города, между городским парком и складами; оно занимает полосу песчаных накоплений берегового вала, шириною около 50 м, в длину около 500 м. На этом участке береговой вал, достигающий высоты 4 м над морем, имеет следующий разрез: а) песок светлосерый, слоистый, 0.10—0.20 м (современный растительный слой); б) песок темнокоричневый, среднезернистый, местами обогащенный гумусом и содержащий обломки текстильной керамики, 0.20—1.00 м (накопления берегового вала); в) песок светлосерый с галькой (морские отложения).

Подмытый морем береговой вал образует уступ, высотой 0.30—1.50 м, в котором можно видеть обнажение культурного слоя. Море уже поглотило значительную часть селища, и местами среди песков пляжа выходят отдельные, уцелевшие от размывания части культурного слоя (рис. 2). Залегание его на внешнем, обращенном к морю склоне говорит о том, что в эпоху существования поселения море несколько отступало от берегового вала. Ясно также, что с того времени вал претерпел общее опускание.

Культурный слой не имеет непрерывного залегания и обнаруживается отдельными гнездами и более крупными участками. Скопления культурных остатков имеют двойкий характер; одни из них связаны с производственной деятельностью человека, тогда как другие могут быть названы «жилыми площадками». Места производственной деятельности отмечены гнездами и линзами черепков, принадлежащих, по преимуществу, текстильной керамике. Сопровождающая бытовая керамика, сделанная на гончарном круге, представляет здесь редкость. Обычно черепки лежат сплошным слоем, простирающимся на 1—4 м, мощностью 0.10—0.40 м. Среди этой линзы, или в непосредственном соседстве, часто можно видеть линзы крупного гравия и гальки. Как правило, накопление черепков происходит в плоских углублениях, носящих следы разжигания огня. Почва вокруг темного цвета, а ближе к впадине и среди черепков песок часто обожжен докрасна и уплотнен. Галька частью растрескалась и потемнела под действием высокой температуры. На черепках часто видны примазки сажи.

«Жилые площадки» характеризуются также уплотненным песчаным грунтом, но это происходит от пропитывания почвы гумусом. Площадки имеют диаметр 3—4 м. Ниже уплотненного песка иногда наблюдается слой морской гальки, иногда же площадки основывались на линзе старых накоплений черепков. Площадки содержали убогий инвентарь, состоящий из небольшого количества черепков «сопровождающей» керамики, сделанной на гончарном круге, и редко встречающихся орудий из гальки; были найдены 2 костяные проколки и небольшой слиток свинца; очень редко встречаются грузила для сетей из морской гальки, указывающие на занятие рыбной ловлей. Черепков античной посуды здесь не найдено.

¹ Селище в г. Очамчире названо «Вторым» в отличие от первого, энеолитического, расположенного в 3 км от города. См.: Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Мат. по ист. Абхазии. сб. 1. Сухуми, 1939.

В больших пятнах культурного слоя, достигающих 25 м, иногда комбинируются и «жилые площадки» и «производственные» накопления черепков текстильной керамики. Можно предположить, что здесь мы имеем остатки наземных производственных помещений, сараев, в которых жили также сами мастера.

Жизнь этого поселения продолжалась длительное время, в течение которого изменился характер промысловой текстильной керамики, среди которой можно выделить типологически и стратиграфически два разновременных варианта.

Моквинское селище расположено в 5 км к западу от г. Очамчире и занимает площадь около 1 га, ограничиваясь с востока

Рис. 2. Второе Очамчирское селище; среди пляжа видны остатки размываемого культурного слоя.

устьем р. Моква, а с западной стороны болотом. В этом месте древнего берегового вала нет. Поселение распространялось по правому высокому берегу р. Моквы, представляющему участок III морской террасы, имеющей здесь высоту 10—13 м. Здесь на пашне встречается множество черепков, имеющих много общего с «сопровождающей» керамикой второго Очамчирского селища. Они сделаны уже на гончарном круге, но по своим формам, составу глины и типам орнамента представляют более раннюю фазу. При прокладке в 1935 г. железнодорожных путей, на периферии селища были найдены крупные слитки меди, заключенные в глиняный горшок. Это обстоятельство, — а главным образом характер керамических изделий, большое количество каменных орудий, сделанных частично из кремня, но значительно чаще из морской гальки, — указывает на эпоху поздней бронзы и ранней стадии употребления железа. На самом берегу р. Моквы, близ ее устья, к этим остаткам начинают примешиваться фрагменты четырехугольных сосудов «текстильного» типа. Но основным местом их распространения является левый низменный берег р. Моквы, более удобный для производственных целей. Здесь сохранились остатки древних береговых валов, погруженных в настоящее время в аллювиальные забо-

лоченные наносы реки настолько, что на поверхности видны лишь отдельные песчаные грядки. На их поверхности неизменно обнаруживаются скопления фрагментов текстильной керамики.

Поселение существовало в течение длительного времени, возможно до V в. до н. э., на что указывает несколько поднятых на поверхности фрагментов античной керамики.

Маджарское селище на р. Маджарке не подвергалось исследованию и известно только по описанному далее подъемному материалу, среди которого имеется несколько взятых из слоя черепков угловатой посуды с отпечатком тканей на наружной поверхности, а также концевая часть глиняного «колышка».

Сухумское селище находится у пос. Красный Маяк и является самым большим из известных до сих пор, занимая территорию около 8 га, вытянутую вдоль берега моря полосой в 100—300 м в ширину и около 1 км в длину.

Селище расположено у оконечности Гумистинского мыса, в 4 км от Сухуми. Между городом и селищем находится обширное болотистое пространство, соединяющееся далее на запад с долиной р. Гумисты. Последняя когда-то несла свои воды в Сухумскую бухту, но потом отступила на 4 км на запад, оставив после себя ряд озер-старич. Поселение, таким образом, находилось как бы на вытянутом вдоль берега моря мысу, что представляло обитателям некоторые удобства для занятия рыбной ловлей и земледелием на рыхлых песчаных почвах мыса. Но обнаруженные здесь следы деятельности человека ясно указывают, что она была направлена, главным образом, на промысел. Для этого использовался береговой вал и примыкающая к нему полоса песков, включая западины рельефа, ныне заболоченные, находящиеся позади берегового вала.

У берега моря имеем следующий разрез почвы: а) песок светлосерый, мелкозернистый, с мелкой горизонтальной слоистостью, местами с гумусом, 0,20—0,60 м (современный растительный слой и современные накопления берегового вала); б) песок темносерый, мелкозернистый, датированный фрагментами античной посуды и поздней текстильной, 0,30 м (накопления берегового вала античной эпохи); в) песок темный буровато-серый, среднезернистый, часто уплотненный, с гнездами текстильной керамики, 0,70—1,00 м (основные накопления берегового вала); г) песок светлосерый, крупно- и среднезернистый. Внизу он обогащен гравием и галькой (морские отложения).

Подобно Очамчирскому селищу эта часть поселения не имеет сплошного культурного слоя. Он залегает отдельными участками и гнездами, концентрирующимися главным образом на древнем береговом валу. Но такие участки также встречаются и на большом расстоянии от моря в стометровой полосе. Обыкновенно эти «пятна» выделяются на поверхности пашни наличием большого количества средней и мелкой гальки и фрагментов текстильной керамики. Здесь изредка встречаются отдельные орудия из гальки, грузила для сетей; были найдены и 2 костяные проколки. В обнажениях берега разрезы этих пятен, так же как и в Очамчирском селище, сопровождалась линзами морской гальки и часто носили следы действия сильного огня, уплотнявшего песок и дававшего довольно интенсивную красную окраску почве. Сопутствующая бытовая керамика аналогична очамчирской.

Западная часть песчаной полосы, имеющей здесь ширину около 400 м, служила, по преимуществу, местом постоянного обитания. Следы поселения встречаются всюду, но концентрируются главным образом там, где на пашне можно видеть высыпки гальки. К северу от Черноморского шоссе до самых болот встречается много мелких обломков текстильной

посуды, подобных ее более древнему варианту, но сосуды эти, повидимому, были не четырехугольные, а тонкостенные круглые, бытового назначения. Есть здесь и обычная «сопровождающая» керамика, среди которой обращают на себя внимание обломки толстостенной посуды, с черной наружной поверхностью и со следами гребенки на обеих стенках. Здесь же в довольно большом количестве встречены орудия хорошей выработки из гальки. Интересно неизменное присутствие в этих пятнах стенок и ручек античных амфор; в одном случае была найдена нижняя часть буролакового сосуда. Количество этого типа фрагментов увеличивается по направлению к морю, в особенности на самом берегу, в юго-западном углу поселения, где кончается песчаная полоса и размытый в древности береговой вал исчезает, уступая место равнине, сложенной суглинком. Здесь, на ограниченном пространстве берегового вала, существовало небольшое поселение с домами, крытыми плоской античной черепицей, обломки которой очень многочисленны. Облекая поверхность вала, культурный слой античного поселения переходил в толщу суглинка, который накапливался после формирования берегового вала и когда-то далеко выступал в море, образуя крутой изгиб берега. Это давало возможность устроить пристань. На периферии этого небольшого античного поселения, в слоях «жилых» галечных площадок, местная бытовая керамика и текстильная промысловая залегают в одном слое с античной, что подтверждает их сосуществование.

Селище на В е р е щ а г и н с к о м холме, в 12 км к западу от г. Сухуми, в Эшерском сельсовете, расположено на высоте около 200 м над уровнем моря и господствует над небольшим заливом. В 1934 г. экспедицией Академии Наук СССР на склонах холма было найдено античное селище и отдельные погребения в урнах с бронзовым инвентарем кобанского времени. Местное поселение, вероятно укрепленное, находилось на самой вершине холма. В 1935 г. экспедиция ГАИМК обнаружила на площадке городища, среди местной керамики, 2 фрагмента текстильной керамики, принадлежавшей бытовым сосудам круглой формы.

Селище у ручья Ш и ц к у а р а расположено в 17 км от г. Сухуми по шоссе на Новый Афон. Здесь береговые холмы, сложенные майкопскими глинами, близко подходят к берегу. Четырехметровая терраса, с которой обычно связаны селища этого типа, здесь давно размыта, и лишь небольшая ровная полоса вдоль берега, шириною 20—50 м, представляет ее остатки. Остатками же поглощенного морем селища являются небольшие линзы гравия, сопровождаемые незначительным количеством черепков текстильной керамики. Весьма интересно наличие в том же разрезе, на ограниченной площади, довольно большого количества фрагментов античного времени: черепков, стенок, донышек и ручек амфор, кусков черепицы и проч. Несмотря на то, что язык древнего оползня, двигавшийся по ложу ручья, нарушил местами залегание культурных остатков, соотношение античной и текстильной керамики легко устанавливается по следующим двум разрезам на противоположных берегах ручья. На правом берегу мы имеем: а) песок темносерый гумусированный, 0.30 м (растительный слой); б) суглинок коричнево-серый, пестрый с вертикальной трещиноватостью, 1.00 м (делювий второй генерации, приближающийся к типу покровных суглинков четырехметровой террасы); в) суглинок темносерый с марганцево-железистыми стяжениями, 0.20 м (погребенная почва); г) гравий и мелкая галька, 0.10 м (искусственная подсыпка); д) суглинок охристо-серый, без вертикальной отдельности, песчанистый, с небольшим количеством детритуса морских ракушек; в верхней его части черепки текстильной керамики, 0.50 м (делювий первой генерации); е) песок светлосерый, крупнозернистый,

с большим количеством детритуса морских ракушек (морские отложения).

В 30 м от данного разреза, на левом берегу ручья, наблюдается пункт, где оба слоя суглинка, «б» и «д», насыщены фрагментами античной посуды. Еще далее, на протяжении 40 м, античная керамика встречается только в основании верхнего суглинка. Очевидно текстильная керамика одновременно нижнему горизонту античного поселения, а в эпоху его роста и расширения уже перестала существовать.

Новоафонское селище обнаружено в 1945 г. А. Л. Лукиным в восточной части Новоафонского курорта. По существу здесь мы имеем лишь остатки четырехметровой террасы и связанного с нею поселения. Море подмывает уступ террасы на протяжении 0.5 км между нижним санаторием и бывшим дельфиновым заводом. Уступ высотой в 2.5 м открывает следующий разрез террасы: а) песок темный гумусированный, 0.20 м (растительный слой); б) суглинок темносерый или коричнево-серый со столбчатой структурой, 0.90 м (делювий второй генерации); в) песок глинистый темнокоричневый. В нем местами галька и черепки текстильной керамики, 0.80 м (накопления берегового вала); г) песок светлосерый с детритусом морских ракушек (морские отложения).

В одном месте видно, что от подошвы слоя темнокоричневого песка «в» была заложена яма с довольно крутыми стенками, диаметром 1 м и глубиной 0.60 м. Она была выполнена галькой, среди которой встречались черепки текстильной керамики. Линзы черепков встречаются здесь главным образом в нижней части слоя «в».

Селище в устье р. Псырцха в 1.5 км северо-западнее Нового Афона было обнаружено автором в 1939 г. Оно находится в 200 м к северо-западу от устья реки и приурочено к четырехметровой террасе, достигающей здесь ширины 100—150 м и имеющей следующий разрез: а) растительный слой, 0.20 м; б) суглинок палево-серый, пестрый, с большими охристыми пятнами. В нем изредка встречаются черепки посуды амфорного типа, 0.50—1.00 м (покровный суглинок II террасы); в₁) песок темнокоричневый, гумусированный, среднезернистый, с черепками посуды и отдельными кремневыми отщепами, 1.00—1.20 м (накопления берегового вала); в₂) песок более светлый крупнозернистый с детритусом ракушек. В нижней части черепки посуды (накопления берегового вала); г) песок светлосерый, крупнозернистый, с большим количеством детритуса ракушек и целыми морскими ракушками, 0.20—0.50 м (морской песок); д) суглинок светлосерый или зеленовато-палевый; в верхней части его встретились очень мелкие черепки посуды, 0.80 м (погребенный покровный суглинок); е) галечник на высоте 1.5 м над уровнем моря и глубже (морские отложения).

В этом наиболее полном разрезе четырехметровой террасы хорошо характеризован керамическими остатками лишь слой «в». В нем хотя и не найдены черепки текстильной керамики, но здесь присутствует обычно сопровождающая их бытовая керамика и найдено 2 характерных глиняных столбика с развилкой на одном конце, всегда сопутствующих текстильной керамике. Посуда нижней части слоя «в₂», повидимому, относится к середине бронзового века (II этап Иессена). Черепки слоя «д» неопределимы.

На расстоянии около 100 м к западу от скопления черепков, на глубине 2 м от поверхности террасы, в слое «в₂» были найдены следы 2 погребений, разрушенных морем. На небольшой вымостке из мелкой отборной гальки диаметром около 0.40 м и мощностью 0.50 м лежали очень плохо сохранившиеся кости человека и черепки посуды. В другом случае кости и черепки находились ниже галечной вымостки.

Геологические условия залегания для всех изученных нами селищ весьма сходны (рис. 3). Всюду они связаны со II морской террасой. Последняя имеет широкое распространение на побережье Абхазии, особенно в юго-восточной части и, заходя в долины рек, сливается с первой надпойменной речной террасой. Во многих местах она сейчас омывается морем. Обычная высота ее у внешнего края 3—4 м. Морские отложения террасы представлены галечниками и светлосерыми песками, иногда переполненными детритусом морских ракушек. Обычно эти отложения связывают с древнечерноморской трансгрессией. Хотя в существующих обнажениях не представляется возможным установить отношение этих песков к отложениям лагунной фазы — синевато-серым эпиконтинентальным глинам, всюду развитым на побережье, ряд косвенных соображений говорит за то, что древнечерноморская трансгрессия последовала за периодом поднятия побережья и образованием здесь обширных лагун. Покровные суглинки и береговой вал II террасы всегда лежат или на древнечерноморских песках или на эпиконтинентальных лагунных глинах, там, где последние не были размыты.

Покровные суглинки II террасы между Сухуми и Новым Афоном принадлежат двум генерациям, иногда разделенным в разрезах горизонтом погребенной почвы. Нижний суглинок имеет более яркую и светлую окраску и более песчаный состав. В нем нередко заметна примесь морского песка и детритуса морских ракушек. С ним связаны остатки поселений с текстильной керамикой, а в одном случае (Шицкуара) остатки небольшого античного поселения, предположительно VI в. до н. э. Прибрежной фацией этого времени являются накопления древнего берегового вала.

После регрессии древнечерноморского бассейна первым обитателем освобожденной суши был человек середины бронзовой эпохи. Для своих поселений он любил выбирать сухие береговые валы. Климат этой эпохи, как отмечает ряд исследований, на всей территории Восточной Европы был теплый и сухой и содействовал отступлению лесной зоны на север. Подобных исследований для Западного Кавказа не производилось, но вряд ли здесь обстояло иначе. По крайней мере в разных пунктах побережья Абхазии для этого времени отмечается значительное распространение полосы прибрежных песков в глубь берега до 1 км и более. Характерная микрослоистость, а кое-где наличие погребенных дюн указывают, что здесь имел место процесс дефляции; археологические находки датируют это время промежутком между серединой II и серединой I тысячелетия до н. э.

Текстильная керамика встречается в темных среднезернистых песках, слагающих в основном древний береговой вал. В верхних частях этих накоплений уже встречается местами античная древнегреческая посуда VI в. до н. э. Самая верхняя часть песков представляет накопления позд-

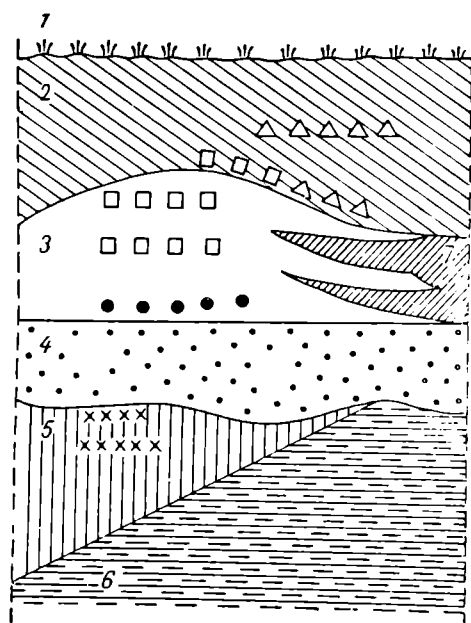

Рис. 3. Схема накопления осадков II морской террасы.

1 — растительный слой; 2 — суглинок серый, пестрый; 3 — древний береговой вал; 4 — суглинок песчаный, охристый; 5 — пески древнечерноморские; 6 — покровный суглинок погребенной террасы; 7 — глины синевато-серые лагунные. Культурные остатки: хх — эпохи энеолита; ●● — эпохи бронзы; □□ — солеварни; △△ — античной эпохи.

нейшего времени, вплоть до наших дней. Им часто свойственна мелкая правильная прямолинейная слоистость.

Пески древнего берегового вала и нижнего суглинка часто перекрываются верхним суглинком. Он отлагался при других, вероятно более суровых, климатических условиях. Цвет его темнобурый, иногда почти серый. В нем резче выражена пестрая окраска. Сильнее развита иногда вертикальная трещиноватость. Увеличивается количество мелких фракций. В этом суглинке, как правило, встречаются на разных горизонтах остатки античного времени и поздняя текстильная керамика, а в самой верхней части — остатки феодальной эпохи.

В прибрежной полосе Абхазии, где накопление делювиально-пролювиальных отложений происходит более или менее равномерно и однотипно, можно, пользуясь повсеместным наличием следов человеческой культуры разного времени, довольно точно датировать эти отложения:

1) Верхний покровный суглинок II террасы — античная эпоха V—I вв. до н. э.

2) Нижний покровный суглинок — XII—VI вв. до н. э.

3) Древнечерноморские пески и галечники, приблизительно 2000—1500 лет до н. э. (рис. 3).

Реликтовый береговой вал, синхронный в основном нижнему суглинку, в каждом отдельном случае имеет свой особый возраст, заключающийся в пределах XV—VI вв. до н. э., т. е. между древнечерноморской трансгрессией и началом античной эпохи. С этим именно временем связано существование поселений с текстильной керамикой.

Переходя к описанию инвентаря селищ, прежде всего остановимся на бытовой керамике и постараемся установить те изменения, которые она претерпевала на протяжении довольно длительного времени, с тех пор как наряду с нею появляется текстильная керамика. Характерная черта развития местной керамики заключается в том, что она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы. Даже воздействие античной колонизации не нарушило этой внутренней закономерности развития.

Глиняная посуда Маджарского селища еще носит некоторые черты, унаследованные от энеолитического времени, например, довольно грубый состав теста, к которому примешивается крупный песок, размельченный полевым шпатом и во многих случаях слюда. Формовка сосудов производилась без гончарного круга, от руки. Иногда можно видеть, что это делалось приемом жгутовой техники: изготовлялось дно, на которое витком длинного жгута из глины наращивались стенки. Путем сдавливания, сглаживания и удаления излишней глины зубчатой дощечкой (гребенкой) стенкам придавали разную толщину. Поверхность сосудов часто неровная от выступающих грубых примесей или от их выпадений. Лощение по этой причине удается плохо. Впрочем, выделяется один тип посуды, из более тонкого теста, который обжигался в восстановительном пламени и получал довольно хорошую лощеную поверхность. Такая посуда украшалась орнаментом из рядов штампованных треугольников. Наиболее распространенный мотив на стенках маджарской посуды — параллельные ряды косых насечек «в елочку», ниже венчика. Обычная форма сосудов, поскольку ее можно реконструировать по обломкам, — это горшки со слабо выпуклыми стенками и высоким, отогнутым наружу, венчиком. Встречаются низкие и широкие корчаги сферических очертаний. Ручки маленькие, петлеобразные, в сечении подчетыреугольные. Окраска сосудов неявная, охристо-красная, реже черная, пятнистая, благодаря неравномерному обжигу.

Керамика Моквинского селища значительно совершеннее. Стенки сосудов тоньше и детали выполнены более четко. В качестве добавки к глине употреблялся просеянный песок, изредка слюда. Поверхность сосудов лучше сглажена и иногда имеет лощение. Некоторые большие сосуды с поверхностями черного цвета имеют довольно хорошее лощение или сглажены с обеих сторон почти правильно положенными штрихами гребенки. Цвет поверхности коричнево-серый и черный, но

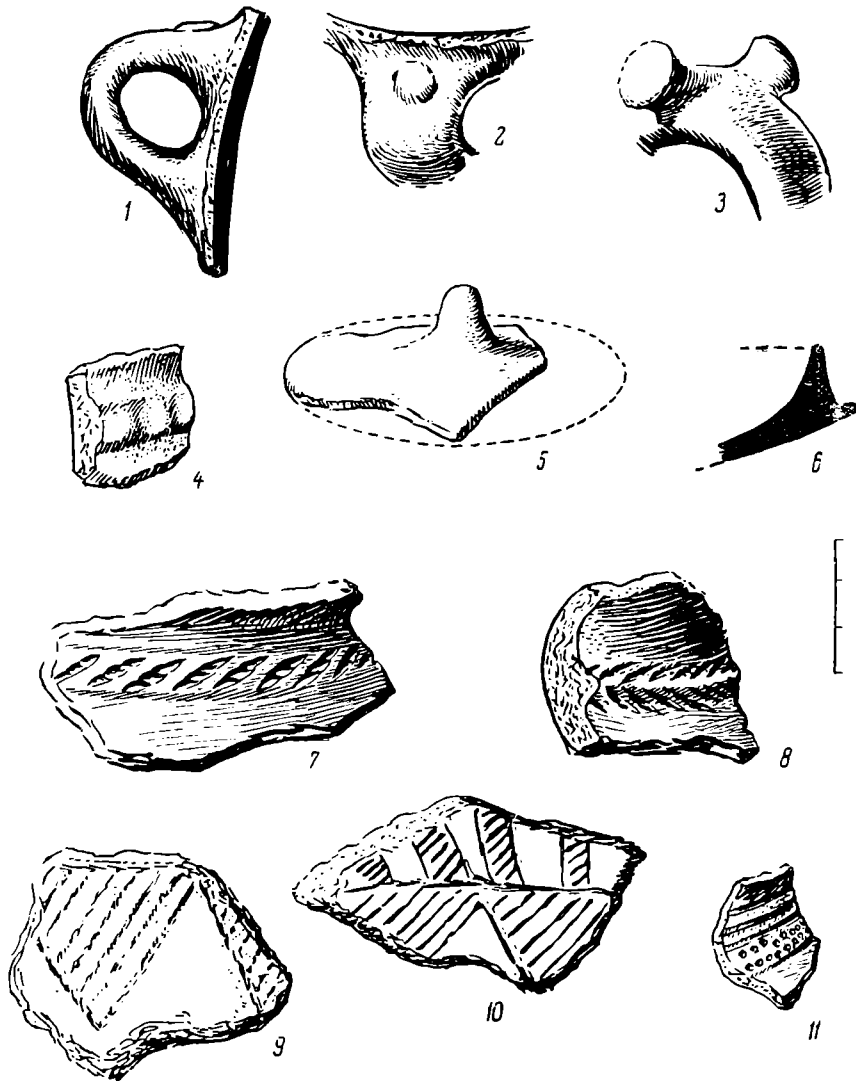

Рис. 4. Фрагменты керамики Моквинского селища.

1 — петлеобразная ручка; 2 — ручка с «пуговкой»; 3 — «рогатая» ручка; 4 — вдавления пальцами по выпуклому валику; 5 — крышка кувшина; 6 — профиль миски или крышки; 7 — зубчатый штамп по выпуклому валику; 8 — зубчатый штамп «в елочку» по выпуклому валику; 9—10 — шевроны, выполненные слабо вдавленной линией; 11 — орнамент линейно-точечный.

встречается и темнокрасная расцветка. Форма сосудов более разнообразная. Горшочки имеют более выпуклый корпус и более низкий, отогнутый наружу венчик. Появляются миски разной формы (рис. 4, 6); крышечки для узкогорлой посуды (рис. 4, 5). Ручки теперь делаются овальными в сечении. Их пластинка сильно расширяется в местах прикрепления к сосуду. Это прикрепление осуществляется без «штифтика», характерного для неолитической эпохи. Ручки нередко украшаются у места прикрепления к шейке сосуда «пуговкой» (рис. 4, 2) или «рожками» (рис. 4, 3). Иногда ручка делается как бы обрубленной, в виде пластин-

чатого придатка. Важным нововведением является переход к формовке на гончарном круге, но на орнаменте сосудов это пока не отражается. Лишь в редких случаях ниже венчика сосуда появляется линейный орнамент, но господствующим остается поясok косых нарезок, «елочка», ниже венчика сосуда. В Моквинском селище этот орнамент получает дальнейшую разработку. Он часто делается широким зубчатым чеканом или наносится на выпуклый валик, опоясывающий плечи сосуда (рис. 4, 8). Иногда делаются вдавления пальцем по гребню валика (рис. 4, 4). Стенки некоторых сосудов украшаются рядом заштрихованных треугольников «шевронов» или заштрихованными полосами (рис. 4, 9, 10). Целый сосуд этого типа был найден в 1934 г. экспедицией Академии Наук СССР в с. Эшеры.

Эта большая погребальная урна с сильно выпуклым корпусом и небольшим дном была сделана без помощи гончарного круга и формовалась старым жгутовым приемом, а сглаживалась гребенкой, в верхней части сосуда — вертикальными полосами, в нижней — горизонтальными. Это сглаживание не носило декоративного характера, а было лишь техническим приемом, судя по тому, что штриховка была закрыта орнаментом: в нижней части корпуса — вертикальными полосами лощения, а в верхней части — полосами орнамента «елочки», чередующимися с полосами линейного орнамента. Мотив «елочки» выполнен широким зубчатым чеканом веретенообразного контура. Кроме того, немного выше середины сосуда положен широкий, выпуклый валик, на котором нанесены косые штампы того же чекана. Они же нанесены и на выпуклый бортик сосуда снаружи. Урна содержала вторично захороненные части человеческого скелета и ряд бронзовых предметов, представляющих типичный кобанский инвентарь, относимый М. М. Иващенко «к середине I тысячелетия до нашей эры, или немного раньше».¹

Керамика Второго Очамчирского селища представляет дальнейшее развитие только что описанной (рис. 5). Примесь мелкого песка в глине увеличивается, стенки ее тоньше и прочнее благодаря лучшему обжигу. Обычно цвет посуды пыльно-серый, но иногда она окрашивается в темносерый и черный цвет, поверхность хорошо сглаживается и имеет легкое лощение, иногда в виде блестящих полос, идущих от верхней до нижней части сосуда. Формовка производилась на гончарном круге. Формы посуды разнообразны: горшочки с низким сильно отогнутым венчиком, миски, впервые появляющиеся кувшины с ручкой. Ручки более тонкие и изящные, не всегда «петлевидные», пластины их имеют овальное сечение и сильно расширяются к месту соединения с шейкой сосуда. Иногда ручки украшаются «шубкой». Орнамент этих сосудов находится в полном соответствии с применением гончарного круга. Это или линейный орнамент в 2—3 линии ниже шейки сосуда (рис. 6, 1) или волнистый орнамент, покрывающий большие участки стенок. Мотивы этого орнамента весьма разнообразны. Эта посуда уже производит впечатление определенного технического стандарта. Датировать ее можно VII—VI вв. до н. э. Никаких следов античной керамики на территории селища не обнаружено.

Посуда Сухумского селища у поселка Красный Маяк мало отличается от описанной, но здесь к ней примешиваются позднейшие вариации. В частности, большое развитие получают сосуды, изготовленные способом текстильной формовки, но, повидимому, имеющие бытовое назначение. У них круглый, прямой или слабо отогнутый венчик;

¹ М. М. Иващенко. Материалы к изучению культуры колхов. Мат. по ист. Грузии и Кавказа, вып. 2, Тбилиси, 1941, стр. 58.

изготовлены они из глины лучшего состава. Эта посуда, характерная для северо-западной части селища, находится совместно с античной керамикой. Керамику этого селища в целом можно датировать VII—V вв. до н. э.

Для характеристики посуды селища приведем описание сосудов, найденных на одном участке территории Сухумского селища (рис 7,

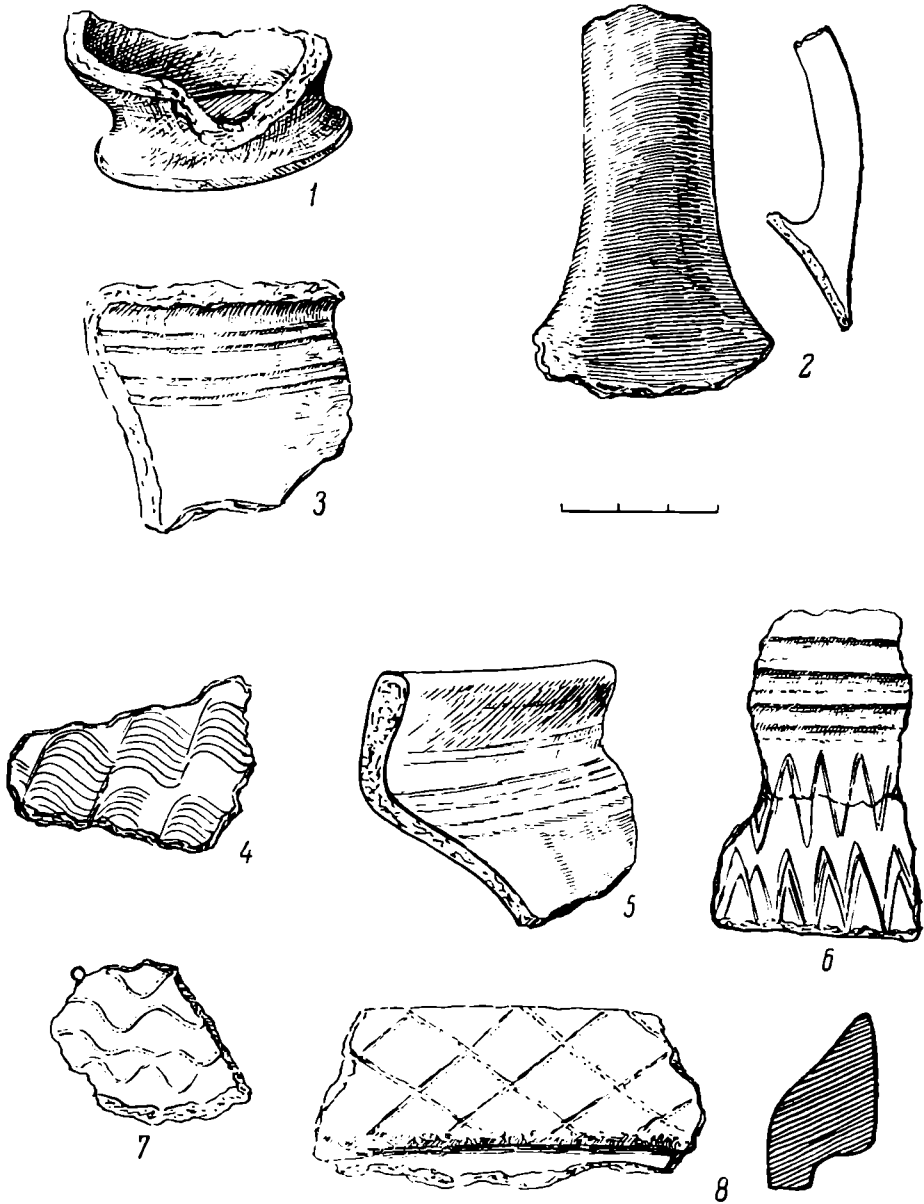

Рис. 5. Фрагменты керамики Второго Очамчирского селища.

1 — плоское, расширенное дно; 2 — широкая плоская ручка кувшина; 3 — линейный орнамент; 4 — орнамент линейно-волнистый, сплошь покрывающий всю поверхность сосуда; 5 — горизонтальные линии, слабо вдавленные и вертикальные лощенные полосы; 6 — орнамент линейный остро-волнистый; выше — слабо вдавленные горизонтальные линии (горлышко кувшина); 7 — орнамент линейно-волнистый, сплошь покрывающий стенки сосуда; 8 — орнамент сеткообразный.

1—4). В 1935 г. во время работ Сухумской экспедиции ГАИМК в пос. Красный Маяк, близ дома Газарьяна, в верхней части берегового вала была найдена небольшая вымостка из мелкой гальки, на которой стояли 2 маленьких горшка. Один из них имел высоту 8.5 см, диаметр венчика 8.5 см, диаметр дна 5.5 см. Другой имел высоту 11 см, диаметр венчика

9.5 см, диаметр дна 5 см. Горшочки были сделаны из темной глины с мелким песком. Цвет сосудов охристо-серый. Сосуды имеют почти баночную форму, петлевидную ручку, пластинка которой расширяется в месте прикрепления к бортику. Ручка одного из сосудов украшена сверху валиком, имеющим косые насечки. Поверхность сосуда имеет вертикальные полосы лощения. Сосуды сделаны на ручном гончарном круге. Выделка небрежная и обжиг слабый, что объясняется ритуальным назначением сосудов. В последующее время автором на селище были открыты два погребения.

Погребение 1 было разрушено огородной канавой и не дало много инвентаря, равно как и остатков костей. Погребение 2 было на 'дено

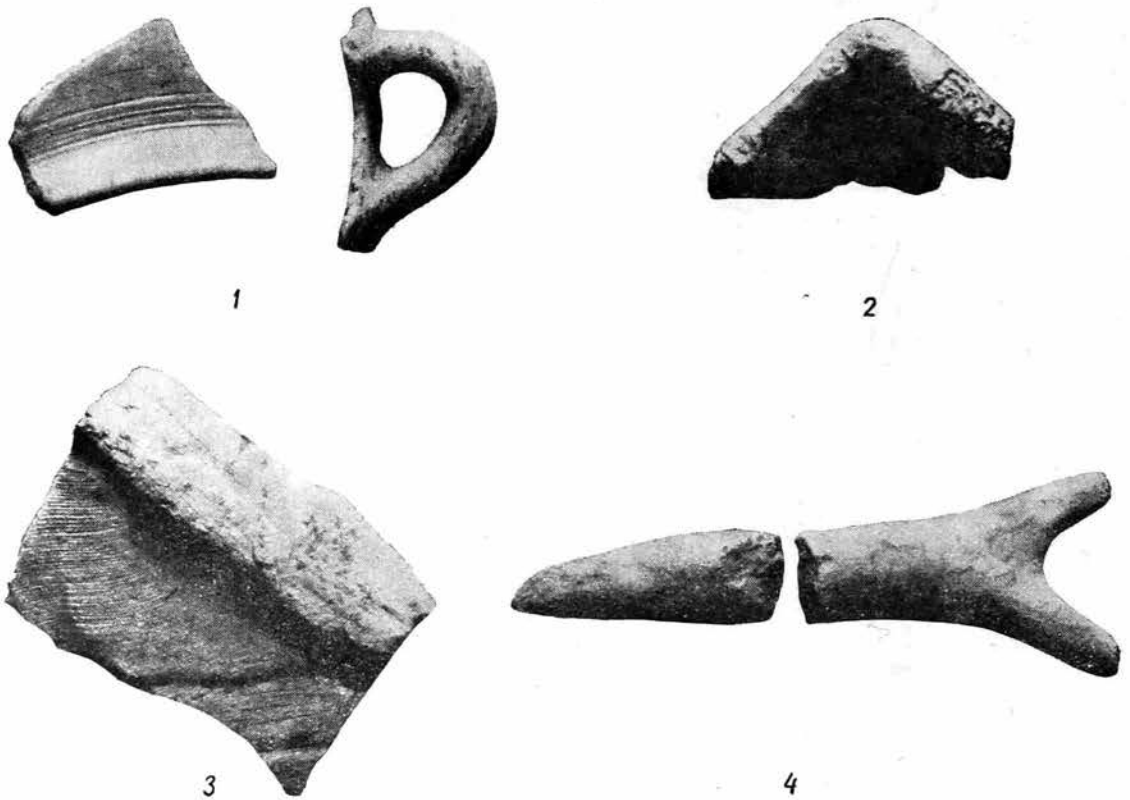

Рис. 6.

1 — фрагменты сопровождающей керамики; 2 — угол промышленного сосуда; 3 — закраина промышленного сосуда; 4 — глиняный рогатый колышек из Второго Очамчирского селища.

в 1947 г. в юго-западной части селища в 10 м от берега моря, в песках берегового вала. На песчаную площадку были поставлены 3 глиняных сосуда дном вверх. Около самого большого из них на песок были положены бронзовые предметы, в большинстве своем представляющие типичный инвентарь кобанских погребений: прямоугольная поясная бляха, пронизь для ремня в виде круглой пуговки, 2 дуговых фибулы, одна из них с волнистым орнаментом на круглой в сечении дужке, другая малая с витой проволочной дужкой. Кроме того, найдена круглая поясная бляха редкой формы.

Не останавливаясь на бронзовых предметах, заслуживающих особого описания, дадим краткую характеристику сосудов. Первый сосуд имел форму корчаги с узким дном и широким, вверху почти сферическим корпусом. Высота его 48 см, диаметр венчика 45 см, диаметр дна 20 см. Сосуд сделан из темной, плохо промешанной глины. Цвет сосуда охристо-серый. Поверхность сглажена вертикальными полосами лощения. Другой сосуд

имел форму низкого и широкого горшка высотой 35 см, при диаметре венчика 56 см. В остальном он был аналогичен предыдущему. Слабый обжиг и небрежная отделка объясняются ритуальным назначением керамики. Третий сосуд был разбит на мелкие черепки; он небольшой, выделан на текстильной основе и имеет круглый венчик, что говорит о его бытовом назначении. Все эти сосуды очень близки к керамике Очамчир-

Рис. 7 Профили обломков глиняных сосудов.

1—4 — венчики сосудов с отпечатками ткани из античного слоя Сухумского селища (Красный Маяк); 5—10 — венчики промышленных четырехугольных сосудов позднего типа из античного слоя Сухумского селища; 11—15 — венчики промышленных четырехугольных сосудов из Второго Очамчирского селища; 16—24 — венчики и днища сосудов бытового назначения из Второго Очамчирского селища.

ского селища. Время их отчасти определяется тем обстоятельством, что поверх погребения проходит слой гальки, представляющий, повидимому, поверхность берегового вала, соответствующую античной эпохе. Путем набрасывания гальки эта поверхность была превращена в подобие мостовой. Среди галек найдено много фрагментов античной посуды, черепицы, обломки четырехугольных текстильных сосудов, орудия из гальки. Вымостка прослежена на площади диаметром в 20 м и никакой связи с погребением не имела. Учитывая, что время античной керамики ориентиро-

вочно определяется V в. до н. э., погребение можно датировать VII—VI вв.

Наше описание надо закончить последним этапом развития местной керамики, после которого она целиком оказывается под влиянием римской импортной продукции. В «жилом холме», находящемся в устье р. Джикумур, близ современного Очамчирского порта, автором, совместно с М. М. Иващенко, были произведены в 1935 г. раскопки, подтвердившие существование здесь античного города Гюэноса.¹ Найденная здесь местная посуда, во многих отношениях примыкает к посуде Второго Очамчирского селища, но с признаками дальнейшей эволюции. Благодаря увеличению количества мелкого песка и более сильному обжигу, прочность посуды увеличивается, но внешний вид от этого проигрывает. Несмотря на тщательное сглаживание и лощение поверхности сосудов, мелкий песок, выступая из стенок, придает ей жесткость. Расцветка сосудов весьма однообразная — темносерая. Формы сосудов отличаются изяществом. Весьма употребительны были небольшие кувшины со сферическим или тыквообразным корпусом и узкой шейкой, которая оканчивалась широким раструбом венчика. Узкая ручка овального сечения лишь в ред-

Рис. 8. Миска из городища Гюэноса эллинистической эпохи, диаметр 19 см.

Рис. 9. Кувшин из городища Гюэноса эллинистической эпохи, высота 17 см.

ких случаях петлеобразна. Нижняя ее часть удлиняется и выпрямляется. Горшки низкие и широкие, с сильно выпуклыми стенками. Венчик низкий, сильно отогнутый наружу. Миски небольшие, мелкие, простой формы (рис. 8). Орнаментация кувшинов однотипна и весьма своеобразна. Мелкие волны линейного орнамента сплошь покрывают всю поверхность корпуса, за исключением нижней части. Поверх этого рисунка нанесена редкая сетка пересекающихся под острым углом лощеных линий (рис. 9). На горшочках обычен простой линейный орнамент, покрывающий весь корпус сосудов. Иногда употребляется мотив «елочки», нанесенный зубчатым чеканом. Каждая полоса косых линий отделена от соседней прямой чертой. Все сосуды сделаны на гончарном круге. В большинстве случаев найденные сосуды принадлежат погребениям на небольших галечных площадках. Их инвентарь уже ничего общего с кобанским не имеет. Возраст посуды, равно как и время существования этого эллинистического города, относится к IV — началу II вв. до н. э.

Таким образом, за первую половину I тысячелетия местная керамика прошла значительный путь развития.

¹ Л. Н. Соловьев, ук. соч.

В Маджарском селище мы встречаем первые несомненные следы промысла, связанного с текстильной керамикой. Селище следует отнести к X—IX вв. до н. э.

Моквинское селище дает типы посуды, сходные с типичными погребальными сосудами Кобанской (Колхидской) культуры. Время его— VIII—VII вв. до н. э. Селища этого времени вполне заслуживают названия промысловых.

Очамчирское селище существует в VII—VI вв. до н. э. Это момент наибольшего развития промысла на побережье.

Сухумское селище при своем возникновении еще застаёт живые кобанские традиции, но, по всей вероятности, дальнейшие находки отметят и большие изменения в этом позднекобанском комплексе. Заканчивает свое существование это поселение уже в античную эпоху. Датируется оно VII—V вв. до н. э.

Городище Гюэноса близ г. Очамчире точно датируется IV—II вв. до н. э. Никаких следов текстильной керамики, никаких предметов Кобанской культуры здесь не обнаружено.

Специфической особенностью селищ являются четыреугольные сосуды, стенки которых носят хорошо сохранившиеся отпечатки разнообразных тканей. В промысловой части поселений почти все фрагменты глиняной посуды принадлежат этому типу; во всех селищах он выдерживается с чрезвычайным постоянством в деталях. Лишь в Очамчирском и Сухумском селищах можно отметить более архаичную, старшую группу. Кроме того, в каждом селище есть местные излюбленные вариации форм края, оформления углов и проч. К сожалению, несмотря на огромное количество собранных фрагментов, мы не имеем ни одного целого сосуда, что объясняется в значительной степени составом теста, слабым обжигом, а возможно, и специфическим способом применения этих сосудов.

Пытаясь реконструировать их форму, мы получаем представление о прямоугольном глубоком противне или кюветке, с округленными, в большей или меньшей степени, углами. Четыре плоские стенки сосуда внизу плавно переходят в слегка выпуклое дно. Угловые грани между стенками нигде не образуют резкого ребра (рис. 6, 2). Сосуд распадается на две конструктивные части. Чрезвычайно массивный гипертрофированный венчик (рис. 6, 3) в вертикальном сечении имеет вид сильно вытянутого вверх треугольника. Его вершина соответствует острому ребру венчика, а угол при основании подчеркивает резкую границу, отделяющую венчик от корпуса. Корпус сосуда, наоборот, имеет тонкие стенки; их толщина часто уменьшается у дна сосуда вдвое, достигая здесь всего 4—5 мм. Из 4 стенок сосуда 2 короткие поставлены под углом к венчику, давая сильное расширение сосуда вверх. Эти стенки совершенно прямые. Две длинные стенки, наоборот, частью вогнуты, образуя выпуклость наружу по средней линии высоты. Соответственно этому их венчик загнут внутрь тем сильнее, чем ближе стенки к углу сосуда. Все это имеет определенное значение: угол получается несколько приостренным и весьма удобным для сливания жидкости.

Иногда приострение угла достигается другим путем. На Очамчирском селище был найден в обломках почти полный сосуд, который имел посредине короткой стенки сильный выгиб, образованный давлением снаружи внутрь (рис. 10, 6). Помимо указанных, применялись и другие способы оформления углов сосуда; чаще всего они были, как кажется, простой, прямоугольной и симметричной формы.

Вероятный средний размер сосудов был 25×40 см, при глубине около 15 см. Внутренние стенки сосудов носят следы грубого сглаживания

пальцами или травой, но, несмотря на это, остаются неровными. Наружная стенка сглаживается благодаря прилеганию к ней ткани в процессе формовки, но все же не имеет вполне гладкой поверхности. Обжиг производился в окислительном пламени, на открытом костре, о чем говорят

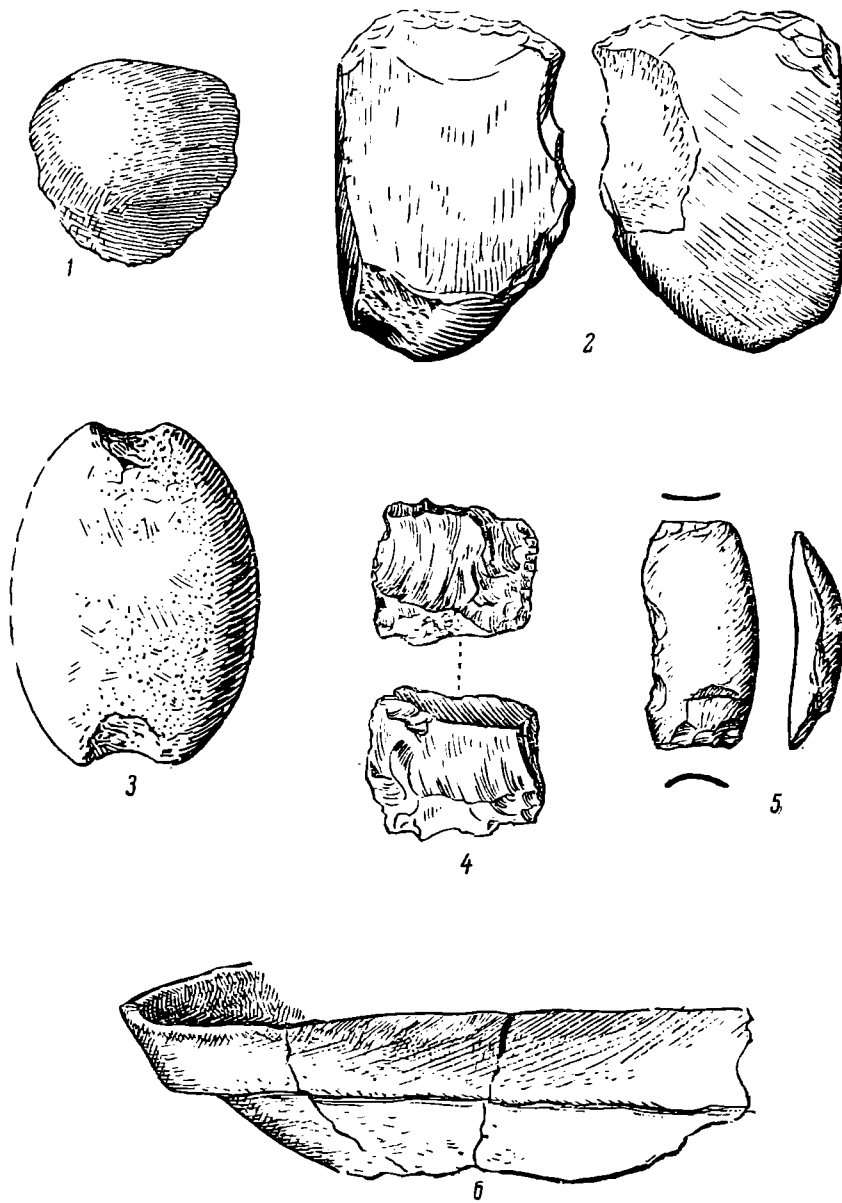

Рис. 10.

1 — резак округлой формы из гальки из Второго Очамчирского селища, длина 4,5 см; 2 — топоробразное орудие из гальки из Сухумского селища, длина 10,5 см; 3 — грузило для сетей из гальки из Сухумского селища, длина 10 см; 4 — плоское кремневое орудие из Сухумского селища, длина 3 см; 5 — желобчатая стамеска из гальки из Сухумского селища, длина 7 см; 6 — угол четырехугольного сосуда, приспособленный для сливания жидкости, из Второго Очамчирского селища.

красные и охристые оттенки черепка. Наружный обжиг был сильнее, но все же недостаточен для получения крепкого черепка. В середине стенки часто сохраняется черная окраска.

Отпечатки тканей, покрывающие всю наружную поверхность сосудов, не исключая и дна, не оставляют никаких сомнений в способе их формовки, но ряд деталей процесса не вполне ясен. Четырехугольная «стандартная» форма сосудов говорит о том, что они лепились в какой-то

жесткой форме. Из этой формы сосуд вынимался при помощи положенной туда предварительно ткани. Формой могло служить выдолбленное в дереве углубление или даже просто яма, вырытая в земле. В отдельных случаях на поверхности сосудов можно наблюдать следы крупной плетени, смягченные проложенной тканью. Но, в основном, сосуды, вероятно, формовались в подобных же глиняных сосудах, стенки которых были достаточно гигроскопичны, чтобы вбирать влагу из сырого изделия. Впадины под венчиком снаружи всегда сопровождают наиболее употребительные формы венчиков, но в углах впадина чаще всего исчезает. Это происходит по той причине, что угол сосуда, очевидно, служил для сливания содержавшейся в нем жидкости; поэтому острый венчик сосуда, служившего формой, в этом месте делался всегда максимально пологим. При формовке в нем нового сосуда, на этом последнем в данном месте резкого перехода от венчика к корпусу чувствоваться не будет.

Благодаря находке небольшого числа фрагментов из нижнего слоя Очамчирского и Сухумского селищ мы можем судить о развитии, которое претерпела эта форма сосудов. Вначале они были размерами меньше, изготовлялись более тщательно из хорошо промешанной глины с добавкой сеянного песка. По форме они напоминали, вероятно, корзинку с выпуклым дном и подчетыреугольными очертаниями венчика (рис. 11, 6). Указанные случаи формовки сосудов в корзинках относятся именно к этой группе. Бортик их был узкий, стенки и дно совсем тонкие. Есть основание думать, что на ткани формовались также сосуды обычной круглой формы для бытового употребления.

Также специфично было употребление рогатых столбиков из глины, которые в небольшом количестве (и чаще всего фрагментами) встречаются во всех исследованных селищах (рис. 6, 4). Вероятно, в длину они имели не более 40—50 см при круглом сечении и диаметре около 3 см. Верхний конец имеет два более или менее прямых рога, длиной каждый до 4 см. Впадина между рогами чаще образует плавную полукруглую выемку, реже острый угол. Конец этого глиняного колышка обычно острый, очень редко срезанный. Нечто подобное имеется в коллекциях Музея Грузии, происходящих из раскопок в с. Даблагоми (Западная Грузия).¹ Эти предметы отличаются от наших общей сильной изогнутостью и небольшим размером.

Нередко в наших селищах находят орудия, изготовленные из гальки (рис. 10, 1, 2, 5). В более древних селищах, как, например, Моквинском, они весьма многочисленны и разнообразны. Здесь хорошо представлены такие орудия для обработки дерева, как грубые топорики, резак, долота, выемчатые стамески, рубанкообразные орудия, а также орудия для обработки земли — мотыги. Довольно часто встречаются грузила для сетей из гальки (рис. 10, 3). В более поздних селищах ассортимент беднее и количество их сокращается, все же до античного времени включительно каменные орудия из гальки играют еще большую роль. Даже в слоях городища Гюэноса IV—II вв. до н. э. эти орудия не представляют большой редкости.

Своеобразие инвентаря описанных поселений и их исключительная приуроченность к береговому морскому валу заставляют думать, что мы имеем здесь дело с промысловыми поселениями, в какой-то мере использовавшими ресурсы, предоставляемые морем. В скоплениях черепков посуды и галечных площадках вряд ли можно усмотреть указание на занятие рыболовством. Засолка рыбы, сохранение ее в копченном и соленом

¹ Раскопки Н. В. Хоштария.

виде не производится в глиняной посуде, тем более такого низкого качества. Обычно применяется деревянная посуда. У эллинов для этой цели служили каменные цистерны, зацементированные гидравлической известью.

С гораздо большим основанием отложения с текстильной керамикой мы можем считать остатками солеварен, где соль выпаривали из морской

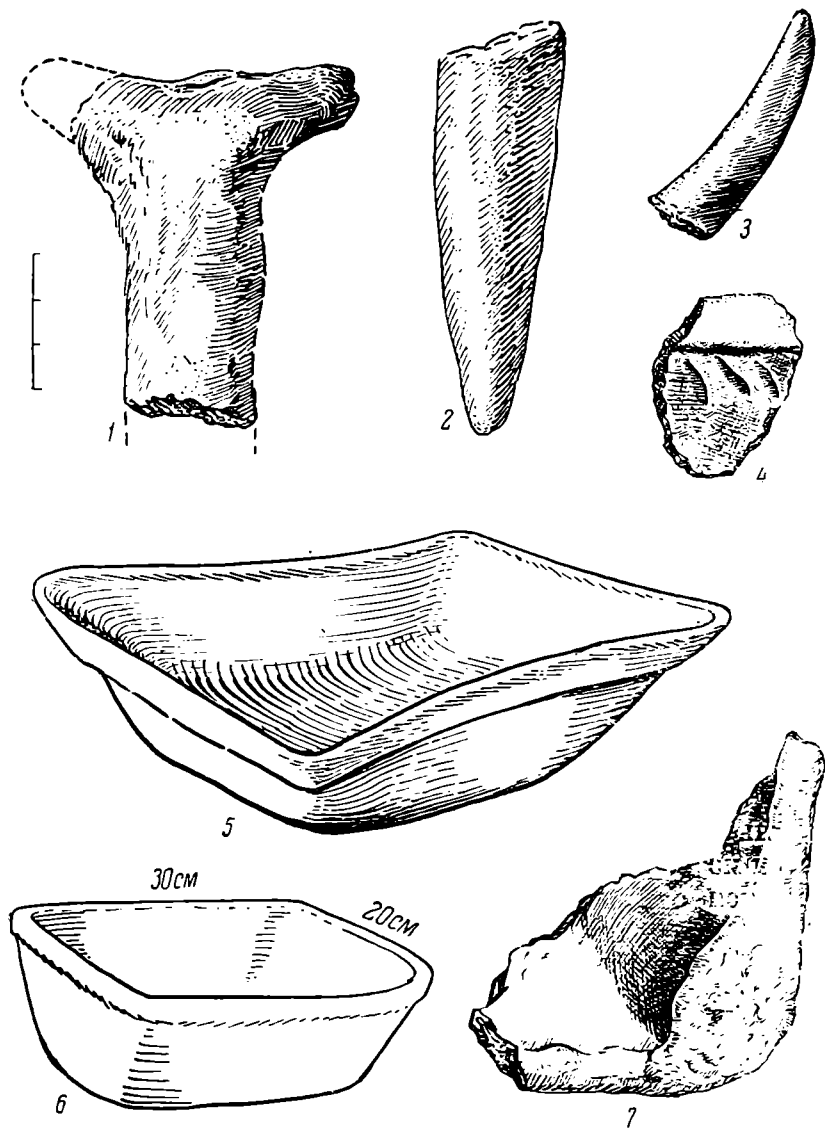

Рис. 11.

1, 2 — глиняные «рогатые колышки» из Сухумского селища; 3 — часть глиняного рога из Сухумского селища; 4 — орнаментоподобные отпечатки складок материи на четырехугольных промысловых сосудах из Сухумского селища; 5 — реконструкция четырехугольного промыслового сосуда позднего типа; 6 — реконструкция четырехугольного промыслового сосуда раннего типа; 7 — угол четырехугольного сосуда, приспособленный для сливания жидкости, из Второго Очамчирского селища.

воды сначала естественным, а потом искусственным путем. Условия местности для этого были вполне благоприятны. Позади берегового вала обычно находятся понижения рельефа, ныне заболоченные, с отметками иногда ниже 0. Береговой вал является естественным барьером для проникновения сюда морской воды при общем опускании берега. Если перекопать в таком месте береговой вал, выемка обратится в мелководный бассейн, куда штормы нагоняют морскую воду, которая в жаркие летние

дни может выпариваться естественным путем. Из полученной таким образом «рапы» соль выпаривалась на огне. Для этой цели и служили, очевидно, странные четырехугольные сосуды. Они укреплялись над костром при помощи огнеупорных рогатых колышков, развилка которых как раз отвечает углу сосуда. Эти колышки служили также и для обжигания на открытом костре вновь изготовленных четырехугольных сосудов. Выпаривание соли могло производиться и иным способом. Сосуды ставили в углубление почвы и наполняли маточным рассолом. Затем туда высыпали предварительно раскаленные на огне мелкие гальки. Вода частично превращалась в пар, а остаток рассола сливался.

Рис. 12. Выпаривание соли из рассола у племени массаси в Восточной Африке.

Добывание соли из морской воды не так давно производилось даже по берегам Белого моря. Тем более благоприятно для этого было Абхазское побережье в условиях сухого и теплого климата бронзовой эпохи. Отсутствие каменной соли на побережье и оторванность от районов южного Закавказья, имеющих каменную соль (Нахичевань, Кульп), наталкивали на поиски местных ресурсов. Начальные стадии этих поисков нам неизвестны. Может быть, неолитические обитатели Абхазии, подобно океанийцам (как сообщает этнограф К. Вейле),¹ «удовлетворяли свою потребность незамысловатым способом прибавления в пищу морской воды». Тот же К. Вейле² описывает способ выпаривания соли из концентрированных рассолов у восточно-африканского племени массаси. Как видно на рис. 12, рассол выпаривался на огне в глиняных сосудах, весьма напоминающих наши, с той разницей, что они были треугольными.

¹ Karl W e u l e. Leitfaden der Völkerkunde. Лейпциг — Вена, 1912, стр. 106.

² Там же, табл. 104, рис. 5.

Население Абхазского побережья и в историческое время, вынужденное обстоятельствами, как, например, блокадой берегов Черкессии русским флотом, иногда обращалось к выпариванию соли из морской воды. У абхазов существует поговорка, рисующая их как старых солеваров: «рожденное водой, воспитанное солнцем, увидя свою мать, умирает» (соль).

Интересно, что у ряда народностей восточного побережья Черного моря имеется свое наименование соли, притом очень древнее. Мегрельское *джим*, сванское и убыхское *джи*, абхазское *аджика* имеют один корень; это название ничего общего не имеет ни с греческим *алс*, ни с грузинским *марили*. Общность названия уводит нас в глубокую древность, во всяком случае доантичную, ибо мы знаем, что позднее греческие купцы были монополистами в торговле солью.

Потребность в соли, как приправе к пище, ощущается даже самыми первобытными народами. Но с тех пор, как обитатель Абхазского побережья стал хозяином стад и обосновался на морских и речных берегах для удобства рыбной ловли, соль сделалась необходимым условием хозяйственной деятельности, так как она увеличивала возможность заготовления запасов. Теперь мы знаем, что еще задолго до появления греков, в конце бронзовой эпохи, прибрежное население производило соль в количествах, очевидно, выходящих за пределы местного потребления. Это производство и связанное с ним оживление обмена сыграло, вероятно, немаловажную роль в разрушении основ родового строя, связанного на данной территории с Колхидской культурой. В больших промысловых поселениях, возникших на побережье, смешивались жители разных поселков, члены различных родовых групп, и это явилось стимулирующей силой для роста племенных объединений, что зафиксировано в названии племени, населявшего когда-то побережье от р. Бзыбь до района р. Туапсе. Указываемые древними авторами на этой территории *зихи*, *джихи*, позже *джигеты* и были в прямом смысле этого слова и в соответствии с археологическими памятниками *солеварами*. Племенное объединение генихов, имя которых живет до сих пор в местной топонимике от ручья Ахениоха (левый приток р. Бзыби) до р. Гиина=Тхина (современная река Моква в юго-восточной Абхазии), также создавалось на основе этой специализации. Именно на территории генихов находятся все описанные нами поселения с солеварным промыслом. На их территории возник цветущий город древности Диоскурия, в районе которого, как это следует из наших памятников, еще задолго до появления на кавказском побережье эллинских купцов, уже существовала торговля солью. Эллины лишь позднее захватили в свои руки Диоскурийский торг, явившись вероятно посредниками по морским перевозкам местной соли. Вспомним, что в ближайшей связи с промысловыми поселениями с текстильной керамикой нам приходилось встречать на ограниченной территории, на берегу моря, скопления античной посуды VI—V вв. — следы маленьких поселений, зачатки будущих факторий. Эти поселения исчезают вместе с местными промысловыми поселениями, повидимому, не ранее IV в. Быть может, в это именно время на Диоскурийском торге появляется таврическая соль, знаменуя этим завоевание эллинскими колонизаторами прочных позиций на западном побережье Кавказа.

Дальнейшее изучение поселений с текстильной керамикой, несомненно, осветит много интересных вопросов археологии и истории. Мы не имеем сейчас возможности остановиться на описании другого промысла, следы которого разнообразно и полно запечатлены на стенах четырехугольных сосудов (рис. 13). Можно только сказать, что ткачество у племен побережья достигло высокого совершенства еще ранее поя-

вления здесь эллинов и также перешагнуло рамки домашнего промысла. Судя по отпечаткам, в богатом ассортименте гениохских тканей были из-

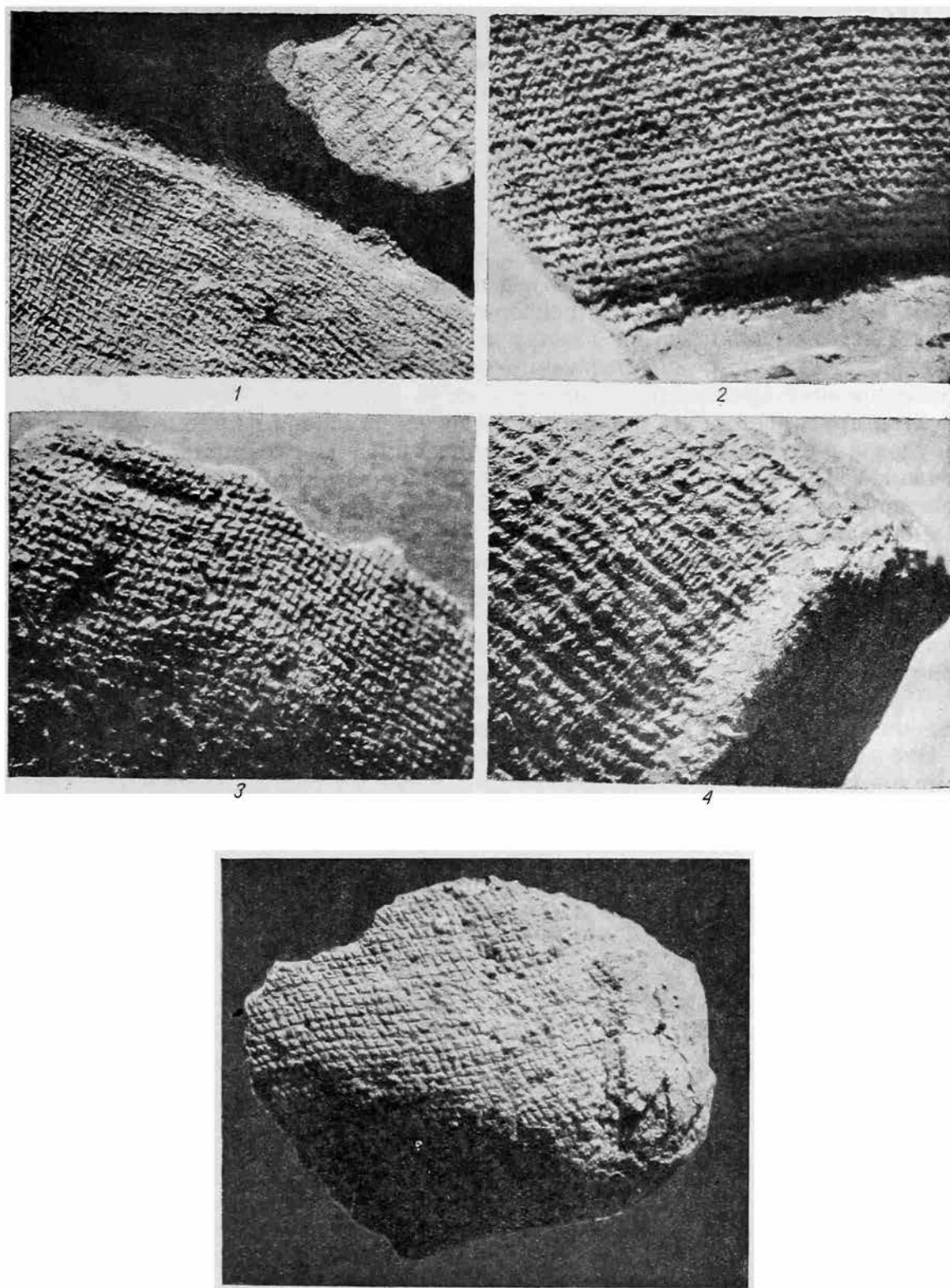

Рис. 13. Отпечатки ткани на промысловых сосудах.

делия из шерсти и из льняной пряжи, от грубого рядна до самого тонкого льняного полотна. Недаром в V в. Геродот отмечает монопольное положение колхидского полотна, наравне с египетским, на международном рынке.

«Они [колхи] и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом. . . Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического».¹

Другой интересный вопрос, об отношении текстильной керамики Черноморского побережья Кавказа к «сетчато-рогожной» керамике, распространенной на территории Оки и Верхней Волги, — еще не может быть даже надлежащим образом поставлен. Здесь мы имеем два исходных положения.

1) Прием формовки на тканевой основе принадлежит к примитивным и древнейшим приемам гончарства. По мнению В. А. Городцова,² он существовал на Севере уже в позднюю пору неолита. То же самое можно сказать и о Кавказе, где сосуды, сформованные на тканевой основе, заключенной внутри стенки, найдены в Степанакертском кургане (первая половина II тысячелетия до н. э.), а по данным А. Л. Лукина — обнаружены в культурном слое поздненеолитической стоянки Кистрик в Абхазии. Следовательно, и на Севере и на Юге в I тысячелетии до н. э. производство текстильной керамики могло возникнуть самостоятельно на более древней местной основе.

2) С другой стороны, начало массового применения приема формовки сосудов в рогожных мешочках, что отмечается в Окско-Волжском междуречье в VIII—VI вв. до н. э., совпадает с расцветом «абхазской» текстильной керамики, в чем можно было бы усмотреть распространение этих технических приемов через скифскую среду с юга на север. Но убедительность этого предположения ослабляется той лакуной, которая существует между обоими районами, разделенными огромным пространством степей. В этой степной полосе в то время была распространена керамика «скифских» зольников, близкая к рогожной, но отличающаяся отсутствием отпечатков ткани, что указывает на иной способ формовки.

Поэтому можно лишь выдвинуть предположение об отражении в появлении текстильной и рогожной керамики как на Кавказе, так и на Волге и Оке, обмена техническими достижениями, имевшими целью облегчить формовку сосудов, подобно тому, как позднее на той же территории гончарный круг вытеснил примитивные способы гончарства.

¹ Геродот, кн. II, гл. 105.

² В. А. Городцов. Ургуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура. СА, I, М-Л., 1936, стр. 105-113.

А. Я. БРЮСОВ

«СЕТЧАТАЯ» КЕРАМИКА

Исключительному совпадению ряда благоприятных условий в некоторых погребениях Ютландии, относящихся ко II тысячелетию до н. э., мы обязаны сохранением совершенно целыми мужских и женских одежд.¹

Благодаря такой же счастливой случайности, сохранился кусочек тонкой льняной ткани в погребении у ст. Царской (Новосвободной) и кусочек ткани в одном из погребений Младшего Волосовского могильника. В этих случаях мы имеем дело с тканями довольно высокой выработки, которой несомненно должен был предшествовать период исканий и изобретений.

Находки на некоторых швейцарских свайных поселениях, как, например, в Робенгаузене, приоткрывают завесу над этим темным временем. По многочисленным остаткам найденных там тканей и плетений мы можем судить о первых еще неумелых попытках первобытного человечества в области ткацкого дела.

Но помимо этого мы располагаем очень большим и еще слабо изученным материалом, который в значительной мере может помочь выяснению вопроса о первоначальной выработке тканей из волокнистых веществ. Я имею в виду так называемую «сетчатую» или «текстильную» керамику, которая то в большем, то в меньшем количестве, иногда в единичных экземплярах, встречается на многих стоянках последних двух тысячелетий до н. э. Это — черепки с отпечатками на них ткани, нитей, веревок, сетей, применявшихся, очевидно, при лепке или сушке глиняных сосудов. Самое обилие подобных черепков и широкое распространение такой керамики свидетельствует о том, что отпечатывавшаяся на них ткань была уже заурядным предметом домашнего обихода и использовалась нередко, может быть, в виде тряпок на побочные домашние нужды.

В дальнейшем я излагаю результаты изучения мною образцов такой керамики почти исключительно по фондам Государственного исторического музея, считая, что этого количества совершенно достаточно для того, чтобы обосновать мои конечные выводы, заключающиеся в следующем.

Безусловно с начала II, а может быть, и с конца III тысячелетия до н. э. население Европы начало выделывать ткани из волокнистых растений. Где бы ни было изобретено это искусство, в одном или нескольких местах, оно распространилось с большой быстротой, охватив

¹ В курганах у деревень Вальдруп и Эгтвед близ г. Кольдинге в Дании; в кургане Борум-эской в Дании, а также в болоте в Горум близ г. Фальконинга в Швеции. См.: A. W. Brögger. Bronseåldern in Mellan, Väst och Nord-Europa. De forhistoriska tiderna i Europa, II, стр. 231 сл.

почти всю Европу. По примитивным приемам выделки ткани, по разнообразию в начальной технике ее изготовления, по явному переносу на эту технику в ряде случаев приемов первобытного плетения, безусловно известного задолго до этого, можно предполагать, что ткацкое искусство не было занесено в Европу из более культурных стран Древнего Востока, исключая южные ее районы. При этом очень рано для изготовления тканей стал применяться лен или подобное ему волокнистое растение, что свидетельствует, возможно, о ранней культуре этих растений, а следовательно, косвенно, о ранней дате возникновения в Европе земледелия.

Материалом для сравнения отпечатков ткани на глиняных черепках с древними тканями послужили находящиеся в Государственном историческом музее образцы ткани и плетений с Робенгаузеновской стоянки.

В тканях Робенгаузена можно различить две системы изготовления их. В большинстве случаев переплетение — простое, полотняное; нити утка перекрещиваются в шахматном порядке под прямым углом с нитями основы (рис. 1, 1).¹ Но иногда основа представляет собою слегка скрученные толстые пасмы пряжи, которые охвачены петлями двойного утка. Способ такого изготовления тканей был выяснен А. Гетце,² который описал, каким образом такое плетение производилось.

Нити основы подвешивались в вертикальном положении; две нити утка пропускались на небольшом расстоянии друг от друга в отверстия в краях небольшой дощечки; вращение на поборота этой дощечки создавало петлю, в которую продергивалась при помощи крючка первая нить (или пасма) основы; затем дощечка повертывалась снова на поборота, и в новую образовавшуюся петлю продергивалась следующая нить основы, и т. д. При таком способе нити утка оказывались довольно далеко расставленными друг от друга, иногда на 0.5—3.0 см.

Подобное плетение мы находим среди тканей Робенгаузена (рис. 1, 2). И совершенно такое же плетение отпечаталось на одном из черепков со стоянки у д. Панфилово близ г. Муром.³ Основой ткани в Панфиловской стоянке служили пряженные нити, по 5 на каждый сантиметр; уток двойной с расстоянием между каждой парой нитей утка в 0.55 см (рис. 2, 1). Панфиловская стоянка датируется серединой II тысячелетия до н. э.

В большинстве других случаев мы не наблюдаем такого отчетливого редкого переплетения. Чаще всего, судя по отпечаткам на черепках, переплетение было более беспорядочным. Толстые нити утка отпечатываются довольно резко, нити же основы почти или совсем незаметны. Это зависело, вероятно, от того, что толстые нити утка, охватывавшие с обеих сторон нити основы, препятствовали плотному прилеганию последних к поверхности сосуда. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить между собою сохранившийся кусочек ткани из Младшего Волосовского могильника⁴ с отпечатками ткани на найденных там же черепках (рис. 2, 2, 3). На отпечатке мы видим ту же слабо крученую нить утка, но только значительно более толстую и грубую, и те же разделенные тонкими косыми просветами выступающие нити утка. Можно предполагать, что основой ткани, отпечатавшейся на этом черепке, были не крученые нити, а тонкие пасмы пряжи.

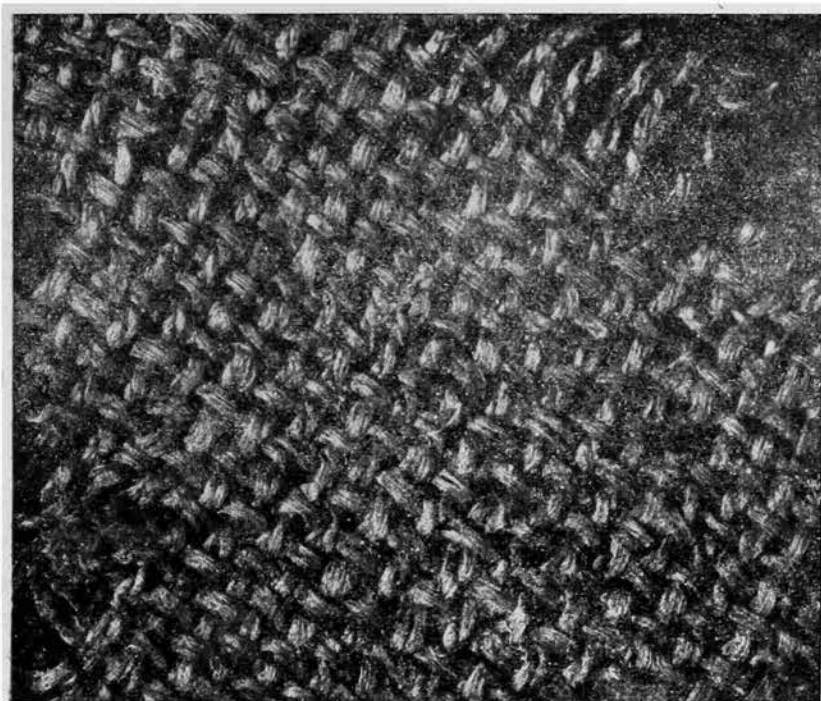
Есть основания думать, что эта материя изготовлена была посредством плетения, так как на ряде черепков из Младшего Волосовского могильника можно видеть по отпечаткам, что нити утка располагаются беспорядочно.

¹ Все увеличения на рисунках даны в пятикратном размере и все оттиски части поверхности черепков сделаны на пластилине.

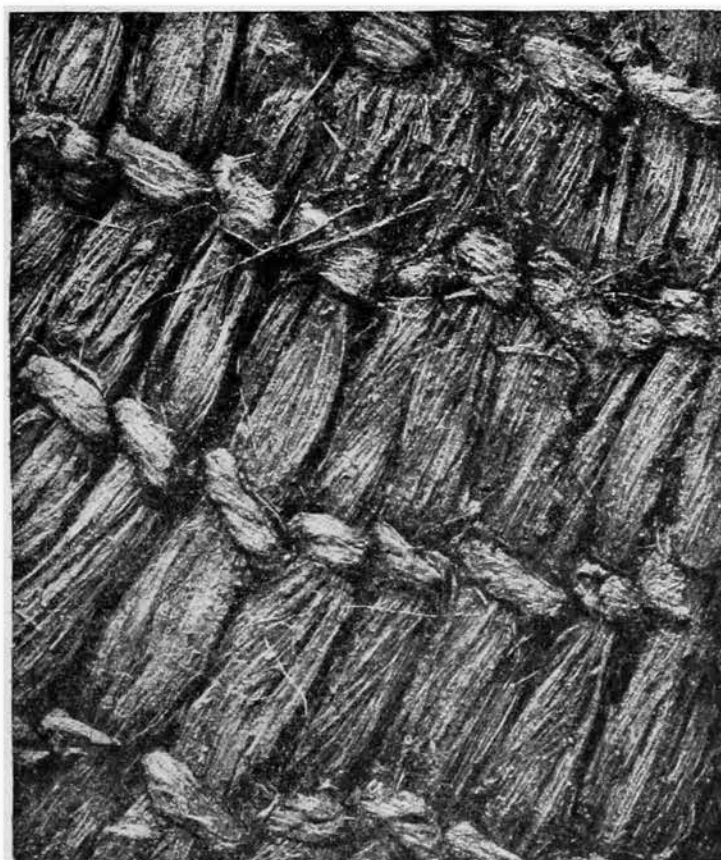
² A. G ö t z e. Brettchen Weberei im Altertum. Zeitschrift für Ethnologie, 1908.

³ Раскопки В. А. Городцова в 1924 г.

⁴ Раскопки В. А. Городцова в 1910 г.

1

2

Рис. 1. Плотняная ткань из Робенгаузена (1, 2), увеличение.

рядочно и даже перекрещиваются, чего не могло бы быть при применении ткацкого станка (рис. 3, 1, 2).

Младший Волосовский могильник датируется по погребениям временем около 1300—1200 гг. до н. э., стоянка же, на которой он находится и на которой найдены были эти черепки, должна быть немного старше. Большое количество сетчатой керамики на этой стоянке указывает на то, что к концу II тысячелетия до н. э. ткани в Волосовской культуре были уже совершенно заурядным явлением. Это станет понятным, если мы укажем, что не только на несколько более древней Панфиловской стоянке, относящейся к той же культуре, как мы видели, выделялась ткань, но и на самой Волосовской стоянке, датирующейся первой половиной II тысячелетия до н. э., есть несколько черепков с отпечатками на их внутренней стороне сетей с ячейми различной величины (рис. 3, 3). Сравнивая эти отпечатки с обрывками сетей, найденными в Робенгаузене (рис. 3, 4), нельзя заметить между ними большой разницы ни по толщине нитей, ни по степени их крутки. Это позволяет предполагать, что применявшееся в том и другом случае волокно могло быть одинаковым; поскольку сеть из Робенгаузена изготовлена из льняных нитей, постольку нет оснований категорически утверждать, что сети Волосовской стоянки обязательно изготовлены были из волокон дикорастущих растений. Нельзя не указать при этом, что в Старшем Волосовском могильнике приходящемся на время около конца существования Волосовской стоянки, был найден черепок с отпечатком на нем грубого переплетения.¹ К сожалению, трудно установить, является ли это оттиском ткани с двухнитным утком или очень частой сети; последнее, однако, мало вероятно, так как характерные для сетей узлы (рис. 4, 1) не заметны.

В том же районе находим и другие стоянки с сетчатой керамикой, как, например, Легалиноборскую (рис. 4, 2; ткань аналогична ткани Младшего Волосовского могильника) и стоянку на р. Велетьме. На черепках с последней мы видим отпечатки двух видов ткани. В одном случае ясно видно беспорядочное переплетение тонких слабо крученых нитей, образующих нечто вроде рядиной ткани (рис. 4, 3); в другом случае (рис. 4, 4) мы имеем дело, повидимому, с двунитным утком из довольно толстых крученых нитей, петли которого охватывают тонкие некрученые (?) нити основы.

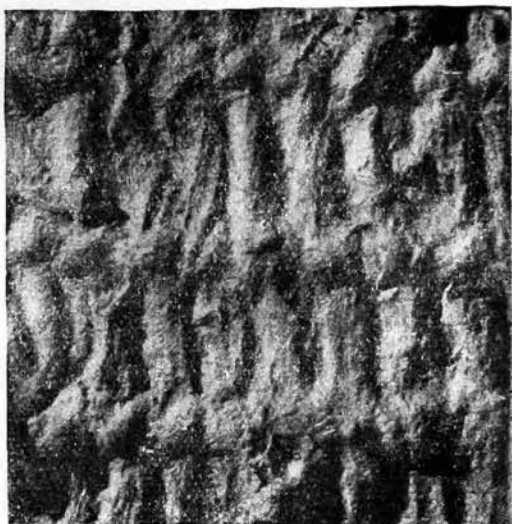
Подобное обилие разновременных свидетельств о наличии тканей у древнего населения Муромского района не является исключением. Совершенно такую же картину мы находим в других областях лесной зоны Восточной Европы. Такие же отпечатки ткани на сосудах встречаем на границе распространения Волосовской культуры, у стыка ее с Рязанской культурой, на стоянке Коренец, синхроничной с Волосовской (рис. 5, 1; ясно видны слабо крученые нити и шахматное переплетение), и на Владыченской стоянке, которая по находке в погребении бронзовой манжеты моравского типа (Унетичкой культуры) датируется началом II тысячелетия до н. э. (рис. 5, 2; отпечаток ткани с толстыми нитями утка).²

В пределах Рязанской культуры, на Борковской стоянке под г. Рязанью, имеется черепок с отпечатками ткани из туго крученых нитей (рис. 5, 3).

Несколько странным кажется отсутствие сетчатой керамики на Алкановской стоянке Рязанской культуры, хотя эта стоянка, по находке на ней бронзовой булавы с гвоздеобразной головкой, относится, при-

¹ Из коллекции С. Уварова.

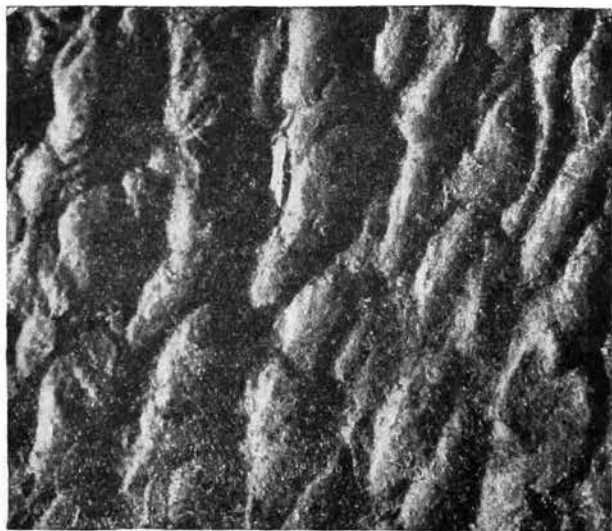
² Сборы М. А. Коноплянцева.

1

2

3

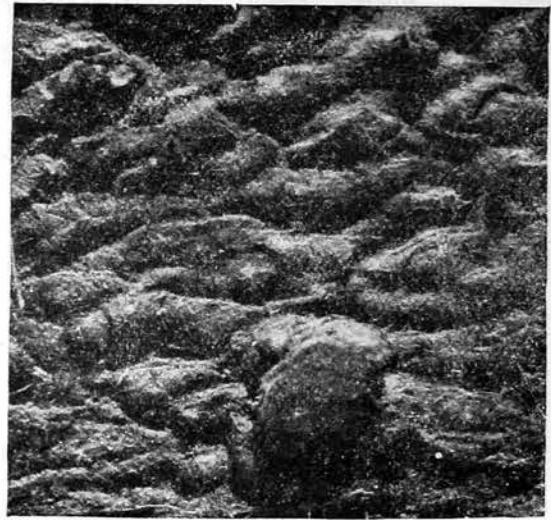
Рис. 2. Черепки и увеличенные их оттиски.

1 — из Панфиловской стоянки; 2, 3 — из Младшего Волосозского могильника.

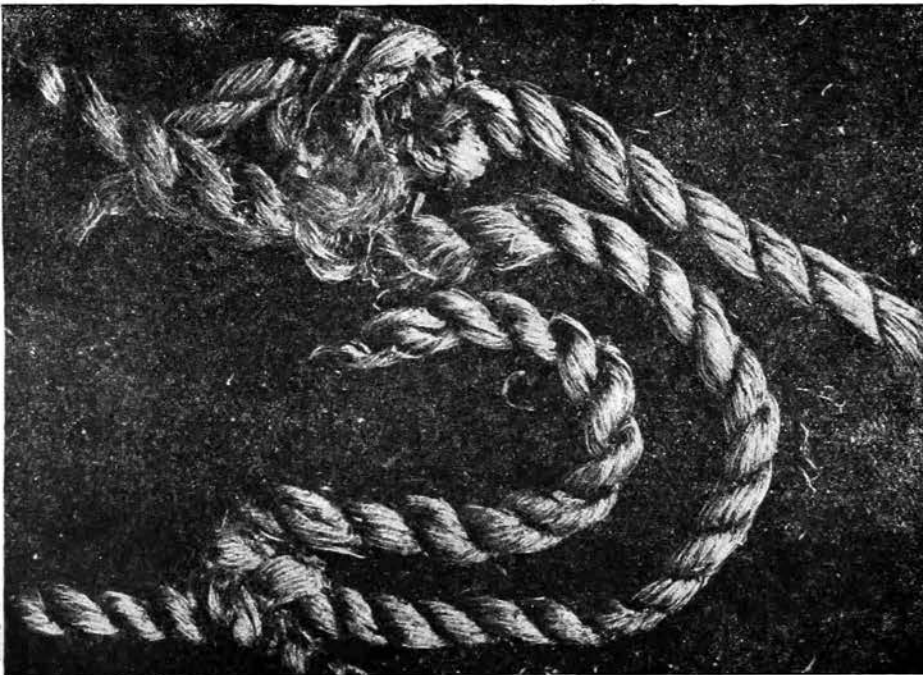
1

2

3

4

Рис. 3.

1, 2 — оттиски черепков из Младшего Волосовского могильника, увеличение; 3 — черепок из Волосовской стоянки и увеличенный оттиск его поверхности; 4 — обрывок сети из Робенгаузена, увеличение.

1

2

3

4

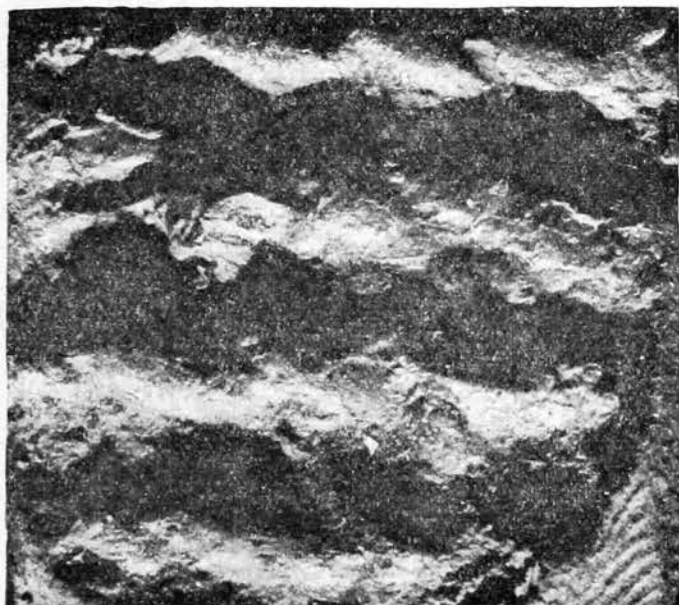

Рис. 4.

1 — отиск части поверхности черепка из Старшего Волосовского могильника, увеличение; 3 — черепок из Легалинборской стоянки и увеличенный его отиск; 2, 4 — отиски черепков из стоянки на р. Велетьме, увеличение.

близительно, к тому же времени, что и Младший Волосовский могильник, где, как мы видели, ткань была уже заурядным явлением. Но на одном из черепков с этой стоянки мы находим характерный для Рязанской культуры этого времени отпечаток длинного «веревочного» орнамента, нанесенного на глину при помощи твердой основы с намотанными на нее кручеными нитями (рис. 5, 4).

Значительно севернее, на Языковской стоянке близ г. Кашина,¹ датирующейся первой половиной II тысячелетия (вероятно второй четвертью этого тысячелетия) до н. э., мы также находим на глине сосудов оттиски намотанных на твердую основу крученых нитей (рис. 6, 1). Но, кроме того, на Языковской стоянке оказались также черепки с отпечатками ткани. Оттиски ее не очень ясны, тем не менее позволяют видеть, в отличие от предыдущих образцов, диагональное пересечение нитей. При этом нитки утка скручены, повидимому, круче, чем в образцах с окских стоянок, а сама ткань — плотнее (рис. 6, 2 и 6, 3).

Восточнее Языкова, на Уницкой стоянке² на р. Унице под г. Ростовом-Ярославским, мы находим значительное количество сетчатой керамики с отпечатками двух типов ткани: типично рядиной ткани с ровным полотняным переплетением (рис. 7, 1) и относительно плотной ткани с беспорядочным частым переплетением (рис. 7, 2, 3).

Еще далее к северо-востоку, под г. Чухломой, находятся Федоровская стоянка и стоянка на р. Юг, первая из которых датируется началом II тысячелетия до н. э., а вторая последними столетиями этого тысячелетия. Обе относятся к Федоровской культуре. На Федоровской стоянке³ среди массы фрагментов керамики был найден черепок со слабым оттиском, повидимому, ткани (рис. 7, 4). На второй (на р. Юг)⁴ было найдено несколько черепков с оттисками ткани из довольно тонких крученых нитей (рис. 8, 1).

Следовательно, и на Верхней Волге мы видим появление тканей уже в начале II тысячелетия до н. э., повидимому, на той же стадии развития ткацкого дела, как и на Оке (плетение). Чем реже ткань, тем переплетение нитей правильнее. Чем плотнее ткань, тем чаще возникают ошибки в переплетении, что вполне естественно, так как разобратся наглаз в массе близко друг от друга расположенных нитей было труднее.

Распространение ткацкого дела захватило в то же самое время и более северные области в пределах современных Карело-Финской ССР, Вологодской и Архангельской областей.

Уже на р. Шексне мы встречаем две стоянки с наличием сетчатой керамики: у деревень Ягорба и Борачек.⁵ На первой из них надо отметить интересный черепок, на котором отпечаталась ткань с переплетением рогожкой: нити утка дважды пересекают те же самые нити основы (рис. 8, 2). На черепке со стоянки Борачек мы видим отпечаток плотной ткани с довольно четким диагональным переплетением (рис. 6, 4). Обе стоянки относятся, как кажется, ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Еще много севернее мы находим сетчатую керамику в верхнем культурном слое стоянки на правом берегу р. Модлоны около впадения в нее р. Перечной. В нижнем культурном слое свайного поселения, относящегося к началу II тысячелетия до н. э., сетчатой керамики нет. Отпечатки на черепках верхнего культурного слоя показывают ткань из довольно толстых крученых нитей; переплетение — полотняное (рис. 8, 3 и 9, 4)

¹ Раскопки Г. С. Жукова.

² Раскопки Д. Н. Эдингга.

³ Раскопки М. Е. Фосс, А. В. Збруевой и А. Я. Брюсова.

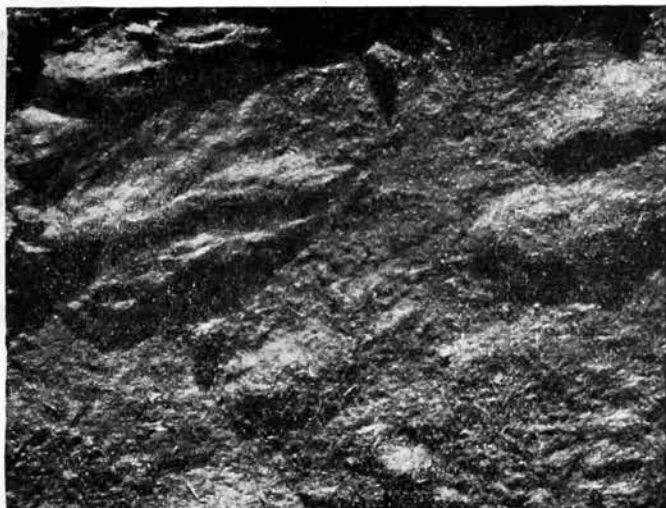
⁴ То же.

⁵ Раскопки М. В. Всеводского.

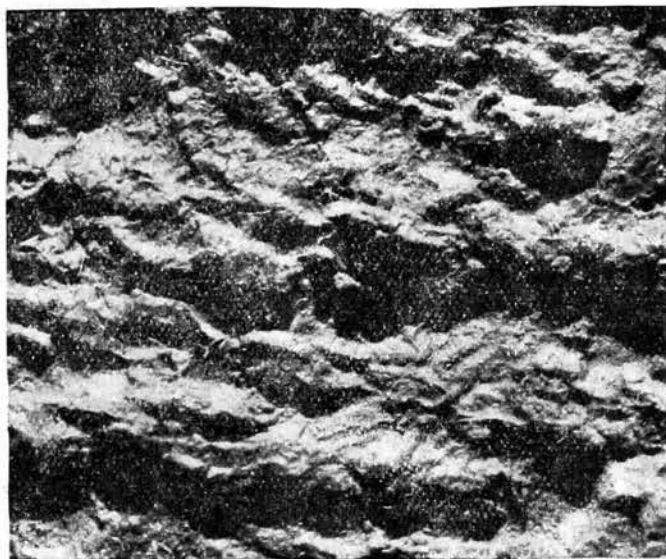

1

2

3

4

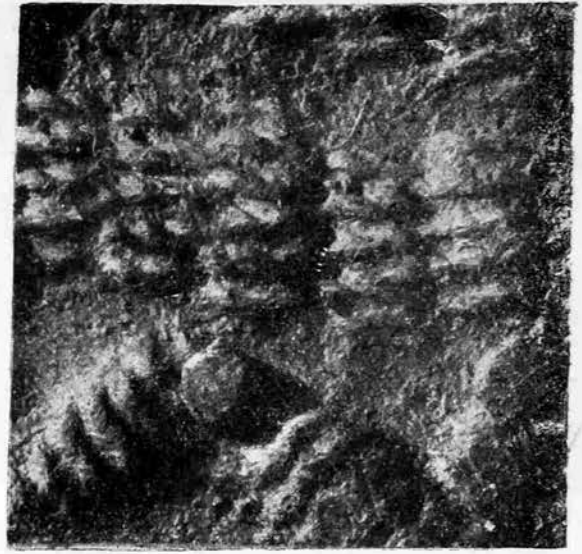

Рис. 5.

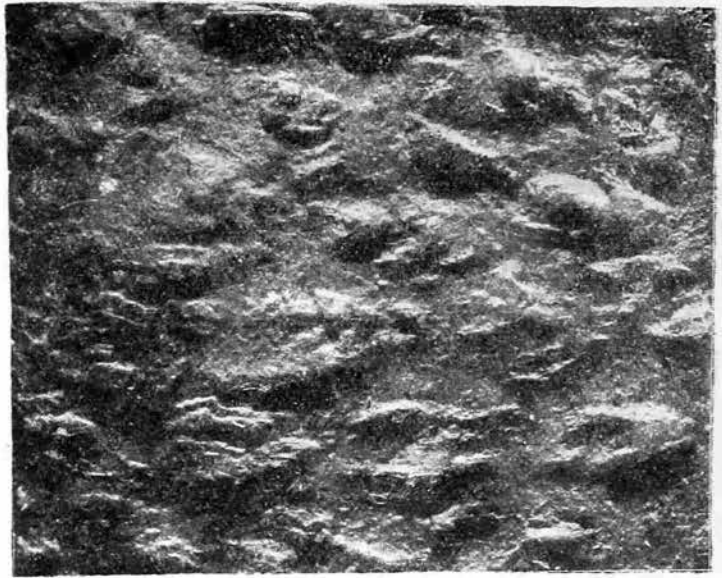
1 — черепок из Коренецкой стоянки и увеличенный оттиск его поверхности; 2 — черепок из Владыченской стоянки; 3 — оттиск черепка из Борковской стоянки, увеличение; 4 — черепок из Александровской стоянки и увеличенный его оттиск.

1

2

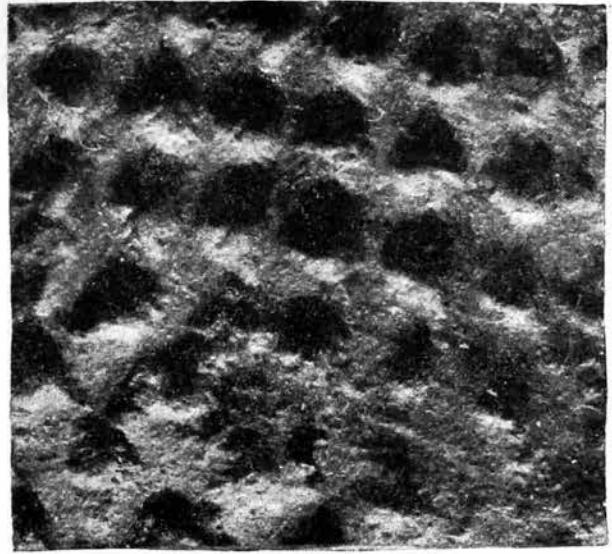
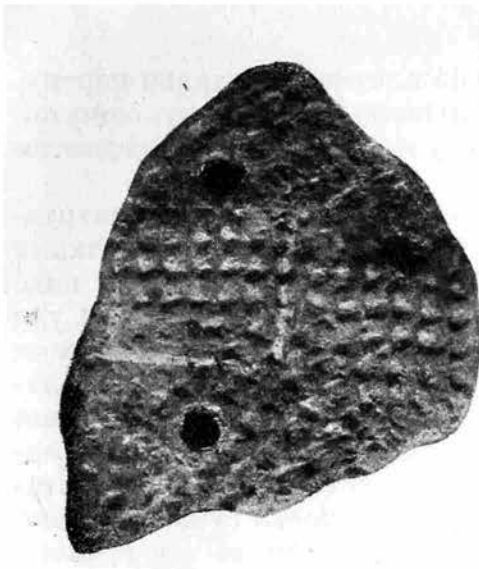
3

4

Рис. 6.

1, 2 — черепки из Языновской стоянки и увеличенные их оттиски; 3 — оттиск черепка из той же стоянки, увеличение; 4 — оттиск черепка из стоянки Борачек, увеличение.

2

3

4

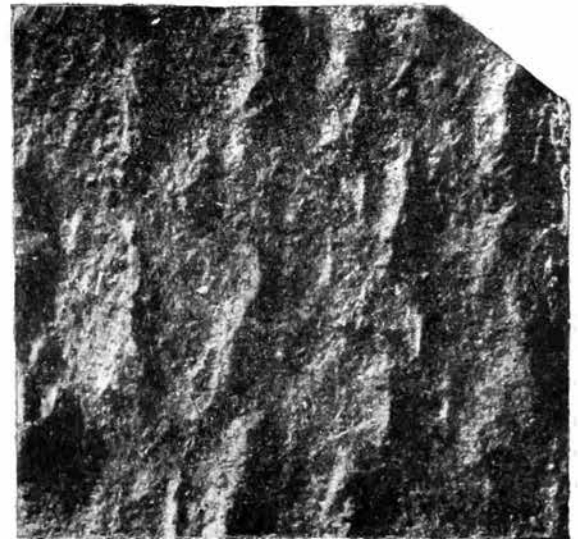

Рис. 7.

1 — черепок из Унишской стоянки и увеличенный его оттиск; 2, 3 — оттиски черепков из той же стоянки, увеличение; 4 — черепок из Федоровской стоянки и увеличенный его оттиск.

и диагональное (рис. 9, 1); ткань относительно плотная; не видно перепутанности утка в переплетении. Судя по большому количеству сетчатой керамики в слое, ткань в это время была уже заурядным предметом обихода.

Датировка верхнего культурного слоя стоянки на р. Модлоне затруднительна. Судя по аналогиям (например, по типу керамики) со стоянками Каргопольской культуры на оз. Лача в Архангельской обл., его надо отнести к последним нескольким столетиям II тысячелетия до н. э. Судя по стратиграфическому положению, он должен быть хронологически близок ко времени существования свайного поселения в нижнем культурном слое. Условия залегания предметов верхнего культурного слоя в супеси и песке, размывавшихся рекою, привели к опусканию этих предметов и их перемещиванию. Относительная мощность этого слоя, достигающая 40—60 см, позволяет предполагать длительность существования стоянки. Поэтому не будет, я думаю, ошибкой отнести ее ко времени между 1600—1300 гг. до н. э.

Сравнительно высокая степень развития ткацкого дела, отмечаемая отпечатками ткани на керамике верхнего слоя, заставляет предположить, что выделка ткани началась задолго до того времени. И действительно, в свайном поселении в торфе были найдены не только семена культурного льна, но и часть деревянной прялки. Следовательно, отсутствие сетчатой керамики в нижнем культурном слое зависит не от отсутствия ткани, а от неупотребительности того приема изготовления сосудов, при котором на их поверхности отпечатывалась эта ткань.

Пример этот с наглядной очевидностью доказывает, что отсутствие прямых признаков существования у населения ткани еще не означает действительного ее отсутствия. Из всего, что было сказано, и из тех примеров, которые будут приведены далее, можно сделать заключение, что с самого начала II тысячелетия до н. э. большинство, если не все, население не только южной, но и северной части Восточной Европы тканью изготовляло и применяло.

Севернее стоянки на р. Модлоне, в районе распространения Каргопольской культуры на оз. Лача мы находим сетчатую керамику на стоянке у устья р. Кинемы, относящейся, по моей датировке, приблизительно к середине II тысячелетия до н. э. На некоторых черепках с этой стоянки заметны отчетливые отпечатки намотанной на твердую основу тонкой, туго скрученной веревочки (рис. 9, 2). На других черепках имеются оттиски ткани, плетеной из нитей разной толщины, сравнительно тонких и слабо крученых, с отчетливым полотняным переплетением (рис. 9, 3), и более толстых с менее отчетливым переплетением более редкой ткани (рис. 10, 1). Большое количество таких черепков говорит о распространности ткани.

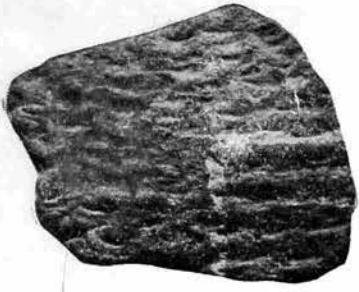
Вблизи этой стоянки, на той же р. Кинеме, в местности Веретье находится двухслойная стоянка;¹ в верхнем слое, относящемся к первой половине I тысячелетия до н. э., также была найдена сетчатая керамика (рис. 10, 2, 3).

Западнее, на о. Илекса, на Куштозере, в Вытегорском районе Вологодской обл.² на стоянке, относящейся к первой половине II тысячелетия до н. э. (но, возможно, просуществовавшей дольше середины этого тысячелетия), среди большой массы керамики было найдено несколько черепков от двух сосудов с отпечатками на их стенках ткани. На одних из них ясно видны широко расставленные, как в Робенгаузе и Панфилове, слабо

¹ Раскопки М. Е. Фосс.

² Раскопки А. Я. Брюсова.

1

2

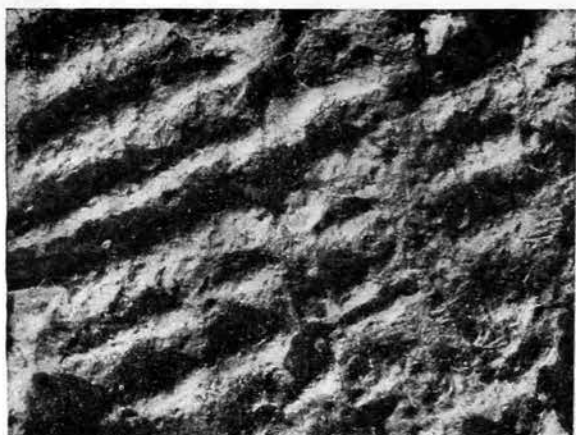
3

Рис. 8. Черепки и увеличенные оттиски части их поверхности.

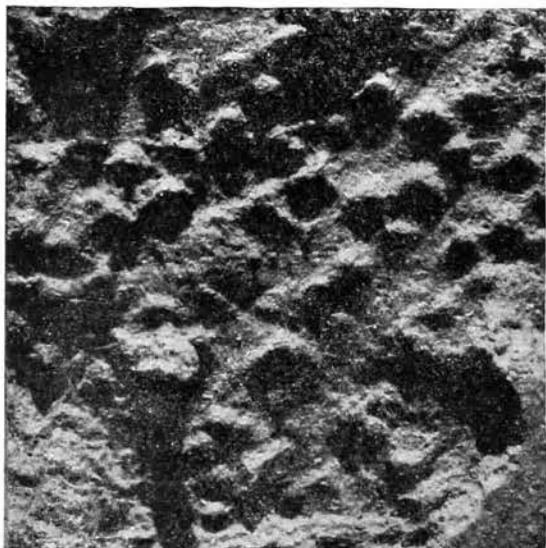
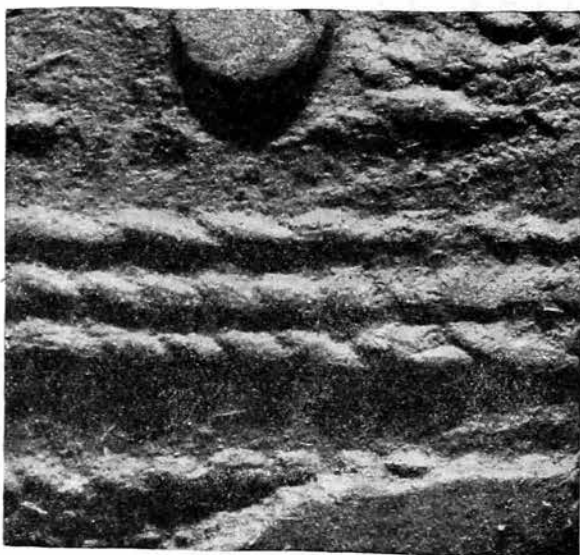
1-- из стоянки на р. Юг; 2-- из Ягорбской стоянки; 3-- из верхнего слоя стоянки на р. Моллоне.

1

2

3

4

Рис. 9.

1 — черпок из верхнего слоя стоянки на р. Моллоне и увеличенный его оттиск; 2 — черпок из стоянки на р. Кинеме и увеличенный его оттиск; 3 — оттиск черпка из той же стоянки, увеличенне; 4 — оттиск черпка из верхнего слоя стоянки на р. Моллоне, увеличение.

1

2

3

4

Рис. 10.

1 — черепок из стоянки на р. Киземе и увеличенный его оттиск; 2, 3 — оттиски черепков на верхнем слое стоянки Бегеце, увеличение; 4 — черепок из Илекской стоянки и увеличенный его оттиск.

крученые нити двойного утка, охватывающего петлями тонкие нити основы (рис. 10, 4). На других оттиснулась грубая редкая ткань с толстыми кручеными нитями утка (рис. 11, 1).

И, наконец, далеко на севере, в окрестностях г. Петрозаводска, была найдена сетчатая керамика на месте бронзолитейной мастерской у устья р. Томицы.¹ Мастерская эта относится к последним столетиям I тысячелетия до н. э. Оттиски ткани на этой керамике совершенно подобны таким же на керамике Младшего Волосовского могильника. Судя по оттискам, ткань была разнообразной: то частая ткань из довольно тонких нитей с необычайно беспорядочной системой переплетения (рис. 11, 2), то ткань из более толстых нитей с относительно правильным чередованием рисунка (рис. 11, 3 и 12, 1). Обилие черепков с оттисками на них ткани (около 50%) показывает на ее распространенность.

Во всех описанных случаях мы все-таки видим очень грубую ткань, по большей части, с толстыми уточными нитями. Переплетение небрежное, со многими ошибками, но разнообразное. Даже на одной и той же стоянке нити отличаются и по толщине и по степени крутки; как правило, крутка слабая, что соответствует скорее растительному волокну. Если сравнить эти оттиски ткани с отпечатками на черепках сосудов из более южных областей I тысячелетия до н. э. (рис. 12, 2, 3, 4), то сразу можно увидеть разницу между ними. Как на черепке с Алексеевской стоянки близ г. Кустаная в Казахской ССР² (Андроновская культура; начало I тысячелетия до н. э.), так и на черепке со скифского поселения у д. Каменки близ г. Никополя в Украинской ССР³ (IV—III вв. до н. э.) мы видим полотняную ткань, несомненно выделанную на ткацком станке, а не плетеную, как можно полагать по большинству оттисков на северных сосудах. Однако было бы рискованным на основании этого думать, что все применявшиеся в быту северные ткани были такими же грубыми и плохо выработанными. Пример Младшего Волосовского могильника показывает, что оттиски на керамике соответствуют очень грубой ткани, а найденный в погребении кусочек полотняной ткани (рис. 12, 5) явно показывает на наличие ткацкого станка. Очевидно здесь надо учитывать различие области применения — одежда это одно, а ткань, которую применяли при выделке сосудов, это другое.

Мне кажется, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы с уверенностью заявить, что на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в лесной зоне Восточной Европы существовала выделка (плетение?) ткани — искусство, которое почти сразу распространилось среди племен, занимавших эти области. Повсеместно мы видим крайне пеструю картину систем плетения, то ординарным, то двойным утком, то из тонких нитей и даже пряжи, то из толстых крученых нитей, то полотняное, то диагональное переплетение. Это говорит, скорее всего, о том, что мы имеем здесь дело с начальной стадией искусства выделки тканей, когда приемы ее изготовления еще не выработались, и всякий по-своему пытался улучшить, упростить, ускорить процесс работы. Весьма вероятно, что часто применялся проектируемый А. Гетце прием плетения с помощью крючка и дощечки. Часто встречающиеся случаи беспорядочного переплетения и ошибок в переплетении свидетельствуют о том, что часть тканей изготовлялась путем плетения, без ткацкого станка.

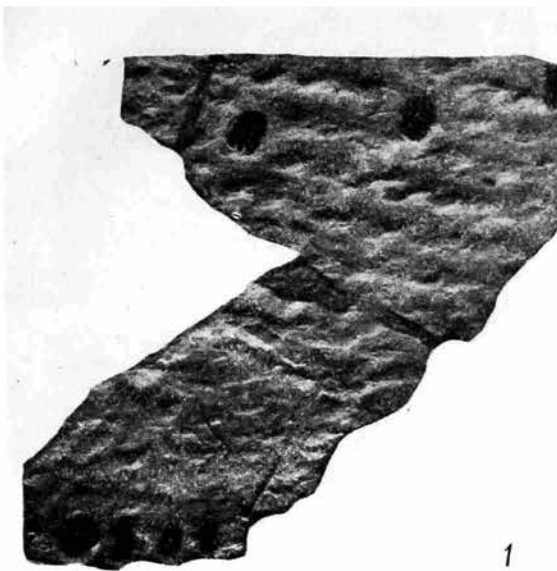
К концу II тысячелетия до н. э. количество сетчатой керамики на многих стоянках настолько увеличивается, что мы вправе предполагать

¹ Раскопки А. Я. Брюсова.

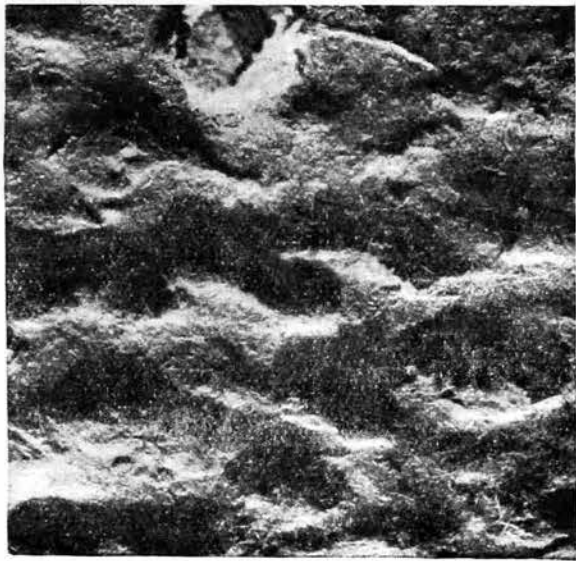
² Раскопки О. А. Граковой.

³ Раскопки Б. Н. Гракова.

1

2

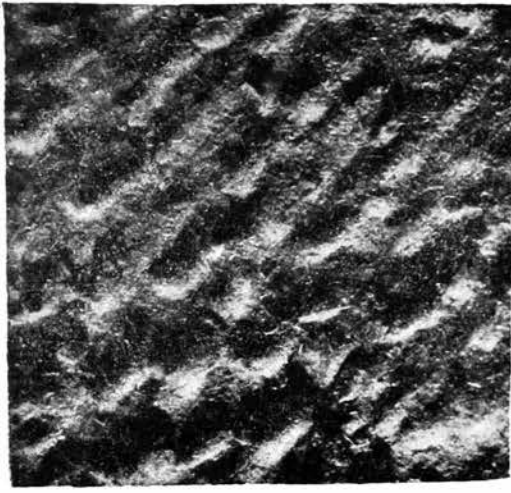

3

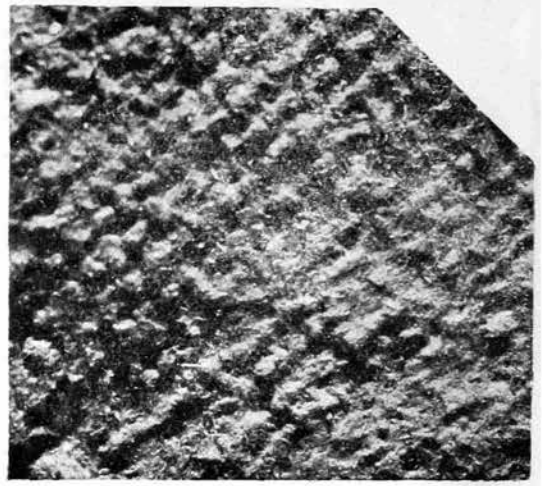

Рис. 11.

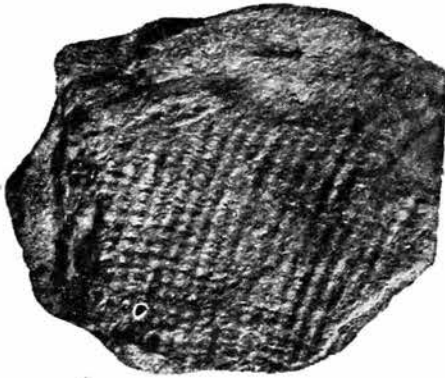
1 — черепок из Иленской стоянки и увеличенный его оттиск; 2 — оттиск черепка из мастерской у устья р. Томицы, увеличение; 3 — черепок из той же мастерской и увеличенный его оттиск.

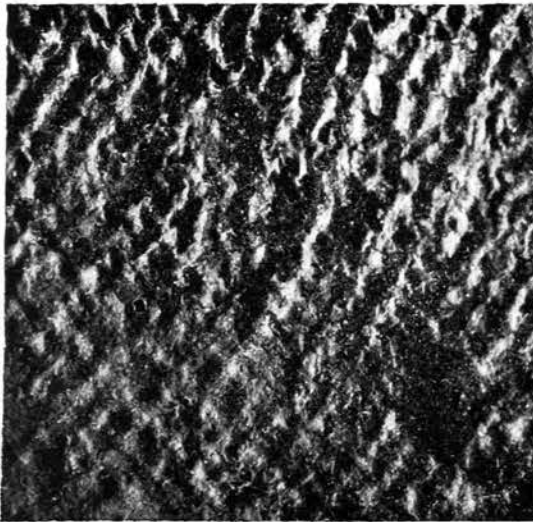
1

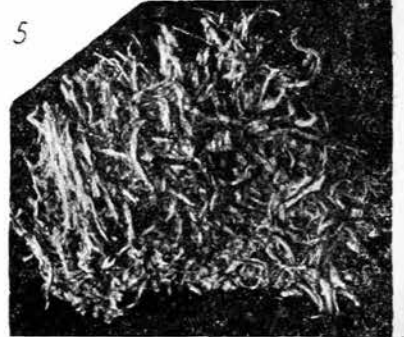
2

3

4

5

Рис. 12

1 — отпечаток черепка из мастерской у устья р. Томицы, увеличение; 2, 4 — отпечатки черепков из скифского поселения у дер. Каменьц, увеличение; 3 — черепок из Алексеевской стоянки 1 увеличенный его отпечаток; 5 — кусочек полотняной ткани из погребения Младшего Волосовского могильника, увеличение.

в это время повсеместное широкое изготовление ткани у северных племен СССР.

Находки на свайном поселении на р. Модлоне семян культурного льна, равно как и находка в значительно более позднем погребении Младшего Волосовского могильника кусочка льняной ткани — доказывают существование в это время земледелия и, для времени Младшего Волосовского могильника, ткацкого станка.

Выдывалась ли ранее ткань из диких растений, например из крапивы, и применялись ли эти дикие растения для выделки ткани позднее — ответить положительно мы еще не можем. Можно только предполагать это на основании этнографических наблюдений.

Конечно, высказанное здесь предположение (подтверждаемое, впрочем, прямыми данными) о наличии уже во II тысячелетии до н. э. земледелия среди некоторых первобытных племен лесной зоны Европы, несомненно, вызовет возражения, поскольку принято приписывать этим племенам в это время чрезвычайно низкий уровень материального производства. Но высказывание против такого мнения потребовало бы много места и выходит за рамки нашей темы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества.
ГИИИ	— Государственный институт истории искусств.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГРМ	— Государственный Русский музей.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1894.
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАО	— Записки Археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИРАО	— Известия Русского археологического общества.
КИМ	— Киевский исторический музей.
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК.
ЛГУ	— Ленинградский Государственный университет.
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МАР	— Материалы по археологии России.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии.
МГУ	— Московский Государственный университет.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
РГО	— Русское Географическое общество.
СА	— Советская археология.
СЭ	— Советская этнография.
Тр. . .АС	— Труды (I—XV) Всероссийских археологических съездов.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии РАНИОН.
ФАН	— Филиал Академии Наук.
ЭО	— Этнографическое обозрение.
АА	— Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. Archäologischer Anzeiger.
ABS	— Annual of the British School.
AM	— Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
FHG	— Fragmentum historicorum Graecorum.
GGM	— Geographi greci minorum.
IosPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
JAI	— Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts.
JHS	— The Journal of Hellenic Studies.
RE	— Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
SC	— В. В. Латышев, Известия древних писателей — греческих и латинских — о Скифии и Кавказе, т. I—II. СПб., 1890—1906.

Отделение
РАНИОН АН СССР
 при Институте археологии

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
78	27 снизу	к льями	крыльями	типографии автора
81	26 "	непонятного	непонятого	
111	Таблица 2. графа 2, строка 1 сверху	—	+	»
130	26 сверху	П. П. Карейшей в 1932 г.	Д. В. Карейшей в 1832 г.	»
135	3 снизу	UHS	JHS	»
217	14	простейших	не простейших	»

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. М. Смирнов*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Л. С. Халиманович*

*

РИСО АН СССР № 3932. Подписано к печати 30/XI 1950 г. Печ. л. 26.37 + 3 вклейки.
Бумага 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 9⁵/₈. Уч.-изд. л. 27.5 М-26288. Тираж 2000. Зак. № 1654.
Цена в переплете 25 руб.

1-я типография. Изд. Акад. Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.